

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
СИБИРЬ
386/3 3.2021

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Эрестоматия

200 лет со дня рождения

Аполлон Майков. Мне в душу повеяло жизнью и волей... 3

200 лет со дня рождения

Шарль Бодлер. Покуда свой клубок разматывает время... 7

95 лет со дня рождения

Владимир Богомолов. Первая любовь. Рассказы 13

Поэзия

Александр Клиндухов. Никогда ни о чём не жалею... 18

Елена Анохина. Я хочу рисовать белый снег... 31

Юлия Ольховская. Идти меж землёй и небом... 54

Вячеслав Ар-Серги. Скрипит снежок, как в Болдинских краях... 65

Юлия Лашманова. Иду по выжженной дороге... 84

Софья Максимычева. Расставить сети и ловить январь... 92

Проза

К 85-летию писателя

Виктор Лихоносов. Когда-нибудь. Рассказ 22

Михаил Попов. Смирительная рубашка, или Свет озаряющий. Повесть 38

Виктор Балыков. Полустанок. Рассказ 60

Иван Беспалов. Подранки. Рассказ из повествования 72

Скрижали истории

Лев Анисов. Тайна Емельяна Пугачева. Заметки на полях книги А.С. Пушкина
«История Пугачева» 95

Игорь Шумейко. Имя и Судьба Сибири 148

Очерк и публицистика

Василий Козлов. Иноязычное вторжение: кириллица или латиница?	162
Владимир Максимов. Ещё раз про любовь. <i>Заметки о злободневном</i>	171
Василий Скробот. Совесть. <i>Размышления беспартийного пенсионера</i>	191

Критика

К 85-летию Виктора Лихоносова

Владимир Крупин. Перо чайки	202
Ирина Ушакова. Фёдор Достоевский и Сергей Рачинский. <i>Диалоги. К соотечественникам XXI века</i>	205
Валентина Ефимовская. «Планеты совестливых глаз». <i>О книге стихов о Байкале Владимира Скифа «Он место в космосе искал»</i>	212

Работа

190 лет со дня рождения классика русской литературы Н.С. Лескова

Николай Дорошенко. Самородный писатель Лесков	221
Наталья Брюханенко. Я помню... <i>Записки о дружбе с Маяковским (Предисловие В. Невзорова)</i>	225

Вернисаж

Ирина Прищепова. Байкальские рассветы Галины Новиковой	243
---	-----

Судочка к редактору	250
----------------------------------	-----

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв,
В.К. Забелло, В.В. Козлов, И.И. Козлов, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru

Подписано в печать 29.12.2021 г. Выход в свет: 29.12.2021 г. Формат 70x108/16.

Усл.-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес издателя: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Репроцентр+»

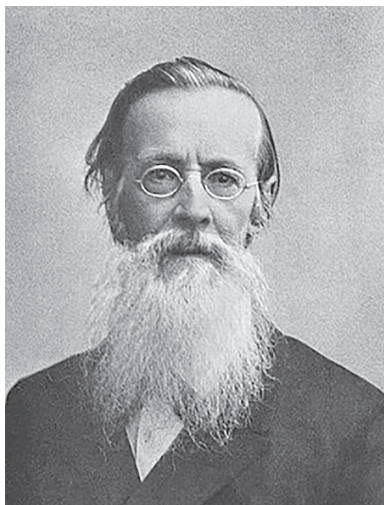
Адрес типографии: 664043, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3/1. Тел. 8 (3952) 540-940.

Юрестоматия

200 лет со дня рождения

АПОЛЛОН МАЙКОВ

МАЙКОВ Аполлон Николаевич родился в семье Николая Аполлоновича Майкова (1794–1873) и Евгении Петровны Майковой (урождённой Гусятниковой, 1803–1880) 4 июня 1821 года. В семье также родились сыновья: Валериан, Владимир, Николай и Леонид. Раннее детство провёл в Москве и имении отца в Никольском, близ Троице-Сергиевой лавры, а также в имении бабушки в Подмоскowie — в деревне Чепчиха Клинского уезда (вблизи нынешнего Солнечногорска). О своём детстве Майков напишет в стихотворении «Рыбная ловля» (1855): «Себя я помнить стал в деревне под Москвою...»

Летом 1834 года семья Майковых переехала в Петербург. Начальным образованием Аполлона и Валериана Майковых занимались В.А. Солоницын, редактор О.И. Сенковского по изданию журнала «Библиотека для чтения», и И.А. Гончаров, в то время — кандидат Императорского Московского университета, который преподавал русскую словесность и, по словам И.И. Панаева, «без всякого сомнения, способствовал развитию эстетического вкуса в своём ученике». Под руководством В.А. Солоницына, Аполлон Майков прошёл семилетний гимназический курс за три года и в 1837 году поступил в Императорский Московский университет на юридический факультет. Вначале он особенно увлекался живописью, но потом посвятил свою жизнь поэзии. Получив за первую книгу пособие от Николая I в размере 1000 рублей на путешествие в Италию, уехал за границу в 1842 г. Поведав Италию, Францию, Саксонию и Австрийскую империю, Майков вернулся в Петербург в 1844 г. Написал кандидатскую диссертацию о древнеславянском праве. Поступил на службу в Министерство финансов, затем стал помощником библиотекаря в Румянцевском музее. В 1867 году, состоя в должности младшего цензора Санкт-Петербургского комитета цензуры иностранной, был произведён в действительные статские советники. В

1877 году был повышен до старшего цензора того же комитета и заведовал одним из трёх отделений — бандерольным и польским с прочими славянскими наречиями. В дальнейшем являлся исполняющим обязанности председателя Центрального комитета иностранной цензуры, был утверждён в этой должности в 1897 году. С 1874 года и до конца жизни являлся членом особого отдела Учёного комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения. С 1888 года состоял в чине тайного советника. Являлся сотрудником издававшихся в Санкт-Петербурге ежемесячного журнала «Новое слово» и еженедельной «Театральной газеты». Состоял членом совета Русского литературного общества. Являлся почётным членом Постоянной комиссии по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях и членом-сотрудником издательского общества при этой комиссии. 27 февраля 1897 года Майков вышел на улицу слишком легко одетым и заболел воспалением лёгких. Умер 8 (20) марта 1897 года. Похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря.

Мне в душу повеяло жизнью и волей...

Осень

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес

Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром среди мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

Перечитывая Пушкина

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы влиась в его бессмертный стих,
Земное всё — восторги, страсти, муки —
В небесное преобразилось в них!

* * *

Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленее ближний лес...
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Вот просыпается земля,
И одеваются поля,
Весна идет, полна чудес!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Осенние листья по ветру кружат

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! Ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

Ангел и Демон

Подъемлют спор за человека
Два духа мощные: один —
Эдемской двери властелин
И вечный страж ее от века;

Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?

Другой — во всем величьи зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.

Господень Ангел тих и ясен:
Его живит смиренья луч;
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

Весна, выставляется первая рама

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

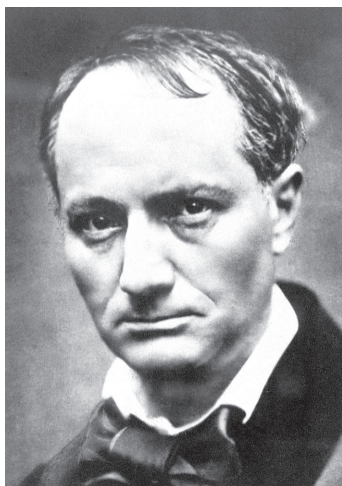
Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

Пейзаж

Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,

Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалика...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внука;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

БОДЛЕР Шарль Пьер (1821–1867) родился в Париже. Его отец, Франсуа Бодлер, происхождением был из крестьянской семьи, принимал участие в Великой революции, во времена правления Наполеона дослужился до должности сенатора. Когда родился Шарль, его отцу было уже 62 года, а матери всего 27. Отец был человеком искусства, любил живопись, сам хорошо рисовал. С самого раннего детства он пытался привить любовь к творчеству и маленькому Шарлю. Когда мальчику было 11 лет, семья уехала в Лион, где Шарль начал обучение в пансионе. Вскоре отсюда он был переведён в среднее общеобразовательное заведение — Лионский Королевский коллеж. У ребёнка постоянно наблюдались тяжёлые меланхолические припадки, вследствие чего учился он неровно. Сами учителя порой бывали в шоке: мальчик то прилежный и сообразительный, то полностью рассеянный и ленивый. Единственное, что страстно влекло его, — это литература, особенно поэзия. Парню было 15 лет, когда семья вернулась в Париж. Здесь он продолжил обучение в колледже Святого Людовика, где поступил на правовой курс. В 1841 году с горем пополам он сдал экзамен на бакалавра и окончил учебное заведение. Вскоре Бодлер вступил в права наследства и получил огромное состояние в 75 000 франков, которое когда-то принадлежало его родному отцу. Молодой скандальный поэт быстро приобрёл в Париже дурную славу. На этот период приходится и первые издания его стихов. В журнале «Артист» были напечатаны: «Дон Жуан в аду»; «Даме-креолке»; «Малабарской девушке». В 1857 году был издан самый знаменитый сборник его стихов «Цветы зла». Он шокировал читателей настолько, что цензоры наложили на Шарля штраф в 300 франков и потребовали выкинуть из сборника самые непристойные произведения. Но Бодлер обратился за помощью к критикам и добился признания. Ещё две поэтические книги с его стихами «Поэмы в прозе» и «Парижский сплин» вышли соответственно в 1857 и в 1860 годах. Всё изменила встреча Шарля с молодой артисткой-мулаткой, в его сочинениях вдруг появились нежные нотки. Романтические строки французский поэт посвящал Жанне Дюваль, которая на долгие годы стала его мучительницей и музой. До встречи с ней Шарль слыл женоненавистником, всех представительниц прекрасного пола он называл не иначе как

«божественная грязь» и «омерзительные существа». Он презирал всех женщин, пока не встретил ту единственную, с которой познал искреннюю любовь. Мулатка с Гаити, актриса и балерина Жанна Дюваль, вела себя с Шарлем дерзко. Она никогда не дарила ему своих искренних чувств, крутила бесчисленные романы и потом рассказывала Бодлеру о страстных похождениях. Но вот именно этой своей порочностью, разгульным образом жизни, пренебрежительным отношением и грубостью она сводила с ума молодого поэта. Жанна манила его своей опасностью и креольской экзотической красотой. К его творчеству она испытывала отвращение, при этом постоянно требовала денег и подарков. Шарль отдавал ей последнее, а Жанна нахально тратила деньги на развлечения и угощения других мужчин. В Бельгии здоровье поэта стало быстро ухудшаться. В 1865 году в Намюре во время службы в церкви Сен-Лу Шарлю стало плохо, сознание покинуло его, он упал, ударившись о каменные ступеньки. В 1866 году болезнь приняла тяжёлый характер. Его мучили приступы удушья, бросало в холодный пот, голова иногда кружилась, а иной раз сильно болела, мысли путались. Мать перевезла его во Францию, где определила в парижскую клинику. Здесь он скончался 31 августа 1867 года.

Покуда свой клубок разматывает время...

* * *

Что скажешь ты, душа, одна в ночи безбрежной,
И ты, о сердце, ты, поникшее без сил,
Ей, самой милой, самой доброй, самой нежной,
Чей взор божественный тебя вдруг воскресил?

— Ей славу будем петь, живя и умирая,
И с гордостью во всём повиноваться ей.
Духовна плоть её, в ней ароматы рая,
И взгляд её струит свет неземных лучей.

В ночном безмолвии, в тиши уединенья,
И в шуме уличном, в дневном столпотворенье,
Пылает лик её, как факел, в высоте,

И молвит: «Я велю — иного нет закона, —
Чтоб вы, любя меня, служили Красоте;
Я добрый ангел ваш, я Муза, я Мадонна!».

Конец дня

В неверных отблесках денницы
Жизнь кружит, пляшет без стыда;
Теней проводит вереницы
И исчезает навсегда.

Тогда на горизонте чёрном
Восходит траурная Ночь,
Смеясь над голодом упорным
И совесть прогоняя прочь;

Тогда поэта дух печальный
В раздумье молвит: «Я готов!
Пусть мрак и холод погребальный

Совьют мне траурный покров
И сердце, полное тоскою,
Приблизит к вечному покою!»

* * *

Когда, небрежная, выходишь ты под звуки
Мелодий, бьющихся о низкий потолок,
И вся ты — музыка, и взор твой, полный скуки,
Глядит куда-то вдаль, рассеян и глубок,

Когда на бледном лбу горят лучом румяным
Вечерних люстр огни, как солнечный рассвет,
И ты, наполнив зал волнующим дурманом,
Влечёшь глаза мои, как может влечь портрет,

Я говорю себе: «Она ещё прекрасна,
И странно — так свежа, хоть персик сердца смят,
Хоть башней царственной над ней воздвиглось властно
Всё то, что прожито, чем путь любви богат».

Так что ж ты: спелый плод, налитый пьяным соком,
Иль урна, ждущая над гробом чьих-то слёз,
Иль аромат цветка в оазисе далёком,
Подушка томная, корзина поздних роз?

Я знаю, есть глаза, где всей печалью мира
Мерцает влажный мрак, но нет загадок в них.
Шкатулки без кудрей, ларцы без сувенира,
В них та же пустота, что в Небесах пустых.

А может быть, и ты — всего лишь заблужденье
Ума, бегущего от Истины в Мечту?
Ты суетна? глупа? ты маска? ты виденье?
Пусть, я люблю в тебе и славлю Красоту.

* * *

В струении одежд мерцающих её,
В скольжении шагов — тугое колебанье
Танцующей змеи, когда факир своё
Священное над ней бормочет заклинанье.

Бесстрастию песков и бирюзы пустынь
Она сродни — что им и люди, и страданья?
Бесчувственной, чем зыбь, чем океанов синь,
Она плывёт из рук, холодное созданье.

Блеск редкостных камней в разрезе этих глаз.
И в странном, неживом и баснословном мире,
Где сфинкс и серафим сливаются в эфире,

Где излучают свет сталь, золото, алмаз,
Горит сквозь тьму времён ненужною звездой
Бесплодной женщины величье ледяное.

Танцующая змея

Твой вид беспечный и ленивый Я созерцать люблю, когда Твоих мерцаний переливы Дрожат, как дальняя звезда.	змеи танцующей извивы На тонком острие жезла. Истомы ношею тяжёлой Твоя головка склонена — То вдруг игривостью весёлой Напомнит мне игру слона.
Люблю кочующие волны Благоухающих кудрей, Что благовоний едких полны И чёрной синевы морей.	Твой торс склонённый, удлинённый Дрожит, как чуткая ладья, Когда вдруг реи наклонённой Коснётся влажная струя.
Как чёлн, зарею окрылённый, Вдруг распускает паруса, Мой дух, мечтою умилённый, Вдруг улетает в небеса.	И, как порой волна, вскипая, Растёт от таянья снегов, Струится влага, проникая Сквозь тесный ряд твоих зубов.
И два бесчувственные глаза Презрели радость и печаль, Как два холодные алмаза, Где слиты золото и сталь.	Мне снится: жадными губами Вино богемское я пью, Как небо, чистыми звездами Осыпавшее грудь мою!
Свершая танец свой красивый, Ты приняла, переняла	

De Profundis Clamavi¹

К Тебе, к Тебе одной взываю я из бездны,
В которую душа низринута моя...
Вокруг меня — тоски свинцовые края,
Безжизненна земля и небеса беззвездны.

Шесть месяцев в году здесь стынёт солнца свет,
А шесть — крошечный мрак и ночи окаянство...
Как нож, обнажены полярные пространства:
— Хотя бы тень куста! Хотя бы волчий след!

Нет ничего страшней жестокости светила,
Что излучает лёд. А эта ночь — могила,
Где Хаос погребён! Забыться бы теперь

Тупым, тяжёлым сном — как спит в берлоге зверь...
Забыться и забыть и сбросить это бремя,
Покуда свой клубок разматывает время...

ВЛАДИМИР СКИФ

Посвящается Шарлю Бодлеру:

1. Читаю Бодлера

Из каких небесных сфер,
Жизнь какую проживая,
Мне в ночи сверкнул Бодлер,
Словно молния живая?

Всё увиденное мной
Сквозь поэзию Бодлера,
Стало чувственной струной
И навеки заболело.

Помню, как истлела мгла,
Превратившаяся в лунность,
Опалил «Цветами зла»
Он мою слепую юность.

Я прочёл сквозь призму дней
Безобразной жизни скверну,
И судьбу людскую в ней,
Превращённую в таверну.

Так бездонно просиял,
Что вживил безумства вирус,
Душу вялую объял
И вручил глаза на вырост.

Над кострищами миров
С похотливостью весталок
Жадной тучей комаров
Человечество витало.

¹*De Profundis Clamavi* — 129-й псалом из книги Псалтирь. Текст псалма представляет собой молитву угнетённых, возлагающих на Бога свою надежду на спасение. В Православии читается перед пением стихир на «Господи, воззвах».

Сам себе я был — букварь,
Но сломал бетон рутины,
Где и женщина, и тварь
Были в помыслах едины.

Дыбилась земная твердь,
Всё текло и всё менялось,
И равнялась с жизнью — смерть,
Падаль с женщиной равнялась.

Оглушённый и пустой,
Я читал, я ел Бодлера!
Шли эпохи чередой,
Поменялась жизни эра.

Изо всех на свете мер
Мне одна являлась мера:
Громом грянувший Бодлер
И поэзия Бодлера!

1996 г.

2. В разладе с миром

Я ведьму юную на выручку зову...

Шарль Бодлер

С Бодлером — беспокойно рядом быть,
В его стихах увидится такое,
Чего не отпугнуть, не позабыть,
Не пережить. И ты лишён покоя.

Как пикой ты пронзён его судьбой,
Себя с неё не сдернёшь, не отринёшь.
Сидишь над ним глухой, полуслепой,
И плен его стихов — не отодвинёшь.

Он жил в разладе с миром и с собой,
Познавший боль и горечь с малолетства,
Парнаса рыцарь, гордый и скупой,
Творящий пир с Голгофой по соседству.

В Бодлере ты находишь сам себя,
И, мрачных соответствий не нарушив,
Молчишь и мрёшь, страницы теребя,
«Цветами зла» прокалывая душу.

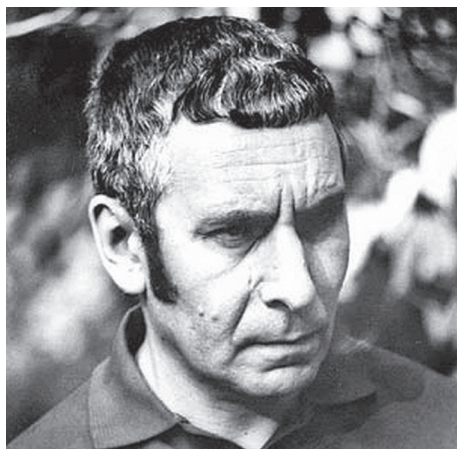
К тебе, сквозь тушью пролитую хмарь,
Спешат креолки, ведьмы, проститутки.
И шепчешь ты: «О женщина, о тварь,
Твои лобзанья пламенны и жутки!»

Ты пропадаешь среди тёмных сфер,
То странных птиц, то женщин обнимая.
И вдруг из боли явится Бодлер,
Стихами-кровью темноту смывая.

2012 г.

95 лет со дня рождения

ВЛАДИМИР БОГОМОЛОВ

Первая любовь

РАССКАЗЫ

Первая любовь

Мы лежали, крепко прижавшись друг к другу, и земля не казалась нам жесткой, холодной и сырой, какой была на самом деле.

Мы встречались уже полгода — с тех пор, как она прибыла в наш полк. Мне было девятнадцать, а ей — восемнадцать лет.

БОГОМОЛОВ Владимир Осипович, известный советский и российский писатель и публицист, родился 3 июля 1926 (по другим данным 1924) в небольшой деревне Кирилловка, под Москвой. Учился в московской школе. В начале Великой Отечественной войны ушел на фронт. Был курсантом воздушно-десантной школы, командиром отделения разведки, получил ранения. Участвовал в освобождении Польши, в боевых действиях в Восточной Пруссии и Германии. В 1949 был уволен из армии в звании лейтенанта контрразведки. В 1952–1954 годах обучался на специальности «Русская литература» в МГУ. В 1958 году пишет повесть «Иван», по которой позже режиссер А. Тарковский снял фильм «Иваново детство». В 1965 году публикует повесть «Зося», которую экранизировал Михаил Богин. В 1974 г. из-под пера Богомолова выходит роман «В августе сорок четвертого...» («Момент истины»), принесший писателю огромную популярность, роман экранизирован в 1975 г. (2 серии, режиссёр В. Жалакявичюс, фильм не был закончен), и в 2000 г. («В августе 44-го...», режиссёр М. Пташук). Писатель всегда отказывался от всех премий и наград, выступлений и от членства в Союзе писателей. Снимал свое имя в титрах кинофильмов. В 1975 году он потребовал снять свою кандидатуру из числа соискателей Госпремии СССР. В 1967 г. был награждён орденом «Знак Почёта» за сценарии к фильмам «Зося» и «Иваново детство» (от награды отказался). В 1984 году награждён орденом Трудового Красного Знамени (от присутствия на вручении отказался). В 2001 году награждён премией «Новой газетой» им. А. Синявского «За достойное творческое поведение в литературе» (от вручения отказался). В 2001 г. Богомолову присуждена премия имени разведчика Н. Кузнецова (от денежного содержания премии отказался). В 2003 году награждён дипломом и медалью ЮНЕСКО «За выдающийся вклад в мировую литературу» за «гуманизацию жестокого военного ремесла». Скончался в 2003 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Мы встречались тайком: командир роты и санитарка. И никто не знал о нашей любви и о том, что нас уже трое...

— Я чувствую, это мальчик! — шепотом в десятый раз уверяла она. Ей страшно хотелось мне угодить: — И весь в тебя!

— В крайнем случае согласен и на девочку. И пусть будет похожа на тебя! — думая совсем о другом, прошептал я.

Метрах в пятистах впереди, в блиндажах и прямо в окопах, спали бойцы и сержанты моей роты. Еще дальше, за линией боевого охранения, освещаемой редкими вспышками немецких ракет, затаилась скрытая темнотой высота 162.

На рассвете моей роте предстояло совершить то, что неделю назад не смогла сделать рота штрафников — захватить высоту. Об этом в батальоне пока знали только пятеро офицеров, те, кого вечером вызвал в штабную землянку майор, командир полка. Ознакомив нас с приказом, он повторил мне:

— ...Значит, помни: сыграют «катюши», зеленые ракеты, и ты пойдешь... Соседи тоже поднимутся, но высоту будешь брать ты!

...Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, и, целуя ее, я не мог не думать о предстоящем бое. Но еще более меня волновала ее судьба, и я мучительно соображал: что же делать?

— ...Я должна теперь спать за двоих, — меж тем шептала она окающим певучим говорком. — Знаешь, по ночам мне часто кажется, что наступит утро, и все это кончится. И окопы, и кровь, и смерть... Третий год уже — ведь не может же она продолжаться вечно?... Представляешь: утро, всходит солнышко, а войны нет, совсем нет...

— Я пойду сейчас к майору! — Высвободив руку из-под ее головы, я решительно поднялся: — Я ему все расскажу, все! Пусть тебя отправят домой. Сегодня же!

— Да ты что? — привстав, она поймала меня за рукав и с силой притянула к себе. — Ложись!.. Ну какой же ты дурень!.. Да майор с тебя шкуру спустит! — И, подражая низкому, грубоватому голосу командира полка, натужным шепотом медленно забасила:

— Сожительство с подчиненными не повышает боеспособность части, а командиры теряют авторитет. Узнаю — выгоню любого! С такой характеристикой, что и на порядочную гауптвахту не примут... Выиграйте войну и любите кого хотите и сколько хотите. А сейчас — запрещаю!..

Голос у нее сорвался, а она, довольная, откинулась навзничь и смеялась беззвучно, — чтобы нас не услышали.

Да, я знал, что мне не поздоровится. Майор был человеком самых строгих правил, убежденным, что на войне женщинам не место, а любви — тем более.

— А я все равно к нему пойду!

— Тихо! — Она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала: — Я все сделаю сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!

— Не я?! — Меня бросило в жар. — То есть как не я?

— Ну какой же ты глупыш! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож на тебя!.. Понимаешь, в документах и вообще отцом будешь ты. А сейчас я скажу на другого!

Она была так по-детски простодушна и правдива, что подобная хитрость поразила меня.

— На кого же ты скажешь?

— На кого-нибудь из убивших. Ну, хотя бы на Байкова.

— Нет, убитых не трогай.

— Тогда... на Киндяева.

Старшина Киндяев, красивый беспутный малый, был выпивоха и вор, отправленный недавно в штрафную.

Растроганный, я откинул полу шинели и рывком привлек ее к себе.

— Тихо! — Она испуганно уперлась кулачками мне в грудь. — Ты раздавишь нас! (Она уже начала говорить о себе во множественном числе и по-ребячьи радовалась при этом.) Глупыш ты мой!.. Нет, это твое счастье, что ты меня встретил. Со мной не пропадешь!

Она смеялась задорно и беззаботно, а мне было совсем не до смеха.

— Слушай, ты должна пойти к майору сейчас же!

— Ночью?.. Да ты что?!

— Я тебя провожу! Объяснишь ему и скажи, что тебе плохо, что ты больше не можешь!

— Но это ж неправда!

— Я прошу тебя!.. Как ты будешь?.. Ты должна уехать! Ты пойми... а вдруг... А если завтра в бой?

— В бой? — Она вмиг насторожилась, очевидно все поняв. — Нет, это правда?

— Да.

Некоторое время она лежала молча. По ее дыханию — такому знакомому — я почувствовал, что она взволнована.

— Что ж... от боев не бегают. Да и не убежишь... Все равно, пока меня комиссуют и будет приказ по дивизии, пройдет несколько дней... Я пойду к майору завтра же. Решено?

Я молчал, силясь что-либо придумать и не зная, что ей сказать.

— Думаешь, мне легко к нему идти? — вдруг прошептала она. — Да легче умереть!.. Сколько раз он мне говорил: «Смотри, будь умницей!»... А я... А еще комсомолка...

Всхлипнув, она отвернулась и, уткнув лицо в рукав шинели, вся сотрясаясь, беззвучно заплакала. Я с силой обнял ее и молча целовал маленькие губы, лоб, соленые от слез глаза.

— Пусти, я пойду, — отстраняя меня, еле слышно вымолвила она. — Ты проводишь?..

...Мы спускались в темную, сырую балку, где помещался батальонный медпункт, и я поддерживал ее сзади за талию, чуть начавшую полнеть. Я поддерживал ее обеими руками, страховал каждый ее шаг. Чтобы она не оступилась, не оскользнулась, не упала. Словно я мог уберечь ее, оградить от войны, от боя на заре, где ей предстояло бегать, падать и перетаскивать на себе раненых...

С тех пор прошло пятнадцать лет, но я помню все так, будто это было вчера.

На рассвете сыграли «катюши», неистово били минометы и дивизионная артиллерия, взлетели зеленые ракеты...

А когда взошло солнце, я с остатками роты ворвался на высоту. Спустя полчаса в немецкой добротной траншее командир полка и еще кто-то, поздравляя, обнимали меня и жали мне руки. А я стоял, как столб, как пень, ничего не чувствуя, не видя и не слыша.

Солнце... если б я мог загнать его назад, за горизонт! Если б я мог вернуть рассвет!.. Ведь всего два часа назад нас было трое...

Но оно поднималось медленно, неумолимо, я стоял на высоте, а она... она осталась там, позади, где уже лазали бойцы похоронной команды...

И никто, никто и не подозревал, кем она была для меня и что нас было трое...

Второй сорт

Он приезжает с некоторым опозданием, когда гости уже в сборе и виновница торжества, его двоюродная племянница, то и дело поглядывает на часы.

Моложавый, с крупной серебристой головой и выразительным, энергичным лицом, он, войдя в комнату и радушно улыбаясь, здоровается общим полупоклоном, представительный, почтенный и привычный к вниманию окружающих.

Для хозяев он — дядя Сережа, или просто Сережа, а для гостей — Сергей Васильевич, и все уже знают, что он писатель, человек известный и уважаемый.

И подарок привезен им особенный: чашка с блюдцем из сервиза, которым многие годы лично пользовался и незадолго до смерти передал ему сам Горький. Эту, можно сказать, музейную ценность сразу же устанавливают на верхней полке серванта за толстым стеклом, на видном, почетном месте.

Сажает Сергея Васильевича рядом с именинницей во главе стола и ухаживают, угощают наперебой; впрочем, он почти от всего отказывается. Наверно, только из вежливости потыкал вилкой в горстку салата на своей тарелке, да еще за вечер — с большими перерывами — выпивает рюмки три коньяку, закусывая лимончиком.

Он, должно быть, тяготится этой вынужденной ролью свадебного генерала, но виду не подает. Зная себе цену, держится с достоинством, однако просто и мило: улыбается, охотно поддерживает разговор и даже пошучивает.

А на другом конце стола не сводит с него глаз будущий филолог, студент первого курса, застенчивый белобрысый паренек из глухой вологодской деревушки.

В Москве он лишь второй месяц и, охваченный жаждой познания, ненасытно вбирает столичные впечатления, способный без усталости целыми днями слушать и наблюдать. Попал он на именины случайно, и, увидев впервые в своей жизни живого писателя, забыв о роскошном столе, о вине и закусках, забыв обо всем, ловит каждое его слово, и улыбку, и жест, смотрит с напряженным вниманием, восхищением и любовью.

По просьбе молодежи Сергей Васильевич негромко и неторопливо рассказывает о встречах с Горьким, о столь памятных сокровенных чаепитиях, под конец замечая с болью в голосе:

— Плох был уже тогда Алексей Максимович, совсем плох...

И печально глядит вверх голов на полку серванта, где покоится за стеклом горьковская чашка, и задумывается отрешенно, словно смотрит в те далекие, уже ставшие историей годы, вспоминает и воочию видит великого коллегу.

Окружающие сочувственно молчат, и в тишине совсем некстати, поперхнувшись от волнения, сдавленно кашляет будущий филолог.

Когда начинают танцевать, он после некоторых колебаний, поправив короткий поношенный пиджачок и порядком робея, подходит к Сергею Васильевичу и, достав новенький блокнот, окая сильнее обычного и чуть запинаясь, неуверенно просит автограф.

Вынув толстую с золотым пером ручку, тот привычно выводит свою фамилию — легко, разборчиво и красиво — на листке, где уже имеется редкий автограф: экзотиче-

ская, непонятно замысловатая роспись Тони, африканского царька, а ныне — студента-первогодка в университете Лумумбы.

Уезжает Сергей Васильевич раньше всех. Его было уговаривают остаться еще хоть немного, но он не может («Делу — время, потехе — час... Да и шоферу пора на отдых...»), и, услышав это с огорчением, более не настаивают. Прощаясь, он дружески треплет вологодского паренька по плечу, целует именинницу и ее мать, остальным же, устало улыбаясь, делает мягкий приветственный жест поднятой вверх рукой.

Он уходит, и сразу становится как-то обыденно.

А в конце вечера будущий филолог, находясь всецело под впечатлением этой необычной и радостной для него встречи, стоит у серванта, зачарованно уставясь на горьковскую чашку. Толстое стекло сдвинуто, и она, доступная сейчас не только глазам, манит его как ребенка — страшно хочется хотя бы дотронуться. Наконец, не в силах более удерживаться, он с волнением, осторожно, как реликвию, обеими руками приподнимает ее. С благоговением рассматривая, машинально переворачивает и на тыльной стороне доньшка видит бледно-голубоватую фабричную марку:

Дулево

2 с. — 51 г.

«Дулево... Второй сорт... 51-й год...» — мысленно повторяет он, в растерянности соображает, что Горький умер на пятнадцать лет раньше, и вдруг, пораженный в самое сердце, весь заливается краской и, расстроенный буквально до слез, тихо, беспомощно всхлипывает и готов от стыда провалиться сквозь землю — будто и сам в чем-то виноват.

...Дурная это привычка — заглядывать куда не просят. Дурная и никчемная...

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

Никогда ни о чём не жалею...

Антоновка, белый налив

Пусть мне это с детства знакомо,
Но сдвоят, как свежий нарыв:
Две яблони старых у дома —
Антоновка, белый налив.

И тропка, и дверь, как заслонка.
Я, маленький, в сером пальто...

Оборвана старая плёнка —
Не выйдет из дома никто.

Страницы последнего тома
Закроются, дверь растворив,
Родители выйдут из дома...
Антоновка, белый налив.

КЛИНДУХОВ Александр Фёдорович родился 23 июля 1956 года в рабочем поселке Калинино Калининского района Горьковской области. С 1957 года живёт в городе Кирове (Вятке). В 1978 году окончил Кировский политехнический институт, по профессии инженер-электрик. Служил в армии под Владивостоком и на Камчатке. Работал на металлургическом заводе. Автор пяти книг стихотворений: «Суровая нитка моя» (Киров, 1995), «Былые песни» (Киров, 2004), «Избранное» (Киров, 2006), «Черёмуха, рябина и ольха» (Киров, 2009), «Превыше звёзд» (Киров, 2016). Стихи публиковались в «Литературной газете», журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Смена», «Нижегородская провинция» (Саров), «Луч» (Ижевск), «Нижний Новгород» (Нижний Новгород), «Подъём» (Воронеж), «Сибирь» (Иркутск), «Сура» (Пенза), «День и ночь» (Красноярск), «Ротонда» (Киров), «Традиции & Авангард» (Екатеринбург), «Нива» (Казахстан), «Новая Немига литературная» (Белоруссия), «Традиции & Авангард» (Екатеринбург), «Двина» (Архангельск). Автор повести «В Петропавловске-Камчатском полночь» («Роман-журнал XXI век», № 5, 2013). Член Союза писателей России. Живёт в городе Кирове.

* * *

Хлеб да соль, тишина, разнотравье,
Сенокос, костерочек, река,
И стакан ходит-бродит за здравье,
И куда-то плывут берега.

Не пьяны мы, а просто устали.
Уработались... Вечер какой!

Расплываются сонные дали
За уснувшую русскую рекой.

Словно идолы, встав на колени,
Замираем, и только видны
Волны в пятнышках, словно олени,
Вдаль бегущие в свете луны.

Трясогузки

Трясогузки — беспечные птицы —
Над капотами виснут, летя
Чуть быстрее машин, и клубится
Пыль. Но дождик, на час зарядя,

Прибывает её. И работа
Длится вновь до полночной звезды...
Спим. Во сне мельтешат над капотом
Трясогузок беспечных хвосты.

* * *

Геннадью Поникаровскому

Окна с видом на Юг, на реку, занесённую снегом,
И красивее юга любого она во сто крат!
В полушубок укутанный, греюсь, а слившийся с небом,
В белоснежных лугах догорает морозный закат.

Как приятно мне всё: и снега розоватого тона,
И излучина Юга, и дом этот крепкий, простой,
И селенье, и церковь внизу... и хозяева дома,
Что пустили меня в этот вечер к себе на постой.

* * *

Ночь в мезонине один коротаю,
Ниткой суровой робу латаю,
А за окном, словно дыня крупна,
Спелая — соком исходит луна.

С детства меня все пугали луной
И говорили, что свет, мол, дурной,
Шторы задёрживай, спи, а то вдруг
Ты попадешься плутовке на крюк.

Только сегодня я, ночь коротая,
Через окошко с луною болтаю
И не боюсь, потому что меня
Держит суровая нитка моя.

* * *

За окном залаяла собака —
Это, видно, вовсе неспроста,
Или это что-то вроде знака,
Или кто-то бродит без креста.

И на небосводе мироздания
Столько звёзд увидел я почти,
Сколько и должно быть. Их сиянье
Поразило в темени ночи.

Дверь открыл, войдя в ночное лето,
Взором сонным небо очертил,
Всё оно, как сгусток фиолета,
Не жалели, видимо, чернил.

Что за благодать среди лихолетья?!
В дом вернусь, усну я вечным сном...
Но опять проснусь через столетья,
Раз собака лает за окном.

* * *

Темнота вновь повсюду, но только вдали,
Лишь совсем одиноко, неброско
Пред нашествием ночи у самой земли
Всё сияет заката полоска.

Я его на работе так часто видал,
Что порой чуть не трогал рукою.

Она красная, медная, словно металл
Раскалённый, горячий, не скрою,

Так сияй же, полоска, не дай мне заснуть
Среди тёмных пространств мироздания.
Я ещё не прошёл свой единственный путь
И пока не приду на свиданье.

* * *

Зверобой расцветает своим ярко-жёлтым расцветом —
То июнь на исходе, и лето восходит в зенит.
И по правде большой этим не раскачавшимся летом
Мне уже шестьдесят — я по-прежнему не знаменит.

Облетает пчела неприметные с виду соцветья,
Собирая лишь видимый ей драгоценный нектар.
Так и я всё летаю... Столетия меняют столетья...
Порастратил в полёте я свой независимый дар.

Только осень пришла, раскидав свою краску повсюду,
Её помыслы мне, постаревшему, тоже ясны.
Она хочет всегда, чтобы мы все поверили чуду,
А затем, как медведи, уснули до самой весны.

Пробужденье придёт. Зверобой расцветёт ненароком,
Одурманит, как раньше, нас запахом диких полей.
Но любое цветенье всегда ограничено сроком,
И поэтому ты никогда ни о чём не жалеи.

Приветствие

Собирайтесь, друзья-демиурги,
Мастера иль, точнее, творцы,
Как в «малинах» угрюмые урки,
Принося золотые дворцы

Не сидеть же нам вечно в каморках
Или кельях, не знавших тепла,
Всё равно мы окажемся в моргах
И свои потеряем тела.

Своих странных полночных видений,
Своих чудом не конченных душ.
Пусть завидует взбалмошный гений,
И гремит без стеснения туш!

Лишь стихи этой светлой порою
Опадут, словно листья с берёз,
В души тех, кто, не зная покоя,
Не скрывает восторженных слёз.

* * *

Не хочу я лететь на другую звезду, —
Залетали крапивницы в майском саду,
И сидим мы под солнцем с Ириной,
Словно пара букашек, ни дать и ни взять,
А вокруг нас родительский старенький сад
И вся жизнь, что не кажется длинной.

Вот и осень прошла, и зима на носу.
Я высоким забором наш сад обнесу
И поставлю домишко хороший.
Будем мы, как мышата, в том доме сидеть,
Уплетая за щёки привычную снедь,
Что куплю на последние гроши.

Только всё это враки, нагрянет зима
И покроет нас саваном снежным сама,
Заметёт до последних пределов.
Буду я, как медведь, только лапу сосать
И читать снова сказку про трёх поросят,
Всем назло под себя переделав.

Ласточка

Проблески редкие странного дара
Вряд ли я вспомню потом.
Каждое утро к окну прилетала
Ласточка с длинным хвостом.

Жду её, словно богатство бессметное,
Завтра вернётся опять.

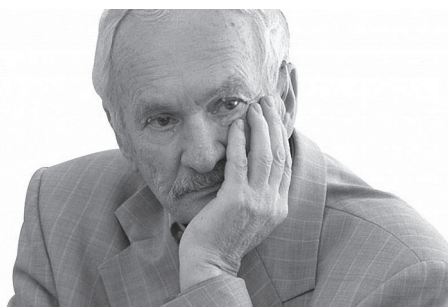
Что ею двигало, пёрышко смертное,
Снова сюда прилетать.

Нет ни окна, что скрипело немножечко,
Ни дорогого угла.
Ласточка, что прилетала к окошечку,
Тоже давно умерла.

К 85-летию писателя

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

Когда-нибудь

РАССКАЗ

Тогда ехал я с юга, с дремного кавказского побережья. Джанхот был прекрасен, но весь месяц я что-то томился, мечтал уехать куда-то. Я устал от жары, от неожиданно свежих вечеров, когда по-над морем или в кустах белеют мужские рубашки, из дома отдыха слышна музыка, берег тенист и звучен от волн, а море плоско поблескивает, заполняет собой все пространство, звезды колются над горизонтом, и ты смотришь, думаешь, и кого-то тебе надо бы рядом...

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович — советский и российский писатель, публицист, педагог. Родился 30 апреля 1936 года в Сибири, на станции Топки Кемеровской области. Детство и школьные годы провел в Новосибирске. В 1956 году поступил в Краснодарский пединститут, историко-филологический факультет, после чего несколько лет учительствовал в Анапском районе Краснодарского края. Первый его рассказ «Брянские» был опубликован в журнале «Новый мир» в 1963 году. В том же году он был принят в Союз писателей СССР. Прозаик Юрий Казаков познакомил Лихоносова заочно и с писателями из эмиграции — Б. Зайцевым и Г. Адамовичем; с этого началось изучение Лихоносовым жизни русского зарубежья. В 1969 г. лучший критик русской эмиграции Г. Адамович пишет статью о повести В.И. Лихоносова «На долгую память». В 1973 году выходит книга «Чистые глаза» с предисловием Виктора Астафьева. В.И. Лихоносов — автор цикла повестей-путешествий «Люблю тебя светло», «Осень в Тамани» и «Элегия» — по есенинским, лермонтовским и пушкинским местам, а также таких книг, как: «Голоса в тишине» (1990), «Время зажечь светильники» (1991), «Тоска-кручина» (1996), «Наш маленький Париж» (2003). Лауреат Государственной премии РСФСР имени А.М. Горького. Лауреат Международной премии имени М.А. Шолохова, литературной премии «Ясная Поляна» им. Л. Толстого в номинации «Выдающееся художественное произведение русской литературы» за повесть «Осень в Тамани». Награжден орденами «Знак Почета», «Дружбы народов», медалью РАН «За выдающийся вклад в развитие русской литературы» и дипломом ЮНЕСКО «За выдающийся вклад в мировую культуру». Герой труда Кубани. Почетный гражданин города Краснодара. Живет в Краснодаре.

После моря и заслоняющих гор хотелось прохлады, темноватой дневной зелени, речек, широты и далекости ровных русских полей. Изредка, просыпаясь в поезде, покуривая и выглядывая с полки в узкую створку окна, я мимолетно вспоминал Джанхот и видел дачу Короленко, узкий тальковый берег, высокую дорожку наверх и прозрачное марево в турецкой стороне. И еще Люсю, робкую девушку, очень миловидную и нежную, всю точно ленивую в своей нежности, в свободно опущенных, тонких и гибких, как прутья, руках, во взгляде, в том, как она шла по жаре с купанья и словно чувствовала мой взгляд на себе и знала, что я завтра уеду и, может, больше не встретимся.

— Уезжаешь? — сказала она, когда я попался ей у ворот. — Куда?

— Далеко, — ответил я.

— Ну что ж... — взглянула она обидчиво. — Счастливо.

«Не обижайся», — хотел сказать я.

Вечером за Россошью нас долго не отпускали с какой-то маленькой станции. Я ехал в последнем вагоне. Весь я был настроен на одно, и то, что жило и шумело под боком, не задевало меня, не занимало, как прежде, а всякие глухие полустанки, вид оставшихся за вагоном окрестностей, темное поле под откосом, его запах, чувство необозримого в засыпающей густоте ночи простора и песни из репродуктора в палисаднике близко и тонко отзывались во мне. Откуда вдруг приходит такое? Откуда приходит стеснительное чувство любви к жизни, к ожиданию редких мгновений и проезжим тихим местам? Пели на русский манер — протяжно, с тоской, и что-то народное, местное, и пели так, что поневоле увидишь перед собой речку, вечер, копны и все полевое, деревенское, зовущее...

В конце ночи я застал прохладный рассвет. Туман белыми клочьями вспухал над водой, и было похоже, что речка дышит со дна паром. Стукнулся и пролетел мосток.

— Подъезжаем, — сказал кто-то спросонок.

Когда же я снова проснусь в вагоне?! Когда же я сойду на рязанской станции и, уже что-то переживший, в чем-то переменившийся, вспомню и тот август и себя? Когда?

Снится мне этот простой двухэтажный вокзал и древний пыльный город, где я в босоножках, в пиджачке и с саквояжем бродил до обеда по улицам, смотрел, спрашивал и по-детски удивлялся, как все привыкли и не замечают, не волнуются вместе со мной. Вот над рекой, над пристанью, легкие главы собора, спуск, женщины после базара, их разговоры и мой восторг, мое нетерпение услышать почему-то старую рязанскую речь, несли, увидеть такое, чего нет и не может быть где-то. Каким я тогда был! Таким больше не быть, и, верно, не то переживу я теперь, не так буду оглядываться, не постараюсь вызвать в себе каких-то совершенно особых, непритворных, но обожаемых чувств! И что же будет, чему поклонюсь, чем удивит меня жизнь уже в мои скорые тридцать лет?

Я сразу притих, сосредоточился и ждал, ждал чего-то.

На пристани я читал расписание, и старорусские названия остановок тоже бедрили мое сердце.

Неповторимо было все, и долго потом вспоминал я день на пристани и всякий раз затихал душой. Я тогда ни на минуту не забывал, куда еду, и все, как нарочно, совпадало с моим настроением. И вот уже опять август, пестро выстилаются полевые дороги, а я все еще не могу собраться в луга, через столько лет, хотя и не века же прошли с тех пор, но все равно кажется, что и не со мной это было.

...Тот день выдался хмарным. После обеда припустил дождь, заволакивая берега, собор и повороты Оки, откуда поджидали катер. Женщины сначала галдели, закусывали, а к приходу катера скучно томились под крышей в проходе и накликали погоду. Куда-то им надо было, где-то ютились их деревни, и дома их ждали, и все им было привычно. А мне было все ново, никто меня не встречал, не к кому идти ночевать, и я этому радовался, гадая о деревне, о себе в ней. Почему-то виделась она мне без огней, с густыми деревьями и старинным укладом, чудились опять песни, такие, как вчера на станции.

Уж не подумаю я об этом теперь, и только чувства, наверное, вернуться, напомнятся, неожиданно найдет настроение.

От пристани катер отошел после дождя. Небо не успело проясниться. Ока кружила на виду куполов, и вскоре купола отделились, присели к земле. Я сидел на палубе, раскинув руки по спинке скамейки, оглядывался на повороты, на лодки, на копны по самому берегу. Я глядел на незнакомые окрестности, о которых до сего времени только слышал, и думал о прошлом. Ока все кружила и кружила, потом вдруг всплеснула радуга, и я наперед уже знал: не забыть мне по молодости ни лугов, ни пристаней, ни копен, ни себя, ни редких ночных огней и домишек на косогоре, где мы сворачивали перед тем, как пристать на место.

Как хочется вернуться той же дорогой! Вот уже вижу причал в Коростове, на полпути. Вижу безлюдный высокий берег, телят и лужи подальше. Вижу плавный сельский вечер с ответами по окошкам, парня, который минуту назад прощался со мной, складывал гармошку и предвкушал встречу и выпивку. Я тогда мало подумал о нем. Он любил выпить и подразнить при народе встречаемых девчат, поболтать, потискать и пойти дальше, забыть навсегда. Плечистый, насмешливый, он только что сидел со мной рядом, играл и громко распевал, вел себя так, будто все ему приходилось соседями, ко всем обращался небрежно и просто:

— Дед! Тебе помирать пора, а ты в четушку заглядываешь! Что, тетка, смотришь, породниться хочешь? А вы, девки, куда?

— Далеко? — спросил он у меня.

— В Константиново.

— Живешь там, — подморгнул, — или к бабе?

— Нет, просто...

— А-а... О чем все думаешь? О девушке? — сказал он и растянул гармонь, забыл меня. — Угадал? — спросил погода.

— Нет, — сказал я и подумал о своем.

— Брось скрывать! — обнял меня парень и потрепал за плечо.

Было порой странно приглядываться к попутчикам и отчужденно думать об их судьбе, все время томясь своим, не осуждая их, а только понимая, что уже завтра они забудут меня, как забыл бы их и я в другие дни, а теперь нет, потому что я плыву по этим местам и все застревает во мне, все кажется иным.

Женщины изредка посматривали на нас.

— Не узнаешь? — спросил парень одну. — Не узнаешь меня?

Женщина уставилась на него.

— А я тебя помню, — сказал парень.

— Откуда ты помнишь?

— Ты ж в Костине живешь!

— Ну?

— Дядь Ваню Бодягина знаешь?

— А как же!

— Я ему зятем приходился.

— Да ну врать-то!

— Клянусь! Святая икона, крест по все пузо, чтоб мне счастья не было!

— Помер дядь Ваня.

— Когда?

— Порядком уже. Сорок дней справили.

— Ну ты-ы! — отложил парень гармонь. — Какой мастер был! Что печку класть, что дом поставить. А выпить иль песню спеть — и не ходи к гадалке. Помер, значит. Жалко.

— Так ты почему его знаешь?

— Дядь Ваню-то не знать! Говорю тебе: за его дочкой ухаживал.

— Ох врать-то, ох врать!

— Да ты что, тетка? Дядь Ваню не знать, ну ты даешь! Бодягина-то, а? Ну ты отмочила! Да его тут, если хочешь, все знали. Я уж и не вспомню, были ли у нас еще такие песельники. Да и вообще: что печку скласть, что дом поставить. А выпить — уж и молчу. И не ходи к гадалке.

— То-то что. Пьянчужка он был правильный.

— Пил, и дело знал, и в любой компании свой был. Он это что русские, там народные, что эти оперные — наизусть!

— Талант.

— Какой талант!

Он замолчал, потом повернулся ко мне, коснулся моих волос.

— Слушай, друг, — сказал я, — а ты не скажешь, здесь есть еще, кто застал Есенина?

— Здесь? Затрудняюсь сказать. Я, признаться тебе, этим делом мало увлекаюсь. От кого-то я слыхал, погоди... от кого же... Эй, бабы! — крикнул он женщинам. — Кто тут у нас Есенина живым видел?

— Это в Константинове надо спросить, их там много.

— Верно, друг. На месте спросишь. Пока, мне сходить надо. Может, еще доведется встретиться.

Он пробежал по сходням, поднялся на бугор и уже заиграл, запел и временами с кем-то перекрикивался. Женщины с палубы провожали его веселыми взглядами.

Пора наступила закатная, тучи распались, но солнца не виделось — день померк. Катер развернулся, парень помахал мне, и я пожалел, что никогда-никогда уже не увижу его, ничего не узнаю о нем. Трудно представить судьбу путников точно, получается на свой лад, и это здорово — встречаться, тут же жать руки и потом через столько лет волноваться, гадать о мелькнувших, все еще не привыкая к мысли, что жизнь редко сводит нас насовсем.

Дорожное, оно всегда неоконченное, всегда только с намеками и полуоткровениями, и оно зачастую памятнее постоянного и разгаданного. Его стараешься вернуть. Ту бы дорогу снова, такой же вечер... Ту бы женщину увидеть, ведь она еще там. И там ли?

Я шел с нею ночью от пристани, а на палубе она была среди теток, и я слышал ее голос после моего разговора со стариком, когда она стала вспоминать всякие случаи из жизни деревни.

Старик тогда подошел к поручням и громко спросил меня:

— Есениным, значит, интересуешься?

Я обернулся. Неопрятный, волосатый, с крошками в бороде, он был похож на нищего, каких немало бродило после войны по базарам и вагонам пригородных поездов. Лицо его было большое, испитое, и пахло от него водкой. Сказав, он добрыми невыспавшимися глазами посмотрел на меня с теплотой и тем притворным загадочным молчанием, на которое способны чаще всего пьяные.

— Дай, Джим, на счастье лапу мне, — сказал старик и грустно, но театрально повел головой.

Удивленный, я тогда не обратил на это внимания.

Я смутился. Давно не встречались опустившиеся люди, и старик поначалу меня потряс. Еще с детства я не умел прогонять пьяных и нищенков, и они приставали ко мне, изливались, плакали, клялись, лезли целоваться, а под конец, убедившись во мне, просили денег.

— Сыно-ок! — проникновенно сказал старик и вытер большим пальцем глаза. — Я был другом Есенина.

«Надо же!» — подумал я восхищенно. Он протяжно молчал, а я с нетерпением ждал чуда.

— Я был другом Есенина, — повторил он. — Не удивляйся, что я плохо одет, грязный, видишь, — показал он изодранный рукав пиджака, — ну и выпил, конечно, еду из Рязани к сестре, ну и выпил, — ведь все мы простые русские люди. Да! — Самозабвенно и театрально поднял он голову. — Едешь на его родину, паломничество, да, это хорошо, узнаю молодость. Сам таким был. Я помню еще старый Петербург, старых поэтов, их уже давно не печатают. А Есенин... Серега... как же! Серега-то мой, любимчик наш! — воскликнул он и стих, погрустнел, помолчал. — Я же его на своих руках хоронил. Мы хорошо дружили, кто бы мог подумать, что так случится... Я познакомился с ним, дай бог памяти, у... Клюева. Клюева знаете? Не знаете, его теперь мало кто знает. Сейчас, сейчас вспомню. — Он поднял руку ко лбу. — «Помяни, чертушка, Есенина, кутьей из углей да из омылок банных! А в моей квашне пьяно вспенена опара для свадеб да игрищ багряных». Доходит? Он былинный был, Клюев. Современная молодежь, наверно, и былин не знает.

— Как же вам удалось?

— С Клюевым-то? Я в Ленинграде учился в двадцатые годы. В институте Герцена, знаете? Вечный студент. В медицинском учился. Потом думал путейский закончить — бросил. Сил не хватило. Ну сколько можно учиться, верно?

Я жил в общежитии, а Серега в гостинице, не помню как она называлась. Бывало, звонит: «Сеня! Поедем к Клюеву!» Клюев, Ширяевец, Есенин — это же одна школа. Я говорю: «Знаешь, Сереж, у меня кой-какие дела, приезжай ты ко мне». — «Нет, поедем к Клюеву!» Друзья были, позднее разошлись. Клюев Айседору его не любил. Ох, бабища была! А Серега уже звенел. Он еще, когда поссорились, стихотворение про Клюева написал, я сейчас не вспомню дословно, да вы должны знать, там что-то... в клетке сдохла канарейка... Да.

— Ну и что?

— Эх, сыно-ок... Много еще можно порассказать. Чего только не было! К нам в конференц-зал Маяковский ездил. И вот, представляете, сначала выступает Есенин, Серега ведь красивый был. Есенин кончит, Маяковский выходит. Свист, топот! Маяковский тогда, да простите меня, вот так четыре пальца в рот — и ответную. Находчивый был, собака. А как поэт... Когда он сам читает, оно доходит, но разобрать его и-е-ро-гли-фы с листа — не дай бог. А Серега... У него все-таки пушкинский стих...

Он снова замолк. Стало совершенно темно, где-то в углу, по левому берегу, горел на пристани фонарь.

— А похоронили мы его на Ваганьковском кладбище. На его могиле девушки стрелялись. Дядя, у которого он воспитывался, ему деревянный крест поставил. Я, когда бываю в Москве, беру поллитру себе и поллитру Сереге. И иду на Ваганьковское. Выливаю на могилу и говорю: «На, Серега, утоли жажду». Крест проспиртовался, наверно, до самого корня. Он теперь сгниет только в том веке. Вот вы будете в Москве, зайдите на Ваганьковское, там, должно быть, ему памятник поставили. Да, много бы я мог, молодой человек, рассказать вам. Айседору знаете? Дункан, танцовщица. «Дунька», ее Клюев звал. Хо-хо-хо! Ей было за пятьдесят, а красивая, как девятнадцатилетняя девочка. За ней ухаживали четыре массажистки. Вот видишь, у тебя мало морщинок, сколько, девятнадцать есть? А-а, а если б тебе массажистку, шестнадцать можно бы дать. Серега любил ее, она из него все соки высосала. Вы знаете, как она погибла? Раньше носили длинные шарфы...

— Темно как, — сказал я.

Ветер продувал меня насквозь, руки посинели. Ночь заняла окрестности. И опять с какой-то слабой обидой я подумал о том, что никогда-никогда никто не узнает, каким я был в эту августовскую ночь на катере, и сам, быть может, с годами переживу свои чувства, а когда что-то напомнит о них, не узнаю себя.

Много стыдного и пьяного было в старике, и не тех слов, не тех воспоминаний жаждал я тогда.

Старик быстро мне надоел.

— Сынок, — сказал он перед уходом, — ты извини меня, старого интеллигента, но вы поймете меня: не хватает на двести грамм, завтра опохмелюсь, вы не одолжите?

Я остался один у перил.

Всегда не мог я спокойно видеть ночные поля. Выбраться бы сюда зимой, на снег, на завьюженные косогоры, пожить бы подольше, сойтись с людьми, походить в клуб, на свадьбы, поездить в лес и в луга, подумать о чем-то.

Я поеду той же дорогой и сойду там же в тот же поздний час. Не помыслю, как это будет, но все отзовется шорохом давней наступающей ночи, когда я шел от реки с молодой женщиной.

Мы взбирались в гору под густыми тополями. Было так темно, что мы чувствовали друг друга лишь по движению, по шарканью наших шагов да по голосу. По голосу я и определил, что она молодая. Я спрашивал о ночлеге.

— Я бы вас к себе пустила, — сказала она, — да у нас тесно.

Она нечаянно оступилась, ойкнула, и я подхватил ее поперек груди, и мы на мгновение замерли от неловкости и постояли молча, дыша, воображая каждый свое, а во мне где-то колыхнулось желание повстречать на чужой стороне женщину, которая бы мне долго помнилась после.

— А вы к кому? — уже натянуто спросила она, когда пошли.

— Ни к кому.

— По делам?

— И не по делам, и не в гости.

— У нас тут по-всякому хорошо. Вот это Кузьминское, — показала она рукой, когда мы вышли на свет окон. — Константиново туда дальше. У нас тут Есенин родился, слышали, наверно?

— Как же...

— К кому ж вас устроить?

Мы подошли к одному дому — там спали, к другому — там мешали маленькие дети, и пока хозяйка извинялась, советовалась с крыльца, я разглядел под окном лицо моей провожатой - русское, симпатичное лицо, которое в деревне и в сумерках бывает прекрасно.

От дальней дороги меня охватила слабость, клонило ко сну: прикорнуть бы или сесть под иву и ничего не желать, ни о чем не спрашивать — только ощущать, что ты дальний, что все сбылось — вот она, та деревня! — что уже поздно и никого у тебя здесь нет.

Она привела меня наконец к высокому дому, постучала в завешенное платком окно:

— Баб Филь! Не спишь?

Кто-то отвесил платок, недобро всмотрелся, приставив ладошку к бровям. Долго бабка выпрашивала, наконец впустила. Интересно, жива ли еще она?

Когда она впустила и рассмотрела меня, сразу сделалась доброй, посадила за стол и принялась кормить да расспрашивать.

— Ну, теперчи, ты ж чей будешь? — Села она напротив, подперлась кулачком и смотрела на меня маленькими глазами.

— С моря еду.

— Вот оно что! — удивилась она, как будто море было на краю света. — Чего ж ты сюда: родственники какие иль как?

Я ответил.

— А-а. Ну это еще ничего. Это ничего, милай. Это не ты первый.

— Вы Есенина помните?

— Как же, видела. Есенин-то, как же. Он тут, в Киньстинтинове, жил. У него, сказать, и мать еще живая.

— Умерла.

— Померла? Когда ж она успела? Ужто я забыла? Надо же...

— Ну а какой он был? Есенин-то?

— Какой он был... — Она собрала в горсть губы и потеряла щеку. — Такой вот, как ты.

— Да что вы...

— Ей-богу, только этак пониже тебя, а волос такой же. Нашенский он был, простой. Да, простой был. Не знаю, для кого он там, как говорится, поет, а нам он простой был. Есенин и Есенин. Из нашей деревни. У Тани-монашки — мать-то его! — говорят, бывало, сын приехал. Ну, приехал и приехал. Не побежишь же. У меня их семеро на руках было — до Есенина мне! Говорят, решил, — прибавила она с тайноостью, как будто это случилось вчера. — Да, милай, решил, говорят. Чего бы это ему?

Как было и о ней не подумать, не почувствовать ее долгую жизнь!

— Теперчи сказать, мать у тебя есть или кто?

— Мать. В Сибири.

— За Москвой, значит. В холодном краю.

— В холодном.

— Пишет мать-то, как чего: молочко там, с продуктами — хватает?

— Как и везде.

— Да, как и везде. Ну а сестренки, братики какие есть?

— Один я у нее.

— Один, да, один. Плохо, когда один. Когда много, глядишь, не тот, так другой подсобит. А ты вот, дай-ка, забудешь мать — и все. А у меня вот дочка в Москве, — вздохнула она и сгребла по клеенке хлебные крошки. — Еще подлить? Сына одного, старшего, убило на войне, да, убило сына. Один вернулся, живет тут недалеко, с бабой своей плохо ладит. Двойняшки были, схоронила в голодовку. Семеро было, а теперь одна.

И встала, ушла к печке, живо, с укором сказала:

— Ты вот тоже бродишь, интересуешься все разным, а мать там, дай-ка, плачет, дожидается. Вот зачем ты приехал сюда, чего не видал, не пойму?

— Вернись, никуда не денусь.

— Вернешься. Это еще ничего. — На ходиках было уже двенадцать.

— Так это тебя Паранька ко мне направила? — спросила бабка.

— Вы про эту женщину?

— Ну да, про нее, баба она или девка, шут их сейчас разберет. Чего же она к себе не впустила?

— Тесно.

— Те-есно? Ай, трепушка! Я ей вычитаю. Тесно! Одна она живет, тесно!

— Баб Филь, еще что-нибудь про Есенина, — попросил я не слишком охотно.

— Что ж, милай, я кузьминская, а Есенин киньстинтинковский, я, сынок, мало знаю.

Про него больше в Москве знают, люди ученые. И то надо сказать: хорошие они люди были, хорошие, милай. Только вот решил он, чего бы ему?

Я смотрел, какая она старая и все еще неугомонная, и на сколько же она пережила многих помоложе себя, и думать, что они могли быть теперь еще с нами, было горько, потому что их не было с нами, и этого ведь не вернешь.

— Эж дождь какой, — огорчилась бабка, шурясь на мерцающие за окном капли. — Протекает моя крыша-то в сенках. Хоть чашечку подставить. — И побежала в сени, гулко обронила на пол чашку, хлопоча и разговаривая сама с собой. — Приезжал вот, говорила ж ему: «Сынок, ты покрой мне крышу-то, текет...» — «Ладно, мама, я покрою, только ты мне поллитровочку поставишь, чтоб жена не знала». — «Ну поллитровочку уж так и быть». Дак он чего ж, сукин сын, сделал: половину укрыл и заколенился... Ишь, текет-то! Надо еще одну чашечку.

За окном по крыше, по ставням и по крыльцу мягко шуршит, лопочет ночной дождь. Шуршит, наверное, и по всей деревне, за околицей, и по лугам, и под окном Параньки, которая проводила меня сюда, ушла, а я теперь думаю о ней. Шумит, льется и около дома, где давно уже нет хозяев, пусты и холодны комнаты в нем, не горит свет, никого нет, и никого никогда не будет по ночам. Не встанет поутру мать, не поздороваются с улицы соседи, не запоют в снежный вечер задумчивую песню — никогда этого не будет в их доме. А дождь шумит, мокнут сейчас пристани, а я здесь не сплю, томлюсь, мне хорошо, как никогда.

Я уже не задавал бабке вопросов. Сколько прошло с тех пор, так много было всякого — и забот, и горя, и у каждого свое, — что где уж помнить про все далекое и минувшее!

Я стоял на крыльце и слушал плеск дождя. Он стихал. Я подошел к калитке. Потухли на улице огни, и дома чуть проступали во тьме скользкими окошками и крышами.

Необъяснимая грусть одолела меня. Как-то все сразу увидел и почувствовал я.

И счастлив я был, но о чем-то все же жалел. Почему так хотелось мне, чтобы из лугов доносился одинокий женский голос?

Ока лежала внизу за домами.

Я оттянул калитку и пошел по улице, в глубину деревни. Шел и все примечал, все вглядывался в ночь и не верил, что я уже в той самой деревне. Казалось, давно я уже где-то видел ее, давно-давно жил в ней и вот вернулся, узнаю ее снова! Улица вдруг расширилась, справа подуло, запахло рекой. Я пробрел немного вперед и на левой стороне угадал дом с табличкой. Тонким дальним звоном закололо мне уши. Боже мой, сколько минуло лет, да и было ли это на свете? Я стою перед окнами, перед дорожкой в огород, перед калиткой, и буквы на табличке слипаются в мутную беловатую полоску, но все-таки прочитываешь то, что не видно...

Все спят, и никто никогда не узнает, каким я стоял в тишине... Один, видно, раз бывает так в жизни. Один раз не возвращаешься даже к матери. А когда вернешься, увидишь, как она бежит к тебе, побросав ведра, и опять что-то поймешь.

«Сынок, — всплакнет мать у двери, — я уж думала, ты и не придешь. Ездишь где-то, как цыган, а чего ездешь, один бог знает. На что оно тебе все? Навыдумываешь себе...»

Я подошел к Оке. Река мелко плескалась у берега и поворачивала вдали в сторону яра. Молчали, укрылись темнотой луга. Как прохладны, пусты они теперь! Увижу ли я их через год или позже? И как это будет? Каким я приеду, о чем подумаю, что вспомню?

И повторится ли для меня ночь ранней молодости — такая удивительная, благостная, почти песенная: ночка темная, ночка темная да ночь осенняя?

1965 г.

ПОЭЗИЯ

ЕЛЕНА АНОХИНА

Я хочу рисовать белый снег...

* * *

Я хочу рисовать белый снег
Белой краской на белом холсте,
Чтоб никто не увидел печали моей,
Грусти прожитых дней.
Чтобы было всем вам от картины светло,
Чтоб никто не заметил, как мне тяжело.
...нарисую я вам белый снег
Белой краской на белом холсте...

АНОХИНА Елена Сергеевна родилась 14.04.1976 г. в городе Бугуруслане Оренбургской области. Детство прошло в Туркменистане. Елена пишет стихи с 6 лет. Автор четырёх книг: «Семь футов под килькой» (2012), «Вязаная сказка» (2014), «Кто-то пролил молоко... Очень много» (2016), «Бегут за нами облака» (2018). Печаталась в журналах «Сибирячок», «Мурзилка», «Простокваша», «Кважды Ква», «Школьный вестник». А также в журналах: «Роман-журнал XXI век» (Москва), журнале «Сибирь» (Иркутск), художественно-литературном журнале «Отчий край» (Волгоград), «Московский вестник» (Москва). В альманахе для юношества «Первоцвет», альманахах «Иркутское время», «Енисейский литератор», «Енисейка» (Красноярск). В 2019 году в издательстве «Планета» в соавторстве со Светланой Сон и Натальей Ивановой вышли 4 книги «Детям о природе и временах года в стихах»: «Здравствуй, весна-красна», «Здравствуй, лето красное», «Здравствуй, осень золотая», «Здравствуй, зимушка-зима». Лауреат конкурсов: им. А. Толстого (2009); им. Ю. Черных; «Хрустальный родник-2011»; международного интернет-конкурса от фонда «Великий странник — молодым» (2011), поэтического конкурса «Под парусами Кижской регаты-2014»; дипломант «Золотое перо России» (2009), «Поэзия в моей жизни» от Почты России (2006). Член Союза писателей России.

* * *

Мне сегодня всё равно:	Исполняет снова дождь
Не тебя я жду, мой милый.	Песню, полную тревоги...
Жду, когда, собравшись с силой,	Ты меня пока не жди.
Застучится дождь в окно.	И, прошу, не надо ссоры.
Дождь что слёзы. Плачут боги	Я вернусь. И очень скоро.
И бежит по телу дрожь.	Лишь когда пройдут дожди.

* * *

На вокзале сонном	Подкатился к горлу
Перестук колёс.	Горя твёрдый ком.
Тяжело, со стоном,	Долго ждать не буду —
Дышит паровоз.	Ничего, стерплю.
Дребезжат вагоны...	И тебя забуду,
— Где же ты, в каком?	Если... разлюблю.

...дефис...

Мой лучший друг на днях сменил прописку,
Он вышел весь — навеки, навсегда...
Стрижи летают в небе. Низко-низко.
Наверняка промокну без зонта.
Он жить любил, но не боялся смерти.
Мне говорил, шутя, не раз: «Да брось!
Мир создан мной, и в этой круговерти
Я — ось. Да-да, всего лишь ось...»
Лишь раз сказал: «Ты знаешь, стало страшно:
Открылось мне, когда глядел вперёд...
Случится так внезапно и однажды:
Я не умру, а целый мир — умрёт!»
Ведь он всерьёз считал, что в жизни брэнной
Сам для себя и паства был, и бог.
Мой дряхлый кот является вселенной
Для сонмища на нем живущих блох.
Стрижи летают в небе — низко-низко.
К дождю — по всем приметам — сей полёт.
А я помёт стираю с обелиска.
Отрадно видеть: жизнь — она живёт.
И где ты, друг? Оставил хоть бы номер.
Гранитный ангел грустно смотрит вниз.
Звонить: два восьмизначных. Жил да помер.
А между ними — жизнь. Черта. Тире. Дефис.

Круги на воде

Я руку над костром оставлю. До ожога.
Чтоб усомниться вновь в ранимости души.
Парящая вода плеснет стаканчик грога,
На дальнем берегу хохочут малыши.
У них сейчас игра — швыряют камни в реку.
«Так вовсе не заснешь» — ворчит речная гладь.
А мне сидеть, считать, когда — к какому веку
По брошенным камням стопам моим ступать?
А мне — сидеть, зажав израненную руку,
Пролив на злую боль горячий летний прог.
И время — не течет: идёт по кругу,
Не строит планов и не ставит срок...
Мне б не вернуть — начать, чтоб сызнава и снова,
Чтоб повстречать тебя под тусклым фонарём.
Да время что дитя — без умысла лихого
Играет вновь и вновь моим календарем.

Милостыня

Все тот же городок, да новые постройки,
Родные голоса чужих людей,
В ларьке вокзальном выпекают слойки,
В углу ждет крошек серый воробей.

И — нищенка, всё та же, что когда-то.
(«Ну, слава Богу, ты еще жива!»)
Все то же рубище. Да новые заплаты
Засаленные красят рукава...
Мальчонка — внук? Дитя всех рас и наций,
Вцепился в бок сухому калачу.
И я с учетом всех деноминаций
Сейчас опять кому-то заплачу.
Мальчишка сыплет мне под ноги крошки,
А я копаюсь в недрах рюкзака,
Чтоб положить в чумазы ладошки
Пятирублевку вместо пяточка.
У бабки был тариф такой же. Годы...
Берут свое, любым берут путём.
Сейчас мы часть вокзального народа,
Куда, куда, куда мы все идём?!
Зачем перемещаемся по свету,
Каких путей-дорог мы все рабы?
Откуда мысль, когда даешь монету:
«Не дай-то Бог кому такой судьбы...»
И подавать всегда со взглядом — мимо,

Рукой слегка придерживая крест.
Откуда знать, ЧТО мне необходимо,
Аборигенам привокзальных мест?

Напутствие забудется воробьём
И улетит за арочные своды
(Что знают обо мне они вдвоем?!):
«Голубушка, дай бог тебе свободы...»

Ода письму

Мы сотни лет назад так ждали голубка,
Освобождая весть неторопливо с лапки.
Не тот был стиль, не та была строка,
Домысливали текст, изложенный так кратко.
Затем мы ждали весть издалека.
Томились, а она тряслась на дрожках.
Мы как родню встречали ямщика.
Он вёз ответ, передохнув немножко.
И вот — письмо! Оно всегда — загадка,
Букет таких чужих-родных страстей.
И пьют с листка глаза — в знакомом беспорядке
Поток хмельных и жданных новостей.
И кругом голова! И голоса слышны!
О, говорящий лист — тебе пою я оду!
Мы ждём тебя — от мира иль с войны,
Уж сотни лет, считая дни и годы.
Наш информационный интерес
В дань жадной человеческой природе
Растёт. И извещает нас прогресс:
«Друзья! Письмо давно уже не в моде!»
«Пиши e-mail, отправь мне sms»,
Каналов информации не счесть,
Секунды доля — здравствуй, вот я, здесь,
Твоя незаблудившаяся весть!
За канцелярию уже не стоит братья,
Нам скоро всем поставят микрочип,
С рожденья каждому присвоен будет адрес,
Опережая время, мысль домчит!
Да будет так! И, выключив ПК,
Стерев с мобильного излишки sms,
Закрыв в мозгу портал, ждём... ямщика,
Единственную, истинную весть,
Бумаги лист, что может петь и плакать,
Его стократ мы можем перечесть,
С собой носить, хранить и в зной, и в слякоть...
Лети вперёд, прогресс, опережая годы.
Но ты, письмо, для нас всегда вне моды!

Я родился

Я — в больнице, я не болен: Ведь я только смог родиться.
Я — родился, я доволен!
Я так рад, что мама рада, Но я знаю вкусный цвет,
Больше ничего не надо. Лучше цвета в мире нет.
Мне не ясны ваши лица, Этот цвет надежный самый:
Этот цвет халата мамы!..

* * *

Мой предок далёкий! Спасибо, что мне
Свободно живётся в свободной стране.
Я светлую память твою берегу,
Шагая с тобою в Бессмертном полку.

Продержаться

Нам с тобою, пёс, держаться надо!
Ты крепись, хвостатый, не рычи...
Тяжело молчать, когда по хатам
По-хозяйски ходят палачи.

А в тебе клокочет злоба: «Воры!» —
Ты их носом чуешь за версту.
Я бы сам напал на вражью свору,
Разорвал бы в клочья на лету!

Только, знаешь, правды маловато
В ярости бессильной и клыках:
Ведь враги, браток, при автоматах,
Да ещё на двух грузовиках.

Мы с тобой дождёмся их в засаде:
Здесь одна дорога напрямик...
Есть у нас с тобою по гранате:
По одной на каждый грузовик.

Мы должны сработать чётко, псина,
Чтобы до соседнего села

Ни одна фашистская вражина
Не дошла уже, не доползла.

Пламенем, закатом ли раскрашен —
День ложится сажей на межу.
Я тебе про будущее наше —
Как его я вижу — расскажу.

Вижу... Год... Две тысячи двадцатый.
На родимой нашей стороне
О войне наслышаны ребята
Из различных книжек о войне.

Вижу: тоже лето, день погожий,
В поле отпускает с поводка
Мальчик, чем-то на меня похожий,
На тебя похожего щенка.

Нужно дать возможность этим детям
В мирном поле бегать и играть.
Значит, мы сегодня, в сорок третьем,
Стиснув зубы, будем воевать...

Георгиевская лента

Дед, за то, что в сорок третьем
В рукопашную ходил,
На георгиевской ленте
Орден Славы получил.

На георгиевской ленте —
Цвета дыма и огня.
Вечно память о победе
Будет в сердце у меня.

В дремучем лесу

Одиноко по лесу девчонка идёт,
То с тревогой девчонка посмотрит вперёд,
То назад обернётся с опаской.

Вот бы где-то хорошие мысли найти,
Чтоб не так было страшно по лесу идти...
Вот бы ей повстречаться со сказкой!

«Видно, Красная Шапочка очень смела,
Ведь она в одиночку по лесу пошла...
Что же я-то такая трусиха?!
Отчего птичий гомон повсюду замолк?
Это кто там, за ёлкой? Не может быть! Волк...»
Оттого — и тревожно, и тихо.

Вышел из лесу, сел у неё на пути,
Страшный: серый, огромный, лобастый.
Ей теперь никакой стороной не пройти.
Усмехнулся оскаленной пастью:

— Ты куда и откуда такая идёшь?
Расскажи-покажи, что в корзинке несёшь...

Онемела девчонка. На волка глядит.
Только в сказке такое случится:
Да, он серый и страшный, но он... Говорит!
Надо попробовать до-го-во-рить-ся!

«Отвечай, ну чего же ты встала,
Будто сказок совсем не читала...»

— Ждут меня партизаны в дремучем лесу.
Я корзинку свою партизанам несу.
— Неожиданный, — волк удивился, — ответ, —
К партизанам? А старенькой бабушки — нет?

Волк сменил на улыбку свой страшный оскал:
— Как-то сказку от мамы-волчицы слышал...
Мне по детству казалось, что автор готов
Все людские пороки свалить на волков.

Я не ел ни старух, ни девонок — всё ложь!
Вот и ты говоришь, не к бабуле идёшь...
— Да, — тихонько ответила волку она, —
Ведь бабуля была и стара и больна.
Захватил их деревню фашистов отряд,
А фашисты больных стариков не щадят...

Я и сказок уже не читаю, ведь мне
Не до сказок на этой ужасной войне.

И с тобой мне сейчас говорить недосуг:
Ждут меня партизаны в дремучем лесу.

Волк ответил, печали своей не тая:
— Очень, девочка, страшная сказка твоя.
Этих мерзких фашистов с ненужной войной
Кто-то выдумал жутко больной головой.

Помолчал... Облизнулся:
— А ты, стало быть,
Партизанов идёшь пирогами кормить?

Дай хоть краешком глаза на них погляжу -
Что там мать напекла... А потом провожу!

— Нет, — ответила девочка, — мать не печёт,
Враг разграбил в деревне запасы.
Это Красная Шапочка в сказке несёт
Пирожки и янтарное масло...

А в корзинке моей только вата и йод.
И со вздохом добавила:
— Мать не печёт...

Волк сказал:
— Я, конечно, голодный совсем,
Только йода не пью я и ваты не ем.

Ну, давай, я корзинку твою понесу,
Поспешим к партизанам в дремучем лесу.
Партизаны полечатся и победят,
Пусть фашисты не трогают сказки ребят!

И пошли по тропинке они бок о бок,
Партизанка-девчонка и сказочный волк.

МИХАИЛ ПОПОВ

Смирительная рубашка, или Свет озаряющий

ПОВЕСТЬ

Пролог

В приёмном покое, стены которого были вымазаны грязно-голубой краской, находились фельдшер Ломанов, человек с узким измождённым лицом, и медбрат Гурий, здоровенный детина, который, вопросительно глядя на старшего, что-то комкал в руках. А напротив них сидел на скамейке человек, облачённый в серую долгополую хламиду, напоминавшую наматрасник, из боковых отверстий которого торчали белые руки.

ПОПОВ Михаил Константинович (1947) — уроженец Русского Севера с берегов реки Онеги. Окончил Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Работал на оборонном предприятии, в геологоразведке, служил в армии, был профессиональным рыбаком. За его плечами — около десятка газет различного уровня, в которых он прошёл все ступени профессионального и карьерного роста. Был создателем и редактором ряда литературных изданий. Сейчас главный редактор литературного журнала «Двина». Член Союза писателей России. Автор трёх десятков книг, в том числе прозы, публицистики, изданий для детей и юношества. Некоторые его произведения переведены на основные скандинавские языки, повесть «Последний патрон» — на английский. Повесть «Дерево 42-го года» экранизирована. Лауреат полдюжины общенациональных премий и четырёх международных — имени М.А. Шолохова, имени П.П. Ершова, создателя «Конька-Горбунка», «Русский Stil» (Германия) и «Полярная звезда». Живёт в Архангельске.

Всё это доктор Выжлецов, совершающий обход, увидел разом. Но внимание остановил на незнакомце. Тот при появлении доктора поднял голову. Не откинулся на спинку скамейки, а именно поднял голову. И доктор догадался, что откинуться ему мешает горб, который топорщится за спиной, как заплечный ранец.

— Прикажете надеть? — медбрат-амбал уже обращался к доктору, развернув смирительную рубаху, рукава которой касались пола. В больничке буйных не было, и медбрат изнывал от безделья, не находя, куда приложить своё неукротимое здоровье.

Доктор искоса посмотрел на него и нахмурил брови:

— А почему его к нам? Кто доставил? Он что?.. — доктор свёл кулаки.

— Никак нет, — поспешно ответил фельдшер, в прошлом армейский ветеринар. — Наряд доставил. Сказали, что рыдал.

— Как рыдал? — недоуменно переспросил доктор, поправляя очки.

— Горько и отчаянно, — почти как трагик Мочалов взмахнул руками фельдшер.

Доктор изумлённо посмотрел на фельдшера:

— А что, рыдать нынче запрещено? — спросил он, понижая голос, и тут же взвился: — А может, у него беда. Горе какое...

Он снова перевёл взгляд на незнакомца. Лицо чистое, спокойное, но под глазами тени, а в уголках губ залегла безысходная печаль.

Фельдшер на восклицание доктора пожал плечами, отчего лицо его стало ещё уже.

— А чего он требует? — спросил доктор. — О чём просит? — смягчил тон.

— Чернил и бумаги, — отозвался фельдшер.

— И что? Почему не даёте, коли уже поставили на довольствие? — кивнул доктор на журнал, лежащий на столе, где была свежая запись.

— Так ведь... — косясь на пациента, тихо произнёс фельдшер: — А вдруг... выпьет, — лицо его перекошилось, словно он сам хватил из чернильного пузырька. — А пером глаза себе выколет...

Доктор уже внимательно пригляделся к фельдшеру.

— С кем поведёшься... — пробурчал он и уже громче добавил: — Дайте, что требует, что просит, — и уже выходя из приёмного покоя, добавил: — Да поместите его в башенку. Там одиноко и больше свету...

Упомянутую башенку повелел надстроить предыдущий врач — бывший флотский лекарь, где он устроил себе кабинет. Но доктор Выжлецов, выпускник Московского университета, не пожелал возвышаться даже таким образом, и занял помещение, где всегда располагались врачи — на первом этаже этого одноэтажного кирпичного зданьяца. Так, считал он, было правильно и справедливо.

Записки по памяти

1

Конь о четырёх ногах, и тот спотыкается. А уж в лесу и подавно. Что сбило его с шага? Шишка ли еловая пала на узкую лесную дорогу, горностай ли перебежал. Но только конь мотнул головой, прынул в сторону, зацепился копытом за выступ елового корня, растерянно всхрапнул и... захромал.

Что было делать? Ты спрыгнул с седла. Передал повод сестре. Велел поезжать. Да вослед добавил, чтобы послали за коновалом. Сестра поехала, ведя в поводу захромавшую лошадь, то и дело оборачиваясь. Последний раз махнула рукой перед поворотом, меж ветвей ещё раз мелькнула её голубая шляпка и скрылась.

Ты постоял на месте, порываясь кинуться наискосок и опередить сестру. Улыбка тронула твои губы: то-то она изумится. Год-другой назад ты так непременно и поступил бы — прыти хватило бы... Но теперь не сделал и шага. Того, что представилось, оказалось вполне достаточно, чтобы удовлетворить минутный мальчишеский порыв. Мальчишество окончилось. Наступала иная пора.

Ты снял картуз. Поглядел в небесный прогал, где синева мешалась с облачностью. Оглядел лесную дорогу, посмотрел по краям, в двух шагах приметил каштаново-коричневую шляпку гриба — в аккурат под цвет твоего картуза и сюртука. Белый, да какой ладный! Срезал его пилкой для ногтей, которую держал в кармане жилета. Опустил находку на дно картуза, благо тот — с высокими околышем и тульей — был вместительным. Приметил ещё одну шляпку. Подле оказалась целая семейка. Срезал только маленькие. Чуть укорил себя, что разлучил чад с родителями. Как гамельнский крысолов, мелькнуло сравнение, да тут же и пропало: грибница сохранилась — будет и приплод. Аукнулось вод-приплод. А это не забылось.

Так, бредя вдоль лесной дороги, отходя и дальше, но не теряя её из виду, ты шёл вперёд, пока не заметил, что лесная брама стала меркнуть. Вышел на дорогу. Меж вершинами елей клубились тучи. Вдруг зашумело, заволновалось. Пали первые капли, а следом хлынул дождь. Не мешкая, ты кинулся под ель, самую матёрую из ближних. В схороне было сухо. Дождь хлестал вовсю, но сюда он не достигал, только слышалось в верхах его тихое рокотанье. И от дороги ли, дальней прогулки, от воздуха ли деревенского и лесного, от музыки ли дождя ты задремал.

Сон был странный. Тебе снилось, что где-то далеко вот в таком же еловом потае дремлет человек. Со стороны будто даётся понять, что это твой далёкий потомок. Спит, не сознавая, что корни ели, будто спрут, опутывают всё его существо. Он силится освободиться и не может. Усилия его передаются тебе, юному предку. Сон мигом слетает. Ты мотаешь головой, стяхивая наваждение, на коленях выбираешься из-под ели. И... зажмуриваешься.

С высоты исходило сияние. Казалось, будто горят две еловые вершины. Треска огня нет, но они сияли, загадочно и зовуще. Тебя охватило смятение. Это не страх, что мутит сознание далёкого потомка, чудом увиденного во сне. Тебя не принуждали... Смятение от того, что ты не готов. Не сейчас... Не теперь... Потом... Вскочив с колен, ты опрометью бросился на дорогу и сломя голову полетел прочь...

К дому ты подошёл со стороны леса, переходящего в сад. Видеть никого не хотелось. Но ты забыл, что близ амбара мостится псарня. Своры тут никакой не было. Обретался один гончий пёс. Пёс все глаза проглядел в ожидании хозяина. А хозяин что? Он только делал вид, что по-прежнему охотник, большой любитель наведаться по осени в отъезжие поля. Но на деле давно отошёл от увлечений молодости и в псарню наведывался, когда в доме появлялись новые гости. Ты вспомнил о собаке, когда уже поравнялся с загоном. Рогдай, обделённый общением, при появлении любого человека обычно заливался лаем. Но на сей раз не издал ни звука. Мало того, глянув на тебя, он поджал хвост и попятился.

Ты проник в дом с чёрного хода и уже достиг своей светёлки, но тут раздался шёпот сестры. Она поджидала, озабоченная твоим долгим отсутствием, и хотела узнать, не струсил ли чего. Ты помотал головой. Но она, не поняв, последовала

за тобой. Ты, скинув мокрый сюртук, со словами «Не сейчас... Не сейчас... Потом...», кинулся на кровать и укрылся с головой просторным пледом. «Потом...».

Спал ты беспокойно. Всё ворочался. То и дело вставал пить брусничную воду. Забылся уже под утро, когда рассвело.

Очнулся от голоса сестры, она звала к завтраку. Ты отказался, сославшись на головную боль и хандру. Она ушла, но вскоре возвратилась с подносом, на котором стоял кофейник и лежали сдобные булочки. Ты сел на кровати и внимательно посмотрел на сестру. Вы всегда жили с нею дружно, почти не ссорились, она как старшая была поверенной в твоих сердечных делах. Но то, что накануне с тобой стряслось — сестра верное слово нашла «стряслось», — ты рассказать не решился. Только попросил разделить с тобой прогулку, а повод нашёлся сам собой: где-то потерял картуз.

То место оказалось посередке еловой брамы. Ещё не наткнувшись на потерю, ты понял: здесь. Лопатки свело вчерашним ознобом. Ты нерешительно глянул вверх, а потом задрал голову. Там, на вершинах сосен, казалось, ничего не было, но внутренним зрением ты почувствовал слабое сияние.

Картуз, точно туес, полный белых грибов, стоял возле ели, под которой ты укрывался от дождя и увидел странный сон: далёкого потомка, опутанного еловым корнем... «В детстве меня опутывали по рукам», — сказал ты задумчиво. «Да, — улыбнувшись, подхватила сестра. — Ты грыз ногти и тёр ладонь об ладонь. И мами...». Договорить ты не дал: «...Связывала руки за спиной и забывала их развязать». Сестра растерянно присмирела. Ты помешкал. «А теперь — папá...».

Подняв картуз, ты равнодушно высыпал грибы под ноги и нахлобучил его на голову. На околыше зеленели сдвоенные иголки. Не то буква Л, не то V, не то знак стрелы, летящей неведомо куда. Сестра, явно почуяв что-то, смотрела на тебя тревожно и выжидающе. Ты отвлек её от воспалённого блеска своих глаз, подхватив под локоть и устремив в обратную сторону. А от ненужных расспросов — неожиданным решением: тебе надо срочно в Петербург. Сестра была огорошена. Ведь собирались в деревне прожить до октября, а ещё только август. Что скажут папенька и маменька? Как ты объяснишь им эту поспешность? На это ты ответил, что объяснять ничего не собираешься, а как брат, крепко любящий свою драгоценную сестру, поручаешь ей, родной душе, известить, что их сын, человек уже самостоятельный, уехал в Петербург по неотложным делам. Сестра, зная твой характер, отговаривать не посмела. Только спросила, когда. Нынче же, ответил ты. И дальше вы шли, не проронив ни слова.

Собрался ты споро, уложив в небольшой саквояж бумаги и самое необходимое. Сестра взялась проводить тебя. Ты согласился, но предупредил: только до лесной дороги. Скоро обед, тебя хватятся.

На перепутье двух дорог вы остановились. Сестра перекрестила тебя, троекратно по-христиански поцеловала. А ещё положила в ладонь небольшой ручкодельный кошелёк. Здесь немного, сказала она и виновато добавила, что у неё больше нет. Ты порывисто, не сдерживая слёз, обнял её. Что тут было говорить?!

2

Петербург открылся многолюдьем и суетой. Ты снял самое дешёвое жильё — сирую квартирёшку в трёхэтажном доме на Фонтанке, окнами во двор, где находилось и отхожее место. На другое просто не было денег.

Едва обосновавшись, ты пустился искать старых друзей и обретать новых знакомых. Все эти встречи сопровождались шумными застольями, долгими кутежами, спичами, клятвами и уверениями в вечной дружбе и преданности, а ещё ночными визитами в злачные места. Ты просыпался неведомо где и не задумывался, где проснёшься завтра. Актрисы и балерины, светские львицы, искавшие приключений, дебелие купчихи, изменявшие старым немощным мужьям, простушки-модистки, жаждавшие любви и выгодной партии, — с кем только ты не делил ложе.

Любовные утехы чередовались мальчишниками, на которых ты постепенно становился центром внимания и вострил свой язычок не только на светских и прочих барыньках, но и на их сиятельных мужьях, носящих чины, ордена и... ветвистые рога. То-то хохоту было в молодецкой компании!

Однажды — это было уже в декабре — твои друзья-гусары угнали чей-то многоместный экипаж и, чтобы продолжить кутёж, помчались за городскую заставу в «Красный кабак». Ты уселся на место кучера и гнал, и гнал вороных, пока на повороте дороги не возник, как тревожный маяк, всё тот же сияющий свет. Лошади вздыбились, захрапели, метнулись к обочине, и вместе с повозкой запряжку занесло в сугроб. Крики, чертыханья, хохот; ржание и шальные глаза коней в отблесках кресал — всё перемешалось и слилось в безумной коловерти. Понадобилось не меньше часа-двух, чтобы успокоить лошадей, вызволить тяжёлый экипаж из сугроба и последовать дальше. Но этого времени как раз хватило, чтобы избежать неминуемой беды. Дело в том, что в «Красном кабаке» в те часы заседал известный забияка и бретёр Т., которого ты незадолго до этого уличил в передёргивании карт. Он пил и грозился продырявить тебя свинцом или пригвоздить шпагой. Это был опытный дуэлянт, поразивший насмерть не одного противника. А ты не удержался бы от поединка, если бы получил вызов...

Да, ты становился неизменным участником самых скандальных выходок. Шутил, острил, паясничал. Зачастую не зная меры. Отчего дело едва не доходило до дуэли. Со стороны поглядеть: молодой человек, обретший вольницу, пустился во все тяжкие. Но с тобой было не совсем так, и даже совсем не так.

Юность порывиста, подчас безрассудна. От веры бежит и верит в своё бессмертие. Так было и с тобой. Только в силу твоего характера неистовой и иступлённой. Ты словно хотел переkreить, переупрямить то, что было тебе предназначено.

Так продолжалось всю осень, почти всю зиму. Пока в феврале ты не слёг в жестокой лихорадке. Тебя знобило и трясло, как от падучей. Верный дядька наваливал пледы, перины, тулуп свой кучерский. Озноб сменялся жаром, простыни набухали потом. Снова накатывала внутренняя стужа. И всё повторялось сначала.

Приходила верная няня. Приносила икону Михаила-архангела, поражающего копьём духов горячки в женском обличье. Девять или двенадцать лихоманок с перепончатыми крыльями нетопырей — летучих мышей. Оборотя икону к тебе, болезному, она шептала молитвы. Перебирала имена огневиц: Трясея, Ледея, Знобея, Огнея, Сухота... и всё кышкала на них, кышкала.

Уже на родительской квартире, куда перевезли тебя, совсем немощного, наведалься званый доктор Якоб Лейтон, флотский штаб-лекарь. Тот для понижения жара заставил тебя лезть в ванну, набитую льдом с Невы. Страшнее, мрачно шутил ты, только плаха с топором.

Болезнь тянулась неделя за неделей. У тебя были обмётаны губы, отчего больно было даже говорить, не то что пить и есть. Ещё досаднее оказалось, что стали пучками вылезать волосы, и ты нахлобучил на голову дурацкий колпак.

Навещавшим тебя друзьям ты называл болезнь «гнилой лихорадкой», как определил это ещё один лекарь, заполнявший «скорбный лист». И никто не удосужился спросить, в чём причина, что вызывает эту «гнилую лихорадку».

Несколько лет спустя, когда ты оказался на Кавказе, тебя свалила похожая болезнь. Местный врач Рудыковский оказался прозорливей. Он назначил хину, или как сам записал в своём дневнике: «вбухал хины». И недуг как рукой сняло. Отсюда появилось заключение, что болезнь твоя называется малярией.

И опять вопрос. Малярия разносится комарами, обитающими в Африке и тропических странах. А откуда такой комар мог появиться в Петербурге? В бурнусае какого-нибудь богатого негуса, странствующего по свету? В паланкине колониального чиновника, возвращающегося из Индостана в Великобританию? Даже если так, даже если допустить, что болезнь после укуса малярийного комара проявляется не сразу, как такой комар мог выдержать петербургскую стужу? Тем более что в те поры зимы были лютые. Европу выморозило. Россия тоже зябла, сидя на печи или греясь у барского камина. Людей косила простуда. Народ страдал от дифтерии, дети — от кори, эти эпидемии зафиксированы официальными документами. Но малярии в Петербурге не было.

Что ещё можно предположить по поводу твоего недуга? Молодой, ещё не окрепший организм не выдержал петербургской гонки. Ты переутомился, прожигая жизнь на светских раутах, балах, дружеских посиделках; волочась за красотками, как света, так и полусвета, не брезгуя ни теми, ни другими; неумеренно поглощая шампанское и жжёнку, тоже не чинясь разницей напитков, как и женщин. Однако такую жизнь, как было принято тогда, вели тысячи сверстников-вертопрахов, в том числе твоих многочисленных приятелей, и ни один из них не заболел ни «гнилой лихорадкой», ни малярией.

Нет, мой дорогой! Причина твоей болезни другого свойства. Её попустил Господь. В ответ на то, что ты прятал и бежал от Его посланца, Он дал тебе наглядный урок послушания. Кому много дано — с того много и спросится!

3

Господне присутствие сопровождало тебя всегда. И если ты переходил запретную черту, тебе давалось это понять. На Кавказе повторилась, как ты говорил, телесная трясушка. Это было не случайно. В Кишинёве стряслась трясушка земная, и ты чудом уцелел, а потом, бравируя, продолжал жить в полуразрушенном доме. Затем открылось твоё нарочитое безбожие — ты брал уроки афеизма у заезжего британца, предшественника богохульника Дарвина — и тебя выслали на Север. Но! Выслали всё же не в Соловецкий монастырь, как полагали при дворе, а Божьей милостью — в родовую вотчину.

Это место Господь определил тебе с изначала, как замыслил тебя. Оно было написано на твоём роду. И если бы ты отозвался на безмолвный зов этого духоводъёмного места и доверился тому начальному знаку — жизнь твоя потекла бы в иных пределах и достатках.

Приехав в заветные места, ты тотчас побывал там, где восемь лет назад произошло необыкновенное явление. Тебе казалось, ты нашёл и ту ель, под которой переждал дождь, и вспомнил тот сон, что поднял тебя из елового потая. Но сияния над вершинами, которое поразило тебя тогда, теперь не было.

Ты прожил в родовой деревне два года. Два медленных года без суеты, шума, без сплетен и интриг. Здесь вольно дышалось и пелось. Век бы не покидать эти благословенные места, назначенные тебе Провидением. Почему же сорвал тебя отдалённый столичный шум? Едва услышав его, ты велел закладывать кибитку. Ты был решителен и безумен в своей решимости. Ты выехал в путь, возница настёгивал лошадей, исполняя твои нетерпеливые покрики. За повозкой вихрем клубилась снежная пыль. При таком неистовом гоне ты живо добрался бы до столицы. Но сие было чревато неизъяснимыми бедами, и упрямство твоё было осажено.

Доброхоты разных мастей потом ссылались на твои суеверия. Дескать, пересяк дорогу заяц, а потом ещё один — и ты, подверженный приметам, одумался...

Экий вздор! Цыганки-гадалки, кольца-талисманы... А тут ещё зайцы... Да будь хоть горностаи — родичи тех, что на императорской мантии, разве это стало тебе препятствием?!

Откинувшись на спинку кибитки, ты сидел с закрытыми глазами. Однако не дремал, весь отдавшись стремительным мыслям, кои летели быстрее упряжки. Помыслами ты был уже там, на Неве, в сумятице грозных событий. Что же вернуло тебя на проезжую дорогу? Внезапная тишина. Умолк колокольчик. А потом дошло, что лошади стали. Ты разомкнул веки. Окликнул возницу. Тот, темневший на облучке кулём тулупа, не шевелился. Ты откинул полость и в распахнутой шубе живо выскочил из кибитки. Ветра не было. Но впереди стояла белая стена. Словоно дорогу и поле по сторонам поставили на дыбы. Кто же поднял эту пелену? Ты шагнул вперёд. Машинально взялся за недоуздок. Лошади стояли, сомкнув глаза. Тут впереди появился просвет. Ты шагнул навстречу. Просвет расширился. Ты смотрел широко открытыми глазами и не мог пошевелиться. Снежная пелена стала оседать, потом разомкнулась. Тебя озарило сиянием. Сердце, до того бешено колотившееся, умолкло. Зато всё твоё существо охватило благодатное тепло. Это отозвалась душа. Ты чувствовал, как твою душу наполняет восторгом, мешаемым с ужасом. Она томилась и радовалась, словно пришёл её час. Много званых, да мало избранных — было донесено тебе. А потом словно отворилось пространство...

Сколько это длилось, ты не ведал, потому что время тут — и вне, и внутри тебя — остановилось. Наступила необъятная, во всю вселенскую ширь, тишина, по которой, как по полотну, ткались видения и картины...

...Постепенно сияние стало гаснуть, замыкаясь в белую пелену. Всё внутри и снаружи вставало на привычные места. Оцепенение твоё прошло. Но ноги подгибались. Ты сделал несколько шагов назад и, чтобы не упасть, ухватился за дышло. Переведя дух, ты потянулся к лошадям. Каурая отозвалась теплом, пыхавшим из ноздрей, и трепетом губ. Соловую ты погладил по лбу и тяжёлым векам. Она тоже благодарно потянулась. Потом ты шагнул к вознице. Никита не спал, глаза его были приоткрыты, но он не шевелился. Ты коснулся его бритой щеки. Он вздрогнул. Раскрыл в изумлении рот: «Ой, барин, задремал. Что это со мной?» И перекрестился. Ты устало вздохнул, слабо прошептал: «Поворачивай домой». На иное сил не было.

Едва вернулись, ты завалился в постель. Спал беспробудным сном. Проснулся среди ночи, выпил брусничной воды и опять заснул. И потом несколько дней был не то в полусне, не то в забытии.

Оживился ты через неделю. Сердце и душа пришли в лад, и однажды под утро явились стихи:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещице зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

В те зимние дни ты подолгу сидел у камина, глядя в огонь. Языки пламени, ровно летучие крылья, уносили тебя в открывшиеся тебе на перепутье сокровенные дали. И первое, что являлось, — картины всемирного потопа. Никакое полотно, никакая гравюра не могли передать и малой доли того ужаса, который охватывал земное пространство, вмиг обращённое в океан. Ты цепенел и сейчас, вжимаясь в кресло, словно это и тебя, как былинку, уносит в разверзшуюся бездну всесокрушающая божественная стихия.

В Библии о причинах потопа кратко и для непосвящённого непонятно: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своём. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо я раскаялся, что создал их».

Читая это место в Библии, ты обычно терялся в догадках. Гнев Божий казался непомерным, особенно представляя тонущих младенцев, матерей и стариков. Живописные картины усугубляли это впечатление. Неужели же они столь грешны, это шестое-седьмое колено от Адама? Хотя бы тот белокурый кудрявый младенец, похожий на твоего младшего брата? Он-то за что? А тут, словно ответ на твой вопрос, явились причины.

Часть ангелов, сынов неба, ослушались Господа. Было их числом двести. И замыслили они, говоря земным языком, заговор. Увидев, какие прелестные родились у Адама и Евы внуки и правнучки, как они расцвели и похорошели, войдя в девическую пору, сыны неба возжелали их. Девы, уже несшие грех праматери Евы, совершили повторное грехопадение, открывшись перед ангелами-соблазнительями. Произошло зачатие. Родились младенцы. И всё бы ничего, прости Господи такое моё послабление, но росли те новорождённые не по дням, а по часам. И выросли они в исполинов, во много раз превышающих земных людей. Их становилось всё больше и больше. Великаны были непомерно прожорливы. Где год кормилась семья — нефилиму хватало на неделю. Голодные, они свирепели и разбойничали. Опустошали силой закрома, на корню объедали поля. А когда пищи не стало, принялись поглощать людей, не чинясь и не разбираясь, в том числе младенцев. Вопль ужаса, вознёсшийся над землёй, достиг Господа. Узрев открывшуюся картину, Всевышний воспылал гневом. Вначале покарал падших ангелов, бросив их в преисподнюю, а потом обрушил на землю потоп, дабы уничтожить всю новую поросль, нарушившую Его заповеди, не щадя ни старых, ни малых. И нашёл лишь одного праведника, достойного Своего промысла, а стало быть, жизни — Ноя.

А потом тебе открылись истоки — земля Гиперборейская, как в земном бытовании называлась прародина человеческая. Именно там Господь начал устройство земного мира, там явил на Свой Божий свет Адама и Еву. Там был тот сад, что зовётся Эдемским. А в нём древо познания. Там случилось первое грехопадение. Оттуда у прародителей, изгнанных из Эдема, пошли дети и внуки. Потом случилось второе грехопадение. А следом на неразумных и несчастных обрушился тот самый всемирный потоп.

Спустя время и времена человечество вновь расплодилось. И что бы ему не жить в добре да заботе друг о друге, как наставлял Господь. Но хитроумный дьявол заразил людской род проказой эгоизма. Заповедью Всевышнего о братской любви люди стали пренебрегать, начали хладеть друг к другу, забыв минувшие беды и несчастья. И тогда Господь послал на землю новое испытание, сместив земные балансиры, отчего в благословенных землях, где жить бы и жить в любви и согласии, повеяло ледяной стужей. Люди потянулись в поисках телесного тепла в иные места, растекаясь по лицу земли всё дальше от прародины. Они говорили на одном языке, на котором от рождения говорил ты. Но со временем многие разбрелись так далеко, что стали забывать истоки своей речи. К тому же единая прежде земля разделилась на несколько материков, и человечество утратило своё изначальное единство.

Русским, по воле Господней, досталось самое большое пространство на земле. Тебе зримо предстали разные времена и царствия. И ты мог видеть, как жизнь, подобно морским волнам, то затихала на этих просторах, то вновь возвращалась сюда. Времена ослабления рода сменялись веками расцвета. Чужеземцы, застолбившие было уделы ушедших русичей, пеняли на несправедливость, когда то здесь, то там появлялись русские дружины и корабли, ибо не сразу понимали, что это русские витязи возвращаются на исконные, Богом данные земли.

А ещё тебе было дано понять и прочувствовать, что Россия — удел Богородицы, и всё самое важное на этих пространствах совершается по Божьей воле. И никакие внешние призывы и веяния здесь неуместны, и более того — противны Богу как ересь.

Император, видимо, до конца не определился, как себя с тобой держать. На расстоянии, сидя за столом со львиными ножками, а ты — стоя перед ним; так ведь ты — не порученец, хотя и чин какого-то разряда. Пригласить за кофейный стол — тоже, вроде, не с руки: первая встреча и такое сближение, даром что вы почти ровесники, разница всего в три года...

Всё сложилось как-то само собой. Ты учтиво поздоровался. Дождался его приветствия. Шагнул от дверей вглубь просторного кабинета. Он тоже сделал шаг навстречу. Ты извинился, что не прибран, четверо суток в пути, запыхался, на сапогах грязь... Фельдъегерь гнал от Псковщины до Москвы без остановок. И даже здесь, перед аудиенцией, не дал хотя бы побриться, а прямо — в Кремль и сюда в Большой дворец.

Ты сделал ещё шаг. Поморщился от своей неловкости. Всё ещё качает, добавил извиняясь, и зябко передёрнул плечами — в дороге продуло. Взгляд твой потянулся к огню. Это не ускользнуло от внимания императора. На твой безмолвный вопрос он кивнул и приглашающе повёл рукой. Ты прошёл к камину. Хотелось встать спиной, чтобы жаром обдало поясницу. Но встал вполоборота, оставляя место у просторного камина императору-великану.

Принесли кофий на подносе и булочки. Каминная доска оказалась для тебя высоковата. И хозяин велел поставить столик. Ты сделал несколько глотков и, почуввав, как от тепла внутреннего и внешнего тягостный сгусток в груди размякает, благодарно кивнул.

Теперь можно было начать разговор. О чём? Император не был дипломатом. Он был военным. Ходить вокруг да около не умел. Потому с солдатской прямоотой спросил о главном: «Случись тебе оказаться в Петербурге 14 декабря, где бы ты был?» «На площади, государь, — ответил ты, глядя снизу вверх, но не отводя глаз, — там, где были мои друзья. Вы — человек военный, для военного предать своих — навсегда потерять честь. А это смерти подобно». Прямой ответ на прямой вопрос удовлетворил императора. Недолго мешкая, он предложил тебе мировую, благо у него было торжество — только что состоялась коронация.

На столе императора ты заметил знакомые корешки — это была «История Государства Российского» Карамзина. Прекрасный повод переменить тему. И ты им воспользовался. Император благоговел перед этим трудом и, само собой, перед его покойным автором. О чём и сказал, лаконично и твёрдо. Ты тоже молвил доброе слово, и было видно, что император оценил, как мягко и нежно ты говорил о своём старшем друге и наперснике. Тут вы были единомышленниками. То-то у обоих заблестели глаза, когда вы заговорили о предмете, словно вручили друг другу верительные грамоты. Даже, как бывает в разговоре, заторопились один перед другим, отмечая любимые места и стараясь донести их красоту и мощь до собеседника. Труд удивительный, говорил император. Ты кивал и соглашался: титанический труд. Отыскать по монастырям и книжным хранилищам летописи, инкунабулы, фолианты, писцовые книги, прочитать их, осмыслить, воплотить в тысячи страниц рукописи — такое под силу только незаурядной, волевой личности, которая твёрдо и неуклонно идёт к намеченной цели.

Так продолжалось некоторое время. Но ты обратил внимание, что император использует только превосходную степень, оценивая труд Карамзина. А ты привык оглядывать предмет со всех сторон, отмечая не только достоинства, но и недо-

статки. То, что уже второе столетие русская история, как сапог, перекраивается по немецкой колодке, тебе и твоим единомышленникам было понятно. И Карамзин тут внёс немалую лепту, заложив, по сути, канон. Так было угодно романовской династии, где в четвёртом правлении царила немецкая кровь. Новый император целиком соглашался с такой установкой, любуясь династическим зеркалом, в котором видел уже и себя. Напрямую сказать об искажении отечественной истории ты не мог. Но и соглашаться и безмолвствовать тебе не пристало. В двух-трёх выражениях ты мягко перевёл внимание державного собеседника на более далёкие времена, когда правила другая династия. Вспомнил славные победы Дмитрия Донского, Александра Невского... Потом процитировал Карамзина: «Великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россией, в умеренных её климатах была искони обитаема, но дикими в глубину невежества погружёнными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками».

Император поначалу насторожился, снова вытянулся во фрунт, пальцы заложив за полу мундира. Но чем дальше длилась твоя речь, тем, увлекаясь, он всё больше расслаблялся, пока не облокотился на каминную доску, подогнув колени, и едва не сравнялся с тобою в росте.

О чём ты говорил? О народе. Простые казаки, немногочисленная дружина Ермака вернула России утраченную некогда Сибирь. При этом действовали казаки не столько мечом, сколько крестом и природным разумом. Это ли не историческое деяние, достойное летописного памятника, а также бронзового изваяния?! Новгородское вече, существовавшее ещё до крещения Руси, показало пример ярчайшей, превосходящей греческую, демократии, где во главе правления становились выходцы из простонародья, отличавшиеся природной смёткой, волей и справедливостью. А поморы якобы дикого Севера! Простые мужики ладили парусники — кочи да лодьи, на которых издревле, ещё до начала Московского княжества, ходили в Арктику, на Грумант, под самым Северным полюсом утверждая становища. Разве эти деяния не достойны исторической памяти?

Помянув поморов, ты тут же вспомнил Ломоносова, выходца из мужиков, ставшего академиком. На память процитировал начала ломоносовского трактата «О размножении и сохранении российского народа». В этой формуле — первоисточниковая задача государства на все времена. Это ты подчеркнул особо, глядя императору в глаза. А чтобы убедить, что доверительное и заботливое отношение власти к народу окупаются сторицей, привёл примеры ближние: Дмитрия Пожарского и Козьму Минина, спасителей Отечества, князя и простолюдина; Суворова, за которым его пехотинцы шли в огонь и в воду, штурмовали Чёртов мост и готовы были устремиться чёрту в зубы; Кутузова, которому армия верила безоглядно, и наконец, прашура — императора Петра Алексеевича, который выискивал единомышленников не только из знати, но и из простых людей, обладающих природными, от Бога данными достоинствами.

Развернуть перед императором тот изначальный свиток, что открылся тебе на русском перепутье, ты не решился. Однако отказать себе в том, чтобы поделиться обрётёнными знаниями, не мог. Сперва хотел поведать об исполинах и напомнить, что прообразы их появились в «Руслане и Людмиле» — голова великана, а ещё в «Сказке о царе Салтане...» — тридцать три богатыря. Да тут же осёк себя, решив, что это бахвальство, к тому же у тебя исполины — не злодеи. Потому перевёл на другое: напомнил о списке «Слова о полку Игореве», оригинал которого сгорел

здесь, в белокаменной, во время наполеоновского нашествия. Император, небольшой знаток словесности, кивнул и почему-то вспомнил, что эту находку признал как раритет академик Шлёцер. Замечание это резануло твой слух. Один из врагов Ломоносова, доживший до глубокой старости, немец по происхождению, в начале этого века был жалован русским орденом Святого Владимира и дворянством. Ломоносов, верно, в гробу перевернулся. За какие заслуги? За то, что обворовал древние книжные хранилища и перековеркал историю Руси? Мигом вспомнился Павел Каверин, друг лицейской юности, лихой гусар: до войны 1812 года он слушал лекции в Гёттингенском университете, где в своё время преподавал Шлёцер, и своими глазами видел шкафы, набитые русскими раритетами. А то, что Шлёцер признал русскую находку, так невелика честь. За жалованный орден сказал одно, а потом всё равно гнул свою норманнскую теорию. Но вступать в пояснения ты не стал. Перевёл внимание на письменность. На Руси писали на берёсте, в древних школах — на грифельных досках, а ещё использовали для словесности деревянные дощечки. Вот на таких было написано и «Слово...».

«О Бояне, соловью старого времени! А бы ты сия полки ущекотал, скача славию по мыслену древу...», — прочитал ты на память и тут же взялся пояснять: — О чем это «Скача славию по мыслену древу»? Боян был древний — незапамятных времён — певец, творил ещё до изобретения папируса, а потому, по тогдашнему обыкновению, писал на деревянных дощечках. И чтобы не вдаваться в долгие пояснения, ты сослался на древнего арабского историка Ибн-Эль-Недима, который оставил свидетельство о письменности русов. Письменность здесь, на русской земле, была развита задолго до Кирилла и Мефодия. Русские начертания есть на египетских пирамидах, есть в Азии и в Америке, да едва не на всех материках. Есть они на раритетах Древней Греции. О чём это свидетельствует? О том, что среди русичей было немало образованных, понятно, по тем временам, людей. А такие были востребованы во все эпохи. Есть множество свидетельств, что среди римской и греческой знати было немало русичей, кто своим умом и доблестью достиг жизненных высот.

Тут ты вновь возвратился к «Слову о полку Игореве», приведя слова о Бояне: «А бы ты сия полки ущекотал... рища в тропу Трояню». Как это понимать? Карамзин заключил, что слова «в тропу Трояню» (*in via Trajani*) означают в путь Траянов. Но, спрашивается, можно ли что-то воспеть в чей-то путь? Поют в лад кому-то, но не в путь. К тому же в оригинале говорится, что речь идёт о чём-то троянском, а не Траяновом. Да и дальнейший текст «Слова...» это повторяет: «вступила девою (здесь об обиде) на землю Трояню», то есть речь идёт об Илионе, другом имени Трои. Стало быть, в чём смысл обращения к Бояну, певцу древности? А в том, что если бы ты, Боян, воспел полки Игоревы, ты бы так же воспел их, как и войну Троянскую, т. е. теми же словесными образами и оборотами, тем же своим высоким языком. А поскольку самое величественное произведение о Трое «Илиада», то можно заключить, что «Илиаду» написал русич Боян, а не некий там Омир, неведомо где и когда родившийся.

Император в продолжение твоего долгого монолога безмолвствовал. Он был поражён не столько фактами, сколько твоими неукротимо-вдохновенными речами, и от всего этого явно устал. Ты это почувствовал и, по сути, на полуслове умолк. Но, может, это было и к лучшему. Потому что неизвестно, как он воспринял бы твоё умозаключение о Древней Греции и всём античном мире. Ведь то, что ты постиг на перепутье снежных дорог, тебя и самого поразило. Древняя Греция и

Древняя Русь, оказывается, были сообщающимися сосудами. Более того, русичи и стояли у истоков этого царства-государства. Услышь такое государь, чего доброго, почёл бы тебя за сумасшедшего, а он, едва окончилась аудиенция, выйдя к вельможам, во всеуслышание заявил, что имел беседу с умнейшим человеком России.

5

Ты окончательно осознал своё назначение и старался сдерживать свои безумства. Но сердце подчас летело быстрее разума. Так произошло в тот год, когда ты отправился на Кавказ в действующую армию. На пути туда тебе был дан остерегающий знак — ты увидел гроб с телом убитого в Персии Грибоедова. Но не одумался. А достигнув передовых порядков, тут же ринулся в гущу боя. Могли ли отвести неминуемую беду крылья твоего бедного ангела-хранителя?! Не иначе Архангел Михаил, воевода небесных сил, оградил тебя от гибели.

То же было и через год, когда воля провидения затворила тебя в Болдине. Близились пятая годовщина декабрьской смуты, грозившая напастями. И вышней волей была попущена холера, центр которой пал как раз на Поволжье. Сто дней ты обретался в карантине. Стремясь к невесте, норовил пересечь заставы, но тебя всякий раз возвращали обратно. На очередном таком перегоне ты почувствовал недомогание. Заключил, что, как ни берётся, всё-таки заболел. По счастью, на ту пору на почтовой станции оказался один опытный человек. Не лекарь, но весьма осведомлённый в различных практических делах обрусевший немец, то ли преподаватель, то ли секретарь какого-то коммерческого училища. Он-то и развеял твои худшие опасения. Пощупав лоб и запястье, он заключил, что это не холера, а обыкновенная простуда. При этом выругался: «Доннер ветер!», тем пояснив, что попутчика где-то продуло. Мало того, он тут же и лечение назначил. Велел службе принести чаю. Из большого чайного бокала половину отлил, а долил в него золотистого гаванского рома. Тебе ничего не оставалось, как довериться этому человеку. Выпив пуншу, ты лёг, он укрыл тебя шинелью, а сверху накинул ещё одну. «Утро вечера мудренее», — с лёгким акцентом заключил он. И действительно. За ночь пропотев, ты в утрах встал совершенно бодрым. И на радостях по случаю счастливого выздоровления закатил пир, велел станционному смотрителю метать на стол всё, что есть в закромах. Вот тогда за пирушкой ты в знак доверительности и поведал немцу-попутчику свою тайну. Это было, по сути, то, что ты прежде открыл императору.

6

Аудиенция у императора принесла вольную. Тебе была дарована свобода и право жить в любом месте Российской империи. Ты не выбирал: Москва, Петербург и время от времени — деревня. Выбора по существу не было. Но знал бы ты, что тебе остаётся всего десять лет жизни, может, переменял бы эту череду, сделав центром помыслов сельскую вотчину.

Счастлив ли ты был, обладая Божественным даром первого поэта?

Счастлив ли ты был, обладая первой красавицей России?

Ты сам ответил на эти риторические вопросы к своему исходу:

*На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

Аукнулась Святогорская ярмарка. Ты заявился на неё в алой канаусовой рубахе и казачьих шароварах с красными лампасами, заправленных в юфтевые сапоги. Держа в руке просторную шляпу «боливар», ты извлекал из неё тёмные вишни и косточками норовил в кого-нибудь пульнуть-стрекануть, предпочитая, понятно, близких по духу мальцов-огольцов. Очередная косточка попала в белобрысого отрока, тот показал тебе язык. Ты расхохотался и оделил его щедрой вишнёвой горстью. Крестьянские дети пугливы и робки, коли чужого увидят. А этому, конопатому да веснушатому, — хоть бы что, держится на равных. Мало того, сам задирает: «А давай, барин, в ухоронки играть». «Как это?» — спрашиваешь ты. «А мы с ребятнёй, — показывает он на ватажку сверстников, — ухоронимся, а ты будешь нас искать, а коли не найдёшь — вишни наши. — И уточняет, ухмыляясь: — Вместе со шляпой да... енеральскими портами». «Идёт, — отвечаешь ты: — Только я хоронюсь наперёд, чтобы было справедливо. Вас ведь больше. И... вместе с вашими портками. Найдёте меня — портки верну. Да с моими в придачу». Ватажка, окружившая тебя, призадумалась: портки хоть латаные-перелатаные, а свои. А взамен что? А ну как домой придётся возвращаться беспортошными. Не миновать порки. «Стережётесь? — усмехнулся ты. — И правильно делаете. А то уж так ухоронюсь, ни одна собака не сыщет!»

Ухоронился...

Начало марта. Близится 40-й день. 9-го числа ты, усталый раб, предстанешь перед Всевышним.

Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего Александра, и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное.

И ещё, Господи, молю: дозволей его светлой душе навевываться по весне, в начале лета, в эти благословенные пределы и, облетая милую вотчину одухотворённым жаворонком, петь величальную Твоему земному творению.

И вы молитесь о том, его друзья и заединщики. И в первую голову вы, милостивый государь Василий Андреевич Жуковский, душеприказчик, коему и адресую сии записки.

Эпилог

Доктор Выжлецов сидел перед открытым шкафом. На верхней полке стояли папки с наиболее интересными случаями душевных заболеваний, а также образцы различного творчества больных. Здесь были рисунки путешествия на Марс, где преобладал красный цвет, их оставила знатная барышня, год назад покончившая с собой. Здесь покоились письма к Жанне де Арк, деве-воительнице, от любви к которой скоротечно истаял пылкий юнкер. Здесь находились докладные записки в Сенат, как в промышленных целях использовать ледники Северного Кавказа — их оставил бывший чиновник, статский советник.

Доктор Выжлецов пребывал в задумчивости. Перед ним лежала рукопись. Стопку исписанных листов принёс фельдшер Ломанов — было это третьего дня — а ещё он доложил, что новый больной исчез.

— Как исчез? Куда исчез? — машинально переспросил доктор, глядя на листы, исписанные прекрасным каллиграфическим почерком.

— Не могу знать, — ответил фельдшер и, точно фокусник, вытащил из-за спины какой-то серый свёрток.

— Что это? — всё ещё пребывая в послеобеденной задумчивости, спросил доктор.

Фельдшер Ломанов, загадочно тараща глаза, развернул свёрток и двумя руками встряхнул его, как до того медбрат Гурий встряхивал смирительную рубаху. Это оказался тот самый наматрасник, в который был облачён странный пациент. На лице фельдшера плавала иезуитская улыбка. И этим встряхиванием, и этой улыбкой он словно говорил, что потворствование душевнобольным, игра с ними в душевность до добра не доводит.

Беглый осмотр башенки подтвердил: в помещении действительно никого не было. Вернувшись в кабинет, доктор Выжлецов демонстративно захлопнул дверь перед носом по-прежнему ухмылявшегося фельдшера Ломанова и сел за стол.

Рукопись пациента, который назвался Александровым, доктор прочитал, а прочитав, ещё больше озадачился. Он вновь поднялся в башенку. Не заходя внутрь, снова осмотрелся, на сей раз более внимательно. Кровать без матраца, намертво привинченная к полу, в дальнем углу от входа маленький откидной столик и такое же сиденье. Ничего здесь не напоминало о пребывании исчезнувшего пациента. Но... Тут взгляд доктора снова и будто невольно потянулся к столу. На поверхности стола близ стены лежало перо. Это было не то перо, какими обыкновенно писали в больничке — петушиные, реже гусиные огрызыши. Это было большое, белое и, чувствовалось, упругое перо, от которого — что становилось всё явственнее с наплывом сумерек — исходило слабое свечение. Доктор шагнул к окну, которое выходило во двор. Двое мальчишек, дети истопника и кухарки, обрадев оттепели, катали снеговика. Он медленно и чуть боком, держа в поле зрения стол, перешёл к противоположному окну, которое было обращено на пустырь. На подоконнике лежал снег. Слева темнел какой-то росчерк. Мелькнула догадка, и он даже покосился на стол, но тут же зябко передёрнул плечом и заключил, что это с кровли упала сосулька. Потом перевёл взгляд на забор, редко утыканный гвоздями. В прогале меж двумя штырями снег был сбит. Птица, наверное, голубь или воробей, решил доктор, не пожелав продолжать обследование, да просто, видимо, ветром сдуло.

Три дня доктор Выжлецов пребывал в задумчивости. Надо было принимать решение. Он заварил свежего цейлонского чаю и тяжело уставился на рукопись. Как с нею поступить? Отправить адресату, то есть В.А. Жуковскому, воспитателю наследника престола, или передоверить это настоятелю Святогорского монастыря отцу Геннадию, под опекой которого находится больничка?

Чай был выпит. Решение принято. Доктор сделал так. Рукопись сложил в обычную папку, в каких хранились скорбные листы — истории болезни. Скрепил её бечёвкой со старыми папками, которые лежали на верхней полке шкафа. Запищал этот тючок на самый низ, а потом, пораскинув ещё, задвинул во второй ряд.

Доктор рассудил здраво. Передать эти листы по назначению или даже через посредника, описав, откуда и при каких обстоятельствах они взялись, — значит, подвергнуться риску. Ведь при известном раскладе тебя самого могут принять за сумасшедшего, и тогда ты не просто лишишься казённой оплачиваемой должности — чего доброго, сам угодишь в эту богадельню. А чтобы уж совсем избавиться-

ся от наваждения, доктор раскрыл журнал приёма больных, самолично извлёк злосчастную страницу с именем исчезнувшего странника, а нумерацию последующих поменял. С глаз долой — из сердца вон, говорят в народе.

Единственно, о чём ещё подумал доктор, надо как-то поощрить фельдшера Ломанова, чтобы он помалкивал об этом происшествии. А медбрат Гурий — сила есть, ума не надо — давно уже сам всё забыл.

ПОЭЗИЯ

ЮЛИЯ ОЛЬХОВСКАЯ

Идти меж землёй и небом...

* * *

Как роскошь, причал и дом.
Мечта: у костра погреться.
Скитаются за бортом
И дух мой, и бездна сердца.

И берег уже не брат,
И за морем небо в тучах.
На мокром песке мой сад —
Обломки кустов колючих.

Я в вихре морских атак
Держу на крючке свободу.
Уйдёт. Я не просто так
Любить разучилась воду.

Пока не унёс прибой,
Я море держу за гриву.
Не кончится этот бой,
Никто не подаст оливу.

ОЛЬХОВСКАЯ Юлия Александровна родилась 8 июня 1987 года. Окончила факультет журналистики Иркутского государственного университета. Неоднократно публиковалась в журнале «Сибирь», автор сборника стихотворений *«Между тенью и светом»*. Лауреат творческой конференции «Молодость. Творчество. Современность». Член Союза писателей России (2014). Живёт в городе Шелехове.

Перед Байкалом

Мой персонаж взрастил в блокноте месть,
Но лирика слаба для этой роли.
Так хочется и думать, и прочесть,
Что не боюсь ни холода, ни боли.

Сплошной обман, что с чистого листа
Другую быль напишешь виновато.
Настало время возраста Христа,
Но на пути ни друга, ни Пилата.

Есть озеро священное одно,
Где можно по-цветаевски распастья,

Недолго плыть, но долго видеть дно,
Легко дышать, но не легко спастьяся.

Из глубины достигнутых высот
Плевком своё разбавить отраженье.
И только если стоишь бездны вод,
Она возьмет без якоря на шее.

Так хочется порой, чтоб не нашли,
Познать круговорот и выпасть снегом.
Но бездна спит для тех, кто на мели
И от себя спастись пытался бегом.

* * *

Утонула в лампадах арена.
Каждой песни известна тщета,
Но склоню пред маэстро колено,
И уважу улыбкой шута.

Что за праздник сегодня — не знаю,
Но в числе приглашенных давно.
И готовился долго к свиданью
Арлекин, покоровший окно.

Пролетел он столетья и версты
И вернулся на прежнюю ось.
Опадают бумажные звезды.
Загадала желанье. Сбылось.

И пришло моё время умчаться,
Не гася равнодушных лампад.
Он вращался и будет вращаться,
Повторяя слова невпопад.

* * *

Треплет куст на столбе афишу.
Вижу кружев твоих узор,
И сияние рампы вижу,
И затмивший сиянье взор.

До полуночи стань мне ближе
От того, что здесь Древний Рим,
И спустилась Венера ниже
Белым шлейфом к рукам моим.

Стань родной потому, что слышу
Спетьёшь нежно тобой апрель:
Первый дождь, леденящий крышу,
И воскресшую птичью трель.

Снова странное вспомню детство
И над книгами тихий плач,
Где Французское королевство
И на Гревской стоит палач.

Стань родной потому, что знаю,
Как сжигали таких, как мы,
Поклонявшихся тьме и маю,
Рвущих травы среди зимы.

Стань родной мне за то, что в хоре
Слов и звуков мой слух остёр.
Стань мне ближе затем, что в горе
Слёз никто мне рукой не стёр.

Память

Успокоился дом, утопая в снегу,
Зверь ушёл из-под кожи, и где-то на воле.
Я хочу, чтоб служил он не мне, а врагу,
Только память, как крыса, скребется в подполье.

Посредине зимы моё прошлое — гром.
И вперед не ходи — все равно не успеешь.
Ведь недаром же в сказках, воюя со злом,
Говорят, что оглянешься — окаменеешь.

Память бьётся за право спастись на века
И стоит на пороге с глазами безумца.
Мне бы сжать свою волю в ядро кулака
И попасть в переносицу — не промахнуться.

Говорят, чтобы крысы ушли с корабля,
Нужно скучным актером подыгрывать буре.
Но закончился шторм, и мы снова друзья —
Я останусь в звериной растрёпанной шкуре.

Моё прошлое — гром, даже долгой зимой.
По ночам из зеркал выбегает подросток,
Чтоб латать свои раны цыганской иглой
И вычесывать ярости грубый подшёрсток.

Мечь

Простить может только каменный, Не знавший удара в спину, А я по старинке раненый, И жив лишь наполовину.	Умру, и без замешательства Я выберусь из могилы. Чумой, чтоб заставить мучиться, И Вием с отвисшим веком.
И сдвинуть плиту предательства Живому не хватит силы.	Вернусь назад, кем получится, Но только не человеком.

* * *

Под небом опять потоп, На землю смотрю сквозь воду: Здесь нет и не будет троп В обещанную свободу.	Мой древний воскрес каприз: Идти меж землей и небом, И если не гляну вниз, Встречай меня солью-хлебом.
Прикрылась дождем луна, А прежде была полезной. Одна лишь стезя видна: Горящий канат над бездной.	Качают ветра канат, А пройдено слишком мало. Глядит исподлобья ад, Я знаю его — бывала.

Вглядевшись в его глаза,
Я стану еще капризной.
Не смоем водой гроза
Всей памяти прошлых жизней.

Не надо светил и дня
Тому, кто в ночи крадется.
Как лист, пусть дрожит земля,
И дерево мира гнется.

* * *

Душа нараспашку, почти не одета,
На слух подбирала все песни планет.
Наверно, мы слушали станцию «Лето»,
И пел апельсином сибирский рассвет.

Но время ключи сдать смотрителю к срокам,
Захлопнуть, как книгу, прочитанный дом.
И чтобы не выдать овцу ненароком,
Душа в волчьей шкуре стоит пред врагом.

Я петь не умею — нет сердца и слуха,
Но прежним потехам минуты нашлись:
Как старый приемник, настраивать ухо
И слышать помехи на станции «Жизнь».

Пугало

Звезда над севером светит аполитично,
Не вложит в руки серебряный блеск ножа.
Все перекрестки исхожены на отлично,
Но у ворот не меняются сторожа.

В крови, свободной от всякого алкоголя,
Прямая ясность, но выдохся кислород.
И мне осталось лишь встать посредине поля,
Пред мудрой птицей скривив недовольно рот.

Прикосновенья когтей городских окраин
И привкус неба: металла и гари смесь.
Ты ядовитым любишь урожай,
А строгий ветер случайную сдует спесь.

Война без танков — и сердце как в танке глухо.
Рассвет к ногам моим выкатил колесо.
И четвертует, и поджигает солому духа,
А ворон клонет мне тряпочное лицо.

Кукловод

Диктатура кровавой и смуглой луны
Кукловодом владеет, как жертвами жало.
Его куклам не снятся спокойные сны,
Небеса изменились от дымки пожара.

Только нити не вечны, все падает ниц,
Улыбается слабость на тонком фарфоре.
Для того он лепил одинаковость лиц,
Чтобы проще собрать, если сбудется горе.

Но пока у огня ещё есть хоровод,
Он с лихвой задает непосильные ритмы.
Чтобы нить прервалась, и ушел кукловод,
Здесь хватило бы даже и маленькой бритвы.

Но безмолвствует мир, будто в дни нулевых.
Куклам в этой игре пистолет не положен.
Защищаться и править — удел волевых.
От живых к неживым путь случился, он ложен.

Иду к ветрам

Все тот же город лиц, как прежде, постных,
Какой бы здесь ни вился в небе флаг.
А там, в полях, как в детстве в девяностых,
Есть стая неприрученных собак.

Им хорошо, свободным от отчизны,
По-человечьи не умеют выть,
Они спасать не обещали жизни
И никому не обещали жить.

И кровных уз, а, может быть, кровавых
Не знают, и никто их не предаст.
А я хочу по-детски ползать в травах,
Но руки обжигает снежный наст.

Из прошлого ещё глядит сквозь годы
Со старой школьной парты голубой
Заоблачная статуя Свободы,
Начерченная маленькой рукой.

Но растопил её неровный факел
Мечты американской воск свечи.

Я повзрослел. По счастью я не запил,
Но чахну, как Емеля, на печи.

Лишь по ночам для чувства мнимой воли
Иду к ветрам, чтоб воск сумел застыть.
Что с той мечтой мне делать в русском поле,
Не давшем ни увидеть смерть, ни жить?

Я умирал, как в ту свободу вера.
Не я за жизнь, а жизнь в меня клещом
Вцепилась мертвой хваткой бультерьера,
Но мне не стала дружеским плечом.

Людских голос я слушаю жестокость,
И только в маске выйду на крыльцо,
Скрывая то любовь, то одинокость,
А может, просто постное лицо.

Придет весна, текут другие воды,
А под луной все тот же будет лай,
Как лёгкий вой непонятой свободы,
И прозвучит команда: «Выбирай».

* * *

Зима не время года — время века.
Пустыня запорошенных идей.
Пусть сердце обросло бронёй из меха,
Но в ней душа продрогла до костей.

История для лести и декора
Продолжит свой стремительный отсчёт,
И, овладев искусством живодёра,
Из шкуры сердца чучело сошьёт.

ВИКТОР БАЛЫКОВ

Полустанок

РАССКАЗ

Калитка закрипела, и Григорич, вздрогнув от неожиданности, остановился, оглянулся и с удивлением посмотрел на неё. Скрип калитки он услышал впервые. До этого она никогда не скрипела. Никогда.

Это необъяснимое с научной точки зрения явление породило в посёлке множество слухов и домыслов. А местные зубоскалы выдвинули версию, что Григорич тайно ночью смазывает петли калитки маслом, чтобы застучать свою жену с каким-нибудь красавчиком. До выхода на пенсию Григорич работал на станции диспетчером, и ночные дежурства были обычным делом. В посёлке даже появилось выражение: «попросить у Григорича маслица», что означало — присмотреть за своей женой. Григорич на шутки не обижался и всегда отвечал шуткой. Все знали, что они с Клавдией живут душа в душу.

— Надо смазать, — машинально подумал Григорич и вдруг словно очнулся. — К чёрту! Всё к чёрту!

БАЛЫКОВ Виктор Геннадьевич — поэт, прозаик. Родился 26 мая 1956 года в посёлке Ильинск, Тамаринского района, Сахалинской области в семье военнослужащего. В 1982 г. окончил Новосибирский электротехнический институт по специальности «Самолетостроение». Работал на заводе мастером, затем начальником участка, в 1984 г. перешел на службу в армию в качестве офицера. Служил в Абхазии. В 1988 г. был переведен в Ангарск. Уволился из армии в начале 2000 г. в звании капитана. Член Союза писателей России с 2018 г. Автор двух поэтических сборников: «Надежда» (2015 г.), «Неизбежность» (2016 г.) и многочисленных публикаций в иркутских и ангарских литературных изданиях. Живет в Ангарске.

Он посмотрел на часы. Время до поезда ещё было.

— На дорогу к кладбищу и обратно — час, и там... и с Кузьмой проститься... Успею.

Кладбище, как всегда, появилось неожиданно из-за плотных кустов багульника, и Григорич замедлил шаг. Располагалось оно прямо в лесу. Причём лес здесь был такой густой, что могилы едва помещались среди деревьев. Неизвестно, кому первому пришло в голову хоронить именно здесь, но идея так понравилась, что все поселковые старики стали требовать от своих родственников, чтобы их упокоили именно в этом лесу.

Никакого порядка в захоронениях не было, могилы рыли, где удобнее, и поэтому дорога на самом кладбище разбивалась на множество тропинок. Но каждый знал свою, и Григорич шёл уверенно, не оглядываясь, лишь изредка здороваясь с односельчанами кивком головы или коротким «здрасьте».

Клавдия сидела на скамейке, и Григорич сел рядом.

— Здравствуй, Клавдия. Вот пришёл проститься.

Клавдия вздохнула и закачала головой:

— Уезжаешь, стало быть?

— Уезжаю, — ответил Григорич и опустил голову.

— А как же я? — спросила Клавдия.

Григорич резко встал со скамейки.

— Да пойми же ты! Не могу я здесь, понимаешь! Не могу! Я уже старик, а жизни не видел.

— А как же я? — повторила Клавдия.

— Ты только не подумай, что я бегу. Я работать буду. Я же ещё здоровый... — Григорич замялся. — А к тебе я приезжать буду.

— Да, да, — вздохнула Клавдия.

Григорич снова сел.

— Ты, Клавдия, не отговаривай меня. Я уже всё решил.

— Да я тебя и не отговариваю. Если решил, то конечно... С детьми советовался?

Григорич махнул рукой.

— И письма писал, и телеграммы стучал... Как об стенку горох.

— Тяжело тебе будет, — опять вздохнула Клавдия.

— А сейчас мне легко?..

Григорич не закончил начатую было фразу и осёкся.

— Ты прости меня, Клавдия, — продолжил он поникшим голосом. — Не буду я перед тобой хорохориться. Чувствую, немного мне осталось. И как подумаю, что вот здесь, где родился и всю жизнь прожил, помирать буду, не по себе делается. Ты знаешь, я на проходящие поезда, как новое кино, смотреть хожу. Там люди из одной жизни в другую едут. А какая она, другая жизнь? Ты вот так и не узнала. А у меня ещё есть возможность.

Григорич замолчал. Так, молча, глядя куда-то в пустоту, он просидел долго.

— Как там у нас? — неожиданно прервав молчание, спросила Клавдия.

— Всё по-прежнему, — ответил Григорич. — В Чечне воюют, в Кремле воруют.

— Я не про это. Что нового?

— Говорят, скоро жить будем хорошо.

— Тоже мне новость, — возмутилась Клавдия. — Об этом, сколько помню себя, говорят.

— Пойду я? — спросил Григорич.

Клавдия молчала.

Григорич резко встал. Он вдруг испугался, что Клавдия сейчас скажет что-то такое, что заставит его усомниться в своём решении. И понял, что надо уходить.

— Прости, — бросил он, пряча от Клавдии глаза, и, не оборачиваясь, пошёл прочь от могилы жены.

Идти обратно оказалось труднее. В сердце заныла тупая боль. Ноги словно вязли в сухом песке, и где-то посередине кладбища он остановился, чтобы перевести дух.

— Здравсьте, дед Алексей, — услышал Григорич и, повернув голову, увидел сидящего на скамейке парнишку лет семи. Григорич сразу узнал его, это был сын обходчика Семёна Емельянова. Но вспомнить его имя никак не мог. Он подошёл к оградке и на могильном памятнике, сваренном из железа, прочитал: «Емельянов Антон Семёнович».

— Здравствуй, Антоха. Я тут посижу немного с тобой. А то что-то запыхался.

— Садитесь, дед Алексей, — обрадовался Антоха. — И вы отдохнёте, и мне не скучно. Вы к тётке Клавдии приходили?

Григорич кивнул, достал пачку сигарет и не спеша закурил.

— Понимаешь, Антоха, не бегу я. Мне на другую жизнь посмотреть охота.

— А я думал, жизнь везде одна, — протянул Антоха.

— Жизнь-то везде одна, да не везде одинакова, — возразил Григорич.

— А как же тётка Клавдия? — спросил Антоха.

Григорич вспыхнул:

— Да вы что, сговорились с ней, что ли? Я же не в Америку еду, а в райцентр. Здесь на электричке-то всего ничего. Не брошу я её, понимаешь, не брошу.

— А если что случится? Заболеете или... ещё чего? — не унимался Антоха.

— Заболею — вылечат. А если «ещё чего», в завещании укажу, чтобы здесь похоронили.

— Это как же? — не понял Антоха. — Из райцентра сюда повезут? Да ну. Там, небось, своё кладбище имеется.

— Завещаю, и повезут, — неуверенно ответил Григорич. — Ты когда утоп? Лет двадцать тому. Сейчас всё по-другому. Сейчас на специальной катафалке хоть в Америку, хоть куда могут увезти.

— Ух ты! — восхищённо воскликнул Антоха.

— Да, — вздохнул Григорич и, погасив окуроч, поднялся.

— Отец, видать, давно не навещал? Могилка-то вся заросла.

— Давно, — ответил Антоха. — Последнее время он всё жаловался, что работы много. Вы бы зашли к нему.

— Ладно, зайду, — уже на ходу пообещал Григорич.

Возвращался медленно. Боль в сердце не проходила. Он часто останавливался, доставал сигареты, закуривал и подолгу стоял, оглядывая окрестности. Всё было знакомо и близко. Вот на эти поляны ещё мальчишкой бегал за ягодой. А с той горки зимой на санках катался. Да и сама дорога на кладбище за всю жизнь не один десяток раз исхожена была. Сколько родных, близких, друзей по ней провожать пришлось...

Вот и дом. Григорич остановился и внимательно, по-деловому, оглядел сруб и хозяйственные постройки. Всё в порядке. А вот забор за баней покосился. Подправить надо. И снова, вспомнив об отъезде, чертыхнулся.

— Вот чёрт. И дом отпускать не хочет.

Григорич обогнул баню и увидел Кузьму. Тот сидел на скамейке, лицом к железнодорожному полотну, и попыхивал своей трубкой. Григорич подошёл и, не говоря ни слова, сел рядом.

— Простился? — не повернув головы, спросил Кузьма.

— Простился, — ответил Григорич и полез в карман за сигаретами. Пачка оказалась пустой, и он, скомкав её, засунул обратно в карман.

— Поезд скоро. Опоздать не боишься? — заметил Кузьма.

— Завтра поеду. Кое-что доделать надо.

— Ну и правильно, — оживился Кузьма. — В таком деле торопиться не следует.

— Ты не помнишь, где Семён Емельянов живёт? — не обращая внимания на замечание Кузьмы, спросил Григорич.

— Это какой Емельянов? Путьщик, что ли? Так он уехал. Ещё весной.

— Как уехал? — удивился Григорич. — Куда?

— Так в город, к сыну. А ты что, не знал?

— Это когда я болел, наверное, — вспомнил Григорич.

— Точно, — спохватился Кузьма. — Ты аккурат с инфарктом в госпитале лежал. А тебе он зачем?

— Да так. Завтра опять на кладбище схожу. Могилку поправить надо.

— О Клавдии у тебя голова пусть не болит, — по-своему истолковав слова Григорича, сказал Кузьма. — За её могилкой я присмотрю. Можешь не сомневаться.

Григорич вдруг почувствовал, что расставаться с Кузьмой будет сложнее всего. И Кузьма — единственный из оставшихся в живых друзей, словно почувствовав тоску друга, спросил:

— Может, передумаешь ещё?

— Чего? — не понял Григорич.

— Ну, уезжать.

— Нет, Кузьма, — ответил старик нерешительным голосом. — Там уже всё готово. И квартира, говорят, хорошая, и мебель кое-какая есть. Начальство рассталось. Да и здесь я всё продал... Поеду.

— Рвать-то с корнями придётся, — не сдавался Кузьма.

— Я знаю, — ответил Григорич. Вдруг его будто стукнуло что-то.

«Куда я еду? — подумал он. — Всё самое дорогое для меня — здесь. Как же я смогу это бросить... А как без всего этого жить?». В сердце кольнуло, и тёплая волна побежала по всему телу. Григорич опустил голову на грудь и, еле заметно дёрнувшись, затих.

Локомотив бесшумно появился из-за насыпи и, медленно сбавляя скорость, стал заходить на первый путь. Из окон проплывающих мимо вагонов послышалась музыка, весёлые голоса шумных компаний, детский смех. Люди махали из окон руками и что-то кричали. Для полного ощущения праздника не хватало ленточек и шариков. Поезд подошёл к перрону и, заскрипев тормозами, остановился.

Поезд подошёл к перрону и, заскрипев тормозами, остановился. Сергей бросил карты, выпил остатки водки и встал из-за столика.

— Всё. Я пас. Пойду посмотрю, что за станция.

Выйдя в коридор, он встал у окна рядом с мужчиной из соседнего купе.

— Где это мы? — спросил он, с интересом разглядывая вид за окном.

— Какой-то полустанок, — ответил сосед.

— А долго стоять будем?

— Да минуты две. Не больше.

— Жаль, — вздохнул Сергей. — Ноги бы размять.

— Да, — согласился сосед. — Места здесь красивые. Уже час смотрю. Глаз не оторвать.

— Особенно для нас, горожан. Разве в городе такую природу увидишь? — поддержал разговор Сергей.

— Дело не только в природе, — возразил сосед. — Вы поглядите, как здесь люди живут.

— Как? — не понял Сергей.

— Крепко, — пояснил сосед. — Корнями к земле приросли. Не то, что мы — «перекати-поле».

— Ну, по-всякому, наверное, живут, — не согласился Сергей. — Как и везде.

— А вы посмотрите на этих двух стариков на лавочке, — сосед кивнул в окно.

— Ну, старики как старики, — с сомнением в голосе сказал Сергей.

— А вы представьте себе, что они прожили здесь всю жизнь, — возбуждённо продолжал сосед. — А это значит, что они знают такое, чего нам с вами никогда не узнать.

— Это что?

— Это чувство родины, — ответил сосед. — Вот что такое родина для вас?

— Ну... — замялся Сергей. — Страна, народ... и вообще...

— Вот именно, — прервал сосед. — Вообще. А для них в понятие «родина» вложен особый и очень конкретный смысл.

— Не знаю, — возразил Сергей. — Меня и моё понятие вполне устраивает. А всю жизнь прожить в этой дыре я бы ни за что не согласился. И вашим старикам предложи квартиру со всеми удобствами в городе, они, не задумываясь, все здесь бросят. Родина там, где хорошо. А хорошо там, где нас нет... О?! — удивлённо воскликнул Сергей. — Это что же получается? Получается, что родина там, где нас нет? Что-то слишком умно. Надо пойти выпить.

Сергей зашёл в купе и закрыл за собой дверь.

— Да, — произнёс сосед, — целое поколение выросло без родины.

Поезд плавно тронулся, и два сидящих на лавочке старика пропали из виду.

— Никуда они не уедут, — с каким-то внутренним облегчением выдохнул сосед. — Во всяком случае, очень хочется в это верить.

ВЯЧЕСЛАВ АР-СЕРГИ

Скрипит снежок,
как в Болдинских краях...

Мать — да и — мачеха

Мать — да и — мачеха,
В поле Иваниха —
Родина малая,
Трель лягушкиная...

АР-СЕРГИ Вячеслав Витальевич родился 5 апреля 1962 года в деревне Новая Казмаска Завьяловского района Удмуртской АССР. Литературный дебют Вячеслава Ар-Серги состоялся в школьные годы — первый рассказ опубликован в газете «Советская Удмуртия». Первая отдельная книга рассказов была издана в издательстве «Удмуртия» в 1986 году. В 1989 году удмуртский писатель был принят в Союз писателей СССР. В 1990–1992 гг. учился на Высших литературных курсах Литературного института им. М. Горького в семинаре Виктора Розова. В 1990-е годы работал сценаристом в киностудии «Кайрос» (Фонд Ролана Быкова), после чего полностью перешёл на профессиональную писательскую работу. Вячеслав Ар-Серги — автор более 50 книг прозы и поэзии, изданных в Удмуртии, других регионах России и за её пределами. Его произведения переведены на татарский, английский, французский, польский, марийский и чувашский языки. Также его перу принадлежат киносценарии (в их числе киносценарий первого удмуртского художественного фильма «Тень Алангасара» («Кайрос», 1992 г.), более десяти пьес, поставленных на профессиональной сцене, исполненных на радио и телевидении, и несколько сотен статей-выступлений в СМИ, посвящённых литературным, общественным, национально-культурным и др. вопросам. Для детей Вячеслав Ар-Серги издал сборник рассказов «Душеспи» (1992), повесть «Пичи пи но Полкан» (2005); пьесы и сценки были напечатаны в журнале «Кизили». Некоторые произведения писателя включены в учебные программы школ и вузов Удмуртской Республики. Языки литературного творчества Вячеслава Ар-Серги — удмуртский и русский. Хорошо владеет татарским языком, перевёл несколько татарских произведений на удмуртский язык. Входил в редакционные советы журналов «Дружба народов» и «Луч». Член Союза писателей России. В 2016 году был гостем праздника русской духовности и культуры «Сияние России». Живёт и работает в Ижевске.

Мать — да и — мачеха,
Слёзы да досуха
Вытерты с охами
Да материнскими...

Мать ты да мачеха:
От уха до уха
Улыбка твоя
Оскалом звериная...

Уйдёт Иван-чай,
Взойдёт молочай,
Уж осень, считай —
Не прогадай...

А в осени той
Нет мне тебя —
Родины малой,
Ушедшей в себя...

Мать — да и — мачеха —
Избушечка тятина,
Молчит колотуха¹,
Совестью битая...

Пушкинские воробьи

У Пушкина — «снег выпал в январе...»,
И наш снежок — не торопился,
Намёлся он до голенища в декабре,
Такой вот именно с Луны свалился...

Лишь колокольчика не слышно во снегах,
Что под дугою троечки звенел...
Скрипит снежок, как в Болдинских краях,
Куда я в мыслях, по свету успел...

Лишь санный одинокий след
Ушедший к горизонту прочертил...
Его дворянский, ветхий плед
Уж кто-то из потомков доносил...

Всё свято — небо и земля
И тройки Пушкинской следок в полях...
А у складов, святыням не внемля,
Дерутся воробьи в стожках...

¹Колотуха — колотушка (прикамско-местное, архаическое); деревянное ручное било в руках ночного деревенского сторожа при его уличном обходе.

Ах! Как они дерутся славно...
Да и не драка это, а — потеха!
Сугреву для — подняться плавно
И камнем — вниз! Утеха!

И памятью о зимних воробьях
Я греюсь в холоде воспоминаний
О том, ушедшем в холодах
Невстреч, нерадостей, непониманий...

Ижевск — Большое Болдино

Январская Чудь

Затерялась Русь в Мордве и Чуди...

Сергей Есенин

Не пажона, не мошона ² — На ветрах деревня тут, От шоссеики отдалённа — Чудь тут не найдут...	Трубы грустным дымом В небо чуть чадят. Разбудить бы друга На облаву волчью — Будто бы без Бога Спит он лунной ночью.
А живут тут местные — Люди не залётные, Чуть на нас похожие — В гости к нам не хожие...	Скоро уж совсем, совсем Нашу Чудь забудут, Памятью останусь нем — Сказки не забудут.
Занесло сугробами Их пути заветные, Стынут под туманами Веси несусветные.	Чахлым лесом гиблым Пашни зарастут И поймётся редким: Леший водит тут...
Ледяным узором Окна в мир глядят,	

Ты и я да снежок

Ах! слякоть февральская — Ёк-макарёк! Дорога — не райская: Нам бы вперед!	Надо б добратся К избёнке простой, Быстро прибраться И встать на постой,
--	---

²То есть — без пазов, без мха; прикамско-местное выражение (в понятии — временная постройка).

Уснуть под звездой	Памяти века —
Нашей Полярной...	Прилука речная...
А поутру за водой	
Мигом слетаю босой...	И мы — вшестером:
	Изба и лесок,
Как же тиха	Ручей за леском,
Округа лесная,	Ты и я да снежок.

Гадалкины приметы

Кисти калины, монистами — к горю,
 Стройные ели — к встрече душевной,
 Ромашковый луг — в любовь не поверю,
 Бегущий ручей — к работушке ладной,

Росы серебро — это к деньгам и удаче,
 Деньги и золото — с мил-другом свиданию,
 Сумерки вечера тайного — к наград раздаче,
 Туманы утра — с любовью своей к расставанию...

Мы ищем друг друга приметы —
 Гадалке доверившись в ночь...
 Приметам найдутся ответы,
 Лишь только бы боль превозмочь.

Та боль от увечий, ушибов,
 Полученных непониманием —
 Что не обойтись без обманов
 Слёз и обид пред прощанием.

...Мы ищем приметы друг друга
 Во днях и ночах — отовсюду...
 Снегам и дождям подруга — разлука
 Путь ворожила мне как заслугу.

В канун лета

Дождинки падали не споро...	И так же тогда всё дождело,
Усталых капель перестук	И летом, и осенью, даже зимой —
Доставил «морзянкою» скоро	Счастливой слезой наполняло
Тепло твоих ласковых рук.	Всё то, что ушло вот весной.

А ещё мне капель рассказала,	Зеленая травкаверху тянулась —
Что ты не забыла тропинку,	Звала её громко за тучечки синь...
Которая нас и свела	И нам вот тогда показалось —
Под липы широкую ветку...	Нет клина, куда ты ни кинь!

У костра, на ветру

А может, привиденья
Живут на строгих стенах
Ночных пещёр —
Когда горит пред ними
Неровным светом
Мой костёр...

А может, тени ангелов
Кольшутся тут памятью
Моих далёких предков...
И блазнится теперь мне это —
Рыбацкому неудальцу,
Застигнутому одному
Холодным дождиком в лесу...

Постой, постой, продвину-ка
Поближе эту веточку к огню... —
От неё тень на стенке
Как чайка носится ко мне...

А может, и собачкою моей
Ластится вот к моим ногам...
Или твою быстрою рукой
Несёт уж мне горячий чай...
И поправляет ручка чёлочку —
Смешную, непокорную. На лбу.
Разгладит там морщиночку —
Мою, твою судьбу.

Полнолуние

А в полноличии своём
Луна холодным светом
Властна над миром:
Ярка округе и полночным дуракам,
И вот таким, как я,
В окне застывшим чудакам.

Ах, как чужда же ты, Луна —
Серебряный овал. И равнодушна
К теченьям лет, эпох, веков,
Приходам и уходам чудаков.
И даже ведьмы облетают далеко
Твой галактический оптический глазок,
Им тоже ведь, наверно, нелегко:
Ох! меток ведь небес стрелок...

Всем исполать небесного огня,
И Солнечного, Лунного — вполне!
О, Господи, дай слёз — заплакать,
Очистить душу, взгляд...
А то при Солнце,
При Луне —
Тебя нам не видать...

Звездочёт

Под твоим окошком
Снова ночь я стоял —
Под небесным лукошком
Звёзды все сосчитал...

Ангел мой по тем звёздам
Всё ходил босиком — не устал,

Твоим именем нежным
Он их всех нарекал.

А под утро мой ангел заснул,
На берёзовой ветви легко прикорнул...
Я ушёл. Ты подскажешь ему,
Как дойти до меня одному...

* * *

Россия. Карантин. Тоска...
В больничном дворе — постовой,
До сна сосчитай хоть до ста —
Сон не идёт никакой.

Россия. Ночь. Без сна...
Стоят больничные руины —

Закутаны во мрак плащей,
В одежды платных палачей.

...На верхнем этаже — чуть свет,
Там молча водку пьют —
Медбрат и медсестра ответ
Вопросам не дают...

* * *

Русский — медведь, татарин — волк, удмурт — рябчик...

Старинная удмуртская пословица

Мой брат родился рябчиком,
Летал он над поляною в бору.
Не стал он серым волком —
Не гнал зверюшек по юру...

Не стал он и медведем,
И не ломал лосей,
В лесу шатаясь зимнем
У пасеки пчелиной...

Лесною птицей брат родился,
Хоть и не летавшей высоко,
Он над деревьями кружился —
Не улетаю далеко...

...У птиц лесных бывают гнёзда —
Не логово и не берлога...
И небо — есть, да и невзгода
Стучится к ним быстрее Бога.

* * *

Ещё не отпела нам лета
Та дальняя роща в ложке,
Стоит она в нимбе рассвета,
Спешит в небеса — налегке...

А в рощице этой привольно,
Там птицы щебечут в ветвях,

Часок побывать — и довольно:
У счастья гостилось в друзьях...

Да где же та роща такая?
Запратал дорогу лешак:
Себе самому потакая,
Ищу я не там и не так....

* * *

Рвутся паутинки
С летним узором,
Осень у калитки
Хлип! да хлип! дождём...

Воды воронёные
По реке идут,
Песни поминальные
Средь людей текут...

...К берегу приткнулась
Старая баржа —
Саваном повисла
Золотая ржа...

ИВАН БЕСПАЛОВ

Подранки

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Широко настезь распахнулась калитка, и стремительно вошел эдакий коренастый, широкоплечий мужчина лет сорока пяти. И перехватило дух, сковало движения. Да это Николай! Коля-второй. Он! Друг мой.

— Колька! — наконец ахнул я вслух и бросился в объятья, как делали мы с ним, встречаясь в интернате после летних каникул. Как быстро и незаметно пролетело время! Вернуть бы его да прожить заново.

— Это сколько же лет мы не виделись? — вопрошает друг, снова заключая меня в свои сильные руки.

— Порядочно. Лет этак двадцать пять.

...После недолгого застолья пришли мы к трем столбам, так называется берег и моя любимая заудь у крутого поворота реки. Тут каменисто, глубоко, и самое рыбное место.

Сидим и глядим, как отгорают закаты, как сереет небо и вода утрачивает свою текучесть. Неуютно, хмуро и пасмурно. И пришла минута, когда я остро почувствовал, что мы — дети, пришедшие сюда забыться, отдохнуть от крика, шума, гама.

БЕСПАЛОВ Иван Евдокимович родился в 1946 г. в с. Нюрхай Тункинского района Бурятии. Окончил среднюю школу в Якутске. В 1960-е гг. работал журналистом в Тункинской районной газете «Саяны», тогда же и начал писать прозу. Работал слесарем на Красноярском шелковом комбинате, фотографом в Доме быта, сторожем. Долгое время жил и работал в Иркутской области. Публиковался в православной газете «Благовест» (Самара), журналах «Байкал» (Улан-Удэ), «Сибирь» (Иркутск). Живёт в с. Посольск Кабанского района Бурятии.

— Ты знаешь, как я ждал этой минуты: изо дня в день, из года в год, — говорит мой друг, — и вот — свершилось, состоялось. И поверишь ли, когда увидел наш интернат, кое-как удержал слезы и не мог оторвать взгляда от школы, от берез...

Эх, видно, те интернатовские годы будут сидеть и жить в душах всю нашу жизнь. Николай что-то говорит, но я не столько слушаю друга — сколь вспоминаю свое...

Отец умер сорока лет от фронтовых ран. По возрасту я его пережил. Я молод, полон сил и энергии, а он в свои годы был старым-престарым, столетние дедушки казались красивее его. Мне в ту пору шел двенадцатый год, перешел в пятый класс, и был с малолетства хром на одну ногу. Старшие братья в армии служат, младших четверо. В доме ни куска хлеба, ни обуться, ни одеться, и спали мы зимой на печи, летом на полу, телогрейка — внизу, телогрейка — вверху. И голосила мама с утра до вечера, что же ей делать с эдакой оравой, как быть. Сунулась было в военкомат, да там ответ один, старшие должны служить, так положено, пусть местные помогают. В колхозной конторе разговор один: помочь нечем, вы и так в долгу по уши. Откуда они, долги, брались, для всех оставалось загадкой, ведь не брали ничего, только работали, даже братья перед армией трудились прицепщиками-сеяльщиками, а долги росли как на опаре.

И нашлась добрая душа, подсказала маме сдать меня в Ново-Троицкую школу-интернат, где кормят, обувают и одевают бесплатно.

Мама собрала какие нужно документы и отнесла пешком за пятьдесят верст в Районо, там кому нужно вручила, обсказав словами о своей жизни и обо мне. Ее внимательно выслушали и, подшив документы, сказали, чтоб ждали результата.

И началась морока: для меня — это как я буду жить без друзей, без матери, сестренки и братишек где-то далеко-далеко, где, поди, мальчишки драчливые, учителя вредные, и тосковало сердце, и муторно было на душе; для матери — это во что обуеет и оденет меня, чтоб не смешить добрых людей, и копила яйца, чтоб, сдав их в магазин-лавку, можно было доехать до аймака на автобусе. Вечером, собрав яйца, долго подсчитывала, хватит ли на билеты, запутывалась, плакала, снова считала, и в конце концов, расплакавшись пуще прежнего, сквозь слезы, наказывала учиться хорошо, не баловаться и слушаться старших.

И вот пришло письмо, где говорилось о том, что я принят в Новотроицкую школу-интернат.

И еду я первый раз в автобусе, в аймак под названием Кырен, где, поди, домищи стоят, как в кино, огромные да высокие, где улицы широкие, прямые, чистые, а по ним бежит много-премного всяких разных машин, где прохожих видимо-невидимо.

В автобусе людей набито, как в бочке селедки, меня стиснули со всех сторон, и не видать ничего, и не слышать, один шум двигателя да говор бурят, эдакий громкий и странный, ну ничегошеньки-то не понятно, о чем они говорят, чему смеются.

И вот стоим мы на остановке, голосуем, да нас никто не берет, хотя и в кабине, и в кузове свободно. Я по сторонам гляжу и удивляюсь, все как в нашей деревне, только наша маленькая — эта большая, ну ничего интересного нет. И в нашей-то сейчас безлюдно, одни старики да дети, все в поле, на работе, а тут по улице праздно ходят, кто с сумками, кто просто так без ничего. Вот бы сюда нашего бригадира с бичом, как бы он врезал, да как похлопал кнутовищем по галифе,

так враз бы улицы, как у нас, стали тихие-тихие, а то ишь хитрые какие, не работают, а полные сумки добра всякого покупают.

Рядом с нами маялась высокая худощавая женщина с губастым мальчуганом. Они тоже ехали в интернат. Мальчик, как и я сам, испуганно жался к матери и нет-нет да поглядывал на меня. Был он чуть ниже меня ростом, и если б не шрамы, то он был бы очень красивым и милым, но раны-шрамы безобразили округлое личико, а неестественно вывернутые губы заставляли меня отворачиваться.

Наши мамки разговорились и давай выплескивать друг другу все свои беды-несчастья. А мы вполуха слушали их и переживали свое, как-то в этом самом интернате будет. И вдруг я с пронзительной ясностью понял, что война-то, виденная в кинофильмах, узнанная в книгах, не окончилась, она продолжается: вон и наших тятек нет, мамки, как старухи, ссутулены, плечи под тяжким бременем опущены, на лицах одни морщины, а ведь им нет и сорока лет, и вот теперь эта война больно, рикошетом, ранила нас, и мы как подранки, словно в последний раз, с жалостью глядим, сопереживая нашим матерям, и жмемся к ним, как бы ища защиты.

И это было последнее проявление мальчишеского сердца, там в интернате оно, сердце, быстро задубеет, и мы уже не позволим не только себя поцеловать, но и выказать нежное чувство.

Наконец нашлась добрая душа, остановилась полуторка, посадили нас в кузов, и мы поехали. И понеслись луга и поля назад, и горы тоже, правда, те, что слева быстрее, они рядом, заросшие лесом, и потому в огне. Те, что справа, дальше, они оснежены, высоки, скалисты, и их словно облили чернилами. Но я не смотрю на них, я смотрю на те, что привык видеть с самого рождения, и потому они красивее, хотя отсюда кажутся низкими-пренизкими.

Вот машина свернула на проселочную дорогу и мимо редких домов, мимо привычных подпольных ям, мимо деревянного клуба-церкви, на которую наши мамки украдкой крестятся, поворачивает влево, и мы проезжаем мимо школы. Ее-то, старенькую, приземистую, мы сразу выделили и отличили. Мимо других строений, и останавливаемся перед воротами, где поверх полощется «Добро пожаловать!».

И сразу нас окружили разного калибра пацаны, и все буряты, и ни одного русского. Это куда же мы попали? Заныло, затосковало сердце.

На глазах у пацанов мы слезли с бортов машины и пошагали к приземистому дому-интернату.

В прихожке-сушилке была печь голландка и близ стояла железная высокая и широкая с полочками лесенка, где сушилась обувь. Справа у окна за крашеным канцелярским столом сидел лысый и весь какой-то округлый человек, назвавший себя воспитателем, Семеном Александровичем.

Он прочитал письмо-вызов, оглядел нас, спросил имена и обескуражил:

— Ты, постарше, будешь Николай Первый, а ты, помладше, будешь Николаем Вторым. Вопросы есть? — (нет, вопросов не было). — Пойдемте в спальню, — отомкнул ее, вошел, мы вчетвером за ним. — Вот ваши койки.

Глаза у Коли-второго и у меня загорелись: да неужто мы будем спать на таком благолепии. Ух ты-ы!

Кровати стояли рядом, их разделяла тумбочка. Я занял место у стены, трогая белизну простынь, подушки и полотенце, свернутое конвертиком, заглянул в тумбочку.

Это как-то произошло само собой и я, застеснявшись, потупил голову.

— Учись хорошо, сынок, слушайся тех, кто старше себя, — привычно заученно проговорила мама, впервые после смерти отца наливаясь румянцем. Она глядела то на меня, то на Семена Александровича, то обозревала всю спальную комнату, где коек было штук пятнадцать, и радовалась за меня. В эту минуту она была красивой. Я глядел на нее и умолял взглядом, всем своим видом: нет, не хочу здесь жить, я хочу домой. И мама поняла, построжела лицом, всем своим видом показывая, как здесь хорошо, чисто и бело.

— Ну, живите, дружите, не балуйтесь, хорошо учитесь да слушайтесь старших, — наконец пришла в себя и Колина мама. — А нам домой пора. Когда-то дойдем.

Плакать захотелось от этих слов. Потупились, ждем чего-то.

— А ну-ка, Султан, сведи-ка их в столовую, пусть покушают, — вдруг распорядился Семен Александрович и, видя, что наши мамки замаялись и снова раскраснелись, подтолкнул обеих. — Идите-идите, не стесняйтесь. Дорога-то не близкая.

Он-то думал: семь верст до аймака, а наши матери отшагали все шестьдесят верст и пришли домой только утром, когда солнечные лучи брызнули из-за гор.

И вот Султан ставит перед каждым тарелку с супом, где лежат куски мяса, потом приносит тарелки с кашей и котлетами и в последнюю очередь ставит стаканы с компотом.

У мамок от такого обилия пищи потерялся дар речи, они глотают не то слезы, не то слюну и боятся притронуться к ложкам.

У нас одна мысль: вот это да-а! Вот здорово! Да неужто так будет всегда?

Поели, поблагодарили, вышли. Нас целуют, говорят какие-то слова, прощаясь и поминутно оборачиваясь, они уходят.

Тоска. Жуть. На глазах слезы. Они вот-вот брызнут на потеху детворе, которая берет в кольцо и начинает пытаться:

— А че у тебя губы такие? — и страшно выворачивает свои.

— А че ты хромаешь? — и передразнивают, как я хожу. И вдруг я впервые вижу свою походку со стороны, и внутренне весь обмираю, да неужто так страшно хожу, и мне делается ужасно стыдно, и хочется догнать мать и уйти навсегда, но меня не пускают, держат, а более старшие раздают направо и налево подзатыльники тем, кто только что, кобенясь, показывал мое уродство.

— Тебя как зовут? — спросил прыщеватый парень, по-доброму глядя в глаза и держа обеими руками за плечи.

— Коля, — размазывая слезы по щекам, ответил я.

— Тетка значит. А фамилия?

— Деревянкин.

— О-о! Да ты братан мой! Понимаешь, нет? — и давай обнимать да приговаривать: — Попробуйте хоть пальцем тронуть — зашибу. Поняли, нет? Это мой братан. Ясно?

Братаном оказался восьмиклассник, бугаина лет восемнадцати. Кулаки во, плечи с метр, сам ростом с каланчу, глаза маленькие невзрачные, зато носище — с картофелину, и рот большой, с отвислыми губами-пельменями. Его и звали-то Пельмень. Ел за четверых, долго тщательно разжевывал пищу. Сразу чувствовалось, какое удовольствие приносит ему вкушение оной.

И никакой я ему не был братан, просто однофамильцы, волею судьбы оказавшиеся под одной крышей. Отец у него погиб на войне, мать в поезде под бомбежкой. Он один чудом уцелел, но не терял надежды найти мать, а вдруг жива, и

писал всюду письма, с нетерпением ожидая ответа, и дождался перед выпускным экзаменом, то писала сама мать. И я видел слезы у сурового, порой жестокого и беспощадного человека. Потом он уехал.

Первое время чуть ли не каждую неделю приходили письма, где он перво-наперво просил не обижать меня, потом описывал, как гуляет по саду и поедает яблоки, и мы, читая и перечитывая его послания, угорали от смеха, представляя в каком количестве и с какой жадностью он их поедает. Потом письма стали приходиться реже и реже, и наконец замолчал, видно, привык, освоился, напрочь забывая безалаберные интернатовские годы.

И запомнился он мне важно восседающим на лавке возле печи, мужским оглушительным хохотом, уж очень большой он был мастер по части анекдотов. Вот наговорится, нахохочется досыта, до самозабвения и вопрошает:

— А ты чё, Доржа, давеча стерпел, не огрел Жамсорана по шее? А?

— Да ну его, — вяло, без всякого интереса отнекивается парень.

— О-о, да ты струсил ненароком. Он-то, Жамсо, сильнее тебя, — и хитро так поглядывая, ждёт, что будет.

— Это я-то трус! Да я, да он... — бубнит Доржа, с каждым словом возбуждаясь и полняясь обидою на своего же друга.

— А ну говори, чё я! — требует ясности Жамсо, вскакивая со стула.

— Ну что вы, братья-кролики, расшумелись, у вас что, нет кулаков. Вот так. Хорошо! — подбадривает мой братан дерущихся. — Куда! Да не так! Под дыхало. Во-во! Отлично!

На драки я никогда не смотрел, крови ужасно боялся, даже теперь боюсь зарубить курицу, но за лицами ребят наблюдал, особенно за лицом братана — это было кино — оно менялось ежесекундно: от самого свирепого до самого плаксивого, и было столь комично, что без смеха глядеть было невозможно, и я то загибался от коликов в животе, то падал с лавки и никак не мог остановиться от раздиравшего все мое тело смеха.

— Ну-ну, будя, будя, — хватая руками-клешнями за шкурки, разнимает братан друзей, садит подле себя, — успокойтесь, отдохните, я вам сказочку расскажу, — расскажет и снова подначивает. — Ты, Жамсо — слабак. Доржа вон как тебя мутузил, а ты так только руками махал. Эх, ты-ы!

И вновь начинается бой...

— Ладно, ты тут привыкай, осваивайся, а я до девочек пошел, — похлопывая меня по плечу, проговорил новый знакомый и, выпрямившись, вихляя чудно задом, пошел до девичьего здания, стоящего напротив столовой.

— Чё, правда братан твой? — растягивая слова, пытается Султан. — Ну, паря, повезло тебе.

— А ты, паря, в какой класс пойдешь? — без интереса спрашивает Руха-Муха, хвастаясь ириской.

— Руха-Муха, дай хоть одну, — стал канючить обгорелый маленький парнишенок, протянув руку.

— В пятый, — просто ответил я, отчего-то застеснявшись и покраснев.

Впервые мне стало стыдно и нехорошо. Был я выше и старше всех.

И в это время заиграл чудно горн: бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!

И все, как по команде, побежали в березовую рощу, там на поляне, близ флагаштока построились в две шеренги, друг против друга, мальчики отдельно, девочки тоже.

Шум, гам, бестолковщина, а воспитатели и директор школы стоят и никакого внимания не обращают. Наша бы учителька из себя вся вышла: и указкой поколотила, и изругалась, и в угол бы после поставила, а тут смотрят и по-доброму усмеваются, и о чем-то переговариваются меж собою.

И вдруг слышу свою фамилию. Это директор Савелий Будаевич подзывает к себе. Я вышел из строя, стал подходить, наступил на круглую палочку и, не устояв на ногах, рухнул всем телом. Меня подняли:

— Коля, сядь на помост, ведь тебе трудно стоять.

И эта забота меня сбила с толку, поразила и обескуражила, ведь дома-то учителька ставила меня к доске на урок на два, а то и на все, смотря в каком настроении она была, а тут внимание, забота, и я бездумно сел на виду у всех. Под перекрестными взглядами: любопытными у мальчиков и жалостливыми у девочек, мне вдруг стало так стыдно, неловко и маятно, что сидел первое время как на иголках, не знал куда глядеть, кого слушать — это как окатили тебя кипятком. Хочется бежать, и ты не смеешь кричать — перехлестнуло горло, и тебе жутко больно, но никто этого не видит.

Но любопытство победило, и я подчеркнуто безразлично стал оглядывать сначала мальчиков, потом девочек, пока мой взгляд не остановился на девочке, которая оказалась моею одноклассницей и которую звали Ниной. Среди широких скуластых лиц, с черными как смоль волосами, ее личико было миловидным и привлекательным, и было оно к тому же таким плаксивым, словно ее только что побили или жутко оскорбили. Что-то дрогнуло во мне, проснулось. Я не отводил взгляда. Пытался проникнуть в ее сознание и понять ее боль. Мне было жаль эту чудную девочку, и так жалко, что не потерял ее из виду даже тогда, когда окончилась линейка, и кто-то стал играть в выжигалы, кто в футбол, а кто в волейбол, став кругом и гоняя таким образом мяч, а кто стоял и смотрел на играющих. Стояла и Нина, тесно прижимаясь к шероховатому, со множеством зарубок стволу березы. Стал недалеко и я, после того как был изгнан из всех игр.

Сгорая от стыда и все еще слыша изумленное: «Ты куда! Ты ж хромой!», я спрятался за толстый ствол дерева и оттуда, из укрытия, отыскивал глазами тонкую фигуру девочки, и стал наблюдать за нею, снова и снова переживая свой позор, ведь она все слышала и видела.

С тяжелым сердцем и с камнем в душе я засыпал первую ночь на мягкой постели под духовитыми простынями, в думах уносясь к дому, к играм, к друзьям.

Ворочался и новый мой друг Коля.

Но разговаривать с ним мне не хотелось, глушила обида, слезы, и виделись лица ребят, полные недоумения, и слышалось: «Ты куда? Ты ж хромой! Хромой! Хромой!»

Еще никто мне так не говорил и из игр не гнал, в своей деревне я был на равных, как все, носился, бегал и совсем не подозревал, как я уродлив. И стыд прожигал огнем мою душу.

Не спал и мальчик Гена. Его койка поминутно скрипит, как намазаная бурятская телега, на которой к нам в деревню возили в бочках молоко черные, как Бабы-Яги, из соседнего улуса девки и бабы. Скрипит койка, тихо не то стонет, не то плачет мальчуган, и плач его тихой болью отзывается в моем сердце. Мне так жалко его, что самому хочется плакать, ведь на Генином теле нет чистого места: все в красных рваных рубцах, шрамах, и сама кожа потому красная и во многих местах столь тонкая-претонкая, что кажется, от одного прикосновения пальцем брызнет алая-преалая кровь.

Как узнаю я, уже став взрослым, он, Гена, с отцом своим купался на Вышке. Есть у нас в долине такое место, где из-под земли по скважине бежит сероводородная целебная горячая вода с зеленоватым отливом. Ее добыли на берегу Иркутта геологи. Чего они там бурили, чего искали? Кто знает, забили скважину, сделали анализ, водичка-то оказалась целебная. Как водится, наставили времянок под жилье, построили ванный корпус, и поехал хворый люд лечить свои болячки, а кто просто так приезжал на час-другой, чтоб понежить свое тело в целебной воде.

И вот кто-то возьми да чиркни спичкою: взрыв, пламя, суматоха, и, как рассказывают, мало кому было суждено остаться в живых, но Гена зачем-то не умер, не задохнулся, не был ни раздавлен, ни затоптан обезумевшими людьми, выжил, прожил до двадцати лет и в страшных мучениях покинул этот суетный мир.

Сколько у его матери было детей, я не знаю, как не знаю кто она и что. Знаю одно, что жили они в аймаке, в алгаке. Знаю и то, что Гена никогда не форсил, всегда приходил в интернат с каникул и обратно пешком, никогда не имел карманных денег и потому запомнился с протянутой рукой и канючащим голоском: «Да-а-й ко-о-пе-е-чку». Обойдет он эдак все ряды в клубном зале, соберет и, радостный и счастливый, бежит к кинщику покупать билет.

Вспомню я его, раздумаюсь и в толк не могу взять: как это так, ведь кинщик-то Николай Михайлович по сути своей слыл добрым, отзывчивым, вежливым да услужливым, а вот поди ты, ни разу не пропустил его бесплатно, хотя видел и слышал ежедневно.

А что добрым был Николай Михайлович, не нам лапшу на уши вешать, дом-то на другой стороне дороги стоял, за оврагом, в березовой роще на краю того же оврага, нам ли было не видеть, не знать. И думал я, вот вырасту, женюсь и буду таким же, как он.

...Тихо-тихо скулит Гена, ворочается, и неспроста за час перед отбоем он досыта, до слез, до нервной дрожи поругался по очереди с четверьмя пацанами.

Произошло это так. Руха-Муха, как обычно, не таясь и ни с кем не делясь, достал из кармана новеньких брючек ириску, развернул ее, подбросил и, как циркач, поймал ртом, и, катая, стал сластить.

Тут как тут Гена.

— Дай ириску, — и преданно как собака, глядя в веснушчатое лицо, протянул руку, как совсем недавно протягивал в клубе. Подошел он и ко мне, я дал, но не пять копеек, а десять, и сразу пожалел, больше-то у меня не было, но, как оказалось, зря пожалел, он, купив билет и получив сдачу, тут же вернул ее и, сев рядышком, сияя глазенками, предложил:

— А хочешь, я тебя научу играть на гитаре?

И научил же, да еще как научил! Зато сколько я пережил самых неприятных минут. Генка вспыхивал из-за малейшего пустяка. А терпением и всепрощением никто из нас не обладал.

— Дай ириску, хоть на зубок, — канючит Генка плаксивым тонким голоском.

— Отвяжись, — бурчит Муха сквозь стиснутые зубы.

В ответ — лишь прищуренные от удовольствия глазки и полное равнодушие.

Еще бы! Отец-то кинщик. По всем деревням кино возит и показывает в клубах. Бывал и в нашей деревне не раз. Привезут они кино, замкнут в клубе установку — и на речку рыбачить. А везучие какие, рыба кажется сама с удовольствием цепляется на их крючки. Нарыбачат полный бидончик, наварят ухи, наедятся и в клуб, где не спеша с толком установят все как надо, станут в дверях, продавая

билеты. Причем Руха-Муха заранее обшарит все потайные места, найдет нас, за- таившихся заранее до поры до времени, покличет отца, вытурят нас, и потом уж ни под каким предлогом в клуб не войдешь. Руха-Муха зорко стережет, ужас какой глазастый, муха не пролетит. Где такой жмотина даст? Зря просит Гена.

— Не будь попрошайкой. Не даст он, — попросил я Гену.

— Я — попрошайка? — взвинулся он. — Я попрошайка? — и, подлетев ко мне, потребовал: — А ну забери обратно слово. Не то худо будет.

— А че я сказал-то, — изумился я, видя, как нас обступают со всех сторон, миролюбиво подначивая обоих.

— Генка, не трус, вдарь ему. Вот так вдарь. Он хромой, враз свалится с ног.

— Не будьте бабами! Где у вас кулаки? — визжат, хохочут пацаны.

— Ты, сука, забереешь слово иль нет! — петушится Генка, буравя глазами, но трусит, близко не подходит, дистанцию держит.

— Ты, хромоножка, чё стоишь-то, чё ушами хлопаешь? Врежь как следует, он и завоет. Он такой.

Драться я не хотел, да и еще ни с кем не дрался, а с этим клопиком только руки марать. И я, вяло отступая к своей кровати, вопрошал:

— Какое слово? Ты чё, сдурел! — а в глазах меж тем все плыло, кружилось, и лица оттого казались, как одна смазанная фотокарточка.

— Сам знаешь какое, — в очередной раз взвивается Генка, краснея, как помидор, вот-вот брызнет кровь из лица со страшными рубцами, из головы, где нет ни единого волоска, и из шеи, и из крепко сжатых кулаков, которыми он машет перед самым моим лицом.

Страшно, муторно, жутко.

— Трус-баба, трус-баба, трус-баба! — скандируют ребята вокруг.

Не меня ли они обзывают трусом? А хотя бы и меня. Пусть. Другого пацаненка я б давно проучил как следует, но этого... А вдруг порвется тонкая кожа и действительно хлынет кровь?

А из перекошенного рта сыплются такие слова и словечки, да обороты речи, за которые, будь Гена в моей деревне, все старики по очереди оттащали бы за уши. Но тут видно все можно: и без драки петушиться, и, как бабы у взвоза, матерно ругаться.

Э-э, это сейчас мне все в удивление, потом это будет буднично, обыденно и маятно, как данность.

— На, возьми, только отстань от него, — протягивает конфету Руха-Муха, выйдя из круга.

— Подавись, жмот, — взмах рукою — и ириска, описав полукруг в воздухе, падает в подставленные ладони и тут же исчезает во рту.

— Я не попрошайка, — сразу перекинулся Гена на Руху-Муху. — И как тебя, с-суку, сюда приняли?

— От с-суки слышу, — вяло отбрехнулся Руха-Муха, кидая в рот очередную конфету.

— Пойдем отсюда, — тянет меня новый друг Коля.

И мы по койкам выбираемся из круга, отходим в сторону, и слушаем как, соревнуясь, фехтуют словечками изошренно и страшно два товарища, два одно-классника.

— Он что, того? — спросил Коля у Доржишки и покрутил пальцем у виска.

И в тот же миг Генка оказался рядом.

— Ты сам дурак!

И чем бы все это кончилось, не войди воспитатель. Горелого как ветром сдуло.

Все это и многое другое не давало уснуть. Глушили обида, слезы, и, чтоб не думать ни о чем, я закрылся с головой в одеяло, и увидел другое личико — той плаксивой девочки, которая была отчего-то сутулой, поникшей. Это — как сорвали цветок и подержали на солнце. Но отчего, почему она такая?

Думать о ней оказалось приятно и хорошо, и незаметно для себя я уснул. И снилась мне Нина бегущей куда-то...

— А помнишь случай?

— А то как же! — и друг рассмеялся затаенно и безмятежно.

А дело было так. Оба мы весьма сносно рисовали и потому к каждому празднику писали одни и те же плакаты. Писали по красному полотнищу пастой, сделанной из зубного порошка. Повисит такой плакат с неделю, порошок обсыплется, материал выцветет и полощется на ветру, эдакое безобразие, пока не подойдет новый праздник.

Была суббота, банный день. И, чтоб не тесниться в бане, мы после обеда пошли дописывать лозунги.

Когда пришли в интернат, ребята уже вымылись, и мы рванулись в баню, дежурить, займут девочки — только к ночи освободится, а там учителя пойдут, не вымоешься и не дождешься.

Баня стояла на нашей стороне, за оврагом, и была старой-престарой, по низу прогнившей насквозь. Это потом, когда мы приедем учиться в восьмой класс, к Новому году построят новую, просторную, светлую да душистую, а пока по низу светло и видно хорошо, а чуть выше пупка — густой туман и ни хрена не видно.

Ух ты-ы, девочки! Видно перед нами пришли, тихо разделись в закутке меж стеною и печкою, где стояла лавка, и теперь наливали в тазы воду.

Присели мы на кокурки и давай зырять. Глаза с блюдце, рты раскрыты. Мы-то привыкли видеть иное, а тут — молоко, тела нежные-нежные, а ножки-то, ножки. У-у, красотища — жуть.

По голосам узнали — наши одноклассницы. И Нина тоже здесь. Вон она наливает горячую воду. Налила и с тазом на полочку, около нее еще есть место. Ну я не будь дураком, таз в руки, быстренько наполнил холодной водой, разбавил горячей и к ней. Колька живо за мной.

У девочек головы намылены, не видят, не замечают. Сидим офонарелые и стараемся не дышать, какое там, так взвинтило, будь-будь. Но опомнились: головы намылили, меж ног пену вспенили — не поймут, не заметят, зырим во все глаза, а их щиплет ужас как, раздирает, мыло-то хозяйственное. Терпим. Пригляделся, а у Нины спина вся в рубцах. Ой-ё-ёй! Это кто же так ее бил? У кого рука поднялась? Не утерпел, притронулся к шрамику, который начинался у лопатки и уходил вниз до ягодицы, а вон другой, а вон и грудь, и как кто-то резал ее. Дух сперло: и жалко до ужаса, и задорно эдак, как шарики бугрятся и бегают в такт рукам, и белые-белые.

Где ж вытерпишь-то! Объял ладонью, сжал слегка. И что со мною случилось, что сделалось! Кровь, как кипятком, по голове шарахнула.

— Не щекоти, пожалуйста, — проговорила Нина, не раскрывая глаз, но вдруг она поняла, раскрыла глаза, тихо вскрикнула. — Ой! — да как завизжит, да как стрельнет вниз.

Что тут началось! Что было! И тазами нас, и водой из бочки холодной полива-

ли. И визг стоял невообразимый. И что самое главное — в этом визге слышалось некое удовольствие, и били-то они нас не так больно, и делали все, чтоб не сразу, не вдруг смогли мы вырваться в предбанник, а потом в школе на уроке исподтишка, подолгу глядели как-то по-новому.

Четыре года Нина маяком светила мне, то поселяя надежду, то изымая ее и вдрызг разбивая.

С ее именем на устах я поехал в иркутскую больницу, с ее же именем перетерпел мороку на операционном столе и после в интернат ехал полный надежд и смутных мечтаний, а по улице шел и тряслись коленки, а глаза жадно ждали ее появления. Я жаждал встречи и боялся ее. Сердце обмирало от счастья, а душа стоном стонала, как-то посмотрит, что-то скажет.

И вот из нашей ограды стремглав вылетаешь ты, Николай, несешься встречу, что-то крича и маша руками. Я остановился, не в силах продолжить путь, оперся о костыли. Стою и жду. Ее жду. И вот показалась она, самая милая, самая желанная девчонка на свете, за ней Ленка-колобок, еще какие-то девчонки, мальчишки. Ты знаешь, я еле-еле сдержал слезы. Вот тут, в горле, комок, радость и счастье, как я тогда устоял! Неведомо.

И вот окружен, взят в тесное кольцо, вопросы и радость. Такое бывает один раз в жизни. И я пережил это. Я видел только ее лицо, и только ее расширенные зрачки. Нет, не могу, дай перевести дух, иначе как идиот расплачусь.

— Да, ты был бледен как мел, и трясло тебя от возбуждения. Помнишь, как подставил я свое плечо, и ты обвис на мне.

— Ну, как? — спросил ты, однако не обнял как прежде, не затормошил, а как-то застопорено замер и не сводил взгляда с ноги и костылей. Ты не это мечтал увидеть?

— Да! Ты прав.

— Ты приехал? — ахает Нина, смущаясь и краснея, и глаз не тупит, смотрит прямо в глаза, и радость ее до сих пор у меня вот где сидит, и я хлопнул ладонью по своей груди.

— А что на костылях-то? — пытается беззастенчиво Ленка-колобок, сияя бусинками глаз.

— Тебя вылечили?! Ты теперь здоров?! — это снова Нина.

А мне нечем похвастаться. Надежды разбились вдрызг. Не о такой операции я мечтал, не такое возвращение видел в мечтах.

— Ты теперь будешь как все? — пытаются, нет, ножами режут пацаны.

И вдруг я вижу больничный коридор, по которому ползут большие и маленькие дети, их исстрадавшиеся, глубоко запавшие глаза, их недвижные ноги, упорство, с каким они преодолевают метр за метром, чтоб доползти до красного уголка и посмотреть чудный ящик, телевизор, по которому показывают всякую всячину.

Именно в эту минуту ты подставил свое плечо, ибо эта картина меня потрясла больше всего на свете. А ведь я мог быть таким же! Понимаешь ты это! Таким! И это меня смирило, тогда и при встрече, но говорить я не мог, как не мог сказать правды, не хотел гасить вашей радости, а лишь немо вопрошал Нину: «Ты будешь со мной дружить?» — «Нет!» — «Почему?» — «Я боюсь» — «Чего?» — «Ты не будешь таким, как все». — «Буду!» — «Нет, не будешь, я чувствую это».

— Так ты можешь о Нине покороче сказать? А! — нетерпеливо потребовал друг.

— Нет, дорогой мой, выслушай все, что дорого мне, все, что накипело и держалось так долго.

Долго во мне вызревало желание встретиться с нею и все объяснить, а главное, сказать, как я люблю ее, как жажду встреч, но удерживало меня лишь одно: кто я и кто она? Ведь все говорило не в мою пользу, и я не смел, и гнал всякие мечты и желания, но они не отступали, преследовали, и вот пришел момент, когда я окончательно понял: надо сказать.

А случилось это на берегу Тайтурки, куда мы пришли учить билеты. Помнишь черемуховые заросли, что перекинулись с берега на берег и так сплелись, что мы на их ветках сидели, как в креслах, посередь речушки. Поучим-поучим и слушаем шелест клейкой листвы, звонливую капель и глухой, урчащий ропот водопада, там повыше, где был залом из бревен, а внизу улово, глубокое и широкое, там мы купальный сезон открывали.

А день был теплый да солнечный, и решили мы искупаться, разделись догола, чтоб трусы не мочить, да и кто мог нас здесь видеть, побесились на солнышке, лежа на спине, позагорали и одновременно сиганули в омут. Вода опалила, ожгла, дух перехватила и вытолкнула наверх. Ух ты! Разминаемся, скачем, зуб на зуб не попадает, кожа синюшная, зато герои — купальный сезон в четвертый раз открыли. Такие вот были! И ругали нас за это, и наказывали, и грозили выгнать, пророчили всякие болезни, а нам хоть бы хны, и не болели мы, и ничто нас не брало, а слова — пустой звук.

И вдруг видим, с нашей черемухи Нина и Ленка слезают. Офонарели, забывая о голых телах, так стояли и ждали, когда убегут да растрезвонят, в каком виде мы открыли сезон, аж дух захватило, не пройдет и часа, как вода здесь закипит от мальчишечьей удалы. То-то будет потеха! Но что это?

Смотрим, Ниночка бежит к нам, подбегает и сквозь слезы выговаривает мне:

— Коленька, зачем ты так? Ты больной, тебе нельзя, ты заболеть можешь, — засмушалась, покраснела, резко развернулась и убежала.

И сразу зубы перестали стучать, и жар пошел по телу, и стыд проснулся: это ж надо, они видели нас вот такими. Я аж остолбенел.

— Ты заметил, какую она красивой была!

— Да! До сих пор в глазах стоит. А черемухи те высохли. Ходил я туда. Глядел на сухие остовы и слезы вытирал. Надо же, такую красоту поизломали, поизрубили!

— Был я там по осени, при мне братва рубила и ела ягоды на берегу, стал говорить, так, веришь ли, чуть не побили, кое-как ушел целый и невредимый.

— И я понял, надо сказать, ведь просто так она бы не выскочила к такому голышу, не заплакала и слова не сказала. Написал записку, подложил на перемене в ее книгу и стал ждать вечера, когда стемнеет и не видно будет ничего.

И вот наступило желанное время. Кое-как смылся от тебя — и в рощу, за омшаник на наше любимое место, к развилке двух берез, но теперь их нет, как нет и омшаника, а в пчеловодном домике живет Зинаида Григорьевна с Николаем Михайловичем. Вот я пришел, вынул досочку из-под листвы, установил ее меж берез, сел и, озираясь, стал ждать.

И вдруг страх объял меня — это о чем я буду говорить, и сразу в горле пересохло, сам — как в огне загорел, и так стыдно стало, хоть беги. Придет Нина — не придет, как-то не думалось.

А мысли коварные, вот они, рядом стоят, досаждают, смеются: прочитала твою записку, изорвала, и думать не думает, а ты тут сидишь да огород городишь, уходи.

И не вытерпел я, встал, пошел.

Слышу шаги, притаился, замер. «Она! — зазвучало набатом. — Она!».

— Зачем позвал? — тихо-тихо спросила Нина и такая виноватая, испуганная и робкая, как птичка в руках.

— Просто так, — еле выдохнул я от радости, кое-как ворочая пересохшим языком.

А сердце-то поет — пришла! Вот здорово — пришла! Можно говорить сколько хочешь — выслушает, за руку взять — не отымет, но как за руку взять, все онемело, и рука тяжела, не поднять. И все вокруг вроде настаивает, дескать, не молчи, говори, как любишь ее.

— Садись рядом, так лучше. И звезды виднее, — приглашаю я сесть, беря ее горячую ладонь в свою.

— Тихо здесь, темно, я боюсь, — и жметя плечом к моей груди.

— А ты не бойся. Я же с тобою, — и сжал крепче ее горячую руку, и побежал ток от ладони к ладони.

— И правда, не страшно, а раньше я всего боялась, — и, вздрагивая, заплакала.

— Почему? — дрогнувшим от жалости голосом спросил я.

— От мамы пряталась. Она меня ужас как била. Ты только об этом никому не говори. Ладно? — и посмотрела своими ясными чистыми глазами, из которых катились каплями слезы.

Дрогнуло сердце, зашло от жалости, полюбнял ее, прижал к себе.

— Ты что, матери не родная?

— Родная. Она — сумасшедшая, — как эхо, одними губами, прошептала она и снова заплакала.

Так вот откуда у нее полосы на спине! Вот почему она такая пугливая, замкнутая и грустная.

Привез ее отец, сдал воспитательнице Анфисе Михайловне, чуткой и доброй женщине, и ушел. Нина тогда молча забилась под кровать, собралась в комочек, мышонком затаилась, и большого труда стоило Анфисе Михайловне выманить ее оттуда и быть нянькою и кормилицею.

— За что же мать так с тобой?

— Не знаю. А била страшно. Я пряталась везде, даже в силосную яму закапывалась, и однажды чуть навек там не уснула.

Я спросил ее, отчего, дескать, сумасшестввовала мать, и она поведала, что были очередные трудные роды, что дожди проливные разрушили и снесли мосты, и помощь не была оказана, что ребеночек родился мертвым, а мать после этого старшую дочь стала ревновать к мужу.

Больно мне это было слушать и страшно. Больно от того, что Нина тогда плакала горько и безутешно на моей груди, а я гладил ее покатые плечи, волосы, успокаивал, что де теперь-то я никому тебя в обиду не дам, что будем всегда вместе, рядом.

Нина отзывалась на мои пламенные слова легким пожатием руки, и мне сейчас страшно оттого, что ничего этого не состоялось, ничего не сбылось.

И затянулась надолго пауза. Мы с Колей молча смотрели, как отгорал закат, как замедляла свой бег вода, словно притомилась за день и теперь с надвигающимися сумерками решила отдохнуть. Все веяло умиротворением, от которого снова рождалось чувство близости и родства душ...

ПОЭЗИЯ

ЮЛИЯ ЛАШМАНОВА

Юля Лашманова живёт в Петербурге. Учится в средней школе. Ей всего лишь 17 лет. Вроде бы, житейский её опыт невелик, но стихи, которые она пишет, довольно взрослые, применительно к её возрасту. Они профессиональны и технически точны. И ещё я хочу сказать о том, что в стихах Юли чувствуется судьба. И судьба не простая.

Её внутренний мир оказался многообразным, неожиданным и, порою, даже странным. Слог напряжён и упруг. И когда читаешь её произведения, то забываешь, что их написал совершенно юный человек, школьница. Ощущение такое, что ты попал в непостижимый мир с его страстями и переживаниями, с его душевными надломами и горечью происходящего.

Да, в том-то и дело, что Юля — человек неординарный, необыкновенный, потому что она — ПОЭТ. А поэзия сама, по своей сути, необыкновенна. Она всегда была одной из самых удивительных человеческих загадок. Почему, зачем человеку хочется говорить в рифму? Звукописать!? Жить чувствами, звуками, словом и музыкой!?

А это уже — от Бога! Это и называется талант. Юля, несомненно, талантлива. Скольких на своём веку я повидал графоманов! Самых разных рангов: начинающих, пишущих неумелые стихи, а также сочиняющих давно и рвущихся опубликовать хоть одно стихотворение и, наконец, бездарных, но чрезвычайно самоуверенных, издающих книги, в общем-то никому не нужные, никем не читаемые. Я даже стихи о графоманах написал:

*Он в упрямстве своём не уступит ни грана.
Не хвалю, не терплю, не люблю графомана.
Он не хочет понять, когда в слово стучится:
Нам поэзия — мать, графоману — волчица.*

Кстати, у Юли тоже об этом есть стихи под названием «Не поэту». Так вот, для Юли Лашмановой поэзия — близка по-матерински, ей не нужно задумываться над ритмом и рифмой. Они естественно и органично воплощаются в её стихах. Читать её интересно. И я, представляя сегодня Юлию Лашманову читателям «Родной земли» и говоря ей это напутственное слово, хочу верить в то, что она не потеряется среди разливанного моря других поэтов и других стихов.

Владимир СКИФ

**Это предисловие я писал одиннадцать лет назад в 2010 году для русской национальной газеты «Родная земля», которую, в частности, создавал и Валентин Распутин. Сегодня Юлия Лашманова — профессиональная актриса и режиссёр. Живёт в Петербурге.*

Иду по выжженной дороге...

Любимому

Ты встал уже? Ну, как спалось? Прости, тебя я не будила. Чуть раньше мне уйти пришлось, А то б я эту ночь продлила.	Прижавшись к сильному плечу, Тебе, любимый, покориться. Как я мечтаю, как хочу Твоей любовью насладиться.
--	--

Ведь так приятно ощущать Дыханье губ твоих желанных. Жить искренне, не упрощать Минуток счастья долгожданных.	Проснувшись, поцелую я Те губы, что шептали страстно... Ты спи, мой друг, любовь моя, Не разбужу тебя напрасно!
--	--

* * *

Иду по выжженной дороге, На всё готова для искусства. До крови истоптала ноги, Но в сердце радостное чувство.	Я спотыкаюсь и хромаю, Уже оледенели руки. Мне тяжело, но понимаю: Театр стоит этой муки.
--	--

После бала

Окончен бал, куранты отгремели, Все лицемеры сняли свои маски. И те, кто раньше расточали ласки, Шипели друг на друга, словно змеи.	А рой улыбок, в воздухе висевший, Рассеялся, как силуэт в тумане, Всё в пошлости погрязло и обмане, Нависло над моралью присмирившей.
--	--

Не поэту

Поэт-бродяга — истинный зануда — Бессмысленно по миру колесил. Его стихи — макулатуры груды. Народ с трудом «поэта» выносил.	За предложеньем делал предложенье, И без согласия — мигом на порог.
«Поэт» гордился новым сочиненьем, Тягучим и бессмысленным вконец. Хранил в тетрадах скучные творенья И их считал, как перед сном овец.	Он хвастался количеством, объемом, В таланте всех пытался убеждать. И, наглости обученный приёмам, Осмеливался прочих осуждать.
Он пользовался данным положеньем И женщин обольщал, как только мог.	«Поэт» наглел и величался смело, В редакциях показывал свой гнев. Печатался. А общество терпело, Бездарность эту некогда пригрев.

* * *

Бежим и не смотрим под ноги, Несёмся во весь опор. Безумство — рождает подвиги, Упрямство — рождает спор.	Сегодня уже не действительно, Сегодня другая игра.
А годы куда-то стремительно Летят. То, что было вчера,	И кто успевает, тот царствует, Тот ввысь начинает полёт. Завистники ждут и коварствуют, Быть может, и им повезёт.

Взгляд из шкафа

Залезть бы мне в шкаф да на дальнюю полку,
За книгами спрятаться в словарях,
Чтоб счастье не дёрнуло за футболку,
Чтоб солнце не грезилось в фонарях.

Чтоб слепо не прыгнуть в любовную лужу,
А после не быть по колено в любви.
Залезть бы мне в шкаф да посмотреть бы наружу,
И видеть, как страсти бушуют вдали.

Залезть бы, запрятаться, в угол забиться
И думать о чём-нибудь светлом, простом...
А может быть, всё-таки стоит влюбиться,
А там будь что будет, посмотрим потом.

Саврасов. «Грачи прилетели»

Вы не встречались с картинами
Ранней весны? Чудный вид!
Пруд распрощался со льдинами,
Сонный, угрюмый стоит.

Снег, потемневший от влажности,
Мартовским солнцем объят.
И, распушившись от важности,
Первые птицы кричат.

С юга вернувшись, над гнёздами
Кружат и вьются грачи.
Скользкие, между берёзами
Льются, теряясь, лучи.

Трио деревьев потемневшее
Не потеряло уют,

Певчих пернатых пригревшее,
Дарит им вечный приют.

А за берёзами старыми
Солнцем облитый забор,
Церковь с открытыми ставнями,
Тонкой полоскою бор.

Нежной лазурью укутанный,
Смотрит на нас небосвод
И, облаками опутанный,
Кажется, рухнет вот-вот.

В воздухе звонкое пение,
Словно им дышит весна.
Всюду царит оживление,
Всё пробудилось от сна.

Смерть

Здорово, смерть! Ты что-то рановато
На огонёк мой тихий забрела...
Одумайся! Жила я маловато,
И, в общем-то, ещё бы пожила.

Пришла ко мне, расположилась в кресле.
Косу взяла — свой вечный реквизит,
И не подумала о том, что если
Мне отворотителен сегодня твой визит.

Я, между прочим, чувствами согрета,
И веришь ли, мне всех дороже — Он!
Ну, что молчишь и не даёшь ответа,
Закутавшись в свой чёрный балахон?

Иди, подруга, дальше отправляйся,
И впредь смотри, не путай адреса.
Я постарею, вот и возвращайся.
Надеюсь, не затупится коса!

Финал

Билет до ада мне оплачен,
И поезд ждёт, и час назначен.
Ехидный чёртов проводник
Щекой к моей щеке приник
И прошептал: «Пора. Вперёд.
Тебя давно хозяин ждёт».
И я иду, за мною страх,
Иду, чтоб век гореть в кострах,
Несу грехов житейских бремя,
Пришло расплачиваться время.

Рада

Вся скрипит и еле тащится
Электричка вида довоенного.
На меня мужик таращится
Возраста достаточно почтенного.

Я в другой направились вагон,
Мне проблем не хочется, не надо.
— Как зовут Вас? — догоняет он.
Шут с тобою, мужичок: — Я Рада.

— Да, я тоже рад, но как зовут?
— Рада! — повторяю раздражённо.

И в молчанье несколько минут,
Мысль гонял мужчина напряжённо.

Видимо, прикинув, что к чему,
Применяя всю свою сноровку,
Он сказал: — Мне грустно одному...
Но пора, проеду остановку.

Мчится вновь по рельсам экспонат —
Электрички ржавая громада.
Он был рад! Вы слышали?! Он рад!
Рада — я! И этому я рада!

Ночные бабочки

Я — красивая наяда,
Я — ребёнок переулка.
Прейскурант моих повадок,
Как вечерняя прогулка.

Вон стоит моя коллега,
К питерским перилам жмётся.
Она в поисках ночлега
И дешевле продаётся.

Дама — порваны колготки,
Грязный топ со свалки лета,

На лице — следы от водки,
Молча курит сигарету.

Жизнь кипит. Ночные сделки
Набирают обороты.
Тут же драки, тут же «стрелки»,
Тут же шулеры и моты.

Вдалеке «ментов» сирена —
Приумолкли голоса,
Скрылись — и пуста арена...
Правда, лишь на полчаса.

* * *

Мой судный час вот-вот настанет,
И Вы, мучитель, в нём судья.
Пусть с приговором чувство канет
В прошедший день забвения.

Всё рухнет. Только Ваше слово,
Как гром обрушится с небес.
Но к пораженью я готова,
И от судьбы не жду чудес.

Фотография

В сердце, в мыслях и перед глазами,
Словно память, возникает тот,
Кто с растрёпанными волосами
Счастьем улыбался во весь рот.

Кто шутил и искренне смеялся,
Кто об осени нам первый объявил,

За приезд свой поздний извинялся,
Мол, не знал, по правде же, забыл.

Кто сказал нам позже: «Пьют артисты!»
Кто идею поручил уму?
Тот теперь стоит виденьем чистым,
Вопреки рассудку моему.

Кинопробы

Я участвую в кинопробах.	Заикаюсь? Подумаешь, глупость!
Я пришла даже раньше на час,	Это мелочь в потоке проблем.
Не смотри, что сегодня я в скобах,	Что?? Сильнейшая тугоухость?
За очками блестит пара глаз.	Так она ж незаметна совсем.

Режиссёр, ты спроси моё имя,	Режиссёр, подари мне везенье,
Режиссер, меня Юлей зовут.	Я пройти этот кастинг должна.
Я та самая героиня.	Дай хотя бы сыграть привиденье,
Что же ты сомневаешься тут?!	Может, я для кино рождена!!!

Актёру

От зари до зари о тебе все мечты,
О тебе беспредельные муки.
Закрываю глаза, и родные черты
Вспоминаются.
Горькой разлуки

Мне никак не стерпеть,
и ночами порой
Я слезами подушку стираю.
Как ты там существуешь,
безумный герой,
Пока я без тебя умираю?

Как ты там без меня:
вспоминаешь иль нет?
Ты меня позабыл, ведь не так ли?
Из стола достаю за билетом билет,
Вспоминая былые спектакли.

Ты уехал в Москву,
твоя жизнь — сериал.
Ты вернёшься? Я ждать обещаю.
Пусть тебя не вербует
твой «Первый канал»,
Я его — за тебя — не прощаю!

Возвращение

Матушка Русь, не отринь своё чадо,	Ты крестила меня в колыбели,
Ты прости, ты прими какой есть.	Укрывала закатом, любя,
Мне земель иностранных не надо,	И леса еле слышно мне пели,
Ты мне — Мать. Разве это не честь?	Прославляли родную — тебя.

Я ж бездумно сбежала с Дунаем,
Но теперь возвращаюсь назад,
Чтоб ожить над твоим караваем,
Чтобы видеть твой алый закат.

Чтобы чувствовать миг вдохновенья,
Созерцая родные края.
Я прошу у России прощенья,
Я вернулась — беглянка твоя...

* * *

Хочу признать свою неправоту,
Я днём сегодня в этом убедилась.
Мне надо скрыть былую наготу,
К которой я ещё вчера стремилась.

Наверно, ТОТ, о ком не говорят
И всеу имени ЕГО не произносят,
Но чувствуют его Отцовский взгляд,
И потому — о счастье близких — просят.

Признать хочу и тот печальный факт,
Что жизнь моя — халтурная работа.
Мне следует, должно быть, взять антракт,
Но не могу: меня здесь держит кто-то.

А что же я? Иду себе, пускай,
И чтоб мои не утомились ноги,
На остановке заберусь в трамвай,
Чтобы доехать до конца дороги.

Актриса и режиссер Юлия Лашманова представила моноспектакль «Ахиллес»

Зрители Театра имени Ленсовета увидели документальный моноспектакль «Ахиллес». Постановку придумала, поставила и сыграла в одиночку актриса и режиссер Юлия Лашманова. Эта работа — автобиографический рассказ, повествующий про ее отца, заслуженного тренера России, серебряного призера Паралимпийских игр, чемпиона мира по легкой атлетике в спорте слепых Алексея Лашманова. Об идее спектакля, деталях его создания и особенностях реализации

людей с ограниченными возможностями зрения Юлия Лашманова рассказала в студии Города. «В один момент меня осенило, что жизненный путь моего отца — настоящая основа для театральной постановки. Я собирала материалы, расспрашивала отца, что-то вспоминала сама. И так сложилась история, главный посыл которой заключается в том, что если очень захотеть чего-то, то все может получиться», — делится Юлия Лашманова. Название спектакля одновременно отсылает и к мифу об Ахиллесе, и к одноименному спортивному клубу, который

когда-то создали молодые атлеты-ленинградцы с ограниченными возможностями здоровья. В свое время они путешествовали по миру и участвовали в спортивных марафонах.

Юлия Лашманова — профессиональная актриса и режиссер. Ее творческий путь складывается последние 11 лет. При поступлении в вуз на профессиональную режиссуру ее сняли со вступительных экзаменов, поскольку стало известно об особенностях ее зрения. В дальнейшем она освоила актерское мастерство, сценическую речь и другие профессиональные навыки в Безусловном театре. Затем начала свою независимую карьеру в театральной сфере.

«Я все равно пришла к тому, к чему должна была прийти. Может быть хорошо, что у меня были эти 11 лет, свой собственный путь. Меня всегда вдохновляли люди, мероприятия, творчество. Всегда в моей жизни были какие-то проекты, которые были мне интересны, и были те, кто верил в меня и давал шанс в этих проектах принимать участие. Это придавало мне сил», — признается Юлия Лашманова. В работе над моноспектаклем ей помогали художник по свету Наталья Исакова и звукорежиссер Ирина Атрушкевич. Также дополнительную поддержку и вдохновение режиссер нашла в петербургском Театре Дождей. Первые представления спектакля показали, что увидеть его хотят многие. Поэтому сейчас идет поиск постоянной площадки, на которой можно было бы играть постановку. Также Юлия Лашманова планирует поставить новый спектакль, который будет посвящен поэзии и стихам. С этой сферой творчества она очень хорошо знакома — режиссер пишет стихи и делится ими в своем блоге «Девушка с моноклем».

СОФЬЯ МАКСИМЫЧЕВА

Расставить сети и ловить январь...

* * *

Деревья умерли. Зима
их обдувает резким снегом.
Немыми окнами дома
во двор устались. С разбега
ударит утренний мороз,
рассредоточив злую силу.
Но разве верилось всерьёз
в то, что сорока доносила!
Что холода — наверняка,
и нитью солнце не удержишь,

но речке рядом засверкать...
Под взглядом бдительных консержек
в подъезды враг не прошмыгнёт,
сковало льдом крутой порожек.
Его под звон подковырнёт
ногой подвыпивший прохожий.
А что деревья? Им стоять
ещё три месяца до жизни,
плюс-минус дней остылых — пять,
пока теплом их не обрызнет.

МАКСИМЫЧЕВА Софья родилась в 1964 году. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Луч», «Нижний Новгород», «Эмигрантская лира», «Дальний Восток», «Казань», «Истоки», «Сибирский Парнас», «Литературный оверлок», «Ковчег», «Перископ», «Журнал ПОэтов», «Чаша круговая», «Рукопись», «Южная звезда», «Приокские зори», «Бельские просторы», «Ренессанс» (Киев), «Менестрель». В 2019 году в издательстве «Факел» в Ярославле вышла первая поэтическая книга «Зелёная шаль». Дипломант литературного конкурса им. М.М. Пришвина «Хранители Природы». Финалист международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» 2018 года. Финалист VI международного поэтического конкурса «45-калибр» 2018 г. Финалист шестого Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2019». Дипломант IV международной литературной премии «Перископ-2020» издательского дома «Перископ-Волга». Живёт в Ярославле.

* * *

Страдания по Брейгелю, январь,
глухое время выверено лаем,
где киноварь небесная — алтарь,
по краю — оторочка горностаем.

Трескучий лёд под лезвием коньков
безумных причащает ярь-медянкой.
Мольберту хватит лишних позвонков
продлиться в вечность кистью нидерландской

и зѣмы шкѹрить, отделяя снег
от рыбьей трѣбухи домашних чанов...
Вышагивает мѣртвый человек,
но шаг слепой не кажется мне странным.

Я вижу, как восходит синий пар
из уст его на голос гильотины,
где ёлочный блестящий лунный шар
качается в периметре картины.

* * *

Все, пролетающие мимо,
потом возможно пожалеют.
Обмякли крылья Серафима,
чьи перья стали тяжелее
осенней горечи и звонов
из полусонных колоколен,
где кособокая ворона
хрипит, как ярый богомолец.

И зря окутывать туманом
осиротевшие пенаты.
Зима подступит — это данность,
и вместе с нею — снег лохматый.
А пролетающие мимо
захлопнут двери и страницы...
Как пожелтевший старый снимок,
мне долго помнить в окнах лица.

* * *

Ты говоришь мне по-акулы,
я отвечаю невпопад;
к стене спиной примкнули стулья,
за серой рамой ливнепад.

и не напьѣшься. Солнце сохнет,
в груди сирена вѣѣт гнездо,
добавишь стронций к рыбьим лохмам,
чтоб не оставило следов:

А между нами слов так мало,
как будто в кране нет воды.
Излишней жѣсткости досталось,
но не растопишь этим льды,

в бумажном сумраке просвета,
где в каждой фразе приговор.
И напоследок — сигарета
и чайной ложки мельхиор.

* * *

Голубое стекло и стол,
за окном — вековые ели,
снег до срока с земли сошёл,
нас оставив зимой без цели.

Словно не было здесь его,
но, глаза раскрывая шире,
чую холода дух живой
в этом странном бесснежном мире.

Вот окно, за окном — туман,
перестук поселенцев лишних;

на потеху вороне сдан
подурневший седой ятрышник.

Подхожу к зеркалам, и что?
Почернелый оклад иконы,
поперёк ли смотрю ли, вдоль —
всё пустые бегут вагоны.

Прижимаю лицо к стеклу,
призываю с небес порошу,
но по-прежнему слеп и глух
снег, как ты, мой родной хороший.

* * *

Расставить сети и ловить январь
на берегу высоком рядом с домом,
где росчерки коньков слышны, как встарь,
и пар восходит к небу невесомый.

Разведчики на чёрно-белый фон
наносят знаки зимней криптограммы;
вороний гомон слышится вдогон
ячеистым сетям. Идут кругами,

подобно снегу, медленные дни,
в пастозном свете стелются у речки,
но кажется, оставишь их одних —
не увернуться и не уберечься.

* * *

В тёмном круге зодиака
ночь — голодная, как чёрт!
Перелистывает дьякон
часослов, в углу промёрз

до костей понурый голубь,
над купелью — морок, мга;
месяц надвое расколот,
вместо звёзд блестит шуга.

На крещение — морозы,
холод адский, но впотьмах
указатели-берёзы
серебрятся на мостках.

Толчя, людские «ахи»,
греховодников толпа;
обнаженные, как Махи,
ходят девы без стыда.

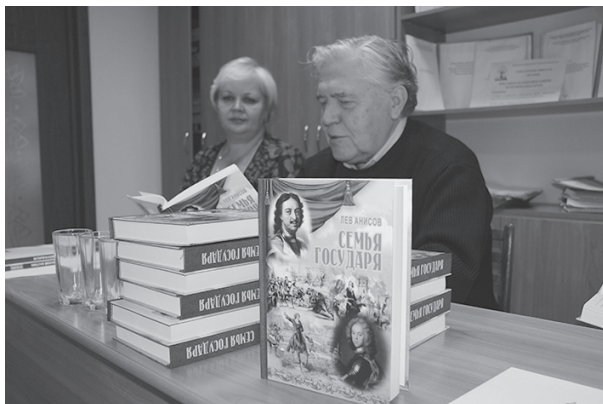
Вдалеке клокочет птица,
освещает небо храм,
кто-то — заново родится,
чей-то «воз и ныне там».

Ну а я смотрю на чудо,
на свечение воды:
как под стон больного дуба
в душах в рост идут сады.

Скряжали истории

ЛЕВ АНИСОВ

Тайна Емельяна Пугачева

Заметки на полях книги А.С. Пушкина «История Пугачева»

Моим любимым внукам — Ксении и Максиму посвящаю

I

В смутное сие время, по казацким дворам
шатался неизвестный бродяга,
нанимаясь в работники
то к одному хозяину,
то к другому...

А.С. Пушкин

Лев Анисов — писатель-историк — родился 5 февраля 1942 года в Москве, в историческом Замоскворечье. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Его перу принадлежат книги о художниках И.И. Шишкине, Александре Иванове и собирателе русской живописи П.М. Третьякове, вышедшие в разные годы в популярной серии «Жизнь замечательных людей», о знаменитых московских святителях Платоне и Иннокентии. Автор исторических публикаций во многих московских журналах и газетах. Член Союза писателей СССР с 1989 года. С 1998 по 2001 год — секретарь правления Союза. Преподавал историю русской живописи и историю русской литературы в Московской Духовной Академии. Действительный член международной Академии Русской словесности. В 2018 году присвоено звание «Народный писатель России».

От редакции: Лев Анисов, историк и литератор, любезно предложивший журналу «Сибирь» завершённое в последней редакции очерковое повествование о судьбе самозванца Емельяна Пугачева, об истории Пугачевского бунта, открывает документально подтвержденные тайны зарождения бунта в европейских державах, враждебных России, в среде российских аристократов, приближенных к царскому двору, в их тайной и явной борьбе за власть.

* * *

Несколько лет назад, работая над книгой о митрополите Платоне (Левшине), довелось изучать хронику дворцовых событий накануне совершеннолетия и женитьбы ученика Владыки — цесаревича Павла Петровича (сентябрь/октябрь 1772 — сентябрь 1773 гг.). Тогда и обратил внимание на удивительное совпадение: в пору, когда Екатерина II должна была передать власть сыну, на Яике появился Емельян Пугачев, и началась трагедия, связанная с его именем.

Надо сказать, ситуация при дворе была непростая. Согласно договоренности с братьями Орловыми и Паниными, возведшими Екатерину II на престол, она, по достижении сыном совершеннолетия, должна была передать власть ему. Но отдавать власть ей явно не хотелось. И вот в пору, когда в России и Европе с обостренным вниманием ждали разрешения конфликта, в Петербург пришло известие о самозванце, «всклепавшем» на себя имя покойного императора.

Случайное совпадение фактов или же невидимая связь всё-таки соединяла два события — вот что интересовало меня всего более. Но чем более вникал в документы, тем больше недоуменных вопросов возникало у меня. Взять хотя бы один из них: откуда у беглого дезертира Емельяна Пугачева взялись деньги на вооружение многотысячной армии?

Знакомство с материалами пугачевского бунта приводило к заключению, что далеко не все так просто в этом деле, как приучали нас со школьной скамьи. Я задал себе волнующий меня вопрос: **откуда у Пугачева взялись деньги?**

* * *

Появление Емельяна Пугачева на Яике весьма напоминает историю появления лже-царевича Димитрия I в Речи Посполитой. Вспомним время царствования Бориса Годунова.

Умно и деятельно правил Годунов государством: довершил покорение Сибири, строил новые города в России, заботился о народной нравственности, пользовал иностранцев для нужд России.

Друг его, первый русский патриарх Иов, заботился о распространении веры Христовой между татарами казанскими и среди инородцев Сибирского царства.

И вот, в пору всеобщего спокойствия и благоденствия, в народе начал распространяться слух о том, что царевич Димитрий не погиб, а спасен близкими людьми. Тревога и подозрительность овладели царем. Тела убиенного царевича он сам не видел. А если сын Грозного жив, то ему, царю Борису, придется сойти с престола. Но если и нет царевича, а объявился дерзкий самозванец, то и он — враг очень опасный. Нужно было узнать истину.

Взволновать народ было нетрудно. Врагов у царя Бориса множество. Молва о том, что он подсылал убийц в Углич, гуляла по Москве. Явись смелый обманщик да назовись царевичем Димитрием, в народе могли подняться великие смуты.

Особенно много врагов у царя Бориса было среди бояр. Они никак не могли забыть, что еще совсем недавно он был с ними равен. Многие из них считали свои права на престол сильнее его прав; не могли они забыть и того, что члены их родов были погублены им еще при Феодоре; еще при Феодоре начали распространяться неприязненные слухи о нем. Зависть, как говорится, глаза застит.

Царь Борис оказывался в затруднительном положении. Ему надо было искать неведомого врага, не обнаруживая страха перед ним. Обнаружат, так сами и сотворят лже-царевича. А всего же более к тому склонны бояре. Но кто из них? Начались подкупы и доносы...

Отметим, в числе первых опальных оказались братья Романовы-Юрские — ближайšie свойственники царя Феодора Ивановича. Один из слуг Александра Никитича Романова донес Борису, что у хозяина хранятся «колдовские зелья-корешки». В доме Александра Никитича был сделан обыск. В кладовой нашли мешок с какими-то корешками. Улики хватило для осужденного боярина и его братьев. Современники, правда, полагали, зелье подбросил сам доносчик, в надежде получить награду от царя. Романовых истязали при розыске, осудили как изменников, и разослали всех по дальним местам русской земли.

Старшего и самого даровитого из Романовых, Федора Никитича, насильно постригли в монахи с именем Филарета и сослали в отдаленную Сийскую обитель преподобного Антония. Сюда не пускали даже и богомольцев, чтобы кто-нибудь не доставил письма невольному иноку. Супругу его, Ксению Ивановну, постригли под именем Марфы и заточили в один из Заонежских погостов. Их детей, Михаила и Татьяну, отправили в ссылку в Белоозеро. Братья Федора Никитича томились в душных землянках и умерли (кроме Ивана Никитича) от лишений и жестокости приставов. Приставы эти должны были зорко следить за узниками и доносить, что узнают.

Не станем рассуждать, почему Романовы вызвали такую подозрительность и недоверчивость у царя Бориса. Наказание для них было крайне суровым и до того неслыханным. Ведь Годунов наказывал не одного виновного человека, как делал Иван Грозный, а пытался извести целый род именитых бояр, исключая их малолетних детей.

Были или не были на то причины, о том позже.

В 1601 году пришла к Борису беда не меньшая, чем начавшийся в стране голод, вызванный необычайной засухой. Не потомки Рюрика, не князья и вельможи, гонимые им, ополчились на него, а восстал на него неизвестный бродяга именем младенца, давно лежавшего в Угличской могиле.

Явился Самозванец в Речи Посполитой. Много беглых в ту пору поступало на службу к тамошним воеводам. Оказался среди них и сын небогатого Галицкого боярина Богдана Отрепьева Григорий, род которого вёл начало от выходца из Литвы. (...)

Вернемся к Пугачеву. Вспомним его появление на Яике.

В 1858 году замечательный уральский писатель, этнограф и большой знаток

жизни уральского казачества И.И. Железнов¹ проехал по следам Пушкина в Оренбуржье и на Южном Урале. Он, едва ли не первый в русской литературе, сказал о том, что «не казаки создали самозванца, а самозванец обольстил казаков». «Сама великая государыня, — писал Железнов, — так сказать, чувствовала, что казаки заблуждались от невежества, и что злодей Пугачев зародыш злого умысла в голове вынес из Польши, уже и прежде виновной в подставе самозванцев, или, по крайней мере, в помощи им».

И.И. Железнов написал «Критическую статью на историю пугачевского бунта А.С. Пушкина», вошедшую в книгу «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» (1858). Книга же, включающая в себя воспоминания старожилов о Пугачеве, не увидела свет при жизни автора. Она была опубликована лишь в 1910 году.

В упомянутой «Критической статье...» читаем следующее: «...Я знавал на Урале старого и слепого, но умного и рассудительного казака, жителя Красноярского форпоста, М.М. Бакирова (ныне уже не существующего), которому, по словам его, во время Пугачевского бунта было 18 лет от роду. Из разговоров с Бакировым я узнал, что Пугачев, как бездомный скиталец, шатаясь по казачьим селениям из дома в дом и изучая характер и образ мыслей казаков, остановился, наконец, в доме Данилы Шелудякова², показавшегося ему вероятно энергичнее других. Дни Пугачев проводил в простой работе, какую назначал ему хозяин, а на ночь уходил в отведенный ему для житья амбар, и там запирался. По полуночам он зажигал огонь и молился Богу, или только притворялся, что молится — все равно; дело в том, что каждую ночь в амбаре его светился огонь. Однажды Шелудяков, выйдя из избы на двор, заметил это и возымел подозрение.

«Уж не ворожец ли, иль не шпион ли какой этот работник?» — подумал казак и стал после того наблюдать за поступками Пугачева, чего, конечно, тот и добивался.

Убедясь, что Шелудяков подслушивал за стеной амбара, хитрый беглец дал волю своему изобретательному и проницательному уму. Стоя перед иконой и отвешивая частые земные поклоны, он читал молитвы, но нарочно возвышал голос, чтоб быть слышиму. Молясь, Пугачев часто упоминал слова: «Импе-

¹Железнов, Иоасаф Игнатъевич [12(24).XI.1824, Гурьев, — 10(22).VI.1863, Уральск] — русский писатель, фольклорист, этнограф. Сын казака. Окончил Уральское войсковое училище (1841). В 1853–62 жил в Москве, где сблизился с кружком А.Н. Островского. Опубликовал книгу очерков «Уральцы» (1858). Записи былин, исторических песен и др. составили сборники «Предания и песни уральских казаков» (1859), «Сказания уральских казаков» (1861). «Предания о Пугачеве» (опубл. 1888) при жизни Железнова были запрещены цензурой. Преследования со стороны властей привели его к самоубийству. Соч.: Уральцы. Очерки быта уральских казаков, Полн. собр. соч., 3 изд., т. 1–3 [биограф. очерк Н.А. Бородина], СПб, 1910.

²Любопытные сведения о Даниле Шелудякове находим в книге уральского литературоведа Н.М. Щербанова «Поехал я в Уральск... А.С. Пушкин и Приуралье». ЗКГУ, Уральск-2006, Стр. 131-132: «Во время уральской поездки Пушкин проявил особый интерес к мятежному фольклору, связанному, прежде всего, с первоначальным этапом пугачевского движения, а также с волнениями и бунтами яицкого казачества в 1772 году. Пушкина интересовала жизнь Пугачева на Урале до начала восстания. В примечании ко второй главе «Истории Пугачева» он написал: «Пугачев на хуторе Шелудякова косил сено». Шелудяков был видным участником подготовки восстания, любимцем Пугачева. Его имя упоминается Пушкиным несколько раз. В записках поэта из бумаг Н.Н. Бантыши-Каменского есть более пространная запись о нём: «Данила Шелудяков, отставной казак, давал на своих хуторах убежище беглым разбойникам. Пугачев косил у него сено. Пугачев звал его своим отцом и без него ничего не предпринимал». Во время осады Оренбурга Шелудяков попал в плен. Настойчивые попытки Пугачева освободить его остались безрезультатными. «Он, — пишет Пушкин, — показал большое мужество во время пыток, от которых и умер». Упоминает Пушкин еще одного из тех «хозяев», у которых Пугачев принимался за «всякие ремесла»: «Вас. Плотников. Пуг[ачев] у него работником». Вместе с главными пособниками Пугачева он был судим и отправлен на каторжные работы в Прибалтику, где вскоре заболел и умер. И Шелудяков, и Плотников были теми казаками, которым впервые доверился Пугачев. Сведения о них Пушкин почерпнул из народных свидетельств. Они записаны поэтом в Уральске со слов их родственников или близких людей. Именно со слов, потому что архив в Уральске Пушкин не посещал». — Прим. автора.

ратор», «Наследник», «Престол», «Враги», и т.п., словом, высказывал целые фразы, которые, как острое ножа, впивались в сердце Шелудякова, мутили и будоражили ум его.

Некоторое время Шелудяков молчал, наконец, не вытерпел: затронутое любопытство взяло верх над страхом. Раз, когда Пугачев упражнялся в хитрой комедии, Шелудяков внезапно постучался к нему в дверь. Пугачев, загасив теплившуюся пред иконой свечку, впустил его, притворяясь притом оторопелым и испугавшимся.

— Что ты тут делаешь? — спросил Шелудяков Пугачева.

— Ничего, сплю, кормилец, — отвечал Пугачев.

— Как спишь? Да у тебя сейчас, я видел, огонь светился.

— Ах, батюшка!.. виноват!.. я и не хотел говорить тебе... грешный человек... я Богу молился... — проговорил, запинаясь, Пугачев.

— Знаю, знаю! — возразил Шелудяков. — А растолкуй-ка мне, что значит вот это.

Тут Шелудяков пересказал Пугачеву все то, что слышал, стоя за стеной амбара. Пугачев молчал, переминался. Шелудяков настаивал и еще больше приставал к нему. Наконец, Пугачев зарыдал, без сомнения, притворно, повалился в ноги казаку и дрожащим голосом произнес:

— Отец родной, кормилец ты мой! Помолчи, голубчик, не говори никому, если уж ты слышал... не выдай меня... Я уйду от тебя и скроюсь где-нибудь... я несчастный... я гоним судьбой...

Разумеется, этого было довольно для того, чтобы задеть и подстрекнуть любопытство необразованного казака, отуманить в нем рассудок и расшевелить чувства преданности к мнимому изгнаннику. Приведя здесь это известие, я спрошу благосклонных читателей: эта замысловатая и тонкая проделка хитрого Пугачева не напоминает нам первого самозванца, Лжедмитрия, выкинувшего почти такую же штуку в доме Вишневецкого?

Казак Шелудяков, мы знаем, наблюдал за поступками Пугачева, а Пугачев, без всякого сомнения, еще больше наблюдал за поступками Шелудякова и составлял на него хитросплетенные сети, в которые, по пословице, как кур в ошип, и попался простак-казак, увлекши с собою и земляков своих, таких же, как сам, простаков-казаков.

Но это еще не все. Когда разнеслась молва, что в доме Шелудякова оказалась такая высокая особа, явился в хуторе, Бог знает откуда, неведомый человек, назвавшийся отставным солдатом. Услыхав от казаков об этом чуде, солдат сказал:

— Что за диво такое? Покажите-ка мне его... я, быть может, узнаю, что это за птица такая... я служил в гвардии, видал Царя.

Казакам показалось это находкой. Они тотчас же привели солдата в дом, где находился Пугачев, чтобы узнать истину. Гордо, дерзко, с шумом и бранью, солдат переступил порог дома, в намерении, казалось, обличить самозванца, но, взглянув на Пугачева, сидевшего за столом, солдат повалился на пол и с подобострастием произнес:

— Каюсь в грехе своем...

Нужно ли говорить, что эта сцена поразила казаков и окончательно уверила

их, что Пугачев не самозванец?³ Жаль, что недалновидность казаков помешала им обратить внимание на то, что и Пугачев, и солдат, по всей вероятности, были давнишние друзья, заранее подготовившие эту хитрую сцену, чтобы решительно овладеть умами казаков, которые дальше своего носа ничего не видели...»⁴

Несколько схожее опознание личности самозванца случилось 20 июня 1774 года, во время осады прикамского «пригородка» Осы. О том упоминает историк Евгений Трефилов в своей книге «Пугачев»⁵. Защитники Осы для опознания личности «амператора» выслали в повстанческий лагерь отставного гвардейца Петра Треногого, который служил в Петербурге и видал настоящего Петра III. По свидетельству пугачевского сподвижника Ивана Творогова, самозванец переоделся «в простое казачье платье», поставил в ряд человек двадцать казаков и «стал между ими». (Вспомним признание Пугачева на следствии: «произвесть в себе отличность от других» и «отличным быть всегда хотелось».)

Ввели гвардейца, чтобы он «узнавал из представленной шеренги государя». Треногий обвел взглядом казаков и, наконец, «уоставил глаза свои прямо на злодея, смотрел пристально». Пугачев прервал затянувшееся молчание:

— Што, старик, узнал ли меня?

— Бог знает, — отвечал бывший гвардеец, — как теперь признаешь? В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее.

— Смотри, дедушка, хорошенько! Узнавай, коли помнишь!

Треногий долго смотрел на Пугачева, а потом сказал:

— Мне кажется, што вы походите на государя.

— Ну так смотри же, дедушка, — напутствовал самозванец, — поди, скажи своим-та, штоб не противились мне, а то вить я всех вас предам смерти.

Если верить показаниям Творогова, бывший гвардеец на следующий день опять приходил «узнавать злодея». На этот раз Треногий уже не колебался: увидев самозванца, «закричал громогласно»:

— Теперь я узнаю, што ты подлинно наш надежа-государь!

— Ну, старичок, — сказал на это «амператор», — когда ты меня узнал, так поди жа, уговори своих «афицеров», штоб не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью.

Старик, подходя к крепости, закричал:

— Господа афицеры! Полно, не противьтесь, подлинно государь наш Петр Федорович!

Согласно показаниям Творогова, услышав эти слова, осажденные сдали Осу⁶.

Правда, сам Пугачев на допросе в Яицком городке рассказывал, что из пригородка «выслали отставнаго салдата меня посмотреть, подлинно ли я государь,

³«В полной версии <рассказа о первом появлении Пугачева на Яике>, записанной Железновым от семидесятилетнего старика-казака Толкачева в 1858 г., говорится о жизни «царя» у кого-то из казаков («у Толкачевых ли, у Пьяновых ли, у Шелудяковых ли») и о том, как это узнали. Царь, скрывая, кто он есть на самом деле, нанимается к казакам в работники. Случайно казаки узнают, кто он такой. Вначале царь служит кашеваром у «севрюг» (севрюжное рыболовство), где «даёт о себе наветки»: бросив в чашку или в котёл сухари, говорит: «Царь сухари ест». Казаки не догадываются о смысле этих слов, принимая их за шутку; придя «от севрюг», царь нанимается в работники к одному из казаков, живёт «по убожеству» в предбаннике. Хозяева подслушивают молитву работника за царевича Павла Петровича, которого он величает «роженным чадом» своим. «Тут и раскусили его слова у севрюг «царь сухари ест»! Узнавшие об этом казаки «пристали к нему и с той поры Петр Федорович и «начал оперяться», «и пошёл, и пошёл кстить» господ». См.: Н.М. Щербанов «Поехал я в Уральск... А.С. Пушкин и Приуралье». ЗКГУ, «Оптима», Уральск 2006. С.132 — Прим. автора.

⁴И.И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М., 1858.

⁵См.: Евгений Трефилов. Пугачев. М., Молодая гвардия, 2015. С. 249-250.

⁶РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363.

которой вышел меня и смотрел и, не сказав, как я, так и он ничего, в город возвратился»⁷.

Да, немудрено было иным сообразительным людям не засомневаться в происхождении «амператора», слыша, что «речь его сбивается в черкасскую». По словам одного из главарей бунта яицкого казака Максима Шигаева, «самозванец имел наречие чистое, а иногда, прошибаясь, употреблял речи наподобие донских казаков, как то, например: «погоди трохи» и тому подобное». Иван Трофимов — автор некоторых пугачевских манифестов, на следствии заявил, что сразу понял, что перед ним донской казак, «понеже разговор его явно доказывает: Употребляет он вопросительное слово: «откель ты?» второе похвалительное «ладно», и весь разговор его мерзительный, подлый, а благородного и ученого слова ни одного не слышал...»⁸

А не схожи ли появления Лжедмитрия I в Речи Посполитой и Емельяна Пугачева на Яике. И если лже-царевича наострили на Русь латинские иезуиты, то кто стоял за Пугачевым? И стоял ли?

* * *

Что мы знаем о Емельяне Пугачеве?

Зимовейской станицы служилый казак. Сорока лет от роду. Украинец. Дезертировал из действующей армии. Бросил семью, детей. Скитался. Бежал в Польшу, скрывался между польскими и глуховскими раскольниками, в частности, жил в разбойничьей слободе Ветке. В начале 1772 года взял фальшивый паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из Польши, вернулся на родину и пробрался на Яик, кормясь милостынею.

Смел, с сильным воображением. Отличный наездник. В сложной ситуации мгновенно принимал нужное решение. Хорошо разбирался в людях. Харизматичен. Младший современник Е. Пугачева сенатор А.А. Бибииков писал о нем, что он отличался «силою телесною, мужеством, решительностью и пылкостью ума и чрезмерным честолюбием».

До личной встречи с Пугачевым следователь Савва Иванович Маврин, который первым допрашивал Пугачева (после сдачи его казаками), относился к нему свысока и отзывался с иронией. Это видно из письма от 12 августа 1774 года, посланного в Оренбург, в котором С.И. Маврин хвалился, что «намерен испытать свои силы и в военном ремесле, когда царь с бородою сюда пожалует, право хочется ухватить Емельку за бороду». Суждение С.И. Маврина изменилось после первой беседы с Пугачевым. Передавая свои впечатления о том, Маврин в рапорте начальнику секретных комиссий генерал-майору П.С. Потемкину сообщал: «Описать того невозможно» сколь Пугачев «бодрого духа», и когда речь зашла о несостоявшемся его намерении идти с войском на Москву «и далее», Пугачев смело и откровенно заявил, что «тут других видов не имел, как то, естли пройдет в Петербург, — там умереть славно, имея всегда в мыслях, что царем быть не мог, а когда не удастся того сделать, то умереть в сражении: «Вить все-де я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту!» В тот день С.И. Маврин допросил Пугачева «на словах» (без составления протокола). На другой день, 16 сентября,

⁷Овчинников Р. В. Введение. // Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Сост. Р.В. Овчинников, А. С. Светенко, М., 1997. С. 99.

⁸Пугачевщина: Сборник документов: в 3 т. / Подг. С. А. Голубцовым. М.: Л., 1926- 1931. Т. 2. С. 106, 223, 389.

проводя допрос, С.И. Маврин проникся невольным уважением к Пугачеву, и это было вызвано тем, что тот держался с большим достоинством и мужеством. Это в известной степени отразилось на содержании яицкого протокола допроса, в котором не встречаются, как правило, откровенно злобные и уничижающие характеристики Пугачева.

Попутно заметим, в Яицком городке, пред тем, как отправить самозванца в камеру, его обыскали. При обыске обнаружили и отобрали 139 золотых червонцев, 480 серебряных рублей, одну турецкую монету и серебряную медаль на погребение Петра Первого⁹.

Как же мог простой и необразованный казак в короткий срок собрать многотысячную армию и столь профессионально её организовать, что она была имперские войска? — спросит иной читатель.

Ответим на этот вопрос. Не такой уж он и необразованный, если в то время, когда началась Русско-турецкая война (1768–1774), был «камандирован он, Емелька» в казачий полк Ефима Кутейникова, причем не рядовым казаком, а хорунжим (лейтенант артиллерии). Присвоенное звание означает, что Пугачев исправно нес казачью службу и был на хорошем счету у начальства, ибо «в оной чин выбран он, Емелька, был помянутым полковником Кутейниковым»¹⁰. Надо думать, имел склонность к математическим расчетам. И, учитывая, что восстание, руководимое им, являлось, похоже, следствием политической интриги, в которую втянуты были как европейские страны, так и тайные силы в России, можно предположить, что эти силы проделали для Пугачева большую подготовительную работу.

* * *

Еще несколько штрихов к его портрету.

Пушкин (из дорожной записной книжки): «Пугачев ехал мимо копны сена — собачка бросилась на него. — Он велел разобрать сено. Нашли двух барышень — он их, подумав, велел казнить».

Следующая запись:

<Преследуемый Михельсоном> «Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить поближе к звездам».

У того же Пушкина: «27 июля (1774 года. — Л.А.) Пугачев вошел в Саранск. Он был встречен не только черным народом, но и духовенством и купечеством... Триста человек дворян всякого пола и возраста были тут же повешены...»

Во всех селениях, которые миновал Пугачев, на воротах барских дворов висели помещики или их управители.

Любопытную деталь находим в воспоминаниях В.И. Даля. Будучи «чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе», он в течение трех дней сопровождал Пушкина в поездке и был постоянным его собеседником и проводником по достопамятным «пугачевским» местам. В.И. Даль стал свидетелем того, как поэт слушал и записывал любопытные рассказы старых казаков, «Пушкин слушал все это — извините, если не умею иначе выразиться, с большим

⁹См.: Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками: Источниковедческое исследование. М., 1995. С. 37, 38.

¹⁰Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Сост. Р.В. Овчинников, А.С. Светенко. М., 1997. С. 58, 130 См. также: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой/ Публ. Г.В. Есипова //Древняя и новая Россия. 1778. Т. 1. № 4.. С. 366.

жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал...»

Из воспоминаний сенатора Павла Степановича Рунича:

«Рассказали нам также, что за варварство сделал с одной старушкой дворянкой Пугачев, при выезде из ее дома.

Дворянка сия оставалась в городе, имя которой у меня записано, но, по разборе чрез 46 лет моих бумаг, не мог отыскать сию записочку, но в памяти моей не забыл поступка, с нею приключившегося, ибо при разговорах иногда рассказывал я оный моим знакомцам.

Дворянка сия старушка была богата и чрезмерно скупа; хранила у себя всегда более 100 т. рублей золотой и серебряной монеты (кои соблюдала она паче души своей), о чем известно было всем, в городе живущим; но она всегда с клятвой отзывалась, что у нее никаких денег нет; вышла навстречу Пугачеву с хлебом и солью и упросила (удостоить ее дом своим посещением и въехать к ней) остановиться в ее доме.

Пугачев милостиво принял безбожной старухи сей приглашение и остановился со всем своим штатом у нее в доме, где и был угощаем (по старому обычаю баней и всем удовольствием). Проводив у нее ночь и поблагодарив старушку за ее доброе угощение, сел на своего коня, а старушка в радости своей пошла проводить своего благодетельного гостя за ворота (и только что в средину ворот вошла, то и поднята веревкой вверх и повешенная кончила все радости своей жизни, а дом) и все сокровища ее достались в наследство благодетелю ее, Емельяну»¹¹

Впрочем, приведем и другое воспоминание.

Гонимый Михельсоном, Пугачев с войском 28 июня 1774 года приблизился к селу Трехсвятскому (будущему городу Елабуге). Было под вечер. Сельчане, боясь за себя и детей (бывало, разбойники хватали малюток за ноги и о фундамент дома разбивали им головы), «после долгих и тяжелых дум, не находя никакого исхода, решились наконец идти на встречу с Иконой Спасителя, на которую надежда в то несчастное время была столько спасительна. Они твердо были уверены, что пойдут встречать не императора Петра III, а злодея, которому Промысл попустил на время быть владыкою в жизни и смерти.

Пугачев чувствовал себя нездоровым. Ночью болезнь не давала успокоиться ему. Такое мучение и беспокойство он счел следствием своего кровавого приговора, и когда мысленно отменил его, — стало ему легче. В таком неопределенном состоянии духа и ехал он на встречу с жителями Трехсвятского.

Увидев встречающих, остановился, остановились и полчища его и, в ожидании его приказаний, утихли: настала минутная тишина. Старшина селения с селянами пали ниц, думая, что головы их, лежащие на земле, тут и останутся. Пугачев слабым, болезненным голосом вдруг сказал им: «Вы, мятежники, бунтовщики, не сдавались?» Ему отвечали: присягали императрице.

Отзыв этот он как будто не слышал; обратил все внимание на икону Спасителя. Потом соскочил быстро с коня, приложился ко кресту, приложился и к иконе,

¹¹См.: Рунич П.С. Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. // «Русская старина». Ежемесячное историческое издание. Санкт-Петербург, 1870 г. Том II. стр. 116-253.

сотворив первоначально три земных поклона. Потом сказал встречающим: «Вставайте».

И приказал вдруг, чтобы войска его ни для ночлега, ни просто не входили в село.

Ночью Пугачев почувствовал, что ослеп. Заметив это, приближенные его ужаснулись. Весть о том, перебегая из толпы в толпу, поразила всех, шум и крики утихли; все с трепетом смотрели на Елабугу и особенно на храм Спасителя; какой-то непонятный страх овладел ими.

Пугачев не знал, на что решиться. В сопровождении приближенных он предполагал отправиться в Трехсвятское помолиться Спасителю, но раздумал, дабы не напугать жителей, а более всего боялся, чтоб не попасться самому в руки правосудию. Подумавши о том, послал в село помолиться за него ординарца.

Ординарец пришел в соборный храм, где пред иконой Спасителя отслужен был молебен за здравие императора Петра III. Говорили старики, ординарец просил жителей, чтоб они позволили пройти через все село войскам, уверяя их в безопасности именем императора. Нечего было делать. От страха и невозможности защищаться — должны были согласиться на предложение ординарца.

Ординарец возвратился к самозванцу, который между тем уже прозрел, толпы его засуетились и стали готовиться в поход.

Конные и пешие разбойники Пугачева направились в Трехсвятское. Проходя мимо самого храма Спасителя, крещенные бунтовщики снимали шапки, крестились и молились; самые Татары и Башкирцы кланялись и говорили: «Алла!»

Не сделавши никакого неблагопристойного поступка, они вышли из села и пошли по дороге в сторону Казани...» (Мы привели здесь дословно текст из книги Ивана Васильевича Шишкина¹² «История города Елабуги», увидевшей свет в 1871 году, в Москве).

* * *

Жестокость преступного пугачевского воинства превышала все границы. Сохранилась «ведомость», в которой перечисляется, «сколько всяких званий злодеями... умерщвлено». Она была отправлена графом П.И. Паниным вместе с письмом Екатерине II 25 января 1775 года. Согласно этому документу от рук бунтовщиков погибли 2791 человек¹³. Пугачевцы въезжали в храмы на лошадях, стреляли по иконам, вбивали гвозди в уста изображенного на иконах Христа. Церкви осквернены были даже калом лошадиным и человеческим. В Казани, прямо в храме пугачевцы зверски убили 100-летнего генерал-майора Нефедя Никитича Кудрявцева, русского героя, участника Персидского похода, русско-турецкой войны 1735–1739 гг. и Семилетней войны.

Занимая заводы, города и крепости, Пугачев, восседая на самодельном троне, принимал присягу, творил суд и расправу. Приведем рассказ очевидца: «На колени положит платок, на платок руку: по сторонам сидят его енералы: один держит серебряный топор, того и гляди, что срубит, другой серебряный меч, супротив виселица, а около мы на коленях присягаем, да по очереди, перекрестившись руку у него поцелуем, а меж тем на виселицу-то безпрестанно вздергивают».

¹²Иван Васильевич Шишкин – отец знаменитого художника Ивана Ивановича Шишкина.

¹³См.: Бумаги графа П.И. Панина о Пугачевском бунте. С. 199. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. С. 141, 142.

Писатель П. Сумароков писал в своей книге «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой»¹⁴: «Осужденных ставили в ряды, иным рубили головы, других мучили, терзали за верность, детей убивали обухами, рассекали на части, жен и девиц предавали на поругание, кровь лилась ручьями из шатра царя-самозванца».

И это при том, что в пугачевской армии церковная служба отправлялась ежедневно. Сам Пугачев, заметим, на службу не ходил.

Милосердный к пленным А.В. Суворов, после поимки Пугачева, четыре часа беседовал с ним с глаза на глаз. Пообщавшись с ним, знаменитый полководец приказал поместить его в клетку, как зверя. Видимо, не нашел в нем ничего человеческого. Суворов повез его в Симбирск¹⁵ и по приезде, поздним вечером, сдал приехавшему в тот же день, чуть ранее, главе секретной комиссии почтенному графу П.И. Панину.

Читаем у Пушкина: «Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. «Кто ты таков?» — спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», — отвечал тот. — «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. «Я не вор (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает». <...> Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клоч бороды. Пугачев стал на колени и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене»¹⁶.

Майор Павел Степанович Рунич¹⁷, которому почтенный граф П.И. Панин вверил ближайшее наблюдение за страшным арестантом, присутствовал на допросе Е. Пугачева главнокомандующим правительственными войсками генерал-майором графом Павлом Сергеевичем Потемкиным, приехавшим для такого случая в Симбирск из Казани. (Генерал-майор временно исправлял обязанности генерал-губернатора Казани и являлся троюродным братом всеильного фаворита Екатерины II Григория Потемкина).

Читаем в воспоминаниях у П.С. Рунича¹⁸:

«Генерал-майор Потемкин сам начал по пунктам допрашивать Пугачева, которого своими вопросами доводил до крайнего (в ответах) замешательства (так что

¹⁴П. Сумароков. *Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой*. СПб., 1852 г., Ч. 1. С. 262.

¹⁵«Пугачев сидел в деревянной клетке на двуколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во ста сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября». (См.: А. С.Пушкин. *История Пугачева. Замечания о бунте*. М.: КРАСАНД, 2015.С..69.

¹⁶А.С. Пушкин. *История Пугачева. Замечания о бунте*. М.: КРАСАНД, 2015.С..69

¹⁷Сын выходца из Угорской Руси, Павел Степанович Рунич в детстве был определен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, по окончании которого принимал участие в первой русско-турецкой войне в царствование Екатерины II и отличился в сражении при Ларге. К концу кампании Рунич имел уже чин майора. Вспыхнувший на Урале Пугачевский бунт побудил Рунича зачислиться в свиту графа П.И. Панина, назначенного императрицей для усмирения бунта, вслед за тем он был определен в состав Секретной комиссии, образованной для исследования причин бунта и розыска преступников на самом театре действий против мятежников. После поимки Пугачева Руничу было поручено привезти его в Москву, потом известить об этом событии Санкт-Петербургу, а затем Южную армию графа П.А. Румянцева. В декабре 1774 года Рунич был переведен по собственному желанию на гражданскую службу. В царствование императора Павла I Рунич был вятским, затем владимирским губернатором и пользовался доверием государя. Александр I пожаловал его в 1805 году сенатором.

¹⁸Рунич П.С. *Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте*. // «Русская старина». Еже-месячное историческое издание. 1870 г. Том II. 116-253.

по допросам сим в пот кидало злодея; но споря и добываясь от него признания, не подкупен ли он был какими иностранцами или особенно кем из одной или другой столицы, Петербурга и Москвы, на незаконное объявление себя императором Петром III); но злодей, хотя сильный пот все лицо его покрывал, с твердым голосом и духом отвечал, что никто его как из иностранцев, так из Петербурга и Москвы никогда не подкупал и на бунт не поощрял и что он ни в том, ни в другом городе никогда не бывал и никого в оных не имеет знакомых.

Наконец, сколь ни велико терпение генерал-майора Потемкина около двух часов слушать на все (его) вопросы отрицательные его, Пугачева, ответы; он вдруг с грозным видом сказал ему: «Ты скажешь всю правду».

Постучал в колокольчик и по сему позыву вошедшему экзекутору приказал ввести в судейскую четырех моих гренадеров и с ними палача, тотчас приказал гренадерам раздеть Пугачева и растянуть его на полу и крепко держать за ноги и руки, а палачу начать его дело; который, помоча водой всю ладонь правой руки, протянул оною по голой спине Пугачева, на коей ту же минуту означились багровые по спине полосы.

Палач, увидя оные, сказал: «А! Он уже был в наших руках».

После чего Пугачев... вскричал: «Помилуйте, всю истину скажу и открою».

И Пугачев начал говорить, что как-то зашел в корчму, где увидел «двух гренадер (Преображенского полка) в хороших тонких мундирах с галунами на воротниках и обшлагах».

— А потом они пригласили меня за их стол и сказали, что я, значит, шибко схож лицом и статью с императором Петром III. А через время...

— Молчать, — остановил Пугачева Потемкин и велел всем удалиться в другую комнату, после чего допрос продолжался еще час. Из дознавательской Павел Сергеевич вышел очень задумчивым и тотчас сел за составление докладной записки императрице. Но донесение, где содержались откровения Пугачева, было Екатериной II по прочтении тотчас уничтожено и о причинах начала самозванства, и о тех, кто стоял за спиной Пугачева, стало быть, оставалось известно только двоим: Екатерине Великой и генералу Потемкину».

Примечательно и то, что, по словам Рунича, «Пугачев с самого того времени, как оставался у генерал-майора Потемкина на последних допросах, все время, что содержался в Симбирске под присмотром, в крайнем находилась унынии и задумчивости, не говорил почти ни с кем ни слова».

* * *

5 ноября 1774 года Пугачева повезли из Симбирска в Москву в зимней кибитке¹⁹. В пути кто-то попытался его отравить. Вероятно, среди его охранников был подкупленный человек. Странно и то, что, отправляя Пугачева из Симбирска,

¹⁹Любопытные сведения о доставлении Е. Пугачева в Москву оставил в своих воспоминаниях секунд-майор Николай Захарьевич Повало-Швейковский. Он был сперва пленником, а затем стражем Пугачева в 1774 г.: «При отправлении же Пугачева из Симбирска в Москву находился в числе стражи. Путь наш продолжался не долго. Мы ехали на переменных обывательских лошадях и везли Пугачева, скованного по рукам и по ногам, не в клетке, а в зимней кибитке. Всем сопутствующим разговор с ним был воспрещен. Пища ему производилась сытная, и пред обедом и ужином давали порцию простого вина. Пленника везли только днем, а ночь проводили за крепким караулом на приготовленных квартирах». «Воспоминания, названные Биографией...» зарегистрированы в «Журнале, веденном при разборе бумаг покойного А.С. Пушкина» с 15 по 17 февраля 1837 г. («Дела III Отделения С. Е. И. В. Канцелярии об А.С. Пушкине», СПб., 1906, стр. 190). Хранится в Пушкинском доме в фонде материалов, приобретенных в 1919 г. П.Е. Щеголевым).

было нарушено предписание иметь в подобных случаях лекаря при сторожевой команде. Кому-то было очень нужно, чтобы Пугачев не доехал до Москвы и замолчал навеки.

Когда к самозванцу вызвали Рунича, Пугачев был очень плох и едва выговорил:

— Я умираю.

Потом он сказал:

— Велите выйти всем вон из избы, я вам одному открыть должен важнейший секрет.

Как свидетельствует Рунич, Пугачев со вздохом сказал ему: «Если не умру в сию ночь или в дороге, то объявляю вам, чтобы доведено было до ее величества государыни императрицы, что имею ей одной открыть такие тайные дела, кои, кроме ее величества, никто другой ведать не должен; но чтобы был к ней представлен в приличном одеянии донского казака, а не так, как теперь одет».

О словах, сказанных Пугачевым, было доложено Екатерине II, но она оставила их без внимания. Она знала много больше.

Среди множества бумаг, читала она и донесение русского посла во Францию князя И.С. Бярятинского, направленное канцлеру Панину из Парижа 25 сентября 1774 г.: «Находящийся при мне священник сообщил мне следующее с ним приключение. На сих днях прогуливался он в саду, когда подошел к нему незнакомый француз и начал с ним индифферентный разговор, а узнав, что он говорит с русским, стал разговаривать о Пугачеве, объявляя о себе, что он сам долгое время жил в России между колонистами и был старостой в Каминской слободе, а недавно сюда приехал; что Пугачева не токмо видал, но знал его персонально в Саратове, сказывая при том об нем, якобы он уроженец очаковский и был в российской службе поручиком в прусскую войну; что когда он его видал, то носил уже он казацкое платье. Сей француз называется Ламер. В продолжение о сем разговора признался он, что ему подлинно известно, что Пугачев имел сие злоумышление прежде еще войны с турками и делал к тому проекты вместе с ссыльными польскими конфедератами, и что он хотел к сему умыслу склонить и колонистов, но не мог в том преуспеть. В 1772 г. сделался с ним сообщником в сем злоумышлении и один колонист из французов по имени Кара, которого и отправил он с Мемориалом к дюку д'Эгильону, но что помянутый Кара в том году в Париже не был, а оставался в Голландии для исправления других его, Пугачева, комиссий (поручений. — Л.А.), а означенный Мемориал послал он к дюку д'Эгильону другим каналом. Потом из Голландии поехал он к польским конфедератам, а в нынешнем году приезжал сюда, однако якобы дюк д'Эгильон ни на что в их пользу не согласился, почему и отправился он в Италию в том намерении, чтобы ехать в Константинополь.

Поп спросил его: откуда получает Кара деньги для вояжирования? На что Ламер ему отвечивал, что он имеет деньги по кредитиву Пугачева от польских конфедератов. Наконец открылся он ему, что помянутый Кара по тесной между ними дружбе сообщил ему копию означенного Мемориала от Пугачева. Священник просил его, не может ли он сообщить ему сию копию для единственного любопытства, однако он в том отказался, а обещал только ему прочесть. На другой день приходил он к попу и читал тот Мемориал, которого содержание, сколько мог он упомнить, было следующее: вначале пишет он, что все в России колонисты весьма недовольны, что очень легко их возмутить, особливо когда Россия с Пор-

той в войне, и что по его плану можно будет составить в тех местах армию до шестидесяти тысяч человек: при том предлагает, что как в тех местах сомневаются еще в кончине Петра Третьего, то и можно к возмущению употребить сей предлог.

В заключение просит Францию, дабы она употребила свое старание, чтоб турки прислали к нему через Грузию несколько войска для его подкрепления, а в случае его неудачи дали бы ему у себя убежище. Я, выслушав от священника сие его мне сообщение, просил, чтобы он постарался свести с помянутым Ламером большее знакомство и достать у него, если можно будет, копию с сего Мемориала», — завершал свое зашифрованное донесение, казавшееся ему крайне важным, князь Иван Сергеевич Барятинский.

Прочитав депешу, Екатерина II дала 10 декабря М.Р. Волконскому такую ей оценку: «Я почитаю сие за сущее авантюрное вранье, сложенное как словами, так и на письме единственно для того, чтоб от кого-то выманить денег»²⁰. Но что-то все же насторожило императрицу. Ссылаясь на то, что «ничего не должно пропустить мимо ушей», Екатерина II поручила Волконскому произвести проверку. На депеше появилась её резолюция: «Отдать Шешковскому» (главе Тайной экспедиции. — Л.А.).

О Каре сведений сыскать не удалось, а вот о Ламере узнали кое-что. Во-первых, настоящее имя его — Пьер Ламер, и, во-вторых, он действительно некоторое время проживал среди поволжских колонистов. По неустановленным причинам 16 февраля 1771 года француз бежал, после чего следы его терялись: «...здесь чрез полицию его не сыскано и где ныне неизвестно»²¹.

Писатель А.С. Мыльников, изучая дела военно-походной канцелярии адмирала Г.А. Спиридонова, нашел письмо, написанное Данилой Гошняком 16 января 1772 года, в котором Данила упоминал об имущественных претензиях к лицу, скрывшемуся с «вещами, принадлежащими разным торгующим купцам лондонским, ливорнским и амстердамским», и по «рассеянному слуху о великодушии» Спиридонова просил помянутого преступника посадить под караул и конфисковать его имение для удовлетворения его кредиторов. Самое любопытное заключалось в том, замечает А. Мыльников, что автор письма имел в виду «некоего Соломона Ламера»²². «Похоже, что Ламер, — пишет А. Мыльников, — бесследно исчезнувший из России в начале 1771 года, жулик-авантюрист Ламер в Смирне и Ламе, искушающий в Париже русского священника, — одно и то же лицо...»

* * *

Во время пугачевского бунта императрицу особенно беспокоила мысль о возможных зарубежных связях «маркиза Пугачева», точнее, об участии в мятеже иностранцев. Мысль эта не давала покоя ей, использовавшей деньги англичан для свержения царственного мужа и незаконного восшествия на российский престол.²³

Когда Пугачева схватили, следователи настойчиво стали добиваться от него

²⁰Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966, № 7, с. 95.

²¹РГАДА, ф. 6, № 512, ч. 1, л. 327

²²РГАВМФ, ф. 190, № 33, л. 3.

²³Накануне июньского переворота 1762 года, приведшего Екатерину Алексеевну к власти, она получила ссуду в 100 тысяч рублей от английского купца Фельтена. (Прежде, будучи еще Великой Княжной, для создания своей партии вокруг «молодого двора» она получила 19 тысяч фунтов стерлингов от сэра Чарльза Уильямса). — Прим. автора.

соответствующих признаний, но так и не нашли подтверждений опасениям императрицы. Между тем тревога Екатерины II основывалась на информации, поступавшей от ее дипломатов за рубежом, в частности, из Парижа и Вены. Раздражали императрицу и циркулировавшие в европейских кругах слухи о «благородном» происхождении Емельки Пугачева и чуть ли не о близости его к петербургскому двору.

О наличии каких-то связей между Пугачевым, турками и французскими военными советниками в армии султана сообщал из Вены российский посланник князь Д.М. Голицын, которому удалось завербовать одного из сотрудников канцелярии французского посла при венском дворе, князя Луи де Рогана. Информатор передал ему копии нескольких секретных писем, которыми обменивался французский посол в Вене с коллегами в Константинополе и Санкт-Петербурге — графом де Сен-При и Дюраном. Из этой переписки следовало, что французская дипломатия не исключала возможность сотрудничества с Пугачевым и взаимодействия последнего с турецкой армией. Более того, судя по этой переписке, отдельные французские офицеры, служившие у султана, перешли (или были направлены?) в армию мятежников-пугачевцев.

31 марта 1774 г. князь Д.М. Голицын отправил канцлеру Н.И. Панину «экстракт» письма графа де Сен-При князю де Рогану следующего содержания: «Он (Сен-При. — Л.А.) говорит, что французские офицеры шлют ему эстафету за эстафетой из (турецкой) армии, которая должна предпринять диверсию в России в пользу Петра III. Эти офицеры не верят в успех их предприятия; они сожалеют, что (в армии) нет ни правил, ни порядка, ни подчинения, ни продовольственных припасов, ни боекомплекта; что если их выступление не будет сопровождаться всеобщим восстанием (в России), то они оставят это предприятие. Он говорит, что надежды, возлагаемые на существующее в России недовольство, в действительности необоснованны, поскольку достаточно обычного манифеста или угрожающего указа царицы, чтобы напугать всех; что (русские) предпочитают рабство судьбе, которая отвечала бы их надеждам. Он (Сен-При. — Л.А.) просит выделить ему вновь значительную сумму денег, которые он мог бы использовать в этих целях при всяком благоприятном случае...»

Из этого письма можно сделать вывод, что Турция планировала военную операцию на территории России (по всей видимости, с Северного Кавказа или через Крым) с целью поддержать Пугачева, и что в этой операции должны были участвовать французские офицеры.

Из другого письма, отправленного 30 марта 1774 г. из Вены князем де Роганом в Константинополь графу де Сен-При, также перехваченного русским агентом, следовало, что о поддержке Пугачева в той или иной мере подумывал и сам Христианнейший король Людовик XV.

В письме, французскую копию которого князь Голицын немедленно переправил графу Н.И. Панину в Петербург, читаем:

«Король направляет к вам подателя сего письма, который по собственной инициативе вызвался оказать помощь Пугачеву. Это офицер Наваррского полка, имеющий множество заслуг. Вы должны как можно скорее отправить его с необходимыми инструкциями для так называемой армии (Пугачева. — Л.А.). Король вновь выделяет вам 50 тыс. фр. для непредвиденных расходов, помимо того, что вы еще должны получить из выделенных вам средств за прошлый месяц. Не жалейте ничего для того, чтобы нанести решающий удар, если к тому пред-

ставится случай. Нет такой суммы, которую король не предоставил бы ради осуществления наших замыслов. Не думайте, что с заговорами покончено. Я имею достоверные сведения, что во всех провинциях царицы много недовольных, которые ждут лишь случая, чтобы восстать. Даже русские солдаты говорят гадости о царице и короле Польши (Станиславе Понятовском. — Л.А.). Можно представить себе настроения среди офицеров так называемой армии Пугачева. Вы увидите, что если она добьется хоть каких-нибудь успехов, то русские солдаты целыми соединениями станут под ее знамена, и вы с триумфом возвратитесь в Париж, где получите достойное вознаграждение за вашу доблестную службу.

Прощайте, будьте бдительны и активны и рассчитывайте на дружбу князя Луи де Рогана»²⁴.

Французского короля раздражало растущее влияние России в Европе. «Едиственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от участия в европейских делах... — писал король 10 сентября 1762 г. в секретной инструкции французскому посланнику в Петербурге барону де Бретейлю. — Все, что может погрузить русский народ в хаос и прежнюю тьму, выгодно для моих интересов. Для меня не стоит вопрос о развитии отношений с Россией»²⁵.

В расчетах версальской дипломатии всегда присутствовало убеждение, что смута в России может служить лучшей гарантией против возрастания русского влияния в Европе.

Один из руководителей тайной дипломатии Людовика XV, граф де Брольи (вскоре после воцарения Екатерины II) в специальной записке, посвященной отношениям с Россией, писал, по сути, о том же: **«Нужно попытаться погрузить ее (Россию — Л.А.) в глубокий летаргический сон, если же иной раз придется выводить ее из этого состояния, то лишь посредством конвульсий, например, внутренних волнений, заблаговременно подготовленных. Лишь таким путем можно помешать московскому правительству даже помыслить о внешней политике».**

На этой записке есть резолюция короля: «Я полностью разделяю подход графа де Брольи к России».

Могла знать Екатерина II и о присутствии в армии Пугачева французских офицеров, немцев-колонистов, венгров, поляков-конфедератов.

* * *

Во второй половине декабря 1773 года к стенам Оренбурга, осаждаемого пугачевским войском, быстро приблизился всадник (это был казак Иван Солодовников), воткнул в снег палку, привязав к ней какой-то пакет, умчал обратно. Когда оренбургскому губернатору Т.А. Рейнсдорпу доставили этот пакет, в нём обнаружили «именной указ» (от имени Петра III). Поразило губернатора то, что написан он был на немецком языке.

В Петербурге известие об этом вызвало переполох, продолжавшийся несколько месяцев. «Старайтесь узнать, кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, — требовала императрица в апреле 1774 года, — и нет

²⁴См. подробнее: П.П. Черкасов «Людовик XV и Емельян Пугачев: Французская дипломатия и восстание Пугачева: По документам дипломатических архивов Франции и России» // Россия и Франция. XVIII-XX вв. М., 1998. Вып. 2. С. 35.

²⁵См.: П.П. Черкасов. Екатерина II и Людовик XVI. М., Наука, 2004. С. 10.

ли между ними чужестранцев, и, не смотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине». Позже выяснилось, в том случае, в роли переводчика «именного указа» выступал подпоручик М. А. Шванвич, который был 8 ноября 1773 года взят в плен повстанцами и согласился служить Пугачеву в качестве секретаря его Военной коллегии. В марте он сдался правительственным войскам. Был осужден и сослан навечно в Туруханск, где и кончил дни свои в 1802 г.

Любопытно, М. А. Шванвич, как и его отец А.М. Шванвич²⁶, к которому был благосклонен настоящий император Петр Феодорович, зачисливший его ротмистром в свой гольштейнский полк и пожаловавший ему 300 душ крепостных, были крестниками императрицы Елизаветы Петровны.

М. А. Шванвич не был единственным переводчиком у Пугачева. Были, кроме него, в армии лица, владеющие иностранными языками. Во всяком случае, после ареста М. А. Шванвича манифесты и указы на немецком языке продолжали появляться и рассылаться (особенно в Поволжье, где жило много немецких колонистов) регулярно²⁷.

* * *

На чьи деньги вооружалась пугачевская армия? Тоже любопытный вопрос. Своих денег Пугачев не печатал, а по свидетельству одного из соратников, Максима Шигаева, которые тот давал уже под следствием, «в разные времена им было выдано денег на конных по 6-ти рублей, а на пехотных по 5-ти каждому человеку».

В июне 1774 года из села Долгие Колодцы Ливенского уезда от своего помещика убежала целая группа крепостных крестьян. Неустроев, один из беглецов, после поимки показал, что они «пришли к городу Казани дня за два до разорения того города. Пугачев дал им каждому по два пистолета, по сабле и по казачьему платью, да денег по 20 рублей». Снарядив пришедших, вождь Крестьянской войны послал «его, Неустроева, и еще помещичьих беглых людей шесть человек в раз-

²⁶Судя по данным Н. Свечина, записанным Пушкиным, Александр Мартынович Шванвич, гвардейский офицер времен Петра III, буйный кутила, «повеса и силач», обезобразивший Алексея Орлова, разрубив ему щеку в «трактирной ссоре», после переворота, «возведшего Екатерину на престол, а Орловых на первую ступень в государстве», «почитал себя погибшим». Однако «Орлов пришел к нему, обнял и остался с ним приятелем». Впоследствии А. М. Шванвич, бывший одно время кронштадтским комендантом, служил в Новгороде. Сын же его, «находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву и дуплостью служить ему со всеусердием. Граф А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора».

²⁷«Еще в начальной фазе восстания отмечались случаи перехода немцев, служивших в русской армии, на сторону Пугачева. Некоторым из них за знание языка и компетентность даже поручалось выполнение важных задач в рудиментарном органе управления повстанческим войском — военной коллегии. В декабре 1773 года самозванный император предъявил губернатору осажденного Оренбурга генералу Рейнсдорпу написанную по-немецки прокламацию, содержащую претензии на неограниченную власть над всеми подданными. Затем, уже в заключительной фазе восстания, на долю повстанцев неожиданно выпала удача, когда к ним присоединилось несколько сотен немецких колонистов со Средней Волги, подобно тому как ранее за Пугачевым пошли представители почти всех категорий податного и обязанного рекрутчиной нерусских народов Урала и Средней Волги, поскольку им он пообещал свободу и защиту их веры и традиций от политики унификации и рационализма нового государственного устройства. Однако тогда же, летом 1774 года, вознамерившись переманить на свою сторону не только православных донских казаков, но и староверов из их числа, Пугачев, выступивший в поход против Екатерины как якобы законный император Петр III, как нарочно заклеил поместное дворянство как обидного врага, не только подчинившего себе всю Россию, но и разрушившего собственную христианскую традицию, вводя «немецкие обычаи». Миф о Петре III имел так мало общего с самой его исторической личностью, что новый узурпатор использовал один из главных пунктов обвинения, выдвинутых Екатериной в оправдание совершенного ею государственного переворота, против нее самой и придворного общества». (См.: Клаус Шарф. Екатерина II, Германия и немцы. Перевод с немецкого И. Карташева и М. Лавринович. Новое литературное обозрение, 2015. С. 536).

ные места с письмами уговорить народ, чтобы собирались и приходили к нему. Почему все они семь человек и поехали...»²⁸

В августе 1774 года, отступая и оказавшись в окрестностях Царицына, где вскоре потерпит последнее сокрушающее поражение, Пугачев посылаетменной указ «всему природному донскому казачьему войску» в Березовскую станицу, в котором, помимо обычных благ и привилегий, обещает каждому, кто запишется в его армию, выдать единовременно «не в зачет жалованья по 10 рублём».

Судите сами, на казенных заводах Урала приписанным к ним крестьянам за рубку дров «мерюю в длину 14 аршин, а в высоту — 7» (размер такой «поленницы» составлял примерно 10x4,5 метра) платили 25 копеек. Рабочий день длительностью от 10 до 14 часов оценивался в 6-8 копеек.

Вспомним здесь слова Пушкина: «Пугачев вопреки общему мнению никогда не бил монету с изображением государя Петра III и с надписью *Redivivus et ultor* (как уверяют иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли замышлять замысловатые латинские надписи и довольствовались уже готовыми деньгами». А в Берде, со слов А.С. Пушкина, после того, как её освободили от пугачевской сволочи, найдено было семнадцать бочек медных денег. По преданию, войско Пугачева сопровождал обоз, груженный золотом и серебром²⁹.

И как здесь не привести очередную депешу князя Бярятинского от 7 апреля 1774 года. «Я сведал здесь, — писал он из Парижа, — что шведский при Оттоманской Порте посланник учинил тамошнему министерству внушение, что происходящие внутри России мятежи доставляют правительству великие заботы и затруднения, а стране причиняют знатные разорения и убытки. Для произведения в турках большего упорства уверяет он их, что и Москве такой же угрожает жребий, и что неминуемо принуждены будут отделить часть войск от Первой армии для замирения сих мятежников. Французский в Константинополе посол внушает подобные же мнения Дивану (совещательный орган высших сановников при султанае. — Л.А.), а особливо тамошнему духовенству, обнадеживая их, что при нынешних внутренних в России обстоятельствах должны они ожидать лучших успехов от будущей кампании, равно как в мирной неготиации, когда она откроется. В здешней публике говорят, что Порта делает великие военные приготовления и заводит артиллерийский корпус. В партикулярных письмах из Гамбурга пишут сюда, что Пугачев получил от Порты знатную сумму денег».

О давней связи Пугачева с Портой гласит легенда, живущая в среде башкир, которую не могу не привести здесь.

Её рассказал мне совсем недавно житель Пензы, бывший военный инженер Анатолий Анисимович Лямуков, уроженец Башкирии. В школьные годы он услышал её от однокашника Большакова, тот — от деда, а дед — от своих родных. Легенда гласит, Салават Юлаев в 16 лет с делегацией свободных башкир совершил

²⁸См.: А.И. Колтакиди, М. Л. Серяков. «Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации». Энциклопедический справочник. М., Издательство — «ОЛМА-ПРЕСС». Санкт-Петербург. Издательский дом «Нева», 2002. С. 133.

²⁹«Можно предположить, что при дворе «царицы» находилась большая часть казны восставших. По крайней мере, в показаниях Устины подчеркивается, что Пугачев оставил «при ней все почти богатства, а именно денег серебряных две тысячи рублей, посуды серебряной множество, также медной и оловянной везде было наложено пропасть. А платьем и другими вещами семь сундуков были полны наклады». См.: Н.М. Шербаков «Поехал я в Уральск...» С. 124.

хадж в Мекку (1768–1770 гг.)³⁰. До Мекки паломники добирались через Персию. Обратная дорога проходила через Стамбул, где башкиры хотели увидаться с султаном. В коридорах дворца турецкого султана Салават Юлаев встретил казаков, обративших на себя внимание пышными бородами и усами. Почему-то особенно ему запал в душу один из них. Через четыре года, когда в ноябре 1773 года отряд 20-летнего Салавата Юлаева и его отца примкнул к войску Пугачева, молодой башкир впервые увидел «русского царя Петра III» в лицо. Он долго смотрел на него, вспоминая, где же видел его, пока не вспомнил — в Стамбуле.

Легенде можно верить, а можно и нет. Правоту её доказать невозможно. Но, как говорится, дыма без огня не бывает.

Для подтверждения правоты легенды достаточно хотя бы знать, совершал ли Салават Юлаев хадж в Мекку. Но давайте вспомним, в советское время о хадже упоминать было небезопасно. Тем более, если речь шла о национальном герое³¹. И потому трудно поверить в то, что эта легенда выдумана.

В народе ложь чувствуют быстро, и потому такие легенды не уживаются и не сохраняются в народной памяти.

* * *

Прервем повествование и зададим другие вопросы, ответы на которые помогут объективнее взглянуть на минувшие события.

Почему А.С. Пушкин занялся историей Пугачева, и мог ли Главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии А.Х. Бенкендорф выделить ему сорок тысяч рублей на поездку в Оренбург и на Южный Урал для сбора исторических материалов, как утверждают, не называя источник, современные исследователи³²?

Интересуясь своей родословной, Пушкин мог заинтересоваться судьбой родного деда — Льва Александровича. Тот остался преданным сторонником Петра III и после его смерти, за что жестоко пострадал. В одной из работ А.С. Мыльников — автор исследования о Петре III³³ — сообщает: «Так, подполковник артиллерии Л.А. Пушкин призывал солдат не поддаваться уговорам, а оставаться верными присяге... Многие... были арестованы, а Л.А. Пушкин — сурово наказан... Л.А. Пушкина заточили в крепость. После выхода оттуда вплоть до самой смерти в 1790 г. он уже никогда не служил Екатерине II. Любопытно, что это был (по отцовской линии) дед А.С. Пушкина, о котором последний в автобиографических набросках не без

³⁰Год рождения Салавата Юлаева в печатных изданиях обозначается по-разному: в одних это 1752 год, в других — 1754 г. — Прим. автора.

³¹В октябре 1937 года в Башкирию прибыл секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреевич Жданов для изучения сложной обстановки, сложившейся в рядах партийного руководства Башкирской республики. Он возглавил заседание 3-го пленума башкирского отделения коммунистической партии. Жданов инициировал отчисление из партийных рядов 41% местных функционеров. Они были осуждены в среднем на 8 лет и отправлены в лагеря. Во время пребывания А.А. Жданова в Оренбурге, возможно, ставился вопрос и о поиске исторической личности, необходимой для утверждения в официальном статусе национального героя Башкирии. После долгих поисков выбор пал на Салавата Юлаева. В 1939 году правительство Башкирской республики объявляет конкурс на проект памятника Салавату; в 1941 вышел в прокат художественный фильм «Салават Юлаев»; Малоязовский район Башкирии переименован в Салаватский; издан роман Степана Злобина «Салават Юлаев». В 1952 году широко отмечается 200-летие Салавата Юлаева; создан первый в республике бронзовый памятник-бюст Салавату. Именно в те годы запрещены были все нежелательные легенды и предания о Салавате Юлаеве — «сподвижнике» «вождя крестьянского восстания» Емельяна Пугачева. - Прим. автора.

³²См.,: Сергей Крюков. Александр Сергеевич Пушкин: гениальный поэт и... разведчик. <http://maxpark.com/community/901/content/1370285>

³³Александр Мыльников. Петр III. Повествование в документах и версиях. М.: Молодая Гвардия, 2009.

симпатии писал: «Лев Александрович служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года».

Разыскивая документы о предке, поэт не мог, вероятнее всего, обойти вниманием и саму трагедию, разыгравшуюся в Ропше, где по официальной версии был убит император,

Кстати, об «убийстве» Петра III. Современные историки приводят доказательства того, что он не был убит в Ропше. Ему помогли бежать (императора вывез из Ропши камер-лакей Алексей Маслов), и умер Петр Феодорович своей смертью, через несколько дней, на приморской мызе гетмана К.Г. Разумовского. Слухи об этом бегстве распространились в Петербурге, дошли до Москвы и стали распространяться по всей России.

Удивительно, Пугачев знал фамилии тех, кто спас Петра III и помог свергнутому императору бежать из Ропши. При случае даже ссылался на одного из них. В Яицком городке в ноябре 1772 года Пугачев, впервые объявивший себя Петром III, говорил казаку Денису Пьянову о своем спасении: «Пришла гвардия и взяла меня под караул, да капитан Маслов отпустил»³⁴.

Он знал эту фамилию, мало кому известную даже среди тех, кто специально по горячим следам собирал сведения о загадочной кончине Петра Феодоровича. Откуда такая осведомленность? Если бы эта фамилия возникла в рассказах Пугачева позже, когда в его войске в качестве пленного появился М.А. Шванвич — сын активного участника ропшинских событий А.М. Шванвича, можно было бы подумать, что Михаил Шванвич и поставил ему эти сведения. Но в 1772 году?

Версию об «убийстве» императора распространяли в Петербурге иностранные дипломаты, пользуясь тем, что после ареста Петра III, в период с 3 по 6 июля 1762 г., из Ропши не поступало достоверных сведений.

Взошедшая на престол Екатерина Алексеевна решала дальнейшую судьбу свергнутого супруга. Она и другие участники заговора понимали, как никто, что обратной дороги содеянному нет. Живой Петр Феодорович, будь он вдали, скажем, в Киле, а тем более вблизи, в Шлиссельбурге, был для них одинаково опасен. Свергнутый император, пребывая в Ропше, оказался лишним, и отныне уделом его могло быть только одно — смерть. И вызревало решение — её не миновать.

В действительности, — и это главное, — вывезенный из Ропши под шумок представления собственной смерти Петр III действительно, повторимся, умер в ближайшие дни на приморской мызе гетмана К.Г. Разумовского. Это была его вторая, на сей раз настоящая смерть. Две смерти слились в одну. В Ропше, считает исследователь этой темы М.А. Крючкова³⁵, материалами исследования которой мы воспользовались здесь, был убит «фальшивый» император, двойник, которого специально туда «притащил» Александр Шванвич. Реальный же Петр III со своим камер-лакеем Алексеем Масловым в это время ехал на приморскую мызу гетмана Разумовского, где ему и предстояло провести ближайшие дни. «Однако вскоре он там умер, — пишет М.А. Крючкова, — и ее сподвижникам пришлось импровизировать на ходу».

Убийство в Ропше было театральным. И главным режиссером постановки стал первый русский актер Федор Волков, оказавшийся там. «Он умер в апреле 1763

³⁴Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Т. 1. СПб, 1884. С. 157.

³⁵См.: М.А. Крючкова. Триумф Мельпомены. Убийство Петра III в Ропше как политический спектакль. Москва. Русский мир 2013. С. 304-306.

года в Москве, простудившись во время представления шествия-маскарада «Торжествующая Минерва», которым решили ознаменовать коронацию Екатерины II. Это представление стоило жизни «главному режиссеру» императрицы. Екатерина II выделила на его похороны 1350 рублей (очень большая сумма по тому времени). Брат Федора Волкова Григорий Волков получил дворянскую грамоту и герб, на котором были изображены атрибуты музы Мельпомены — кинжал, пропущенный в корону. Герб напоминал о главном спектакле Федора Волкова, поставленном в Ропше 3 июля 1762 года»³⁶.

Екатерина II знала, как все происходило в Ропше на самом деле, и оставалась в гневе на иностранных дипломатов до той поры, пока в сентябре 1763 года в Петербурге не появился французский энциклопедист Дени Дидро, который «попытался убедить императрицу, что организация убийства собственного мужа — это ничего, это вполне в русле новых философских веяний. Екатерина II было взвилась, но <когда, с течением времени> пришло известие, что под Оренбургом появился очередной Петр III (Пугачев), да еще во главе целого войска, перед лицом этих новых обстоятельств <...> подумала, что не так уж плохо, если в Париже болтают, будто Петр III убит. Хуже, если там заговорят, что Петр III жив». И перестала ругать дипломатов.

«Начальник ропшинского караула Алексей Орлов, один из немногих, кто точно знал, что произошло со свергнутым императором, еще в 1770 году понял, что нужно любым способом предотвратить появление самозванца, руководимого извне. Оказавшись в Вене, которая тогда была перекрестком восточной дипломатии европейских стран, он почувствовал, насколько накалена политическая атмосфера в условиях начавшейся войны. И он пошел на крайнее средство — «чистосердечное признание» в убийстве Петра III. Плохому вперял охотно, и ему поверили безоговорочно»³⁷...

* * *

«Пугачёвская тема» появилась в творчестве Пушкина в 1832 году. В тот год, встретившись с отставным статским советником Н.В. Свечиным, Пушкин услышал от него рассказ о Шванвичах: М.А. Шванвиче, бывшем гвардейском офицере, перешедшем на службу к самозванцу Пугачеву, и его отце, А.М. Шванвиче. Услышанная история стала основой первоначального сюжета повести, превратившейся, спустя время, в повесть «Капитанская дочка». В то же время Пушкин задумывает написать и чисто исторический труд («История Пугачёва», или «История Пугачёвщины»), как она названа поэтом в одном месте). Для обеих работ над эпохой Пугачёва было необходимо ознакомиться с подлинными документами.

Самый ранний из трех планов повести о Шванвиче создан не позднее августа 1832 года³⁸. Первый план исторического романа (будущей «Капитанской дочки») был датирован 31 января 1833 г. Приводим его полностью:

«Шванвич за буйство сослан в гарнизон.

Степная крепость — подступает Пугачев — Шванвич предает ему крепость — взятие крепости — Шванвич делается сообщником Пугачева — Ведет свое отделение в Нижний — Спасает соседа отца своего. — Чика между тем чуть было не

³⁶Там же. С. 308.

³⁷Там же. С. 305-306.

³⁸См.: Н.А. Тархова. Жизнь Александра Сергеевича Пушкина. М. «Минувшее», 2009, стр. 550.

повесил стар[ого] Шванвича. — Шванвич привозит сына в Петербург. — Орлов выпрашивает его прощение. 31 янв. 1833»³⁹.

Но становилось ясно, для того, чтобы написать её, необходимо внимательно изучить тему. С этого, вероятнее всего, и началось изучение Пушкиным материалов по истории пугачёвского восстания⁴⁰.

Шестого февраля 1833 г. «...вечером на балу у графа Фикельмона Пушкин имел разговор с царем о работе над историей Петра Первого, в котором приняли участие Д.Н. Блудов и А.Х. Бенкендорф; Пушкину удалось получить разрешение на участие в этой работе М.П. Погодина; там же на балу состоялся еще один важный разговор — с военным министром графом А.И. Чернышевым о возможности пользоваться документами из секретной экспедиции Императорского департамента, и Пушкин получил на то согласие»⁴¹.

9 февраля, в четверг, «Пушкин в ответ на запрос военного министра от 8 февраля сообщает, какие документы из архивов Главного штаба, касающиеся истории графа Суворова (а по сути об истории пугачевского восстания), нужны ему для работы: 1) Следственное дело о Пугачеве, 2) Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года, 3) донесения его 1799 г., 4) Приказы его к войскам»⁴².

25 февраля, в субботу, Пушкину доставлены 3 тома архивных документов из Инспекторского департамента и письмо военного министра Чернышева с уведомлением о том, что следственного дела Пугачева «равно как донесений графа Суворова 1794 и 1799 годов и приказов его войскам» нет в С-Петербургском архиве, и о разыскании их в Московском отделении Архива «сделано надлежащее распоряжение»⁴³.

В Московском отделении Общего архива Главного штаба Военного министерства хранились материалы по руководству военными операциями против повстанцев за ноябрь 1773 — декабрь 1774 г. Они были получены Пушкиным из этого архива при письме графа А.И. Чернышева от 29 марта 1833 г.

29 марта, в среду «Пушкин получает документы из Московского архива, пришедшие накануне по почте, всего 10 переплетенных томов, имеющих общий заголовок «О известном злодее, бежавшем из-под караула беглом Донском казаке Емельке Пугачеве и о возмущении в пределах Оренбургской и Казанской губерний и о командировании туда полков и команд». Книги содержали 3587 рукописных документов, составивших в общей сложности более 5300 листов, исписанных с двух сторон. На несколько недель Пушкин погрузился в изучение архивных документов»⁴⁴.

Изучая полученные архивные дела, Пушкин заводит специальные тетради, в которых конспектирует, а иногда и полностью копирует заинтересовавшие его документы или делает отдельные выписки, последовательно восстанавливая ход событий. На обложке 1-й тетради сверху надпись: «*Сентябрь 1773 го*», а вначале — карандашная запись: «*Первая бумага о Пугачеве*».

³⁹См.: Ю. Оксман: *Пушкин в работе над «историей Пугачева»*.

⁴⁰В черновом письме Пушкина к А.Х. Бенкендорфу от 6 декабря 1833 г. есть следующие строки: «Намерение мое было написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашед множество драгоценных материалов, я оставил вымысел и написал *Историю Пугачевщины*». — Прим. автора.

⁴¹Н.А. Тархова. *Жизнь Александра Сергеевича Пушкина*. М. Издательство «Минувшее», 2009. С. 565.

⁴²Там же. С. 565.

⁴³Там же. С. 568.

⁴⁴Там же. С. 572.

25 марта 1833 г. А.С. Пушкин приступил к написанию «Истории Пугачёва», судя по тому, как эта дата значится на первоначальном (черновом) наброске первой главы.

Работа дополнялась новыми материалами, исправлялась и перерабатывалась в течение всего 1833 и в начале 1834 года...

«Он изучил всю доступную ему отечественную и иностранную литературу по теме, в том числе работы русских авторов (А.А. Бибиков, Н.Я. Бичурин, А.И. Левшин, В.Д. Сухоруков и др.), запретную книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», публикации официальных актов в Полном собрании законов, сочинения иностранных историков и мемуаристов (Ж.-А. Кастера, А. Ферран, А.Ф. Бюшинг и др.), переписку Вольтера с Екатериной II из собрания сочинений Вольтера. Помимо печатных изданий, привлек рукописную литературу и мемуары (записки Н.З. Повало-Шейковского, И.И. Дмитриева, хроника П.И. Рычкова) и даже записал устные рассказы современников Пугачевского восстания, отправившись в августе 1833 г. в путешествие к берегам Волги и Урала, в края, ставшие главной ареной событий пугачевского бунта 1773–1775 гг.

Помимо изучения литературы и работы над документами Военной коллегии, Пушкин вел розыски документальных и мемуарных источников о Пугачевском восстании в частных коллекциях и фамильных архивах. В числе лиц, снабдивших его историческими источниками, были известные коллекционеры П.П. Свиньин и Г.И. Спасский, литераторы И.И. Дмитриев, И.И. Лажечников, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, историк Д.Н. Бантыш-Каменский, владелец фамильного архива А.П. Галахов, давний приятель В.В. Энгельгардт...»⁴⁵

К середине мая 1833 года Пушкиным составлена хроника пугачевского восстания, систематизированы выписки из архивных и печатных источников. Карта Уфимско-чесноковского сражения, рисованная Пушкиным, являет собой пример проникновения в событие. В мае того же года Н.В. Гоголь пишет М.П. Погодину: «Пушкин уже почти закончил Историю Пугачева...» 22 мая датирован черновой набросок эпилога.

Больше четверти века (до пушкинской «Истории Пугачева») литература о пугачевском бунте была крайне скудна, тенденциозна и никак не могла удовлетворить серьезного исследователя. Сам Пушкин так характеризовал имеющуюся по этому вопросу литературу: «...история Пугачевского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А.И. Бибикова мы находим самое подробное известие об оном; но сочинитель довел свой рассказ токмо до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием: Михельсон в Казани, есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатанное почти без всякой перемены, с приобщением незначущих показаний. Г. Левшин, в своем Историческом и статистическом обозрении уральских казаков, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины «мало известен...»

В процессе работы Пушкин обращался с письмами к очевидцам событий. Он

⁴⁵Использованы материалы интервью Р. В. Овчинникова «Занятия в архивах дают возможность познать вкус и азарт исследовательского поиска...». Отечественные архивы, 2007, № 3.

посещает Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, опрашивает старожилов, вносит их рассказы в дорожную записную книжку⁴⁶.

О работе А.С. Пушкина в провинциальных архивах рассказывает пушкинист Н.В. Измайлов: «Выписки из местных провинциальных архивов Пушкин мог делать только во время путешествия в Поволжье и в Оренбургский край в сентябре 1833 года или, во всяком случае, после него. Хронологически первым пунктом в местах, где происходило Пугачевское восстание, был Нижний Новгород, который Пушкин посетил 2-3 сентября. Так как самый город не был связан с восстанием и Пушкин лишь бегло осмотрел его исторические и современные достопримечательности, он, вполне возможно, мог уделить несколько часов на просмотр — очевидно, немногочисленных — документов о Пугачеве, хранившихся в местном архиве. Это было, вероятно, на второй день его пребывания в городе — 3 сентября. При содействии губернатора М.П. Бутурлина, старавшегося быть особенно любезным с петербургским гостем, посланным (по его мнению) с тайным поручением от правительства, получить материал было нетрудно. Быстрой ориентировке в архивных делах помогло уже законченное в Петербурге изучение фонда Военной коллегии: Пушкин мог отбирать то, чего, как он помнил, не было в уже изученных им материалах. На большую спешность работы указывает, как было отмечено, и внешний вид текста — документ мог быть переписан (а частью пересказан) в несколько минут. Окончательное суждение здесь пока, однако, невозможно ввиду неизученности Горьковских (Нижегородских) архивных фондов в смысле возможности работы в них Пушкина.

Несравненно большее значение, чем Нижегородский архив, могли иметь для Пушкина архивы Казани и в особенности Оренбурга. Еще собираясь в путешествие и прося разрешения на отпуск у Бенкендорфа, Пушкин особо оговаривал, что хотел бы воспользоваться поездкой в свое нижегородское имение, чтобы «завернуть в Оренбург и в Казань, которых <он> еще не знает», и к этому добавлял: «Умоляю его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний».

* * *

У нас нет никаких сведений о том, был ли Пушкин в архивах Казани. Среди его материалов нет ни одного документа несомненно архивного казанского происхождения. По-видимому, он отказался от обследования архивов (скудость которых после пожара при взятии города войсками Пугачева могла стать ему известной от К.Ф. Фукса и других лиц) и ограничился лишь собиранием устных сведений от того же Фукса и от местных старожилов — В.П. Бабина и Л.Ф. Крупенникова.

Из Казани через Симбирск и Самару Пушкин отправился в Оренбург, куда прибыл 18 сентября. Пребыванию его в Оренбурге посвящена значительная литература, сохранилось немало воспоминаний и эпистолярных свидетельств, более или менее ценных (но иногда и вовсе не достоверных). Многие факты выяснены, кое-что остается спорным и неясным. Критически сопоставив все данные, можно установить следующее.

Пушкин прибыл в Оренбург, по-видимому, днем 18 сентября и остановился

⁴⁶О записях, сделанных А. С. Пушкиным, см., в частности, исследование Н.В. Измайлова «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки»; См. также: «Пушкинист Н.В. Измайлов. В Петербурге и Оренбурге». Калуга: Золотая аллея, 2008.

сначала у губернатора В.А. Перовского на его загородной даче. Явившийся к Перовскому В.И. Даль в тот же день повел Пушкина к начальнику Неплюевского военного училища инженер-майору К.Д. Артюхову, у которого «была отличная баня», где путешественник и вымылся, а затем вместе с Далем вернулся на дачу Перовского, где и ночевал. Так прошел первый день.

На следующий день, 19 сентября, Пушкин с Далем (и, по-видимому, Артюховым) отправились утром в станицу Берды (бывшую штаб-квартирой Пугачева и его армии зимой 1773-1774 годов) и там слушали рассказы старухи, современницы восстания, казачки Бунтовой, а затем осматривали город, причем Даль показывал Пушкину расположение повстанческих войск во время осады Оренбурга. На это ушла первая половина дня; как прошла вторая половина — точно неизвестно. Вечер поэт провел у Даля, который к этому времени перевез его в город, и ночевал у него (или, по другим сведениям, на городской квартире Перовского). Что делал Пушкин утром 20 сентября — мы опять-таки не знаем. Днем он выехал из Оренбурга — вероятно, после обеда у Перовского — и отправился по берегу Урала вниз, к городу Уральску (бывш. Яицкому городку) — месту возникновения и начала Пугачевского восстания.

Таким образом, в распоряжении Пушкина было, несомненно, несколько свободных часов — вторая половина дня 19 сентября и первая половина дня 20. Эти-то часы он и мог употребить на работу в архивах.

Документы о Пугачевском восстании были сосредоточены тогда в архиве Оренбургской пограничной комиссии в виде двенадцати (точнее, четырнадцати) толстых переплетенных книг. Их содержание составляли, с одной стороны, получаемые в Оренбурге на имя военного губернатора генерала Рейнсдорпа указы и распоряжения Военной коллегии и других правительственных учреждений и высших начальников, донесения и письма местных и подчиненных начальников, протоколы допросов, манифесты и письма Пугачева и т.д., с другой стороны — отпуски и черновики донесений и писем Рейнсдорпа и других документов, направляемых в Военную коллегию и в другие места. Одним словом, это — материал, дополняющий то, что Пушкин видел в «книгах» из архива Военной коллегии, отчасти дублирующий его и освещающий, так сказать, с другой стороны. Многое из того, что было здесь, Пушкин, конечно, уже знал, но многое он должен был желать пересмотреть и проверить, а главное, поискать такие местные документы, которые не попадали в Петербург.

Таким образом, вероятность посещения Пушкиным Оренбургского архива не подлежит сомнению. Несомненно, однако, что ознакомление с пугачевскими материалами архива Пограничной комиссии представляло значительные трудности вследствие чернового характера многих документов, написанных частью на немецком языке, а частью — в трудно читаемой канцелярской скорописи XVIII века. Но нужно думать, что о своем желании заняться в архиве Пушкин еще в день приезда, вечером 18 сентября, переговорил с Перовским, и последний распорядился приготовить для него материал, и не только приготовить, но и помогать ему всячески в его работе. В этом отношении небезынтересен один рассказ, при всей его общей фантастичности содержащий какую-то долю истины⁴⁷.

⁴⁷Прокофьева А.Г., Фомичев С.А. Пушкинист Н.В. Измайлов. «В Петербурге и Оренбурге». «Золотая аллея». Калуга, 2008.

Отправляясь в далекое путешествие по пугачевским местам, Пушкин не планировал посещение Уральска. «Оренбург, последняя цель моего путешествия», — писал он жене из имения Языковых 12 сентября.

В поездке по Оренбургу и его окрестностям Пушкина, как известно, неотлучно сопровождал В.И. Даль.

Рассказчик В.И. Даль был великолепный. Яркие рассказы его, только что вернувшегося из длительной поездки по землям казачьего войска, об истории Яицкого войска, о «частых смутах, несколько раз здесь возникавших», о казачьих рыболовных промыслах, учуге, останавливающем красную рыбу, и, наконец, о самих уральцах, «непреклонных, безусловных читателях старины», сохранивших «донионовский быт, со всем странностями своими, радушием и закоренелыми предубеждениями»⁴⁸ бесспорно могли вызвать у Пушкина решение продлить маршрут до Уральска. Впрочем, возможно, на то были и другие веские причины. («Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта», — напишет Пушкин позже).

Об окончательном решении посетить Уральск Пушкин сообщил жене из Оренбурга в письме от 19 сентября: «Я здесь со вчерашнего дня... завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дня три и отправлюсь в деревню (*Болдино — Л.А.*) через Саратов и Пензу».

Расстояние от Оренбурга до Уральска в то время исчислялось в 281 версту. В 1833 году почта преодолевала это расстояние за 30 часов. Она выходила из Оренбурга по вторникам в первом часу пополудни и прибывала в Уральск в среду в семь часов вечера. Если Пушкин выехал из Оренбурга днём 20 сентября, как пишет Анненков, то он мог приехать в Уральск вечером 21 сентября. Заметим, в июне 1837 года этой же дорогой из Оренбурга в Уральск проехал будущий император Александр II, в свите которого состоял В.А. Жуковский. Переезд занял всего 20 часов.

А.С. Пушкин не мог позволить себе так стремительно проехать мимо бывших крепостей, где ещё живы были участники и очевидцы пугачевского бунта. Поэт встречался с ними, беседовал. И даже зарисовывал полюбившиеся ему уральские ландшафты. «В бумагах Пушкина сохранился рисунок скачущей тройки на фоне крутого берега Урала недалеко от Нижнеозерной крепости. На всё это надо было много времени»⁴⁹.

Жители села Январцево, некогда бывшего Генварцевским форпостом, и в наши дни утверждают, именно здесь ночевал Пушкин. «В старой части села — Левантиневке — еще несколько лет назад стоял старинный дом с подклетью. Некогда здесь была почтовая станция. Пушкин не мог проехать мимо нее, возможно именно здесь он и ночевал...

Живет на селе и предание о том, что «приезжал некогда сюда такой чернявый человек, весь в черной бороде» и плавал с казаками на лодке по Уралу»⁵⁰.

Как предполагают уральские краеведы, в одном дилижансе с А.С. Пушкиным мог ехать Г.С. Карелин, — талантливый ученый-натуралист, прославившийся сво-

⁴⁸Николай Щербанов. «Поехал я в Уральск...» ЗКГУ, «Оптима», Уральск, 2006, стр. 79.

⁴⁹Там же. Стр.94.

⁵⁰Там же. С. 94-95.

ими путешествиями по Уралу, по казахским степям, Алтаю и Сибири⁵¹. Выпускник первого Петербургского кадетского корпуса, он в 1822 году за написанную эпиграмму на А.А. Аракчеева был выслан в Оренбургский край. Здесь он занялся всерьез изучением географии, этнографии, минералогии, зоологии и ботаники. Интересный собеседник, Г.С. Карелин многое мог поведать Пушкину об уральском крае и яицких казаках.

Те сентябрьские дни 1833 года были, надо отметить, юбилейными: шестьдесят лет назад здесь, в уральских степях (17 сентября 1773 г.), был обнародован первый именной указ Пугачева, а 18 сентября Пугачев с отрядом из трехсот казаков подошел к Яицкому городку.

«Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева», — запишет Пушкин, и подчеркнет: — имя Пугачева «гремит еще в краях» и «народ еще помнит» ту пору, «которую выразительно прозвал пугачевщиной».

Об уральских впечатлениях он сообщил жене 2 октября, из Болдина: *«Последнее письмо мое должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда я поехал в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне известия, в которых имел нужду, и накормили меня икрой, при мне изготовленной».*

В Уральске Пушкин встречался с атаманом В.О. Покатиловым, полковником Ф.Г. Бизяновым, войсковым архитектором А.А. Гопиусом, священником единоверческой церкви В.И. Червяковым...

Многие уральцы радовались возможности увидеть известного поэта, приходили познакомиться, в доме атамана давали обеды, говорили речи, помогали ему находить главных свидетелей казачьего бунта.

«Тамошний атаман Василий Осипович Покатилов (1788–1838) встретил и принял Пушкина очень тепло. Веселый, умный, энергичный, он был обаятелен в обращении с людьми и ловок во всех своих делах. «Настоящий Подкатилов, подкатился к нам масляным блином», — говорили в шутку о своем атамане казаки.

В знак благодарности и за гостеприимство поэт переслал ему потом, в феврале 1835 года — через оренбургского военного губернатора В.А. Перовского — экземпляр своей «Истории Пугачевского бунта».

Известно, Пушкин остановился в «Атаманском доме», самом красивом в Уральске. Возможно, здесь, на обедах, и рассказывали ему казаки о Пугачеве. Все они знали немало интересного о событиях и людях ушедшего времени по рассказам своих отцов и дедов.

Уральский полковник Федот Григорьевич Бизянов, коренной уралец, участвовавший в суворовских походах и в войне 1812 года, мог многое рассказать о примечательных подробностях бунта, в частности, о своем дальнем родственнике казачке Петре Ивановиче Бизянове, который был дружкой (второй свадебный чин со стороны жениха) на свадьбе Пугачева с Устиньей Кузнецовой в Яицком городке.

Любопытно было побывать в Куренях⁵², в деревянном доме, в котором жила Устинья Кузнецова. О казачьей «царице» Пушкин услышал еще в Берде от казачки Бунтовой: *«Устинью Кузнецову взял он насильно, отец и мать не хотели ее выдать, она же простая казачка, не королевна, как ей быть за государем».*

⁵¹Биограф Г.С. Карелина, Г.З. Блюмин, основываясь на документах Оренбургского областного архива, установил, что «и Пушкин, и Карелин выехали в Уральск из Оренбурга в один и тот же день — 20 сентября». См.: Георгий Блюмин. В Сибирь, прапорщиком, без выслуги. // Московские ведомости. М., 1991, № 14. — Прим. автора.

⁵²Древнейшая часть Яицкого городка, прилегающая к Михайло-Архангельскому собору. — Прим. автора.

Судьба простой казачьей девушки, ставшей в одночасье «императрицей Всероссийской» заинтересовала Пушкина. В его бумагах, в 1833 году, появится даже её предполагаемый портрет.

Рассказывая о взаимоотношениях Устиньи с Пугачевым, Пушкин уже не придерживается строгой точности, характерной для его исторического повествования. В нем заговорил романист: <Пугачев> «увидел молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился в неё. Стал он её сватать».

В одном из народных преданий, которое Пушкин мог слышать в доме Кузнецовых, есть колоритная сценка, вполне правдоподобно рисующая первое знакомство Пугачева с будущей «императрицей»: «Сидит это он, Петр Федорович, под окном и смотрит на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бежит через улицу, в одной фуфаечке, да в кисейной рубашечке, рукава засучены по локти, а руки в красной краске. Она... занималась рукоделием, шерсть красила, да кушачки ткала, такая мастерица была.

Увидел её Петр Федорович, — а она была красавицей неописанной, — увидел ее и влюбился: спрашивает своих сенаторов:

— Чья это девица?

— Дочь казака Кузнецова! — говорят сенаторы.

— Сию ж минуту, — говорит, — ведите меня в дом к казаку Кузнецову.

И пошли в дом к Кузнецовым. Посмотрел Петр Федорович на Устинью Петровну пристально, а она вышла к нему обряжена как следует, в азарбатном сарафане, в жемчужной поднизке, с монистами и жемчугами на шее, в черевичках, золотом расшитых как следует девице хорошего отца-матери.

Посмотрел на неё Петр Федорович, и пуще прежнего полюбилась она ему, — больно красотой взяла...

— Хочу, — говорит, — на ней жениться»⁵³.

Примечательно указание Пушкина: «стал её сватать». Значит, были соблюдены все традиционные казачьи свадебные обряды. Это также подтверждается записями Железнова от 1858 года. «В проезд из Уральска, — пишет он, — я остановился у казака Ведерникова. У него есть бабка, девяносто двух лет. Старушка эта ясно помнит смутные времена пугачевщины. Будучи тогда уже взрослою девою, она часто видела дерзкого, но умного, по словам её, самозванца, бывала на вечеринках у его невесты Устиньи Кузнецовой, и однажды на одной из таких вечеринок слышала сказку, которую рассказывал, по обычаю тех времен, Пугачев своей невесте и девушкам...»⁵⁴.

Замуж за Пугачева Устинья шла охотно, по крайней мере, без принуждения. Это подтверждается и народными преданиями, и, что особенно важно, показаниями самого Пугачева: «Я послал Толкачева к Кузнецову с тем: спросить его, есть ли отдаст он волею дочь свою, так я женюсь, а когда не согласится, так силою не возьму. А на другой день была свадьба. Венчался в церкви Петра и Павла, и в песнях церковных во время венчания велел я жену мою именовать государынею императрицею Всероссийскою».

Свадьба состоялась 1 февраля 1774 года. Из показаний Михаила Толкачева известно и имя священника, венчавшего Пугачева и Устинью. Им был Сергей Михайлов».

⁵³И.И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Спб., 1919. Т. III. Стр. 153.

⁵⁴«Яцкая воля». Уральск, 1918. № 98

Встречался поэт и с простыми яицкими казаками. В примечании ко 2 главе «Истории Пугачева» читаем: «В Уральске жила еще старая казачка, носившая черевики его (то есть Пугачева) работы». В «Замечаниях» к «Истории Пугачева» Пушкин вновь упоминает о престарелой собеседнице: «Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся, он (то есть Пугачев — Л.А.) нам зла не сделал».

Особенно запомнилась ему беседа с ветераном-пугачевцем Михаилом Пьяновым, сыном Дениса Пьянова, у которого квартировал Пугачев во время приезда в Яицкий городок в ноябре 1772 года и которому признался, что он царь Петр III.

«Михаил был одним из любимцев Пугачева, принадлежал к числу лиц, близко стоящих к нему. Пугачев был посаженным отцом на его свадьбе. Первый писарь Пугачева, «думный дяк» повстанческой военной коллегии яицкий казак Иван Почиталин показывал на допросе от 8 мая 1774 года в Оренбурге, что в январе 1774 года Пугачев выезжал из Бердской слободы в Яицкий городок, где «выбрал двух девок, которые ему были нравны, и женил двух своих любимцев — меня, Почиталина, и Михайлу Пьянова. Свадьба была сделана на шет Пугачева. И платье на невесту положил он свое...»⁵⁵

Содержание беседы с Пьяновым Пушкин привел на страницах «Истории Пугачева». Со слов Пьянова Пушкин выяснил характер отношений Пугачева с яицкими казаками: «Пугачев скучал их опекою. Улица моя тесна, говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына»...

Михаил Денисович Пьянов был твердо убежден, Пугачев был не простой казак, а император Петр III. Когда Пушкин в беседе с ним отозвался о Пугачеве как о самозванце, то получил отповедь старого казака: «Он для тебя Пугачев, — ответил мне сурово старик, — а для меня он был великий государь Петр Федорович». Об этой фанатичной вере Пьянова и других уральских «престарелых очевидцев», так поразившей поэта, он говорил своим друзьям и знакомым как о самом сильном своем впечатлении от поездки на Урал.

Мысль о том, что восстанием предводительствовал не Пугачев, а истинный император Петр Федорович, преобладает в казачьем фольклоре на протяжении почти двухсот лет. Вслед за Пушкиным это отметили В.И. Даль, И.И. Железнов, В.Г. Короленко и др.» (Пугачевщина. М. — Л., 1929. Т. 2)»⁵⁶.

Приведем здесь и воспоминание войскового старшины Антона Петровича Бородина о пребывании Пушкина в Уральске, записанное Н.Ф. Савичевым и опубликованное в «Уральских войсковых ведомостях», в 1884 году, № 18. Вот эта запись: «Так и мне, — начал он (А.П. Бородин), — один из тех казаков, которых расспрашивал А.С. Пушкин, именно Бахирев сказывал, что когда Червяк, бывший некоторое время писарем у Пугачева, стал умирать, то Бахирев, задушевный приятель умершего и сам видевший самозванца, просил по-дружески Червяка перед смертью сказать истину: был то Петр III или самозванец Пугачев. На это Червяк положительно отвечал, что «это никто иной был, как император Петр III, потому, прибавил он, что таких знаний, распорядительности и проницательности не может быть в простом человеке. И мне, говорит, Александр Сергеевич Пушкин толковал, что это был самозванец, донской казак Емельян Пугачев и присвоил

⁵⁵См.: Пугачевщина. М. — Л., 1929. Т. 2.

⁵⁶Николай Щербанов. «Поехал я в Уральск...» ЗКГУ, «Оптим», Уральск, 2006, стр. 101-108.

себе имя умершего императора, но я этому не верю. Где новым людям знать, что в старину было...»⁵⁷

В Уральске, в простой казачьей избе, Пушкину довелось послушать лучших «песельников», «казаков-горыночей». Его поразила строгая манера казачьего многоголосия, отсутствие женщин в хоре. Не тогда ли перед глазами его возникла знаменитая сцена исполнения пугачевцами разбойничьей песни «Не шуми мати зеленая дубравушка», описанная в «Капитанской дочке».

Было спето стариками-казаками много старинных песен. Торопливо записывал их за казаками Пушкин.

А рыбная ловля! Напротив Учужского затона казаки-уральцы угощали поэта «свежей икрой». Обряд угощенья назывался «презентом», или, по старинному казачьему выражению, «кусом».

«Пришли старики, — описывал красочную картину угощения икрой писатель С.В. Максимов, побывавший в Уральске в 1863 году, в очерке «Плавня» (Исторический вестник. СПб, 1883. Кн. VI), — поклониться от всего войска... Принесли они живого, самого крупного и икряного осетра. Когда атаман поклон и подарок принял, один старик быстрыми и умелыми руками вскрыл рыбу, вынул мешок с икрой, с такою же ловкостью и быстротою вскинул его на гроход и протер так тщательно, что пробились сквозь сетку одни только зерна, а пробойка, или слизистая оболочка мешка, осталась на грохоте и отброшена; свежую икру с крупными зернами, рассыпчатую, как круто сваренная гречневая каша, на наших же глазах старик просолил, перемешал деревянной ложкой в деревянной чашке и в таком первобытном виде преподнес наказному атаману... Попробовали и мы это незнакомое нам, необычайно вкусное вещество, которое язык не поднимается назвать свежей икрой в виду того подражания ей, которое продается под этим почтенным именем у Елисеева и Смурова...»

В Уральске бытует и фольклорная версия угощения Пушкина «свежей икрой» на берегу Урала. В одной из баек говорится: «Угощали казаки Пушкина икрой возле учуга, при нем сделанной.

Ну, Александр Сергеевич, как водится в Петербурге, берет ее на кончик ножа и мажет на калач...

Старик казак глядел, глядел, да и говорит Пушкину: «Ляксандра Сиргеиць, ну што уж ты ее ножичком да на кончик... да ты ее ложкой! У нас ентыва гавна полным-полно!»

После пребывания Пушкина в Уральске, кажется, сама жизнь дохнула на страницы его исторических произведений.

* * *

«Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве и сверх того 18 толстых томов in folio разных рукописей, указов, донесений и проч., — писал А.С. Пушкин. — Я посетил места, где произошли главные события эпохи мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

Живой портрет Пушкина тех времен оставила в своих воспоминаниях Констанция Габленц.

По приезде в Симбирск, Пушкин, как утверждали горожане, побывал в доме

⁵⁷Николай Щербанов. «Поехал я в Уральск...» ЗКГУ, «Оптима», Уральск, 2006, стр. 114

губернатора А.М. Загряжского⁵⁸, который передал ему письмо от жены, и позже «поприсутствовал» на уроке танцев юной Лизы Загряжской.

«Однажды осенью 1833 г. (между 8 и 14 сентября) во время урока танцев, — писала Констанция Габленц, — по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А.С. Пушкин; мы все заволновались от ожидания увидеть его. И вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый шатен с бледным или, скорее, мулатским лицом... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс. Через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцевать с нами. Он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по нескольку туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу».

Как известно, Лиза Загряжская станет женой младшего брата Пушкина Льва Сергеевича.

К слову, Пушкин возлагал большие надежды на Симбирские архивы. Именно оттуда он рассчитывал получить большую часть информации о пугачевском бунте, но его ожидало разочарование. Все данные были сожжены дотла во время огромного пожара в Симбирске.

«Заслуга автора заключается в том, — заметил Р. В. Овчинников⁵⁹, что он впервые осуществил кропотливую работу по определению всех архивных документов, которые были в <его> распоряжении <...> во время <...> работы над «Историей Пугачёвского бунта», и воспроизвёл её в полном объёме в своём труде... Это во многом позволяет судить о степени осведомлённости великого русского писателя...»⁶⁰

Несколько слов об осведомленности Пушкина.

Давайте со вниманием прочитаем предисловие к «Истории Пугачева»:

«Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано всё, что было обнаружено правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых.

Дело о Пугачеве, донныне нераспечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило.

Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкин.
2 ноября 1833.
Село Болдино».

⁵⁸Дальнего родственника Загряжской – тетки Н.Н. Пушкиной. – Прим. автора.

⁵⁹Р.В. Овчинников (1926–2008) – историк, культуролог, исследователь произведений А.С. Пушкина о пугачевском восстании. Окончил Московский историко-археологический институт (1952). Защитил в 1954 г. кандидатскую диссертацию по теме: «Архитектурные разыскания. А.С. Пушкина по истории восстания Е.И. Пугачева», в 1981 году – докторскую: «Манифесты и указы Е.И. Пугачева». Работал в институте истории Российской академии наук (с 1971 г.). — Прим. автора.

⁶⁰См.: Р.В. Овчинников. «Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Издательство «Наука», 1969.

Из прочитанного выделим следующую фразу: «*Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного...*» Заметим, Пушкин прямо говорит, книга — только часть его труда. Значит, была другая часть, был материал, им собранный, не вошедший, по каким-то причинам, в изданную книгу.

И другая, не менее многозначительная фраза: «*...Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд...*»

Кто мог стоять за Пугачевым? Не этот ли вопрос остался «за кадром»? В «Истории Пугачева» Пушкин мимоходом озвучивает версию франко-турецкого присутствия в подготовке пугачевской войны, не останавливаясь, впрочем, на ней обстоятельно: «В Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики. Вольтер, тогдашний представитель господствующих мнений, писал Екатерине: «По-видимому, этот фарс разыгрывается по воле шевалье де Тотт, но мы живем уже не во времена Димитрия, и пьеса, имевшая успех двести лет назад, ныне освистана»». Пушкин приводит фрагмент ответного письма Екатерины Вольтеру: «Одни только газеты поднимают шум по поводу разбойника Пугачева, который ни в прямых, ни в косвенных отношениях с г. де Тотт не состоит»⁶¹.

О чем говорят эти две небольшие цитаты? Бунту Пугачева европейская, и, в частности, французская пресса уделяла немалое внимание. Европейские аналитики считали, Пугачев работает на интересы Турции. А Вольтер уверен был, что непосредственное руководство действиями Пугачевской армии осуществляет шевалье де Тотт⁶², хотя Екатерина предпочитала этому не верить.

Попутно напомним о донесении, отправленном в августе 1774 года Алексеем Орловым Екатерине II из Ливорно, когда решался вопрос об аресте «принцессы Елизаветы II»: «*Желательно, всемилостивейшая государыня, чтоб искоренён был Пугачев, а лучше бы того, если бы пойман был живой, чтоб изыскать через него суицидную правду. Я все еще в подозрении, не замешались ли тут французы, о чем я в бытность мою докладывал, а теперь меня еще более подтверждает полученною мною письмо от неизвестного лица*» (имеется в виду Елизавета II (Тараканова).

Приведем еще одно письмо графа А.Г. Орлова, отправленное 25 сентября 1774 года из итальянской Пизы Г.А. Потемкину о происхождении пугачевщины: «Я всё подозреваю и причины имею подозревать, не французы ли этой шутки причина. Я в бытность мою в Петербурге осмелился докладывать [о том], но мне не верили». Два дня спустя граф А.Г. Орлов сообщил императрице о получении им письма от самозванки. Граф считал, что это послание «в слог» несколько напоминает пугачевские воззвания. Поразимся прозорливости Орлова-Чесменского, который двести с лишним лет назад разглядел то, что лишь недавно подтверждено документами. Каким глубоким пониманием обстановки надо было обладать, чтобы сделать подобное заявление!

О проницательности, свойственной Пушкину, говорить не приходится.

⁶¹Сама Екатерина II в письмах к Вольтеру называла шведского короля «другом маркиза де Пугачева». — Прим. автора.

⁶²Барон Франсуа де Тотт (1733-1797) был сыном венгерского дворянина, который эмигрировал во Францию из Венгрии, тогда входившей в состав Османской империи. Де Тотт в 1754 году получил звание лейтенанта. В 1775 отправился в Константинополь в качестве секретаря своего дяди, Шарля Гровье, который был послом Франции в Османской империи. Вернулся в Париж в 1763 году, в 1766 году был направлен правительством в Швейцарию. В 1767 году был назначен консулом в Крымское ханство. Прекрасно знал турецкий язык. В 1769 году он отправился в Константинополь, где оказал Турции, во время начавшейся русско-турецкой войны, важные услуги в деле улучшения турецкой артиллерии и вообще турецких войск, сыграв важную роль в военных реформах в Османской империи. Консул Франции в Крымском ханстве. — Прим. автора.

В одном из вариантов предисловия к изданию Пушкин напишет: «Прискорбная судьба следовала по сему <пугачевскому> делу. Во время самого бунта запрещено было черному народу говорить о Пугачеве; по усмирении бунта и казни главных преступников императрица, прекратив судебное следствие по сему делу, повелела предать оное забвению. Сего последнего выражения не поняли, а подумали, что о Пугачеве запрещено было вспоминать. Таким образом, временная полицейская мера и худо понятое выражение возымели силу закона...»

По приезде 1 октября в Болдино Пушкин приводит в порядок собранные материалы. 2 ноября помечен новый текст предисловия к историческому труду, и этой датой определяется окончание всей работы над «Историей Пугачёва».

6 декабря 1833 года Пушкин писал графу Бенкендорфу о законченной им «Истории», прося «дозволение представить оную на высочайшее рассмотрение»⁶³. По докладу Бенкендорфа Николай I неожиданно ответил согласием на издание «Истории Пугачёва», но на представленной ему рукописи сделал ряд замечаний, которые пришлось учесть при окончательной подготовке рукописи к печати.

«Пугачёв пропущен, и я печатаю его на счет государя», — писал Пушкин в начале марта 1834 года П.В. Нащокину, а в своем дневнике отметил 28 февраля: «Государь позволил мне печатать Пугачёва: мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными)».

Издание осуществлялось под непосредственным наблюдением директора типографии (2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии) бывшего лицейского однокашника и друга Пушкина — М.Л. Яковлева. Между Пушкиным и Яковлевым возникла переписка, из которой мы узнаем подробности печатания книги. Так, Яковлев на предисловии против имени Вольтера писал: «Нельзя ли без Вольтера?».

Пушкин отвечал: «А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериной суть исторические».

Пушкину пришлось, однако, уступить.

«История Пугачёвского бунта» вышла в свет в последних числах декабря 1834 года в количестве 3000 экземпляров⁶⁴ без цензуры, как сочинение уже «удостоенное высочайшего прочтения», но встречена была холодно и успеха у читателей не имела. Большая часть экземпляров издания осталась нераспроданной. В феврале 1835 года Пушкин записал в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении...»⁶⁵

⁶³ «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал Историю Пугачевщины. Осмеливаюсь просить через ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет её напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных». Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 98.

⁶⁴ С выходом книги А. С. Пушкину представили счет от типографии. Напечатание «Истории Пугачевского бунта» обошлось ему в 3 291. 25 рублей. — Прим. автора.

⁶⁵ Рассчитывая получить 40 тыс. руб. от продажи «Истории Пугачева», Пушкин составил список предстоящих уплат (см.: Рукою П., стр. 377-380), однако надежды его не оправдались. По подсчету П.Е. Щеголева, Пушкин выручил от продажи «Истории Пугачева» не больше 20 тыс. руб. После смерти Пушкина в его квартире оказалось 1775 экземпляров «Истории», оставшихся из 3000 напечатанных. См.: П.Е. Щеголев. 1) Бюджет А.С. Пушкина в последний год его жизни. «Прожектор», 1929, № 11, стр. 23; 2) Материальный быт Пушкина. «Искусство», 1929, № 3-4, стр. 42; см. также: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. Изд. Всесоюз. книжн. палаты, М., 1962, стр. 359-370. — прим. автора.

К этому прибавились и другие неприятности. Помимо выпадов С.С. Уварова и других недоброжелателей и врагов поэта в январе 1835 года в «Сыне отечества» появилась анонимная рецензия, использованная в целях дискредитации труда Пушкина Ф.В. Булгариным и вызвавшая ответ поэта в «Современнике» 1836 года»⁶⁶.

Заканчивая тему, нельзя не сказать о следующем. В пензенском журнале «Земство», в 1995 году, были опубликованы воспоминания Е.Н. Бибиковой — внучки Н.Н. Пушкиной-Ланской. Многое услышала она в детстве о любимом поэте от бабушки. Позволим себе привести несколько строк из воспоминаний: «... Писал он всегда по ночам, приходил поздно, часто играл в азартные игры, чтобы отыграться, и, наоборот, проигрывал. Однажды Пушкин принес бабушке целую пачку денег, положил в шкатулку и сказал жене: это тебе на расходы, но вместо того, чтобы лечь спать, опять пошел играть, взял деньги обратно и все проиграл. Вероятно, переживания Германа в «Пиковой даме» Пушкин переживал сам со своей кипучей натурой. Ему тяжело было иметь заботу о целой семье и видеть нехватки. Приходили из журналов редакторы, и Пушкин, взяв вперед деньги, уклонялся от их упреков, и говорили, что его дома нет. Поездку на Урал, чтобы написать историю Пугачевского бунта, устроили ему друзья...» Этими словами, на наш взгляд, можно и закончить многолетний академический спор о том, кто субсидировал поездку Пушкина на Урал.

* * *

Впрочем, вернемся к Екатерине II в Зимний дворец и приглядимся к происходящим там событиям. Исследователи пугачевского бунта как-то упускают из виду любопытный факт: появление Емельяна Пугачева на Яике, действия его «сволочи» в Оренбуржье и на Урале, как и появление в Польше княжны Елизаветы II (Таракановой) удивительным образом укладываются в рамки двух дат — 10 октября 1772 года и 20 сентября следующего 1773 года.

В октябре 1772 года цесаревич Павел Петрович достиг совершеннолетия, и Екатерина II, согласно договоренности, существовавшей между нею и братьями Паниными и Орловыми, возведшими ее на престол (мы уже говорили об этом), должна была уступить трон сыну. Но умная, хитрая, обворожительная и расчетливая женщина, которая и приехала в Россию с одним намерением оказаться на престоле, за время регентства вкусила власть и отдавать её не желала. Но как обойти договоренность, существующую с 1762 года?

При Петербургском дворе, как и в Москве и в Европе со вниманием следили за развивающимися событиями. Отдаст или не отдаст власть? А если не отдаст, то как оправдает свой поступок?

Спрошу Вас, мой добрый читатель, как бы Вы поступили на её месте? Похоже, стоило бы предпринять действие, которое отвлекло бы внимание всех от мысли о передаче власти.

И, действительно, начинается интрига. Екатерина II решает женить сына. Из Европы привозят красавицу принцессу Гессен-Дармштадтскую Вильгельмину (в православии Наталья Алексеевна), с появлением которой Екатерина Алексеевна удачно избавляется от одного из главных своих соперников — графа Панина. Це-

⁶⁶См.: К 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина. «А.С. Пушкин – исследователь пугачевского движения», П. Софинов. Исторический журнал, февраль, 1937. С. 38-51.

саревич достиг совершеннолетия, и воспитатель ему более не нужен. Под этим предлогом она выселяет графа Панина из Зимнего дворца. Освободившиеся апартаменты переходят к будущей супруге цесаревича. Под различными предлогами удаляет она от себя и братьев Орловых. После десяти лет фаворитства был отставлен Григорий Орлов. Его ненавистники при дворе, и среди них министр иностранных дел Никита Панин, нашли Григорию замену — кавалергарда Васильчикова. Сам Григорий при этом был как бы заточен в почетную ссылку в Гатчину, старший брат его Иван жил в деревне, Алексей с Федором находились за тысячи верст от Петербурга, и, наконец, пятый Орлов, Владимир, получив под начало Академию наук, ушел с головой в дела. Семейство на глазах у всех лишалось своего положения у трона.

Впрочем, и врагов у Екатерины не становится меньше.

Напомним, шла русско-турецкая война, которую России объявила Турция в 1768 году. Дипломатия герцога Шуазеля, министра иностранных дел Людовика XV, спровоцировала нападение Порты на Россию в самое неблагоприятное для Петербурга время, когда императрица была поглощена польскими делами. В разгар русско-турецкой войны, в которой на стороне Порты принимали участие французские волонтеры и военные советники, в том числе и в полковничьих чинах, версальская дипломатия помогла королю Швеции Густаву III осуществить в августе 1772 года государственный переворот, имевший антирусскую направленность.

Король Франции поддержал и Барских конфедератов⁶⁷ в их восстании против России в 1768 г. Им направлены были в Польшу военные отряды во главе с генералом Шарлем Демурье, которые разбил А.В. Суворов. Волнения конфедератов, возмущенных разделом Польши в 1772 году, впрочем, продолжались. И главным врагом для них оставалась Екатерина II.

В Европе, как и в России, повторимся, с обостренным вниманием следили за событиями в Петербурге. В столице же Российской империи готовились к свадьбе цесаревича Павла Петровича с великой княжной Натальей Алексеевной.

И здесь постараемся не упустить из виду любопытный факт: бракосочетание цесаревича Павла Петровича с Великой Княжной Натальей Алексеевной⁶⁸ состоялось 20 сентября (10 октября) 1773 года в Казанском соборе⁶⁹, а 17 сентября того же года Емельян Пугачев на Яике зачитывает свой первый «царский» указ. Казакам объявляет, сам царствовать не желает и стремится возвести на престол своего «сына» — цесаревича. «Царь» плакал перед образами, говоря при этом: «Дай-то Бог, чтобы я мог дойти до Петербурга и сына своего увидеть здорового». На церковных службах по распоряжению Е.И. Пугачева священники поминали «государя Петра Федоровича, Павла Петровича и великую княгиню, а всемилостивой государыни не поминали».

⁶⁷Конфедераты – участники союза (конфедерации), созданного шляхтой – дворянством Речи Посполитой в крепости Бар на Подолии (1768-1772), выступавшие против короля Станислава Августа Понятовского и усиления влияния России. После поражения часть конфедератов была отправлена в ссылку в Россию. – Прим. автора.

⁶⁸Став супругой цесаревича Павла Петровича, по внушениям Никиты Ивановича Панина, она восстанавливала подпавшего под ее влияние супруга против его матери, внушая, что настала пора ему самому царствовать. — Прим. автора.

⁶⁹По пути шествия торжественной процессии от Зимнего дворца и до Казанского собора по обеим сторонам Миллионной улицы и Невской перспективе были выстроены 8 тысяч 28 солдат. Все балконы и окна по обеим сторонам улиц, по которым шло шествие, были заполнены публикой. Выход из Зимнего дворца императрицы, великого князя и его невесты в 11 часов утра сопровождался выстрелами из 21 пушки и «Начался при игрании на трубах и при битии на литаврах».

Целый месяц грабил и жег Пугачев поместья дворян, вешал священников, дьяконов, офицеров, — русскую духовную элиту, — не получая отпора от власти. Удивительно, власть бездействовала.

И тут невольно может возникнуть мысль (да простит меня за неё мой читатель!), не приложила ли руку к разгорающейся беде сама Екатерина II. Вы ждете, чем дело кончится? Отдам власть или нет? Так вот вам: займитесь собой, спасайте себя, родных, добро, годами нажитое.

Было ли такое, сказать трудно. Прямых доказательств участия её в пугачевском деле нет.

Здесь же, попутно, скажем и об истории со штандартом государя Петра Федоровича. Как оказался в армии Пугачева этот штандарт, сыгравший немалую роль в утверждении его власти?

Появление голштинского знамени в армии «самозванца» вызвало сильный переполох в Санкт-Петербурге. Всем было памятно негодование императрицы, когда среди различных пугачевских военных знаков и знамен было найдено «голштинское» знамя наследника Павла I, жившего тогда в Гатчине, замечает современный исследователь.

Кстати, Екатерина II, должно быть, почувствовала и то, что ее «немецкий генералитет» оказался причастен к заговору под маской Пугачева.

Этот намек мы встречаем у Пушкина, причем, не в основном тексте «Истории», а в приложении, где он, оценивая действия немцев на Южном Урале, писал: «Все немцы, находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело: Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморин... Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп (оренбургский губернатор, так и не вышедший дальше крепости), Брант, Кар (был один из первых, кого императрица назначила Указом на подавление бунта), Фрейман, Корф, Валленштерн, Декалонг (так и не спасший Челябинскую крепость), Билов etc. etc...»

Екатерина II даже назначила специальную комиссию для расследования данного факта⁷⁰. Действительно, среди трофеев, захваченных отрядом полковника И.И. Михельсона при разгроме войска Е.И. Пугачева 25 августа 1774 г. у Солениковой Вагаги, в приволжской степи между Царицыным и Черным Яром, оказалось и т.н. «голштинское знамя». Известие об этом так ввело в гнев императрицу, что письмо её М.Н. Волконскому — главнокомандующему в Москве и первоприсутствующему в тамошнем отделении Тайной экспедиции Сената, датировано уже 15 сентября: «Я послала в Ораниенбаумский арсенал осматривать, не оттуда ли оно было выкрадено; но там что было, все в целости находится; а тамошний генерал-майор Ферстер узнал, что сие знамя зятя его Дельвигова полка; и как Ферстер с Мерлиным были у разбора голштинских дел, то они утверждают, что ими в комиссариат отдано по приложенной записке знамен и штандарт... И естли вы найдете канал, коим образом сие знамя до Пугачева дошло, то весьма хорошо будет»⁷¹.

Осмотрено все было, думается, с самым прилежным тщанием, поскольку в записке императрицы Г. А. Потемкину, датируемой тем же временем, указывается: «Старайся узнать, отданные в Комиссариат знамены голштинские живописцем Фохтом — целы ли и все шесть тамо ли налицо или куды их девали. И спросите о

⁷⁰См.: Беспалов А. *Армия Петра III: Голштинский корпус в России 1755-1762*. М., 2003. С. 80.

⁷¹См.: *Оснадацатый век. Исторический сборник*. М., 1868. Кн. 1. С.134-135. Цит. по: Екатерина II и Г.А. Потемкин: *Личная переписка 1769-1791* / Изд. подг. В.С. Лопатин. М., 1997. С. 597.

сем у Мерлина. Он должен знать, ибо он был у разбора и заплаты Голштинских дел. Рисунок же у Федора Матвеевича. А на то, что Фохт говорит, что Белое знамя им отдано было самому императору, нечего смотреть, а надо смотреть в комиссариат»⁷².

4 ноября 1774 г. Е.И. Пугачев был доставлен в Москву и в тот же день допрошен главой созданной для этого особой следственной комиссии, тем самым генерал-аншефом князем М.Н. Волконским⁷³. В качестве одной из важнейших тем, судя по протоколу, «злодей, спрашиван о знаме. Злодей говорил, что-де во многих крепостях браны были знамена, а какие они, — он не знает, потому что брали и к нему приносили яицкие казаки, но ис которой крепости имянно взято, — он не знает, только того знамя, кроме казаков, из других мест [никто] не привозил»⁷⁴. Речь шла, разумеется, о голштинском. Затем последовал одиннадцатидневный допрос Пугачева, с целью выяснить всю историю его жизни и действий до самого ареста, и одновременно состоявшиеся дополнительные 14 допросов и очных ставок по отдельным темам⁷⁵. Один из них, 8 ноября, Волконский почти полностью посвятил интересующему нас предмету: «злодей Пугачов спрашиван о знаме (которое ему и показывано), где оно похищено. На что злодей сказал, что это знамя нигде не похищено, а найдены Перфильевым в двух сундучках два знамя, одно — с черным гербом, а другое — это, когда его злодейскою шайкою разбита была легкая полевая команда под Дубовкою»⁷⁶. То есть само полотнище возможно было в целости доставлено в Москву. «Здесь мы вынуждены констатировать еще одну ошибку А. Беспалова, — замечает один из современных исследователей, — выходит, знамя досталось пугачевцам не под Оренбургом, а после разгрома отряда полковника А.И. Дундукова 16 августа 1774 г. у реки Пролейки между Саратовом и Царицыным. Пехоту этого отряда составляла 1-я когорта (легкая полевая команда) секунд-майора Августа Томасовича фон Дица, погибшего в этом сражении.

Спросим себя, вслед за любознательным безымянным исследователем, найденным нами в интернете, материалами которого мы здесь воспользовались, зачем и кто в глухом углу империи возил при воинской части полотнище с вензелями преставившегося «от геморроидальной колики» более десяти лет назад императора? Откуда оно, — свидетельство царской власти, — там взялось?

* * *

Теперь о Барских конфедератах, княжне Елизавете II (Таракановой) и кексгольмских сидельцах.

События, связанные с восстанием Барских конфедератов, едва ли не отправная точка в деле Пугачева. Но много ли мы знаем о конфедератах? А княжна лже-Тараканова или, вернее, принцесса Елизавета II? О ней вроде бы знаем, много читали, но, на проверку, не все нами прочитанное соответствует истине.

⁷²Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791). РАН, серия «Литературные памятники». М., «Наука», 1997.

⁷³См.: «Биография секунд-майора Николая Захаревича Повало-Швейковского: «По прибытии в Москву, Пугачев содержался на монетном дворе и занимал особую комнату, имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах, и укрепленную в стене, поперек тела. Стража состояла из 10-ти человек Преображенцев и роты 2-го Гренадерского полка, под командою капитана Карташева. Главным же начальником конвоя был Гвардии Преображенского полка капитан Галахов, сопровождавший его от Симбирска до Москвы и находившийся при нем по день казни, т. е. по 10-е Января 1775-го года. В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохранял равнодушие. Одет был со времени плена в нагольной тулуп».

⁷⁴См.: Емельян Пугачев на следствии: Сб. материалов и документов. М., 1997. С. 216).

⁷⁵Там же. С. 29

⁷⁶Там же. С. 217.

И, наконец, кексгольмские сидельцы. Речь идет о двух женах Емельяна Пугачева и трех его детях от первого брака. Оправданные судом, ни в чем не повинные (всего лишь сопровождали Пугачева в его походах), все они были приговорены к заключению в Кексгольмскую крепость, где и окончили дни свои. Достаточно сказать, младшая дочь Пугачева, в малом возрасте попавшая в заключение вместе с матерью, братом и сестрой, провела в крепости 60 лет. За что?

Какую тайну знали кексгольмские сидельцы? Что так пугало царствующих особ, что даже Павел I, освободивший, после смерти матери, многих несправедливо пострадавших в её царствование, ознакомься с делом сидельцев, постановил оставить все, как было.

Ответ на этот вопрос, и объяснится суть пугачевского бунта, причины, породившие пугачевщину. Постараемся, в меру сил, ответить на него. Но об этом позже.

А пока предоставим возможность читателю познакомиться со статьей А.В. Арсеньева «Женщины пугачевского восстания. Приключения и судьба «женок», частных к Пугачевскому бунту», опубликованной в 1884 году, в журнале «Исторический вестник». В ней, в частности, находим любопытный рассказ о кексгольмских сидельцах.

«...Раньше Пугачева в Москву посланы были и «жонки Пугачева, Софья⁷⁷ с дочерьми и Устинья⁷⁸ с матерью для новых допросов в тайной экспедиции, к заведывавшему московским ея отделом обер-секретарю сената, Степану Ивановичу Шешковскому.

После допросов Устинью Пугачеву посадили под крепкий караул, приберегая для посылки в Петербург, где императрица Екатерина II выразила желание видеть пресловутую «императрицу Устинью», а Софью Дмитриеву, в видах успокоения народной молвы, ибо о Пугачеве в народе говорили «разно» и подчас для правительства неприятно, — пустили гулять по базарам, чтобы она всем рассказывала о своем муже, Емельяне Пугачеве, показывала его детей, словом разсеивала своим живым лицом и свидетельством мнение, что Пугачевым назвали истинного государя Петра III.

Народ, незадолго перед тем с нетерпением ожидавший Пугачева, как царя Петра Феодоровича, слушал рассказы Софьи, ходил смотреть «самого Пугача» на монетный двор — и, должно быть, убеждался.

10 января 1775 года, в жестокий мороз была совершена казнь Пугачева, а о женах его в пункте 10 сентенции о казни было сказано:

«А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая Софья, дочь донского казака Дмитрия Никифорова (Недюжина), вторая Устинья, дочь яицкого казака Петра Кузнецова, и малолетние от первой жены сын и две дочери, то без наказания отдалить их, куда благоволит Правительствующий Сенат»⁷⁹.

Перед «отдалением» Устинью Кузнецову (славящуюся своей красотой. — Л.А.) привезли в Петербург, чтобы показать ее императрице Екатерине II, и когда монархиня внимательно осмотрела яицкую красавицу, то заметила окружающим:

— Она вовсе не так красива, как прославили...

Устинье в то время было не более 17-18 лет. Может быть, волокита и маета по

⁷⁷Первая жена Е. И. Пугачева. — Прим. автора.

⁷⁸18-летняя казачка, вторая жена Пугачева. — Прим. автора.

⁷⁹См.: Журнал судебного заседания Сената по делу Е.И. Пугачева и его соратников. 31 декабря 1774 г

тюрьмам, секретным комиссиям и допросам, при которых не раз, вероятно, она попробовала и плетей, сняли с лица её красоту и состарили!..

С этого времени об Устинье и Софье исчезли было всякие сведения о дальнейшей участи несчастных женщин.

Сведения о дальнейшей судьбе «пугачевских женок» ныне появляются в печати в первый раз, заимствованные из подлинного документа, находящегося в Государственном Архиве, и в копии обязательно сообщенного редакции «Исторического Вестника».

Судьба их после сентенции и казни Пугачева, вероятно, была никому или очень немногим известна и из современников-то, а через короткое время память о них по Сю сторону Волги и совсем сгилла — убрали, «отдалили» — и концы в воду!

И только через двадцать один год после казни Пугачева короткое сведение о них появляется на свет Божий!

Император Павел Петрович, вскоре по восшествии своем на престол (14 декабря 1796 г.) приказал отправить служившаго при тайной экспедиции коллежского советника Макарова в Кексгольмскую и Нейшлотскую крепости, поручив ему осмотреть содержащихся там арестантов и узнать о времени их заточения, и содержании их под стражею или о ссылке их туда на житье.

В сведениях, представленных Макаровым, между прочим написано:

«В Кексгольмской крепости Софья и Устинья, женки бывшего самозванца Емельяна Пугачева, две дочери, девки Аграфена и Христина от первой и сын Трофим. С 1775 года содержатся в замке, в особливом покое, а парень на гауптвахте, в особливой (же) комнате. Содержание имеют от казны по 15 копеек в день, живут порядочно. Женка Софья 55 лет, Устинья — около 36 лет, девки одна 24-х, другая 22-х; малый же лет от 28 до 30. Присланы все вместе, из Правительствующего Сената. Софья — дочь донскаго казака и оставалась во время разбоя мужа ея в доме своем (вначале, а впоследствии она была взята под стражу), а на Устинье женился он, быв на Яике, а жил с нею только десять дней⁸⁰. Имеют свободу ходить по крепости для работы, но из оной не выпускаются; читать и писать не умеют... Так вот какова судьба усладительниц дней Пугачева... Они были отданы на жертву гарнизонных сердцеедов-солдат и офицерства, и долгую жизнь свою прожили в стенах крепости, питаясь поденщиной. Что было с ними далее — неизвестно; вероятно, они так и померли в Кексгольмской крепости, сжившись с нею»⁸¹.

Ни в чем неповинных, их везли в 1775 году в Кексгольмскую крепость, как опасных государственных преступников. О том свидетельствует специальная инструкция, написанная 11 января того же года, в которой, в частности, говорится:

«1) Взав по подорожной из ямской конторы подводы, и посадя тех женок и детей в разные сани по двое, ехать в Выборг, не заезжая в Петербург, а объехав оный стороною, не останавливаясь нигде праздно ни малое время.

2) Будучи в пути содержать тех женок под караулом, никого к ним посторонних не допускать, ножа, яду и протчих орудиев, чем человек может себя и другого повредить, им не давать, за ними же смотреть, чтобы они из-под караула каким-либо образом уйти не могли.

⁸⁰Если Устинья считает «житьем» с ней еженедельные его к ней приезды, то она совершенно права. — Прим. А.В. Арсеньева.

⁸¹А.В. Арсеньев. Женщины пугачевского восстания. Приключения и судьба «женок», причастных к Пугачевскому бунту. Исторический вестник, 1884 — т. 16 - № 6. С. 11-12.

3) Никаких с ними разговоров не иметь».

Удивительно, не освободил кексгольмских сидельцев ни император Павел Первый, выпустивший после смерти матери на свободу А. Радищева («бунтовщика, хуже Пугачева», — так называла его Екатерина II. — Л.А.), ни император Александр Первый, заступивший место отца, после его убийства в 1801 году.

Что же такое могли знать узники, если до самой кончины не разрешено им было покинуть крепость.

Повторимся, ответ на этот вопрос, и объяснится суть пугачевского бунта, причины, породившие пугачевщину. Но об этом позже.

К кексгольмским сидельцам мы еще вернемся.

Поговорим теперь о другом.

* * *

Итак, восстание Барских конфедератов.

29 февраля 1768 года в Речи Посполитой, в городе Бар образуется так называемая «Барская конфедерация». Костяк её составляют польское шляхетство (далеко не однородное по национальному признаку, включающее в себя евреев, переменивших веру), и римско-католические священники. Конфедерация, собственно, и была создана по призыву краковского епископа Каетена Солтыка⁸².

Меж тем, угнетение православного населения в Польше продолжалось. В 1766 г. посол Екатерины князь Н.В. Репнин потребовал от польских властей прекратить геноцид русского населения. Но получил отказ.

Князь Репнин понимал, католический фанатизм неодолим и в защиту православных следует показать силу. Страсти разгорались.

На сейме 1766 г. краковский епископ Солтык фанатической речью добился признания *врагом отечества* всякого, кто осмелится выступить в пользу иноверцев (диссидентов). Папа Климент XIII, в свою очередь, прислал послание против уступок «диссидентам», что еще более воодушевило латинян. Епископ Солтык повсюду рассылал свои пастырские послания, гласящие: «Любезнейшие сыны, пастырству нашему порученные! Упражняйтесь во всякого рода добрых делах, зывайте с сокрушением духа Трону Милосердия, чтобы ниспослал Духа Святаго на сейм для утверждения веры святой — католической, для мужественного отпора претензиям диссидентов, для сохранения основных прав вольности»⁸³.

Своему другу Виельгурскому же Солтык писал, как политик: «Императрица домогается двух вещей: генерального поручительства за конституцию и восстановления диссидентов. Что касается диссидентов, то *покой нации зависит от того, чтобы диссиденты, а именно — не униаты, не были ни в сенате, ни в министерстве*»⁸⁴.

«Интриги папского нунция Дурины тоже разжигали антиправославные на-

⁸²«Когда, по воле Екатерины II, Станислав Понятовский вступил на древний престол Пястов, враждебная нам в Польше и поддерживаемая Францией партия, во главе которой стоял коронный великий гетман граф Браницкий, обратилась с просьбой о помощи к Версальскому кабинету. Герцог Шуазель, первый министр Людовика XV, заботясь о восстановлении прежнего влияния Франции на дела северных государств, рад был такому обстоятельству и не замедлил им воспользоваться. Образовалась Барская конфедерация, враждебная королю Станиславу и поддерживавшей его России». (П.Н. Мельников-Печерский. Собрание сочинений в 6 т. М., Правда. Т.6. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская). — Прим. автора.

⁸³См.: Воейков Н. Н. Церковь, Русь, и Рим, Изд. Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль, 1983. Глава VII. 2.. «Возвращение древних русских вотчин и конец унии.

⁸⁴С. Соловьев, т. XXVII, гл. III, с. 147-148.

строения, — писал Н.Н. Воейков, русский историк зарубежной церкви в своей книге «Церковь, Русь и Рим», изданной Свято-Троицким монастырем, в Джорданвиле, в 1983 году. — В ответ на эту агитацию императрица велела двинуть русские войска в польскую Малороссию. На сейме 1767 г. кн. Репнин принужден был арестовать епископа Солтыка⁸⁵, Залусского и других фанатиков. Сейм, пораженный такой решительностью, проголосовал за просимые уступки православным и уравнение прав диссидентов с латинянами, но лишь только русские войска удалились, недовольные королевской политикой и уступками образовали Барскую конфедерацию...»

Уравнение прав «диссидентов» с католиками вызвало противодействие со сто-

⁸⁵В 1773 г. Екатерина II освободила его. В тот год папа Климент XIV буллой «*Dominus ac Redemptor Noster*» от 21 июля упразднил орден иезуитов вследствие непрерывных жалоб почти всех католических государей на их интриги и аморальные поступки. Французский парламент Людовика XV еще в 1764 г. обнародовал целый обвинительный акт против антихристианской деятельности иезуитов, что повлекло их изгнание из королевства. Португалия выгнала орден еще в 1759 г.; Испания — в 1764 г.; Парма — в 1768 г. Король Испании — Карл III, возмущенный жестокосердой политикой иезуитов в своих Южно-Американских владениях, изгнал их оттуда в 1767 г. по просьбе своих губернаторов и епископов, а также вождей истребляемых иезуитами индейских племен. В 1773 г. орден насчитывал около 23.000 человек.

Екатерина II, гордившаяся своим либерализмом не менее чем дружбой с Вольтером и энциклопедистами, не замедлила оказать ордену свое покровительство, следуя советам Фридриха Великого.

Прельщенная изяществом манер, светским лоском и живым умом этих культурнейших «воинов-монахов», императрица решила дать им приют в России. Делая это, она сознательно забывала о всех кознях, причиненных орденом западным православным в течение столетий их господства в Польше. Пуская иезуитов в Россию, где они вскоре избрали своего «генерала-викария», Екатерина тем самым открывала путь их антирусской и антиправославной деятельности в обеих столицах.

Вряд ли ей был известен секретный рапорт иезуита о. Фавста, папского агента при короле Станиславе Понятовском, писавшего о ней следующее: «Пока она (имп. Екатерина II) жива, все будет удаваться россиянам, и самые их ошибки будут обращаться же в пользу, а для противников — победы будут равняться поражениям. Когда же Екатерина отойдет в вечность и в ее наследнике не окажется ни ее прозорливости, ни стойкости убеждений, ни умения выбирать себе помощников, ничего такого, что нужно России, а так как возрождение Польши зависит от ошибок и заблуждений России, а благоденствие свое она может почерпнуть только в ослеплении своей вековой соперницы, то наш долг терпеливо ждать перемены и, по мере возможности, подготавливать почву к восприятию того, что пошлет нам судьба».

Судьба послала иезуитам в России некоторое число горячих приверженцев среди придворных и аристократических кругов.

Отсутствие патриаршей власти в России особенно ярко чувствовалось в этот торжественный момент воссоединения веками гонимых православных с Матерью-Церковью.

Либерализм императрицы, принявшей столь радушно злейших врагов Православия, отразился и на ее правлении. Екатерина, продолжая антицерковную политику Петра I, упразднила за ненадобностью 252 монастыря, а 161 предоставила жить только на подаяния. К русским святителям она относилась с недоверием, и ее царствование омрачилось недостойными великой императрицы жестокостями в отношении духовенства. Ее «Коллегия Экономии» — наследница «Монастырского Приказа» — попросту отняла у Церкви около миллиона крестьянских душ в пользу государства, а монастыри и епархии были разделены на три категории, получающие соответствующее содержание от «коллегии».

Против таких цезаропапистских мероприятий восстал Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский, обвинив императрицу в «сребролюбии и лукавстве» и в приверженности к материалистическим западным теориям. Арсений был одним из образованнейших иерархов Русской Церкви, равный и по духу и по смелости св. Филиппу, митрополиту Московскому. Екатерина сперва в 1767 г. сослала его в монастырь под Полярный круг, в надежде, что он одумается; затем, переодев в мужское платье, с прозвищем «Андрея Вралья» заключила его в Ревельскую крепость. Так как Владыка не переставал обличать ее антицерковные меры, он был замурован в Ревельском рavelине, где он скончался от холода и лишений в 1772 г.

Естественно, при таких условиях внутренняя церковная политика не могла быть на высоте. Ввиду того что единственная православная Белорусская епархия отошла к России после первого раздела Польши, некому стало поставлять священников для оставшихся в королевстве православных. Вскоре там оцутились недостаток священнослужителей и для треб стали приезжать из Молдавии и Валахии!

В 1773 г. императрица, повторимся, вернула из ссылки злейшего врага Православия епископа Солтыка.

Расуждая о морали в политике, Солтык объявил русскому посланнику Штакельбергу: «То, что вы называете обманом, я называю политической штукою, хитростью, позволенную в подобных случаях, наконец «*restrictio mentalis*» (см. ч. I, гл. V, § 6). Знайте, что я смолodu учился у иезуитов». Штакельберг ему ответил: «Я не учился у иезуитов и ненавижу макиавеллизм; религию и нравственность я никогда не брал для прикрытия интереса моих страстей» (Соловьев, т. XXIX, с. 43).

роны униатов. Группа заговорщиков подняла восстание в Подолии, Люблине и Галиции, направленное против России и православного населения Польши, под предлогом защиты шляхетских свобод и католической веры. Заговорщики назвались Барскими конфедератами. Их отряды достигли вскоре 8 000 человек. Они полностью состояли из шляхты. Народ остался в стороне от восстания, шляхетские свободы ему были безразличны.

Противостояние быстро перешло в боевые действия. 26 марта 1768 года Понятовский обратился за помощью к Екатерине II с просьбой об оказании военной помощи и получил её. Но еще когда Понятовский обращался к Екатерине II с просьбой об оказании военной помощи, начались крестьянские волнения на Украине, в Литве и на части территорий самой Польши. Крестьяне выступали против экономической и религиозной политики римско-католического шляхетства.

Основным занятием восставших конфедератов был грабеж населения. Ожесточенную ненависть они проявляли в отношении православных. Священников запрягали в плуги, били розгами, забивали в колодки. Млиевского ктитора Данилу Кушнира они обвязали паклей и заживо сожгли. Эти зверства и вызвали протест православного населения. Насилия униатов породили в Малороссии страшную реакцию — «гайдамаков», предводимых запорожским казаком Железняком и крестьянином Гонтой. Гайдамаки учинили жестокую расправу над латинянами.

Один из отрядов Железняка преследовал конфедератов до местечка Балты на турецкой границе. Турки взяли конфедератов под защиту и напали на преследователей. Разгоряченные казаки нанесли поражение и туркам. При этом они так увлеклись погоней, что перебили поляков, укрывшихся на турецкой территории. Этот инцидент был использован турецким султаном для объявления войны России. Бунт гайдамаков пришлось укрощать при помощи русских войск князя Репнина, что тяжко отразилось на народе.

Конфедератам, не без давления Ватикана, оказали серьезную поддержку французы. Министр иностранных дел Франции герцог Шуазель направил в Польшу своего агента де Толеса с деньгами. В 1770 году в Речь Посполитую с большими деньгами направляется генерал Шарль Демурье.

Демурье энергично взялся за реформирование армии конфедератов. Для этого он предложил в командующие принца Карла Саксонского и выписал из Франции офицеров всех родов войск. Он надеялся собрать армию в 60 000 человек и двинуть ее в тыл войскам Румянцева в Молдавию, а затем вместе с турками повернуть на Смоленск и Москву. Однако надежды его не увенчались успехом.

Против Демурье выступил Александр Васильевич Суворов. В мае 1771 г. он нанес сокрушительное поражение войскам Демурье при Ланцкроне. Раздосадованный французский генерал навсегда уехал во Францию. Немалая часть конфедератов бежала в Османскую империю.

Наконец, внутренние смуты в Польше и победы Суворова положили конец польской независимости. Пруссия и Австрия ввели в Польшу свои войска и воспользовались русскими победами в своих интересах, за счет Речи Посполитой.

В 1772 году Барская Конфедерация сложила оружие. Но не сложили оружие конфедераты. Они жаждали реванша, Польская шляхта и римско-католическая церковь не могли не понимать, смута в России отвлечет её внимание и силы от Речи Посполитой, и, в конечном счете, поможет освобождению от ненавистного короля, избранного усилиями России.

По странному стечению обстоятельств, именно в этом году на Яике появляется Пугачев, призывающий казаков бежать к туркам, а в Европе впервые заявляет о себе будущая княжна Тараканова.

События, надо сказать, знаковые⁸⁶. А, главное, интересно само время их появления. Боевые действия для России в войне с турками складывались весьма успешно. Захвачен Крымский полуостров. Крымское ханство объявляется самостоятельным государством и подписывает с Россией мирный договор.

Развитие русско-турецкой войны шло по столь выгодному для русской армии сценарию, что уже к концу 1769 года перед Российской империей замаячила перспектива установления контроля над проливом Дарданеллы с возможностью высадки русского десанта в Константинополе. Турция готовилась начать мирные переговоры с Россией. Боевые действия приостановились. Они не ведутся весь 1772 год и начало 1773 года. Все это время в Фокшанах и Бухаресте ведутся дипломатические переговоры с турецким уполномоченным, согласовывается текст мирного соглашения.

Но этот мир не устраивает Францию. Она всячески старается заставить турок продолжать войну. Камнем преткновения в мирных переговорах становится крымский вопрос: Турция, подстрекаемая Францией, не соглашается признать независимость Крымского ханства. В апреле 1773 года боевые действия между русскими и турецкими войсками возобновляются.

И именно в это время на Яике появляется Пугачев. Он появляется — такое совпадение! — в нужное время: русские войска испытывают временные проблемы, отходят на левый берег Дуная, где и останавливаются на зимовку 1773-1774 года. И появляется Пугачев в нужном месте — близ уральских военных заводов.

Не в недрах ли тайной политики Англии и Франции рожден замысел о соз-

⁸⁶«Магнаты и шляхта, составлявшие единственную причину всех злоключений Польского государства, были поражены этою вестью. Не наученные опытом, вздумали они продолжать борьбу с Екатериной II, которую считали единственной виновницей ослабления их отечества. Со множеством подручной шляхты некоторые из магнатов отправились в Западную Европу возбуждать против России тамошние правительства. Но в одной только Франции они имели некоторый успех: польская эмиграция свила в Париже теплое для себя гнездо, существующее, как известно, и в настоящую пору. Потомок русского великого князя Рюрика Михаил Казимир Огинский, напольный гетман литовский, посланный Станиславом Понятовским в качестве посланника к Людовику XV с протестом против намерения трех соседних держав отнять у Польши значительные области, жил в Париже, напрасно вымаливал у Шуазеля деятельной помощи против Екатерины и просил о поддержке султана. Как официальному лицу, королевскому посланнику, Огинскому не приходилось быть в близких и прямых сношениях с противниками своего государя — конфедератами, но в тайных сношениях с ними он находился ради одной цели — вреда России. Богатейшим из эмигрантов был князь Радзивил, живший преимущественно в прирейнском крае и приезжавший иногда в Париж. С ним посол Станислава Понятовского находился в тайных сношениях.

Между тем на востоке России в 1771 году возник так называемый «Яикский бунт». Яикские (ныне уральские) казаки, недовольные нововведениями в их внутреннем управлении, восстали открыто, но были усмирены вооруженною силой. Возмущение было подавлено, но недовольство казаков еще более усилилось. Они представляли самую удобную почву для внутренних замешательств, которые могли грозить серьезною опасностью государству. Замешательства не замедлили обнаружиться: летом 1773 года явился Пугачев. Пугачевский бунт — явление доселе еще не разъясненное вполне и со всех сторон. Дело о пугачевском бунте, которого не показали Пушкину, до сих пор запечатано, и никто еще из исследователей русской истории вполне им не пользовался.

Пугачевский бунт был не просто мужицкий бунт, и руководителями его были не донской казак Зимовейской станицы с его пьяными и кровожадными сообщниками. Мы не знаем, насколько в этом деле принимали участие поляки, но не можем и отрицать, что они были совершенно не причастны этому делу. В шайках Пугачева было несколько людей, подвизавшихся до того в Барской конфедерации. Враждебники России и Екатерины, кто бы они ни были, устроив дела самозванца на востоке России, не замедлили поставить и самозванку, которая, по замыслам их, должна была одновременно с Пугачевым явиться среди русских войск, действовавших против турок, и возмутить их против императрицы Екатерины. Это дело — бесспорно польское дело. Князю Радзивилу, или, вернее сказать, его приближенным, ибо у самого «пане коханку» едва ли бы достало на то смысла, пришла затаенная мысль: выпустить из Западной Европы на Екатерину еще самозванного претендента на русский престол». (П.И. Мельников-Печерский. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская).

дании смуты в России? И конфедераты были в курсе этих замыслов. По крайней мере, уж слишком своевременно для их интересов Россия оказалась охвачена внутренним мятежом.

* * *

Как-то мало у нас задумываются и над тем, что именно Оренбуржье и Южный Урал были избраны Пугачевым для начала своего бунта. А ведь именно в этом регионе были расположены заводы, изготавливающие пушки для русской армии. Пугачев, захватывая промышленные заводы, их не разрушал. Наоборот, он их активно использовал для вооружения своей армии. Горные заводы Урала имели в своем распоряжении массу ресурсов, большие хлебо-фуражные, сырьевые и денежные запасы. Здесь же находились запасы пороха, свинца, орудийных ядер, множества отлитых пушек. Здесь напомним, **к концу февраля 1774 года войска Пугачева овладели 92 металлургическими заводами. Это составляло 75 % горнозаводской промышленности Урала!**⁸⁷ **В разгар русско-турецкой войны России был нанесен самый настоящий удар в спину, она, по сути, лишалась «оборонки», сосредоточенной главным образом на Урале.**

Лишь в июне 1774 года, после того, как началось преследование Пугачева И.И. Михельсоном, и он бежит с Урала на Волгу, а затем на Дон, тактика его меняется. Он не только не запрещал, но всячески поощрял разрушение заводов и крепостей, которыми правительство могло воспользоваться для борьбы с ним.

«Покидая Белорецкий завод, Пугачев приказал сжечь Авзяно-Петровские, а потом и Белорецкие заводы. Жгли не только «заводские», но и «крестьянские строения». «Семейства крестьянские, престарелых, малолетних и женск пол» с Белорецкого завода самозванный царь повелел «гнать за своей толпой». Впоследствии были выжжены и многие другие заводы. Особенное усердие в этом деле проявляли башкиры, в частности Салават Юлаев со своим отцом. Конечно, заводы уничтожались и раньше, но никогда прежде это не происходило по приказанию самого «амператора», ибо во время осады Оренбурга заводы служили для нужд его армии. Теперь же, отступая, самозванец в них не нуждался — напротив, они представляли для него опасность, ибо могли стать опорными пунктами для правительственных войск, а оставшиеся на них приписные крестьяне — проводниками для преследователей, плохо ориентировавшихся в малознакомой местности»⁸⁸.

То лето принесло победу русской армии. Война с Османской империей завер-

⁸⁷Здесь отметим, заводские рабочие встречали «слуг царевых» не только хлебом-солью, но и свинцом-порохом.

«Уткинский завод защищался сержантом Курловым с шестью солдатами и набранными с заводов мастеровыми против пугачевского полковника Белобородова в течение 3 дней и лишь на четвертый был взят, причем потери с обеих сторон простирались до тысячи человек».

Сысертский завод уцелел только благодаря рабочим, они, «вооруженные своим хозяином, успешно отставали завод против осаждавшей толпы».

Ждали военной помощи крестьяне Белорецкого завода. Из прошения к коменданту Верхнеяицкой крепости: «Хлеб башкиры сожгли, так же дома наши жгут и приводят нас в крайнее разорение и убожество. Того ради вспоможения слезно просим, хотя не большую команду нам прислать».

Долго не сдавался Белорецкий завод. «В декабре и январе заводчане стойко и умело отбивали пушечным и ружейным огнем нападения башкирских отрядов». Потеряв 62 человека убитыми (том числе 14 женщин), не дождавшись подмоги, они прекратят сопротивление.

В апреле на покоренный завод вступил разбитый накануне Пугачев. Почти месяц он будет отдыхать. Уходя, народный заступник «велел башкирцам семействам крестьянские...гнать за своей толпой». Опустевший завод был разграблен и сожжен. Возможно, это была месть. Именно так считал сам владелец завода, который писал по поводу его уничтожения: «потому резону, что крестьяне заводские сперва имели оборону, а потом по призыву его, Пугачева, не пошли к нему». — Прим. автора.

⁸⁸Евгений Трефилов. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 242.

шилась подписанием 10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Русская армия столь стремительно наступала, что взятие Константинополя было вопросом нескольких недель. Султану Абдул-Хамиду I ничего не оставалось делать, как подписать невыгодный мир с Россией.

В августе И.И. Михельсон успешно завершил преследование Пугачева. Пугачев схвачен своими соратниками и сдан властям. Смута была жестоко пресечена.

Об ущербе, нанесенном Пугачевым российской экономике, говорят следующие данные: «...сумма понесенных заводовладельцами убытков достигла огромных размеров — 1 165 781 руб. Ущерб мастеровым, работным людям и приписным крестьянам (сожжены их дома, разграблено имущество) был внушителен — 1 089 759 руб... На восстановление разрушенного (заводов, рудников, помещичьих имений и т. д.) потребовался не один год и не один десяток тысяч рублей. А сколько времени ушло на достижение прежних объемов производства, на его наращивание? Об этом можно только гадать, таких подсчетов никто не делал»⁸⁹.

Никто не подсчитывал и налоговые недоборы. Историк Михаил Жижка приводит такой факт: «Сенатский курьер Полубояринов, прибывший 17 января 1774 года в Саратов с депешами из Петербурга, свидетельствовал, что от самой Пензы и до Саратова «все крестьяне как государевы, так и помещичьи», отказывались платить подати, имели «уверение» от Пугачева, что все они «будут вольны и независимы ни от кого»⁹⁰.

* * *

«Немало источников сохранилось об участии на стороне пугачевцев польских конфедератов, на что первым обратил внимание А.С. Пушкин, — пишет А.С. Мыльников. — <...> Раздираемая внутренними противоречиями, Барская конфедерация потерпела в августе 1772 года окончательное поражение. Большая часть ее консервативных лидеров бежала в Германию и Францию. Рядовых же конфедератов, среди которых были и представители патриотически настроенных шляхетских кругов, и выходцы из украинских и белорусских земель, с 1769 годов, направляли в глубинные районы России... Их либо размещали на поселение (часть поляков-католиков приняла православие и решила навечно остаться в России), либо ввиду нехватки военных кадров определяли в русскую армию солдатами и офицерами... Позднее... конфедерат К. Хотецкий писал, что всего в России насчитывалось 9800 поляков. По большей части они были сосредоточены в Казани (около 7 тысяч человек и Оренбурге (около 1 тысячи человек). Некоторые контингенты конфедератов содержались также в Тобольске, Таре, Тюмени, Иркутске и других сибирских городах. Получилось так, что основные места их расположения вскоре попали в силовое поле Крестьянской войны 1773–1775 годов»⁹¹.

Некоторая часть конфедератов открыто переходила на сторону повстанцев. Первые перебежчики появились в период осады Оренбурга. «Они обслуживали артиллерию, участвовали в конных рейдах, выполняли другие боевые задания», — пишет А. Мыльников⁹². Он же отмечает: «Е.И. Пугачев, однако, понимал, что у примкнувших к нему поляков имелись свои интересы и виды на будущее. И в

⁸⁹См.: «История России с древнейших времен до начала XXI в.»; под редакцией академика А. Н. Сахарова. М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007. 20... С. 567, 569.

⁹⁰М. В. Жижка. Емельян Пугачев. — 2-ое издание. — М.: Учпедгиз, 1950. С. 110.

⁹¹А. Мыльников. Петр III. М., Молодая гвардия, 2009, с.274-275.

⁹²Там же. С.277.

общении с ними он затрагивал эту тему. Так, Заболоцкий вспоминал, что в беседах с ним «Петр III» Пугачев говорил, что в случае прихода к власти установит с Польшей дружеские отношения и заключит союзный договор⁹³.

О замыслах конфедератов можно судить по их действиям. Сосланный на Камчатку активный участник Барской конфедерации М.А. Бенеvский, в ночь с 26 по 27 апреля 1771 года, с группой единомышленников, перебив охрану, устроил побег из Большерецкого острога. Беглецы решили морем добраться до Франции. Перед отплытием они принесли присягу великому князю Павлу Петровичу. Одновременно в Сенат было послано «Объявление», в котором императрица Екатерина II подвергалась резкой критике. Бенеvский обвинял её в незаконном захвате власти, убийстве мужа и устранении от престола сына. Ей же вменялось в вину, что она отдала соляные и рыбные промыслы на откуп своим подельникам. Удивительно, текст «Объявления» едва ли не повторяет по содержанию манифест Пугачева, зачитанный на Яике 17 сентября 1773 года⁹⁴.

* * *

Скажем и об одном из главных руководителей «Барской конфедерации» великом гетмане литовском Кароле Радзивиле⁹⁵, с именем которого связано появление на политической арене княжны Елизаветы II (Таракановой).

Первое появление её на политической сцене относится к весне 1772 г., когда она объявляется в Париже, именуя себя то княжной Волдомир, то персианкой Али-Эмете. Католический писатель-историк де Кастера, в своей книге «Жизнь Екатерины II», сообщает, в 1767 году, польский вельможа Кароль Радзивилл, ярый противник России, взял на воспитание девочку, которую молва называла дочерью Елизаветы Петровны и которую Радзивилл выпустил позже на подмостки истории в роли самозванки⁹⁶.

⁹³Там же. С. 278.

⁹⁴«Я — Ваш законный император. Жена моя увлеклась в сторону дворян, и я поклялся... истребить их всех до единого. Они склонили её, чтобы всех вас отдать им в рабство, но я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убийц, но Бог спас меня. [После победы обещание пожаловать казаков, татар, калмыков] рякою с вершины и до устья и землею и травами и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом, и вечною вольностью. Я, великий государь император, жалею вас.

Петр Федорович 1773 году сентября 17-го».

(Из манифеста Емельяна Пугачева).

⁹⁵Кароль Станислав Радзивилл по прозвищу «Пане Коханку» (27 февраля 1734, Несвиж — 21 ноября 1790, Белая) — литовский князь из рода Радзивиллов, воевода виленский с 1762 г. Один из самых богатых и влиятельных дворян Великого княжества литовского. Владел семью городами и множеством деревень. Его доход был равен ежегодным поступлениям в казну Великого княжества литовского. Названный по его любимому при словью, «Пане Коханку» — любимец шляхты. Содержал 10 тысяч регулярного войска, выступал против партии Чарторыйских, от которой спасался в Турции, примкнул было к Барской конфедерации и по сдаче Несвижа русским войскам эмигрировал за границу, но потом вернулся и был прощен Екатериной II. Владел приличным состоянием, предпочитал жить на широкую ногу. Однажды в жаркую летнюю ночь он обещал, что утром наступит зима. Магнат приказал посыпать дорогу до замка дорогостоящей по тем временам солью и наладил по ней катание на санях. — Прим. автора.

⁹⁶«По известию, сообщаемому Кастерой, [«Histoire de Catherine II», том II, стр. 80.] князь Карл Радзивилл, палатин виленский, еще в 1767 году взял на свое попечение дочь Елизаветы Петровны, то есть отыскал где-то девочку, способную разыграть роль самозванки. В самом начале Барской конфедерации Радзивилл уехал за границу. Трудно определить, кто именно была эта девочка. Одни считали её дочерью султана, другие приписывали ей знатное польское происхождение, третьи полагали, что родители её неизвестны, но что она должна была в Петербурге выйти замуж за внука принца Георга Голицинского. Впоследствии, когда она была уже привезена в Петропавловскую крепость и фельдмаршалом князем Голицыным производилось о ней следствие, английский посланник сказывал в Москве Екатерине, что она родом из Праги, дочь тамошнего трактирщика, а консул английский в Ливорно, сэр Дик, помогший графу Орлову-Чесменскому взять самозванку, уверял, что она дочь нюрнбергского булочника. Трудно теперь решить, которое из этих указаний более справедливо, и согласно

В конце 1773 года «княжна» вновь встретила с великим гетманом литовским Каролом Радзивиллом. О чем они беседовали на сей раз — неизвестно, зато в переписке, которая началась между ними после свидания, говорилось о многом. Например, планировалось поднять в поддержку Пугачеву восстание в Польше и в белорусских землях, а также посетить Стамбул и попросить у турецкого султана помощи против России. В этом Радзивилла и «княжну» поддержал французский король.

Со своей стороны самозванка обещала Радзивилу вернуть Польше отторгнутые от нее области, свергнуть Понятовского с престола и восстановить Польшу в том виде, в каком она находилась при королях саксонской династии. В одном из своих писем князь Радзивил говорит самозванке: «Я смотрю на предприятие вашего высочества, как на чудо providения, которое бдит над нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь вас, такую великую героиню»⁹⁷.

В 1774 году «княжна Елизавета II» стала распускать слухи, что Пугачев её родной брат и действует с ней заодно. Иногда она называла его «князем Разумовским», лишь принявшим имя Пугачева⁹⁸. Но чем ближе казался ей российский престол, тем всё настойчивее отдаляла она себя от «родства» с Пугачевым.

Трудно со всей определенностью утверждать о наличии непосредственных связей «княжны Елизаветы II» и её сторонников с планами беглых вождей конфедератов, замечает А.С. Мыльников, но то, что деятельность тех и других не просто совпадала во времени, но и перекликалась — несомненно.

ли которое-нибудь с истиной, но, принимая в соображение замечательное образование загадочной женщины, ее ловкость в политической интриге, ее короткое знакомство с дипломатическими тайнами кабинетов, ее умение держать себя не только в среде лиц высокопоставленных, но даже в кругу владетельных немецких государей, трудно поверить, чтоб она воспитывалась в трактире или булочной. Нельзя не согласиться с составителем «Записки», напечатанной в «Чтениях»: «едва ли удастся когда-либо открыть, кто и откуда была самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны». Но кто бы ни была эта загадочная женщина, она была созданием польской партии, враждебной королю Понятовскому, а тем более еще императрице Екатерине. Поляки — большие мастера готовить самозванцев; при этом они умеют так искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не в состоянии сказать решительное слово об их происхождении. Более двух с половиной веков тому назад впустили они в Россию Лжедмитрия и даже не одного, но до сих пор никто из историков не может с положительною уверенностью сказать: кто такой был самозванец, известный у нас под именем Гришки Отрепьева, и кто был преемник его, вор Тушинский. То же самое и в деле самозванки-дочери Елизаветы Петровны. Но как несомненно участие отцов иезуитов в подготовке Лжедмитрия, так вероятно и участие их в подготовке самозванки, подставленной князем Радзивилом. Самому Карлу Радзивилу, без помощи столь искусных пособников, едва ли бы удалось выдумать «принцессу Владимирскую». Этот человек, обладавший несметными богатствами, отличавшийся своими эксцентричными выходками, гордый, тщеславный, идол кормившейся вокруг него шляхты, был очень недалек. Его ума не хватало бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди, более на то искусные. Он только сыпал деньгами, пока они у него были, и разыгрывал в Венеции и Рагузе перед публикой комедии, обращаясь с подставною принцессой, как с действительною дочерью императрицы всероссийской. Кто бы ни была девушка, вытущенная Радзивилом на политическую сцену, но, рассматривая все ее действия, читая переписку ее и показания, данные фельдмаршалу князю Голицыну в Петропавловской крепости, невольно приходишь к заключению, что не сама она вздумала сделаться самозванкой, но была вовлечена в обман и сама отчасти верила в загадочное свое происхождение. Поляки так искусно сумели опутать молоденькую девочку сетью лжи и обмана, что впоследствии она сама не могла отдать себе отчета в том, кто она такая. На краю могилы, желая примириться с совестью, призвав духовника, она сказала ему, что о месте своего рождения и о родителях она ничего не знает «Я помню только, — говорила она в последнем своем предсмертном показании князю Голицыну, — что старая нянька моя, Катерина, уверяла меня, что о происхождении моем знают учитель арифметики Шмидт и маршал лорд Кейт, брат которого прежде находился в русской службе и воевал против турок. Этого Кейта я видела только однажды, мельком, проездом через Швейцарию, куда меня в детстве возили на короткое время из Кия. От него я получила тогда и паспорт на обратный путь»... Кроме того, она объяснила, что еще в детстве жила в Киле, что из тамошних жителей помнит ... учившего ее арифметике Шмидта. «Меня постоянно держали в неизвестности о том, кто были мои родители, — говорила она перед смертью князю Голицыну, — да и сама я мало заботилась о том, чтоб узнать, чья я дочь, потому что не ожидала от того никакой себе пользы». (П.И. Мельников-Печерский. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская).

⁹⁷См.: П. И. Мельников-Печерский. Упомянутое соч.

⁹⁸Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. с. 138.

Мог ли знать о подобных тайнах Емельян Иванович Пугачев? И не этого ли боялась Екатерина II, отправляя на вечное заточение в Кексгольмскую крепость близких Пугачеву людей? Не страх ли, что жены Пугачева, чрез мужа, могли узнать государственные тайны и стать их хранителями (а с ними, позже, и дети Пугачева), руководил действиями императрицы. Не потому ли так сурово обошлась с ними.

Александр I, вступив на престол, из 700 заключенных оставил в прежнем положении 115 человек, в том числе семью Пугачева. 2 июня 1803 года, путешествуя по северо-западу, российский император прибыл в Кексгольм. «Обозрев оную крепость, повелел содержащихся в крепости жен известного Емельяна Пугачева с тремя детьми из-под караула освободить, предоставить им жительство иметь в городе свободное с тем, однако, чтоб из одного никуда не отлучались, имея при том за поступками их неослабное смотрение»⁹⁹.

* * *

«Одной из «столичных» версий, которая в пушкинские времена бытовала полноправно, можно назвать связь Пугачева с масонами, уже имевшими в то время значительное влияние (в масонах, к примеру, состояли братья Панины и будущий император Павел I), — пишет уральский краевед Вячеслав Лютов¹⁰⁰. — Как только появились первые известия о бунте, по Петербургу поползли устойчивые слухи о том, что весь мятеж произрос из петербургских масонских лож — благо, влиятельным вельможам устроить подобный «эксцесс» не составило бы особого труда. Сразу же для примера припомнили и давно почивших стрельцов, чьими силами оппозиция Романовых пыталась совершить переворот.

«Дерзкого» Пугачева, конечно, в «вольные каменщики» принимать не стали¹⁰¹, но идея оживить Петра III и посредством бунта изменить политическое положение в стране вполне могла вызреть в этих недрах. Одним из аргументов этой версии современные исследователи выдвигают «относительно высокий уровень организации восстания, который не могли бы обеспечить ни сам Пугачев, ни его ближайшие помощники».

И как здесь не вспомнить, в Яицкий городок Пугачев направился в пору, когда был подавлен первый бунт яицких казаков и начала работу (в августе 1772 года) следственная комиссия во главе с подполковником Нероновым, которая немедленно приступила к поискам участников восстания и арестам.

Согласно окончательному приговору, вынесенному следственной комиссией, 16 человек «первых и главнейших зачинщиков» следовало, «наказав кнутом, вырвав ноздри и поставя знаки, сослать в Сибирь на Нерчинские заводы в работу

⁹⁹ЦГИАЛ, ф. 1286, а54, д. 9, л. 14 об.

¹⁰⁰См.: Вячеслав Лютов. «Заказанный Пушкин». Журнал «Веси», 2010 г.

¹⁰¹Истины ради, надо сказать, писатель В.Н. Емельянов в 80-е годы прошлого столетия, в одной из своих работ, писал о Е. Пугачеве и бунте, им возглавляемом, следующее: «Предварительно в 1775 году и французская, и американская революции были отрепетированы на русской крови казаком Емельяном Пугачевым, получившим посвящение в Великом Востоке Франции в период семилетней войны против Фридриха II и закреплённом его сношениями с польскими масонами, имевшими также непосредственный выход на золотую пирамиду. Масоны Западной и Центральной Европы знали поэтому о Пугачеве гораздо больше и подробнее, чем сами русские люди. Задуманное западными масонами поголовное уничтожение думающей национальной элиты русского общества руками Пугачева, конец которому на заключительном этапе положили И.И. Михельсон и А.В. Суворов, было повторено во Франции, где «гуманист» из Великого Востока врач Гильотин снабдил озверевшую масонскую свору убийц своим «великим» изобретением». Другое дело как к этой информации относиться. Автор, как видим, не указывает источник полученной им информации». — Прим. автора.

вечную». Еще 38 человек подлежали битью кнутом, но без вырывания ноздрей и клеймения, а потом отправке с женами и «малолетними детьми» на поселения в разных местах. Шестерых сознавшихся в своих преступлениях предписывалось, выпоров плетью, отправить на фронт... Беглым обещалось прощение в случае, если они вернуться в течение трех месяцев. Но казаки должны были вторично принять присягу, их обязывали заплатить огромный штраф.

«Подобное положение вещей, — замечает Е. Трефилов (автор книги о Пугачеве), — когда, с одной стороны, «непослушные» казаки должны выплачивать непосильный штраф, а с другой — большая их часть остается на воле, притом вооруженная и плохо контролируемая, означало, что новый конфликт казачества с правительством становится неизбежным».

Нельзя не согласиться с автором книги; конечно, едва ли Пугачев мыслил такими категориями, но ведь так могли мыслить другие. И в том же, кстати, Петербурге. И пусть неведомо, кто заронил в сознание Пугачева мысль о самозванстве. Но он сжился с нею. Она привела его на Яик. Вспомним, об истинной цели своего путешествия Пугачев сообщил сопровождавшему его Сытникову:

— Што, Семен Филиппович, я тебе поведаю! Вить я в Яик-то еду не за рыбою, а за делом. Я намерен яицких казаков увести на Кубань. Видишь ты сам, какое ныне гонение. И хочю я об этом с ними поговорить: согласятся ли они идти со мною на Кубань.

— Как им не согласиться? — отвечал ему спутник. — У них ныне великое идет разорение, и все с Яика бегут. Так, как им об этом скажешь, то они с радостию побегут с тобою, да и мы не останемся, а пойдем все за вами.

Тогда Пугачев рассказал Семену, что «у него на границе оставлено до двух тысяч рублей товару, ис которых он то бежавшее Яицкое войско и коштовать будет».

— И как они за границу пройдут, то встретит их турецкий паша, и ежели понадобитца войску денег на проход, то он, паша, даст еще до пяти миллионов рублей.

— Да што же? За што ж ты этакое жалованье давать станешь? Бога ради, что ли? — изумился Сытников.

Пугачев объяснил, что намеревается стать войсковым атаманом. Сытников эту идею одобрил и заверил, что казаки его «атаманом сделают» и пойдут с ним «с радостию». Емельян, в свою очередь, пообещал, что не забудет Семена Филипповича — став атаманом, сделает его старшиной¹⁰².

Разговоры об уходе на Кубань и о помощи турок яицким казакам Пугачев вел и на Таловом умете (постоянном дворе), верстах в шестидесяти от Яицкого городка, куда они с Сытниковым заехали переночевать. О том же говорили они и с участником недавнего бунта Денисом Пьяновым, в доме которого в Яицком городке Пугачев остановился с Сытниковым...

* * *

«К слову, о помощниках <Пугачева>. Пушкин по-своему избирателен — тех, кто не укладывался в концепцию «серых кардиналов» за Пугачевым, а больше олицетворял именно «пугачевскую сволочь», Пушкин рисует крупными штрихами, подробно, ярко, даже нарочито ярко — того же самого Хлопушу или Зарубина-Чикю. И совершенно обходит стороной тех, кто мог бы пролить свет на эту «контрразведывательную тайну».

¹⁰²См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 108, 146, 147, 228, 229; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 450 об. — 451 об.

Так, совершенно обходит стороной Ивана Белобородова, совершившего боевой рейд по южноуральским горным заводам, хотя и безошибочно называет Саткинский завод «центром пугачевщины» на горнозаводском Урале, своего рода военной ставкой, в которой профессионально были учтены все мелочи. Именно Белобородову, выходцу из Кунгурского уезда, не то из казаков, не то из старообрядцев, невесть как попавшему в свое время в Петербург на пороховую фабрику и изучившему взрывное производство, знавшему фортификацию и тактику разведки, должна по праву принадлежать история пугачевского бунта. Именно Белобородов, водивший за собой и совершенно измотавший отряд храброго Михельсона, повергавший в страх одним своим именем нерешительного Деколонга, заставивший встать под ружье весь Екатеринбург во главе с секунд-майором Гагриным, являлся наиболее опасным пугачевским атаманом.

Кто «натаскивал» Белобородова в воинской науке — неизвестно. Пушкин ограничивается лишь словами, что пугачевский полковник «пойман был в окрестностях Казани, высечен кнутом, потом отвезен в Москву и казнен смертью». Казнен весьма скоро — не дождавшись следствия...

Еще об одном человеке поэт предпочел не распространяться — о писаре Пугачева Иване Трофимове-Дубровском, подписывавшем «царские указы». Вот только одними воззваниями его деятельность не ограничивалась. Скромная запись в следственном деле, что Дубровский вел «всякое производство письменных дел», на самом деле значит очень многое. По меньшей мере, наш герой вел всю переписку Пугачева.

Адресаты могли быть самыми разнообразными. Существует весьма смелая версия о том, что Дубровский мог переписываться с теми же братьями Паниными, которым крестьянская война была «на руку». Известно, что некогда хорунжий Петр Панин, когда разгром восстания уже казался неизбежным, буквально упросил Екатерину издать указ, по которому он назначался главнокомандующим войск, сражавшихся против Пугачева. Именно Панин пресечет жизненный путь Дубровского — писаря поймали под Царицыном, перевезли в Саратов, допросили под пыткой и очень быстро казнили. Вообще, сама скорость показательна. Панин не стал дожидаться никаких «следственных мероприятий» и ликвидировал свидетеля — казнили и забыли...

В отношении Дубровского князь Потемкин позднее напишет Екатерине: «А допрос Дубровского, написанный его собственной рукой, и точно тою, какой были писаны все манифесты, доказывает ясно, что он был всех умнее». И добавлял уже с нескрываемой горечью и раздражением: «Извольте всемиловитейшая государыня усмотреть, сколько можно было из него изведать. Но, к сожалению, он умер в Саратове, и тайны нужные вместе с ним погребены...»

Стоит думать, что под этими словами мог бы подписаться и Пушкин, выстраивавший в голове несколько версий «волшебного превращения» неграмотного и дикого Пугачева в Петра III, продумавшего систему управления широкими массами¹⁰³, полномасштабную «идеологическую» обработку населения и вполне сла-

¹⁰³Число вовлеченных в пугачевщину достигало более 20 тысяч человек. Управление ими становилось задачей весьма трудной. Чтобы облегчить эту задачу, в ноябре 1773 года в армии Пугачева была учреждена «военная коллегия» — своеобразное повстанческое правительство. Надо отметить, ни во времена Разина, ни во времена Булавина мятежники ничего подобного не создавали. (В конце марта 1774 года Пугачев приказал сжечь архив «Военной коллегии»). «Пугачевское войско, — пишет Е. Трефилов, — состояло из главной армии и множества отрядов, действовавших в разной степени отдаленности от ставки самозванца. Само войско делилось на полки, как правило, формировавшиеся по национальному, социальному или территориальному принципу, например полки яицких или илецких казаков, заводских крестьян, пленных солдат, башкир, татар, калмыков.

женную систему «государственных институтов», пусть и в пределах своей Пугачевии»¹⁰⁴.

* * *

Говорят, по смерти человека можно судить о его жизни. Так ли, не так ли, не знаю.

В сентябре 1774-го Пугачева обложили крепко: «к преследовавшим мятежника Михельсону, Меллину и Муфелю присоединился Суворов (тогда генерал-поручик. — Л.А.); они переправились за Пугачевым через Волгу и там осетили его со всех сторон, отрезав всякую возможность вырваться»¹⁰⁵.

Ставка самозванца была на реке Узени близ урочища Александров гай. Пугачев намеревался, переправившись через Узень, повернуть к Каспийскому морю и овладеть Астраханью, умножившись там живой силой. А в дальнейшем соединиться с яицкими, донскими, терскими и гребенскими казаками, в чем Пугачев, по его собственным словам, не сомневался.

Совет «генералов» согласился на это предложение Пугачева 13 сентября. В поход решено было выступить 15-го. «Но образумившиеся Чумаков, Творогов и Федулов, — писал П.С. Рунич, — видя, что они с Пугачевым погибнут, дабы спасти себя, сделали в ночь заговор: на 14-е число Пугачева схватить и предать в руки правосудия»¹⁰⁶.

Согласно повествованию П.С. Рунича, заговорщики назначили на тот день в караул своих единомышленников, а конвойному начальнику приказали подготовить для Пугачева другую лошадь — как оказалось, самую худшую...

Похоже, не случайно в ставке появились трое монахов, которые «пришли императору поклониться и поднести ему два арбуза, узнав, что... изволит его величество выступить в поход».

Монахов впустили, арбузы у них приняли, и Пугачев, «вынув нож свой, который всегда имел при своем поясе, подал оный Чумакову, сказав ему:

— Разрежь этого великана, мы его отведаем и поедем к лагерю».

Чумаков, приняв нож, мигнул Творогову и Федулову и вдруг закричал: «Мы обманывались! Ты не государь, а изменник и бунтовщик!»

Пугачев, словно ожидавший подобного, стрелой выскочил из шатра, крича:

— Лошадь мне! Измена, измена!

Казак подвел ему лошадь, и самозванец, не заметив подмены, вскочил на нее и поскакал к лагерю. «Генералы»-заговорщики быстро догнали «государя» (с ними уже было человек сорок казаков) и, изрубив в куски брата «императрицы Устиньи», который бросился было с саблей отбивать родственника, окружили Пугачева.

Увидев безнадежность своего положения, он протянул Творогову руки:

— Вяжи!

Самозванца повезли в Яицкий городок, у ворот которого их нагнал генерал-поручик Александр Васильевич Суворов и «взял Пугачева под свое ведение и распо-

Командовал полком полковник или атаман, происходивший из той же среды». Есть сведения, что в главной армии проводились учения. Бунтовщиков обучали военному делу. — Прим. автора.

¹⁰⁴См.: Вячеслав Лютов. «Заказанный Пушкин». Журнал «Веси», 2010 г.

¹⁰⁵«Исторический вестник», СПб., 1884, т. XVI, стр. 623.

¹⁰⁶См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Русская старина, Том 2. 1870

ряжение», приписав поимку самозванца себе. Потом в деревянной клетке привез его в Симбирск и сдал главнокомандующему правительственными войсками (после А.И. Бибикова) графу Петру Ивановичу Панину, после чего уже генерал-аншеф Панин приписал себе заслугу поимки Пугачева. Кстати, на ведущую роль в том, что с Пугачевым случилось, претендовали еще генерал-майор Потемкин и, отчасти, гвардии поручик Гавриил Романович Державин, деятельно проявивший себя в подавлении Пугачевского бунта...

«По прибытии в Москву, Пугачев содержался на монетном дворе и занимал особую комнату, имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах, и укрепленную в стене, поперек тела. Стража состояла из 10-ти человек Преображенцев и роты 2-го Гренадерского полка, под командою капитана Карташева. Главным же начальником конвоя был Гвардии Преображенского полка капитан Галахов, сопровождавший его от Симбирска до Москвы и находившийся при нем по день казни, т. е. по 10-е Января 1775-го года.

В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохранял равнодушие. Одет был со времени плена в нагольной тулуп...»¹⁰⁷

...29 декабря 1774 года в Кремлевском дворце начался суд. В состав суда вошли члены Сената и Синода, президенты коллегий, десять генералов, два тайных советника. Ведение дела было поручено генерал-прокурору А.А. Вяземскому. Через несколько дней состоялся приговор, утвержденный Екатериной II. Пугачев был приговорен к прижизненному четвертованию и казни на плахе.

Помимо расправы со всеми непосредственными соратниками Пугачева приговор устанавливал казнь через повешение одного человека на каждые три сотни крестьян в охваченных восстанием районах. Всех остальных указано было «пересечь жестоко плетью и у пахарей, негодных в военную службу, на всегдашнюю память злодейского их преступления, урезать у одного уха».

«Везли Пугачева на казнь в цепях, на зимнем ходу четверкою с ефрейтором. На санях был амвон, на котором возвышенно и сидел Пугачев вместе с духовником своим, увещающим его к раскаянию. Народу было большое стечение. Пугачев часто обращался к окружающим и говорил, что он самый тот Пугачев, который назывался Петром III-м...»¹⁰⁸.

Читаем у Пушкина:

«С утра бесчисленное множество народа столпилось на Болоте, где воздвигнут был высокий намест. На нем сидели палачи и пили вино в ожидании жертв. Около намоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пехотные полки. Офицеры были в шубах по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг все заколебалось и зашумело; закричали: везут, везут! Вслед за отрядом кирасир ехали сани с высоким амвоном. На нем с открытою головою сидел Пугачев, насупротив его духовник. Тут же находился чиновник Тайной экспедиции. Пугачев, пока его везли, кланялся на обе стороны. За санями следовала еще конница и шла толпа прочих осужденных. Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище:

«Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его

¹⁰⁷Из воспоминаний Н.З. Повало-Швейковского.

¹⁰⁸Там же.

Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: на караул, и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: «Ты ли донской казак, Емелька Пугачев?» Он столь же громко отвечивал: «Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев». Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота.

Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся во все стороны, говоря прерывающимся голосом: «*прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!*» При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ею в воздухе...»

Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников. У трупа отрезали руки и ноги, палачи разнесли их по четырем углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули на высокий кол. Перфильев, перекрестясь, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачева. Между тем Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в последних содроганиях...

В сие время зазвенел колокольчик; Чику повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговые казни; народ разошелся: осталась малая кучка любопытных около столба, к которому, один после другого, привязывались преступники, присужденные к кнуту. Отрубленные члены четвертованных мятежников были разнесены по московским заставам и несколько дней после сожжены вместе с телами. Палачи развеяли пепел. Помилованные мятежники были на другой день казней приведены пред Грановитую палату. Им объявили прощение и при всем народе сняли с них оковы.

Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов»¹⁰⁹.

Здесь мы и поставим точку.

P.S. Не могу не сказать в заключение следующее: предложенная работа — не научный труд. Моей задачей было познакомить с опубликованными и малоизвестными материалами, чтобы пробудить у читателя интерес к загадочному делу и, в конечном итоге, к русской истории.

Печатается в сокращенном журнальном варианте.

¹⁰⁹ А.С. Пушкин. История Пугачева. М., КРАСАНД, 2014. С. 70-72

Имя и Судьба Сибири

О важности выбора имен, глубинном историческом, порой мистическом значении Имени, даваемого человеку, стране, городу... и далее, вплоть до завода, фирмы, напомним череда переименований нашей «Северной столицы». Недавний дележ имени Македония повлиял даже на график принятия новобранцев в НАТО, ЕС.

Греция: Македония — имя нашей провинции, бренд со времен царя Александра... Македония (уже бывшая), вздыхая: Ладно, будем хотя бы «Северная Македония».

В 2008 году конкурс «Имя России», неожиданно и для организаторов, всколыхнул страну, вылился в большой политический спор. Дойдя до времен ветхозаветных, вспомним о первой миссии первого человека: «Бог... привел животных и птиц небесных... к человеку, чтобы видеть, как он назовет их» (*Кн. Бытие, Гл.2, ст.19*).

Следя по карте страны, сводкам актуальных политических новостей, найдем еще немало споров вокруг пунктов, персон-эпонимов, начиная с Царицына-Сталинграда-Волгограда.

Сибирь... Не раз мне довелось побывать в Тюмени, Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Иркутске, Якутске, встречаться с читателями, выступать и слушать, порой получать премии. В Тобольске в 2014 довелось видеть, как сибиряки слушали Александра Проханова, связавшего в одну 400-летней нитью миссию Ермака и комсомольцев Запсиба.

Если подобно всенародному голосованию «Имя России» провести опрос: «Самая известная ассоциация с Западной Сибирью?», ответ наверно будет краток: «Нефть». Героям бывшей Всесоюзной ударной комсомольской стройки, Западно-сибирскому ТЭКу Геннадию Шмалю, Юрию Шафранику в одной из книг я посвятил главу «*Строили коммунизм — а построили Россию*». Их подвиги напоминают и о первопроходцах времен Ермака, Хабарова, Дежнева. Тоже ведь: шли за пушиной, а пришли к чему?..

Тобольский издатель, подвижник Аркадий Елфимов (когда-то нас на «Сиянии России» познакомил Валентин Григорьевич Распутин) рассказал мне о двух недавних примерах выбора Имен.

Крупнейший торговый центр Тюмени назван «Колумб». По мнению именователей это дань внимания к первым русским первопроходцам-«Колумбам», начавшим сибирский путь «встреч солнцу» с Тюмени, Тобольска.

Гражданское беспокойство Елфимова никак не было связано с американской модой 2020 года по свержению памятников, в том числе Колумбу. За год до первых US-всплесков, в марте 2019 он обратился ко мне: «Игорь, в твоей книге, той, что с предисловием Распутина, «*Ближний Дальний Восток. Предчувствие Судьбы*» — там ведь было и про Колумба! Напиши статью для сибирских СМИ».

Я и написал. Даты публикаций (весна 2019) подтвердят не связанность инициативы Елфимова с какой-то, тем более американской, политической модой. Его волновало и волнует совсем другое, знаковое для Сибири и России Имя, до которого дойдет и этот очерк.

Да, устоявшийся брэнд, «Колумбами» величают первооткрывателей. Вот только... Я вспомнил одну архитектурно-оформительскую деталь: интерьеры подобных Центров, зданий, станций метро... обычно украшают мозаики, панно, скульптуры «по мотивам» присвоенного **Имени**. Так чем украсить стены ТЦ «Колумб»? Может увеличенными копиями медных жетонов? Каких? Да тех самых...

«Колумб издал закон, который обязывал всех индейцев старше 14 лет раз в 3 месяца платить испанцам золотом или 25 фунтами хлопка (в районах, где золота не было). Уплатившим такой «налог» выдавался медный жетон с датой последней выплаты. Жетон, таким образом, продлевал право жить на три месяца. Если дата на жетоне была просрочена, индейцам отрубали кисти обеих рук, вешали их на шею и отправляли умирать в свою деревню — Уард Черчилль (Ward Churchill. A Little Matter of Genocide. Holocaust and the Denial in the Americas 1492 to the Present. San Francisco: City Lights, 1997).

Странно, вроде «величайший в истории человечества геноцид» (индейцев) - давно установленный факт, но Имя его организатора по-прежнему: «Высшая награда» первооткрывателям.

Христофор Колумб (перевод ФИО: «Несущий Христа Голубь») оставил и самое первое впечатление о новооткрытом мире:

«Эти люди ни в чем не испытывали нужды. Строили привлекательные жилища и держали их в чистоте. Эстетически выражали себя в дереве. У них было свободное время, чтоб заниматься игрой в мяч, танцами и музыкой. Они жили в мире и дружбе. Эти люди ходят в чём мать родила, но добродушны... Из них получатся хорошие, искусные слуги».

Это Первое Знакомство. У Христофора пока лишь три каравеллы, 90 измученных моряков, которых индейцы подкормили. Но уже на обратном пути в бортовом журнале запись, размышление Колумба: *«14 октября 1492 г. 50 солдат достаточно, чтобы покорить их всех и заставить делать всё, что мы хотим. Местные жители разрешают нам ходить где мы хотим и отдают нам всё, что мы у них просим».*

И в следующем 1493 г. Колумб приплывает на 20 кораблях, 1.500 солдат на борту. *«Именно с той экспедицией была завезена большая партия мастифов и грейхаундов, обученных для охоты на людей. Применялись массовые повешения, карательные походы» — Ян Кэрю «Изнасилование Рая. Колумб и расизм в Америке» (Jan R. Carew. Rape of Paradise. Columbus and the Birth of Racism in the Americas. Brooklyn, N.Y. A&B Books, 1994)...*

«В 1598 г. в ответ на убийство 11 испанских солдат, дон Хуан де Онате совершил карательную экспедицию, уничтожил 800 индейцев и приказал ампутировать левую ногу каждому мужчине племени старше 25 лет», — Ди Браун «Похороните мое сердце у Вундед-Ни» (Bury My Heart at Wounded Knee: An Indian History of the American West, Owl Books (1970).

«Когда я вернулся из Картахены, я встретил португальца по имени Рохе Мартин. На крыльце его дома висели части разрубленных индейцев для кормежки его собак...» — Дэвид Станнард «Американский холокост»...

Только вот с «искусными слугами» Христофор не угадал — предпочли вымирать. Рабов пришлось везти с другого континента. (Что, похоже, и «аукнулось» разбитием памятников летом 2020.)

Те свидетельства я действительно приводил в «дальневосточной» книге 2012 года, потом и на разных ТВ, радиопередачах, ток-шоу. Мне не то что возража-

ли, но уточняли: Мэру жестокостей надо сравнивать с учетом эпохи. Описанные вами колумбовы подвиги смотрятся жестоко, но надо делать поправку на Эпоху! Ведь... «общий рост гуманизма»!

Справедливо. Так и сравним разные Имена одной эпохи! Ровно во время казанского похода Ивана Грозного (этот «бренд» на Западе раскручен, как и «Колумб», но... в другую сторону), знаменитый *Вальядолидский диспут* (1551 г.) решил: Индейцы — люди? 60 лет как открыты, ограблены, умерщвлены миллионы, но удобнее считать как Хуан де Сепульведа: *Человеческого разума, души у них нет*. Оппоненты предъявляли доказательства, города (!) ацтеков, майя. Сепульведа возражал: Они строят по инстинкту, как пчёлы, муравьи, термиты!...

Страшно и представить, за кого бы *они* приняли сибирские народы, жившие даже не в индейских городах: чумах, ярангах!

60 лет меж открытием и научным диспутом: «Колумбом открыты *люди или термиты?*» — это ведь период равный другому: столько же лет прошло меж взятием Казани и освобождением Москвы от поляков! Далее будет речь о 20 поволжских татарских мурзах, сражавшихся в ополчении Минина и Пожарского, и о мурзе Искера (Тобольска), чей российский стаж был вообще — считанные годы!

Еще можно согласиться, что «славное Имя» присвоено Округу Колумбия — столице США, достойно продолживших *его* Дело: скупка скальпов, отравленные угощения, зараженные оспой одеяла, выжившие экземпляры в зоопарках-резервациях... Но величать им потомков наших первопроходцев, Миссией которых стало сохранение всех сибирских народов и племен?

И насчет списания колумбовых жестокостей на XVI век, испанскую страстность. Англичане подключились на век позднее, граждане США еще на век позже: уже современники Диккенса там поработали...

Итак, северные европейцы, меньше страстности, больше методичности. В 1623 году англичане отравили вином 200 человек племени Пауатан и добились ещё 50 холодным оружием. Вечером 26 мая 1637 года английские колонисты под командованием Джона Андерхилла атаковали деревню племени Пеквот (штат Коннектикут) и сожгли заживо 700 человек.

«Сотни миль речных берегов без признака человеческой жизни и некогда процветающих деревень, которые были опустошены и пусты», — это свидетельство французского путешественника 1740 года приводится в (Heizer, Robert F., *The Destruction of California Indians*, University of Nebraska Press, Lincoln and London, 1993).

30 апреля 1774 — бойня у Жёлтого Ручья близ современного Уэлсвилля (штат Огайо). Группа приграничных поселенцев, во главе с Дэниэлом Грейтхаузом, убила 21 человека племени минго... Убитая дочь Логана — Тунай была на последнем сроке беременности. Её пытали и выпотрошили внутренности, пока она была жива. Скальп сняли как с неё, так и с плода, который вырезали из неё. С прочих минго также сняли скальпы.

8 марта 1782 года 96 крещёных индейцев были убиты американским народным ополчением из штата Пенсильвания во время Войны за независимость США. Инцидент произошёл в миссии моравских братьев Гнаденхюттен штат Огайо...

Помнится, Лев Толстой умилялся «муравейными, моравскими братьями». И действительно, они были более кротки, миролюбивы, чем те же методисты, их коллеги по освоению континента.

В 1825 г. Верховный суд США формулирует «Доктрину открытия», согласно которой право на земли «открытых» земель принадлежит тем, кто их «открыл». Ко-

ренное население сохраняет право проживания на них, но не собственности на землю. На основании данной доктрины в 1830 г. принят Закон о переселении индейцев.

26 февраля 1860 на острове Индиан-Айленд, у побережья северной Калифорнии шесть местных жителей, землевладельцев и бизнесменов, устроили резню индейцев племени Вийот, убив топорами и ножами по крайней мере 60, и возможно более чем 200 женщин, детей и стариков... Колонизаторы вели настоящую охоту за скальпами индейцев. Законодательные собрания колоний Новой Англии назначали цену (50–100 фунтов стерлингов) за каждый доставленный скальп, в том числе за скальпы индейских женщин и детей.

В XIX веке известна кампания американцев по уничтожению бизонов, чтобы ослабить племена прерий. По оценкам исследователей, в 1800 году численность бизонов составляла 30–40 миллионов животных, к концу века осталось менее одной тысячи.

Американский генерал Филипп Шеридан: «Охотники за бизонами сделали за последние два года больше для решения острой проблемы индейцев, чем вся регулярная армия за последние 30 лет. Они уничтожают материальную базу индейцев. Пошлите им порох и свинец, коли угодно, и позвольте им убивать, свежевать шкуры и продавать их, пока они не истребят всех бизонов!». Шеридан в конгрессе США предлагал учредить специальную медаль для охотников, подчёркивая важность истребления бизонов.

Немецкий этнолог Густав фон Кенигсвальд: *«антииндейская милиция отравила стрихнином питьевую воду деревни Кайнганг... вызвав смертельный исход приблизительно 2.000 индейцев».*

Муниципалитеты практиковали вознаграждения за убитых индейцев. В Шаста-сити, Северная Калифорния: 5 долларов за голову индейца (1855). Поселение близ Марисвилла: «вознаграждение из пожертвованных населением средств «за каждый скальп или другое убедительное подтверждение, что индеец был убит»(1859). *«В округе Техама создан фонд оплаты за скальпы индейцев... жители Хани-Лейк выплачивали 25 центов за скальп индейца (1861)»* — Indians of California: The Changing Image by James J. Rawls, University of Oklahoma Press, 1986.

О точном числе жертв на Континенте Америка ученые спорят. Есть оценки, что **численность индейцев с 1500 года до 1900 сократилась с 15 миллионов до 237 тысяч**¹. И сегодня в местах добычи полезных ископаемых численность индейцев падает. Пример племени Яномами, дельта Амазонки, в 1974 численность 2000 человек, сегодня 500.

Исторические споры порой сводят к подсчетам. У кого было больше жен, казней: у английского Генриха VIII или Ивана Грозного? Когда вот она, итоговая разница, видимая даже из космоса: Африка, обе Америки, Австралия, Южная Азия, где в ходе войн, геноцида, работорговли, опиумных войн европейцы истребили десятки миллионов аборигенов, не щадя ни женщин, ни детей.

* * *

Два движения, в Америку и Сибирь, начались почти синхронно — «век географических открытий». *«Великий XVI век»* — по определению Карла Маркса. Две линии стрелочек на карте: маршрут Колумба от испанского порта Палос, и поход

¹Примеч. редакции: на фоне зверств европейцев, колонизаторов Америки, убивших более 10 миллионов индейцев, царь Иван Грозный, император Иосиф Сталин выглядят ангелами, хотя европейцы денно и нощно трубят о них как великих злодеях.

Ермака от Урала к Искеру. И попытка привязать к нашим стрелочкам «колумбов брэнд» — это...

В завершаемой книге *«Судьба и Служба. Тюркские контуры России»* я привожу свидетельства тоже иностранцев, пораженных способности русских находить почву для сближения с другими народами.

Француз Ланойе (1879 г.):

— Когда русский мужик с волжских равнин располагается среди финских племен или татар Оби и Енисея, они не принимают его за завоевателя, но как единокровного брата, вернувшегося на землю отцов... В этом секрет силы России на востоке...

Джордж Керзон, будущий министр иностранных дел Великобритании, прошедший знаменитую «Линию Керзона», еще в конце XIX века проехал по среднеазиатским владениям России, и отметил:

— Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость...

Американский сенатор Бэверидж, проследовавший в 1901 г. через всю Сибирь, также увидел главную причину прочности позиций России на Востоке в том, что:

— Она присутствует там в виде русского крестьянина, отличающегося от других наций тем, что он не проявляет никакого оскорбительного способа обращения с расами, с которыми превосходно уживается... И у русского солдата свойственная всем русским поразительная способность дружить с народом, который он победил...

Американский историк, директор библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон: «Сибирь — это идеальное место, поскольку она стала эмоциональным средоточием поиска Россией своей новой идентичности скорее как передового рубежа развития цивилизации, чем военизированной имперской силы».

Этим-то и неприятна, непонятна и страшна история России, Сибири, русских, татар для всех стран, запятнанная настоящей колонизацией континентов, геноцидом и работорговлей. Огромное число изначально ангажированных писателей, историков, выбирая «направление главного удара», целят именно в это основание нашего многонационального сибирского дома.

Вот *«Die Eroberung Sibiriens» von Dr. Juri Semjonow* («Завоевание Сибири» автор Juri Semjonow). Колоритен и тот *Юрий Семенов* (похоже, одного поля ягода с генералом Власовым), и место, и дата издания: город Берлин, 1942 год. Предисловие: *«Вся история Сибири — это история ее колонизации»*. И далее Juri Semjonow утверждает, что «история Сибири может быть понята только через историю её колонизации... история Сибири превратилась в мировую, и очередная страница истории Сибири «будет нашей» (захваченной нацистской Германией). «Нашей», т.е. германской, европейской будет (в их алчных мечтах) и Сибирь — чтоб по стандарту Америк, Африки, Австралии², южной половины Азии, где миллионами истреблялись коренные народы.

Северная Евразия оказалась единственная не затронутая религиозными вой-

²«Право открытия» там отменено в 1960-х годах. Регулировало оно отношения между белыми: кто раньше открыл — тот хозяин. Встреченные на «открытых землях» аборигены — по юридическому статусу не отличались от скакавших рядом кенгуру.

нами, геноцидом, работорговлей. Сей Итог, который может быть предъявлен и на Страшном Суде, нельзя свести к казенным славословиям в адрес своих царей и ханов. И отвечать некоторым националистам, ныне пеняющим: «*Грозный сжест Казань, Ермак Искер*» — в стиле детских разборок: «*А Батый первый начал, сжест Рязань, Владимир...*»? Последствия таких счетов будут — совсем «не детские».

Да, Иван Грозный — Казань, наверняка, думал о приращении своих владений и богатств. Строгановы, Ермак, Хабаров, Дежнев, дошедший до Якутии, Чукотки... думали о *хабаре*. Хотя были и великое любопытство, и поиск «Беловодья», «Опонского царства», земли праведной жизни, но все ж был и Хабар...

Но упомянутый выше глобальный итог наших движений показывает: *Невидимая рука Судьбы*, подобно «невидимой руке рынка»³ — незримо, неизменно обращала даже захватнические усилия Грозного, Ермака — к величественному, достойному результату... Достойному соответствующего Памятника. О нем и будет речь, но сначала необходимо сказать об одном важном Видении и Выборе.

* * *

Тяжело начинался XIII век для России. 1204 год. Четвертый крестовый поход вдруг весьма неожиданно развернулся в сторону нашей «духовной метрополии». Захвачен Константинополь. 1240-е, начались крестовые походы на Русь. Уникальный момент, ранее не отмечаемый. Мусульманам по всем крестоносным планам грозило: *лишь отнятие Иерусалима, Святой Земли!* Не планировалось идти дальше, например, уничтожать Мекку, Медину, Дамаск, окатоличивать арабов! А православие по римским планам должно быть уничтожено полностью. Тут Крестовые походы шли не за овладение *одним пунктом*, но — по всему фронту: от Новгорода до Константинополя.

Русь середины XIII века — данница Батыевой Орды. Орда — в Улусе Джучиевом. Улус — в империи Чингисидов, верховный хан (каан) который сидит где-то в Каракоруме, почти на другой планете. Еще далее, по слухам — какой-то Китай, Улус Чингиса Хубилая.

Папа Иннокентий IV прислал к Александру двух кардиналов. Его булла предлагала, говоря в современном НАТОвском стиле («нефть в обмен на продовольствие»): военная помощь в обмен на католичество. Летописи хранят гордый ответ Невского: «*Сия вся съведаем добре, а от вас учения не приимаем*»...

За Александром слава военных побед, то, что в Орде чтут более всего. Батый отправил Александра к великому хану в Монголию. Гордится своим приемным сыном, побратимом родного сына Сартака. Для Александра тяжелое двухлетнее путешествие из Батыева Сарая, до которого и так путь неблизкий, и вовсе на край света через всю Евразию. Отправиться, оставив свои Переславль, Новгород, Москву в такие тревожные времена.

И Александр едет из маленькой, на самом краю татаро-монгольского континента скорчившейся Руси, цепляющейся за жизнь от набега до набега. Через Поволжье, Южно-Уральские степи. Пересекает Иртыш, Обь. Минует Алтай, Монголию... Едет в этот невероятный Каракорум. Гадает, как его встретит Великий хан — господин его господина?

И где-то между Обью и Енисеем князь вдруг духовным взором видит всю эту великую, на два года пути, диковинную страну — своей империей!

³Образ несколько подмоченный в одно всем известное десятилетие, когда его особенно часто повторяли, а ту «невидимую руку» постоянно «ловили в карманах» — вполне видимых!

Видит своих потомков, из Москвы рассылающих воевод на Волгу, на Урал, Иртыш, на Енисей. Потом из Санкт-Петербурга управляющих губернаторов еще далее. Видит и других своих, еще более дальних потомков, соотечественников, для которых земля, через которую он сейчас едет к «господину своего господина», станет главной опорой, защитой и кормилицей...

Основание для подобной моей гипотетической «сцены-Видения»?.. Князь Александр был *«Канонизирован в лике благоверных при митрополите Макарии на Московском Соборе 1547 года»*. И если понимать это не просто как «награждение посмертно», «присвоение почетного звания», а как признание особых заслуг перед Святой Русью и особых *свойств* человека, признанного святым, то возможно было подобное Александрово Видение. Значит он мог не только мысленно прочертить на Чудском льду стрелки сражения, за несколько часов до самого сражения. И как *«просто великий полководец»*, и как святой мог заглянуть духовным взором и гораздо далее... Вплоть, наверно, до... 2020 года, когда разгорелась полемика вокруг одного важного для понимания нашей истории памятника Ермаку.

* * *

Памятник великому сыну России Ермаку — памятник трудной судьбы, но величавой. Многозначительное татарское *Язмыш* (*судьба, предначертанное*) говорит о том же: *Язмыштан узмыш юк — от Судьбы не уйдёшь...*

Впервые о памятнике я услышал в 2014 году. Известный сибирский издатель, общественный деятель Аркадий Елфимов пригласил к себе в Тобольск поговорить с читателями, выступить: писателя Александра Проханова, ученого, космонавта Юрия Батурина и автора этих строк. Поделился планом поставить памятник Ермаку на Чувашском мысе, месте решающей битвы Ермака с Кучумом — где и Василий Суриков писал знаменитую картину «Покорение Сибири». Но сообщил: некоторые представители татарской интеллигенции против памятника «обидчикам Кучума»...

Поспешной инициативу Елфимова никак не назовешь: с 2014 года лишь с к 2020 году проект памятника воплотился в граните, но поспешны и нелепы «возражения» в виде писем, подобных этому:

Председателю Тюменской областной думы Сергею Корепанову, губернатору Тюменской области Александру Моору, главе Тобольска Максиму Афанасьеву
Обращение.

8 июня 2020 в «Новостях Тобольска» сообщили, что в день 435-летия со дня гибели атамана Ермака в парке «Ермаково поле» планируется установить поклонный крест.

Инициатором установки очередного памятника Ермаку является председатель фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов. В последние годы проходит активная и упорная пропаганда господином Елфимовым имени неоднозначного исторического персонажа Ермака, оченьстораживает, с каким постоянством он делает выпады в сторону болезненной для коренного населения темы...

Татарская общественность г. Тобольска и Тюмени обращается к руководству города и области с просьбой остановить провокационные действия господина Елфимова.

Председатель Совета РТОО «Наследие» по Тюменской области Л.А.Шамсутдинова

*Председатель Совета НКА Сибирских татар Тобольска З.А. Тычинских
Кандидат филологических наук Г.Х. Ташкеева*

Схожее письмо властям Тюмени, Тобольска подписали:

Председатель Совета НКА Сибирских татар Тюменской области Ф.Ф. Марганова

Глава Тюменского филиала РОО «Татарское дворянское собрание»: мурза Д. Ахметов.

Правда, в Тобольске есть и другая НКА «Сибирские татары», и её глава тюменский экс-депутат Динар Абукин обратился к губернатору с просьбой проверить... деятельность «коллег» Ф. Маргановой, угрожающих национальной безопасности России.

Но важность темы не позволяет ограничиться ссылкой на «Обращение» уважаемого Динара Абукина, «побив» им, как козырем, «Обращение» не менее уважаемой Файзии Маргановой. Более того, и сам проект Памятника, и даже возражения Аркадию Елфимову — могут в случае честного разговора послужить на общее благо русских, татар, Сибири, России. Эти выяснения напоминают известный вопрос на церемонии регистрации брака: «Если у кого-то из присутствующих есть возражения, сомнения — пусть он выскажет их здесь и сейчас, или уж молчит о них вечно».

Да, Ермак, приращивая Сибирь, но и спасая, опять же, сибирских татар от бухарского нашествия, пленил знаменитого царевича Маметкула, наследника и фактического главу войска старика Кучума, а через полгода после пленения Маметкул... с честью принят Иваном Грозным в Москве, чуть позже он — «воевода полка левой руки» (третий по чину!) в русской армии, сражающейся со шведами!

Давно размышляя над нашей Историей, я как-то представил: а если Ермака вдруг, отозвав из Сибири, послали б на тот же «шведский фронт»? Маметкул, разумеется, начальствовал бы над Ермаком!.. Для иностранцев, не понимающих суть нашей Истории, это может и дикость, но мы-то с Вами, уважаемый мурза Д. Ахметов, слава Богу, не иностранцы, и прекрасно знаем, как в Москве относились к татарским царевичам... Всю русскую армию Иван Грозный вверял бывшему Казанскому хану Шиг-Алею, на которого некоторые татары тоже ворчат. Но и на это есть возражение. Известный историк Марат Сафаров: «И когда теперь некоторые казанские историки пишут о татарофобии Ивана Грозного на основании покорения Казани, христианизации и прочего, они упускают из вида то, что *Иван Грозный вырос фактически внутри татарского мира!*»

Точно подмечено. Взятие Казани — пример тогдашней борьбы за первенство в Улусе Джучиевом. В историографии XIX в. была популярна формула, суммирующая преемственность: «Хан переехал в Москву». Либеральные историки повторяли это с упором: цари — столь же «непрогрессивны, недемократичны», как и ханы, и вообще: «поскреби русского — увидишь татарина»...

Не только хан Шиг-Алей, «главком» армий Грозного, но и его официальный «сменщик», русский царь Симеон Бекбулатович, Касимовский хан... А в войске, бравшем Казань, начальствовали: крымский царевич Тактамыш, царевич Кайдула, шейбанидский царевич Кудаит, царевич Дербыш-Алей, и доля татар там была не меньшей, чем у защищавшего Казань Едигера. А писатель, ученый, депутат

Госдумы Ф.С. Сибатуллин⁴ в книге «*Великие татары — строители и защитники Государства Российского*», пишет: «Даже большая доля татар была в войске Грозного, чем у Едигера, в составе которого были: черемиса, мордва, марийцы».

Да, участников казанской битвы делят на «горную и луговые» стороны. Горные, правобережные татары, черемиса поддерживали Грозного, луговые Едигера. Но... противопоставлять те армии по национальностям — чистый абсурд.

А в отряде Ермака начальствовал Матвей *Мещеряк*, да и сам отряд, казаки — несмыаемый оттиск тюркского мира: от имени *косак-кочак* до *атамана, есаула, коша, сабли...* Хорошо б «раскопать этнический состав» отряда Ермака. Но и так понятно: не мог он отличаться «по пятому пункту» от армий Ивана Грозного.

А собственно и снарядившие, отправившие Ермака в Сибирь *Строгоновы, кто они?..* Была версия, что знаменитые промышленники *Строгоновы*, со временем ставшие в различных своих ветвях баронами и графами, вели свой род от татарского мурзы Золотой Орды. Только в начале XIX века историки вслед за Николаем Карамзиным, поработав в архивах, убедились, что *Строгоновы* происходят не от мурзы, а от знатного новгородца Спиридона.

Да, Ермак «покорял Сибирь», как и гласит знаменитая картина Сурикова. Но с другой стороны: он, как и покоритель Казани Иван Грозный, воссоединяли наш Улус Джучи, уже 300 лет раздираемый войнами, «замятнями» от Москвы до Казани и Сибири. *Язмыш* в том и состоял, что «Великая Замятня» могла быть преодолена только так.

Последний Казанский хан Едигер-Махмет стал почетным пленником, а затем крестным сыном Ивана Грозного с именем Симеон. «Полное собрание русских летописей» указывает: «Едигер участвовал в военных походах Ивана Грозного».

А настоящими сибирскими ханами были Едигер (тезка Казанского хана) и Бекбулат. Сын бухарского правителя Муртазы Кучум с отрядом узбеков напал на них — и это, строго говоря, было прямое нарушение воли Чингис Хана, проведенного в Сибири границу меж Улусами сыновей Джучи и Джагатая — Кучум из Джагатаева вторгся в Джучиев. Хан Едигер в 1555 году отправил послов Панчады и Тягрула с просьбой царю Ивану: «всю землю Сибирскую что бы взял во свое имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них положил и дорогу прислал, кому дань собрать». Царь «принял Сибирь под свою руку», прибавив к титулам «всея Сибирской земли повелитель». Первый ясак в Москву (соболями) из Сибирского ханства пришел в 1555–1557 гг.

Но в 1563 г. Кучум, получив новую, значительную помощь из Бухары, нанес поражение и убил попавших в плен Едигера и Бекбулата... Семь лет окруженный бухарской охраной Кучум закреплял свою власть кровавыми репрессиями. Но нельзя выводить Кучума каким-то особым злодеем. Так, почти обычный «деятель эпохи Великой Замятни».

Да, не мирным было покорение Казани и Сибири, но... придумывая и живописуя «унижения» — унижают память ханов Едигеров (обоих, казанского и сибирского), царевича Маметкула, как «предателей», позже возглавивших русские войска. Унижают и всё сословие, к которому, кстати, принадлежит и возражавший против тобольского памятника Ермаку, нынешний мурза Данияр Ахметов... Ермак в Сибири ничего не придумывал, заложив основу сословия сибирских «йо-

⁴Роль Ф.С. Сибатуллина как «популяризатора истории» положительно оценивает научный руководитель Института истории АНТ академик Рафаэль Хакимов. О современной роли «фолк-истории» и полемике вокруг неё.

мышлы», — лишь повторил, «реплицировал» модель отношений, принятую и царем Иваном Грозным в Казани.

Йомышлы — так называли себя «юртовские служилые татары», причисленные к гарнизонам Тобольска, Тюмени, Тары, потом и Томска, Кузнецка и Красноярска. Вместе с русскими казаками, служилыми гоняли по южной Сибири остатки отрядов Кучума, затем охраняли новоприсоединенную российскую территорию. А в Смутное время пошли с Мининым и Пожарским отбивать у поляков Москву...

* * *

Всего лишь 60 (шестьдесят!) лет прошло от взятия Казани Иваном Грозным до освобождения Москвы в 1612 году ополчением князя Дмитрия Михайловича Пожарского и купца Кузьмы Минича Анкудинова. Среди татар 20 татарских мурз в ополчении 1612 года, отбивавшем *свою* новую столицу, был и мурза Искера-Тобольска, «российский стаж» которого был и вовсе — двадцать пять лет⁵.

Да, для Европы подобный «фокус» просто невероятен, но как раз Иван Грозный, Ермак в пределах их матрицы мироустройства действовали вполне обыденно. Взяв Казанское, Сибирское ханства — включали, «инкорпорировали» население в соответствующие российские сословия (в армейских терминах: «перевод без понижения в званиях»). И татарские мурзы, став российской знатью, даже не обязаны были благодарить царя Ивана Васильевича за какую-то там... «гуманность»! Привычное дело. Примерно так присоединял татар и Чингис-Хан! Правда, взять, как Чингис-Хан, в жены двух татарочек, Иван Грозный не мог. Но, овдовев, взял одну. «Кавказская татарка», черкешенка, она же кабардинка — Мария Темрюковна, от брата которой пошел знаменитый русский род князей Черкасских.

* * *

Во время подготовки этого очерка читал я присылаемые мне главным редактором журнала Анатолием Байбородиным обширные размышления: его особо волнуют горы, «отвалы» клеветы, вываленные на Ивана Грозного. Тут вспомнился и писатель, российско-якутский классик Николай Лугинов, точно так же «борющийся за доброе имя Чингис-Хана».⁶ Такая картина: Елфимов радуется за Ермака, Байбородин — за Грозного, Лугинов — за Чингис-Хана... и мне, кажется, есть, что сказать всем троем.

По лугиновским усилиям в упомянутой книге «Судьба и Служба. Тюркские контуры России» доводы привожу такие... Сегодня часть поволжских татар весьма энергично повторяют: «Мы булгары, а имя «татары» принесено нам завоевателями Батыя, сокрушившими Великую Булгарию». Про деда Батыя точно так же твердят: Чингис-Хан, разгромив татар, казнил всех «кроме детей ростом ниже тележной оси»... Та зловещая мерка «высота тележной оси» часто встречается в околмонгольских легендах. Хороша яркой зримостью: очередь, понуро бредущая к той «эталонной телеге». Наверняка та легенда пускалась в ход и победителями, хорошее *психологическое оружие*: запугать, морально подавить противника. Возможно, мера и применялась... к отдельным семьям.

⁵ Датой присоединения края к России можно считать 1587 г.: основание Тобольска близ Искера и городка Бицик-тура.

⁶ Примечание ред. Но Чингис-Хана славят не только монгольские, тюркские народы, но и весь либеральный мир Земли; царя же Ивана Грозного славят лишь русские национал-патриоты, а клянут либералы и доморожденные, и зарубежные. За Чингис-хана, но против Грозного весь «демократический» мир...

Но... вдумайтесь: если там, близ Маньчжурии, побежденных татар перебили бы, а дети «ниже» той легендарной «тележной оси» забыли бы родовое имя, кто бы разнес это имя по всей Азии, от Волги до «Татарского пролива» на Тихом океане? Понятно, же — воины Батгя, «истребленные» ещё его дедом.

Точно таков же «геноцид татар в Казани», приписанный Ивану Грозному, в армии которого, выясняется, татар было больше, чем в Казани. Таков был и отряд Ермака, посланный Строгоновыми. Смысл один: Евразия преодолевала свои «Великие Замятни», объединялась — в войнах, в жестоком соперничестве. Одни, как монголы, изнемогали под бременем лидерства, приходили другие... судящие Грозного, Ермака...

Митрополит Иоанн (Снычев) перечислял застрельщиков PR-кампании против Ивана Грозного: Антоний Поссевин, иезуит. Сейчас это может и обидная кличка, но в случае славного Антония то была официальная принадлежность, можно сказать, графа в дипломатическом паспорте, с которым он приехал в Россию. Миссия провалена, царь Иван не «сдал Православие», о содержании «воспоминаний» Поссевина догадаться несложно. Второй разоблачитель Грозного, бывший опричник Штаден, вернувшийся в Европу, составивший труд о четырех частях: «*Описание страны и управления московитов. Проект завоевания Руси. Автобиографии. Обращение к императору Священной Римской империи*». Этого можно уподобить отставнику Альфреду Коху, ныне в Германии напрягающему свои таланты писателя-«фантаста».

Общая черта: Россию «судят по себе», *по своему Колумбу*. Перемещения центра тяжести внутри нашего общего государства были связаны с войнами, не колониально-завоевательными, а внутрисемейными «войнами за старшинство». В этом — сама основа легитимности владения Уралом, Сибирью: не русские «крестовые походы», не Конкиста, не Реконкиста.

Судьба-язмыш так подстроила (это вообще — её почерк), что жаловавшиеся на Аркадия Елфимова, обидчика Кучума и татар, попали, что называется: «с точностью до наоборот»! Именно он, Председатель тобольского исполкома в 1988 г., отчаянно рискуя служебным положением, помогал татарской общине Тобольска в самый трудный период её становления.

Памятник, о котором он печется сегодня, просветляет смысл прихода Ермака в Сибирь, смысл евразийства и российской миссии вообще. Дореслек утта да янмый, суда да батмый (*Правда в огне не горит, в воде не тонет*).

Душевная широта, способность увидеть татаро-монгольское нашествие, что вначале считалось карой Господней, более сложным явлением, *и наказанием, и испытанием*. Былинный, «архетипичный», как выражаются, сюжет. Выдержать удар, не озлобиться, не дойти до тупой национальной ненависти: татары, через 130 лет после сожжения Рязани, Владимира, Москвы, Козельска... побежавшие на Русь, спасаясь от «Великой Замятни», принимались по-братски.

Не погружаясь в волны умиления, надо признать: лидерство в Орде — была совсем не «сахарная служба». Монголы, первые из племен-лидеров, на той службе особо не разбогатели, наоборот — иссякли. Обязанность «собираения и защиты» земель и народов требовала быть первыми в битвах, но была и более тяжелая сторона лидерства, о которой часто забывают.

Необходимость строгой централизованной власти неизбежно оборачивалась постоянной борьбой за эту власть. Жестоко конфликтовали и потомки Чингис-Хана. Борьба за власть в Улусе Джучиевом со временем вылилась в ту самую «Вели-

кую Замятню», столетнюю резню, погубившую верхушку Орды. Пользовались ли русские князья Замятней? Конечно!..

Задерживали, не платили «выход»-ясак, усиливались бежавшими из Орды нойонами... Как и слабевшие татары, играя Ярлыками, стравливали Московских и Суздальских, потом Московских и Тверских князей.

Упомянуть об этом надо ввиду появления множества националистических статей и книжек, фиксирующих внимание на особых достоинствах *своих*, и недостатках у *других*... Тут кивать или не кивать на западные феодальные усобицы, войны Ало-Белых роз, дело десятое... Как бы, кем бы не использовались ханские Ярлыки (на великое княжение), надо помнить главное: о ту пору это были *единственные* вестники создания *единой России*.

В Истории нашей России власть была постоянно сопряжена с риском «Великой Замятни»: смута эпохи Годунова-Шуйских, 1917-й, 1991-й годы — это всё «замятня»... Вообще, продолжи я свою книгу хоть еще на 1000 страниц, мне не уйти дальше гениально подмеченного Львом Николаевичем Гумилевым главного различия: «*на Западе требовали прав, на Востоке — службы*». Я могу лишь добавлять некоторые иллюстрации, примеры из своего багажа.

Например, более 20 лет я дружу с Голицыными. Ныне потомки этого древнего княжеского рода — ученые, лауреаты Госпремии РФ, академики РАН, народные художники, изобретатели, инженеры... Об их деяниях, подвигах, 612-летнем служении России мне довелось опубликовать более 200 статей, две книги (одна в 2017 г. получила Грант Президента РФ).

В 2013 отмечалось 400-летие Дома Романовых. Возможность обсуждать те давние события с прямым потомком их участников — настоящее пиршество для писателя-историка, подарок сродни «машины времени»... И я, конечно, не мог не спросить профессора Михаила Владимировича Голицына, выдающегося геолога, открывателя важнейших месторождений, автора энциклопедии «Угли России»:

— Михаил Владимирович! А не обидно ли Вам, что ваш предок, князь Василий Васильевич Голицын⁷ дважды оставался «на втором месте» при выборах царя? Был вторым — и когда выбрали Василия Шуйского, и когда Михаила Романова.

Михаил Владимирович взял паузу, потом совершенно серьезно ответил:

— Это же слава Богу, что не выбрали князя Василия, и наш род сохранился!..

Много чего стояло за этим восклицанием, а главное: великое Понимание — неизмеримой тяжести Власти, Службы... Романовы истощились, израсходовали себя на этой Службе. Как ранее — Рюриковичи, Чингизиды. Подобно им и татары, затем русские принимали эстафету у «надорвавшихся» монголов. В нескольких книгах я отстаиваю это определение: «*Россия «освободилась» от Орды — с Ордой впридачу*».

* * *

Было бы крайней недобросовестностью истолковывать⁸ важную мысль Льва Гумилева, что, де, «на Востоке не было Права» (а на Западе — Службы?) Но под-

⁷Сегодня в популярных историях более известен князь Василий Васильевич Голицын, «фаворит царевны Софьи». А здесь речь о событиях эпохи Смуты, когда другого князя Василия Голицына называли (в том числе князь Пожарский): «столп Отечества».

⁸Впрочем, это можно сказать и без: «было бы». Именно так, недобросовестно Льва Гумилева часто и истолковывали — одна из причин трудной судьбы его работ.

линное понимание восточных Прав и Служб невозможно без (предшествующего) вникания в восточное понятие Судьбы (кысмет, язмыш у татар, тыгдыр у якутов)... Такое, «восточное» отношение к Службе, по-моему, сложилось оттого, что Службу воспринимали, как часть Судьбы.

Об этом будет отдельный разговор, а впервые мне довелось узнать слово «кысмет» в его отчасти даже утилитарном применении... Поскольку Суворов гримил 100 и более тысячные турецкие, крымско-татарские армии, то и пленных у него собирались многие тысячи, и высокая смертность среди них весьма огорчала будущего генералиссимуса. Улучшая в пределах возможного условия содержания, он вникал и в особенности менталитета. Видя, что моральный дух бывшего противника подтачивает факт поражения, плена, он в беседах объяснял, утешал: «Значит, кысмет у тебя такой». И точное слово — помогало.

Бездонность этого слова, многозначность, отличие его от западного «рока, фатума» потребует еще многих к нему обращений. В определенном смысле и вся моя книга — попытка уяснения значения Кысмета для нашей цивилизации. Уважение к Судьбе — часть фундамента, построения личности русских, татар.

Книга «Россия при старом режиме» главного «советолога» США Ричарда Пайпса будет ещё не раз цитироваться. Добросовестное, честное (и в своих ошибках) суммирование западных взглядов на Россию:

«Подлинной религией русского крестьянства был фатализм. Когда к концу XIX в. мужик начал знакомиться с Библией, он перво-наперво заучивал куски, в которых подчеркивалось смирение и покорное принятие судьбы. Крестьянин редко относил какое-то событие, особенно несчастье, за счет своих собственных поступков. Он видел везде «Божью волю» — даже в тех случаях, когда вина явно лежала на нем самом, например, когда по его неосторожности случался пожар, гибла скотина. Русские пословицы пронизаны фаталистическими настроениями...»

Тут всякий вспомнит, что в такой же или большей мере эти качества свойственны и мусульманам (на всё воля Аллаха!), и в наше общее *полуоправдание* я дополню Ричарда Пайпса: не только *несчастья* русские и турки «списывали на Судьбу, волю Божью!» Но и честь своих крупнейших побед, коммерческих удач, успехов русские крестьяне, купцы, полководцы — тоже приписывали Судьбе, Воле божьей. Критерий вспоминания Судьбы был не *удача/неудача*, +/-, а скорее... *размер события*. Слишком мелкие, незначительные — не связывались с Судьбой. И в этом, если вдуматься, тоже было своеобразное уважение к Судьбе, не вмешивающее её в «мелкие дрязги».

А еще, как известно, склонны разглядывать в событиях черты Судьбы люди, близко видевшие множества смертей — войны, битвы были высшей «академией фатализма». Даже «просвещенный» полководец, создатель Гражданского Кодекса Наполеон склонял голову перед Волей Божией. Можно долго цитировать его «максимы», изречения, или ограничиться одним примером. Когда его спутник при свисте ядра наклонился, прямо стоявший Наполеон с величайшей убежденностью воскликнул: «Да будь это ядро предназначено тебе, ты бы не скрылся, даже зарывшись на десять метров под землю!»

Впрочем, западное понимание Рока, Фатума отличается от восточного понимания Судьбы (Кысмета). Ученый, писатель Айрат Равильевич Бахтияров предлагал мне вместо «кысмет» — использовать татарское «язмыш». Уточнял, что «кысмет» не тюркское слово, взято турками, азербайджанцами и крымскими татарами из арабского.

* * *

Этот очерк начинался с нелепого имени «Колумб» на торговом центре в Тюмени. Судьба Сибири по счастью для 200 народов, её (и Поволжье, и Урал) населяющих, оказалась прямо противоположной судьбе народов, завоеванных *колумбами*. Судьба аборигенов Америки, Австралии, Африки — европейский геноцид, доходящий почти до полного истребления коренных народов. И для замены на титуле тюменского ТЦ в России есть много имен героев, что отстаивали миролюбивое сожительство народов Сибири и всей России: Александр Невский, Иван Грозный, Ермак и подобные им великие сыны Отечества.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

Иноязычное вторжение: кириллица или латиница?

В своей стране я словно иностранец.

Сергей Есенин

В нашем общественном пространстве периодически возникают разговоры о государственной идеологии, одни считают, что это должен быть патриотизм, другие предлагают обходиться без всякой идеологии. На сегодняшний день правительство делает ставку на цифровизацию, как залог нашего развития. Каждому из нас введут под кожу чип с идентификационным номером, и все проблемы будут решены, без этого чипа двигаться в сторону глобального мира невозможно. Государственная дума примет решение, Совет Федерации одобрит.

Кому-то это может показаться фантастикой. Но давайте посмотрим на Запад, мы же очарованно смотрим в ту сторону и в бездумном раже всё делаем как у них, и жить пытаемся как у них. Предстоятель католической церкви Папа Франциск призвал верующих всего мира возносить молитвы за то, чтобы искусственный интеллект и роботы «всегда служили человечеству», обращение понтифика опубликовано на официальном канале Ватикана. Выходит, что католическая церковь не Создателя всяческих призывает в помощь, а цифровые технологии, а у дьявола, как мы знаем из Откровения Иоанна Богослова, нет имени, а только цифровой код, «число зверя» и это «число человеческое».

В романе Ильфа и Петрова «Золотой телёнок», в главе «Универсальный штемпель», чиновник Польшаев, как повествуют авторы, «заказал прекрасный универсальный штамп, над текстом которого трудился несколько дней. Это была дивная резиновая мысль, которую Польшаев мог приспособить к любому случаю жизни. Помимо того, что она давала возможность немедленно откликаться на события, она также освобождала *от необходимости каждый раз мучительно думать*. Штамп был построен так удобно, что достаточно было лишь заполнить оставленный в нем промежуток, чтобы получилась злободневная резолюция». Например: «мы, геркулесовцы, как один человек, ответим: а) повышением качества *продукции*, б) увеличением производительности труда ж) отказом от празднования *Рождества, Пасхи, Троицы, Благовещения, Крещения и др.* религиозных праздников, к) поголовным переходом на *новый быт*, л) поголовным переводом делопроизводства на латинский алфавит».

Хоть авторы и были юмористами, но сказанное имеет прямое отношение к нашей теме и к нашей истории.

* * *

Мы помним из документальных фильмов, когда войска нацистской Германии занимали наши территории, то первым делом устанавливали знаки своего присутствия: указатели населённых пунктов, вывески комендатуры, полиции и т.д. на немецком языке. На улицах устанавливались репродукторы, из которых звучали браваурные марши и песни как метод психологического подавления национальных чувств. (В Беслане и театральном центре на Дубровке террористы постоянно включали громко свою национальную музыку, поддерживая свой боевой дух и унижая пленников.)

Сегодня наши российские города напоминают частично оккупированную территорию. И Москва, и Санкт-Петербург, и Иркутск, и Чита, и любой городок районного масштаба, и самый глухой посёлок (в наименьшей мере) кричат и пестрят рекламными щитами и названиями на английском языке в названиях кафе, ресторанов, вещевых рынков, магазинов. Всё больше появляется и китайских иероглифов, как будто мы забываем родную речь.

В больших городах на каждом перекрёстке, на каждом десятке метров — рекламные щиты на английском языке. Чуждый большинству населения язык подстерегает всюду. В салонах купленных за рубежом автобусов, на бортах автомобилей, на кузовах троллейбусов и трамваев, на машинах такси непременно «ТАХИ» (напрашивается добавление: только для иностранцев); на крышах домов и на растяжках над дорогами; на вывесках магазинов, в оформлении витрин и торговых залов; на консервных банках и коробках сока, на обёртках конфет и упаковках жвачки; на лекарствах; на нижнем белье, джинсах, верхней одежде, обуви и головных уборах; на визитных карточках, авторучках, школьных тетрадях; на рюкзаках и палатках; в названиях рекламных и торговых фирм, всевозможных агентств и обществ, банков; в рекламных роликах, телепрограммах и на заборах, там и раньше писали непристойности, но на нашем понятном каждому языке. Всё большее пространство занимает латиницей, как будто осуществляется проект «Латинизации всей страны». Многие этого не замечают, но и онкологические заболевания в человеке начинаются бессимптомно, когда он обнаруживает в себе признаки, то лечиться поздно.

Советская власть в девяностые годы сдавала города без боя и сама полнила армию разрушителей государства под прикрытием соблазнительных, но предательских лозунгов. Очевидно, что братание с Западом закончилось, и санкционная война, в любой момент готовая превратиться в самую настоящую, ядерную, на уничтожение, не отрезвляет любителей западных ценностей.

Постепенно к этому абсурду привыкли. Нет другой страны в мире, где бы так бездумно и старательно вытеснялся родной язык, родная русская песня. Неужели это не просто национальная беспомощность, и всё зашло так далеко, что государственные органы не способны противостоять этой стихии? Да и стихии ли? Стихия не бывает так целенаправленна и последовательна. Власть равнодушно не обращает на это внимания.

* * *

В определении своеобразия литературного произведения главными являются язык или стиль, что в данном смысле — синонимы. Кто-то сказал, что человек тоже стиль. Иркутск теряет своё историческое своеобразие, но у нас сохранены

памятники старины, и если приложить усилие и убрать со стен и заборов все эти бессмысленные и безобразные вывески, превращающие город в сплошной «шанхай», как будто кроме главенства торговли у нас ничего нет, а если и есть, теряется в лишённых элементарного вкуса нарочитых, ярких, крикливых вывесках и щитах, то Иркутск может стать уютным и стильным городом.

Но если мы зайдем в 130-й квартал, задуманный как уголок старины, которым гордятся иркутяне, то и там увидим засилие латинских названий, что никак не вяжется с нашим историческим прошлым. Всё это похоже на какую-то неграмотную декорацию к фильму, поставленному иностранцами.

В интервью газете «Труд» от 6 марта 2012 года В.Г. Распутин сказал: «Разрушение традиционной и классической культуры не могло обойтись без посягательств на русский язык, это всегда взаимосвязано. Варварская культура конца XX — начала XXI века, в отличие от классического искусства XIX века, заговорила и запела грубо, пошло, безграмотно, и этот «базарный» уровень нынче утверждается как норма. Тут же, разумеется, явились и «реформаторы» русского языка. Предлагают, например, писать «как слышится»: «корову» через «а», а «парашют» через «у». Я был в двух комиссиях по русскому языку при президенте РФ и знаю, что это не досужие выдумки, такое правописание готовилось всерьёз. Видно, для удобства иностранцев, пользующихся русским языком, и наших родных Митрофанушек.

А почему, думаете, наша так называемая культурная элита потащила ненормативную лексику, а проще говоря, мат, на телевидение, радио, в кино и литературу, на публичные свои сходки? Почему она потребовала легализации матерщины, к ужасу даже русского мужика, умеющего выразиться крепко, но знающего для этого место и время?

Да потому, что это её нутро. Сказывается родство со Смердяковым, считавшим, что ничего хорошего в России быть не может. Нельзя уберечь язык в ту пору, когда убиваются и отечественная культура, и отечественное образование. Сегодня надо фразу Тургенева о русском языке довести до конца: «Не будь тебя — как не впасть в отчаяние?» На протяжении многих веков это благодатный и умный родитель и нашего народа, и нашей культуры — русский язык. А мы с ним обходимся как со случайной одежкой, купленной на рынке и вышедшей из моды».

Сказано было почти десять лет назад, что изменилось за эти годы?

Современные представители так называемой культурной элиты невольно выдают своих американских хозяев, когда с непоколебимым упорством называют Государственную думу Белым домом; у нас нет Сената, но есть сенаторы; у нас нет губерний, но есть губернаторы, а все эти мэрии, муниципалитеты так ли удобоприятны и необходимы русскому слуху?

В период революций (а в 90-е годы прошлого века свершилась революция, или контрреволюция, кому как видится) разрушаются не только устои государственности, но и усиливается воздействие на язык. В нём наиболее отчётливо проявляется направление происходящих перемен.

В православной России новорождённым давали имена по святым. За каждым наречённым стоял образ святого, его благочестивой жизни, любви к ближним, напоминающий о высоком смысле человеческого предназначения. И наша церковно-славянская, т.е. древнерусская азбука говорит о возвышающей силе слова: «Аз, буки, веди, глагол — добро есть». А мы проматываем это бесценное добро как нерадивые и неразумные наследники.

Революция 1917 г. вводила свою систему ценностей, появились имена-аббревиатуры: Вил (Владимир Ильич Ленин), Геодим (Георгий Димитров), Даздраперма (Да здравствует Первое мая), Ким (Коммунистический интернационал молодёжи) и т. д.

Тогда же были предприняты серьёзные действия по переходу на латиницу.

В 1919 году Научный отдел Наркомпроса, не без участия наркома А. В. Луначарского, высказался «...о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики ... что является логическим шагом по тому пути, на который Россия уже вступила, приняв новый календарный стиль и метрическую систему мер и весов». Это явилось бы завершением азбучной реформы, в своё время выполненной Петром I, и стояло бы в связи с последней орфографической реформой.

В 1920-е–30-е по стране прокатилась волна латинизации письменности нерусских народов, латиница была возведена в абсолют. Территория СССР, где употреблялась кириллица (русский язык) — уже представляла собой род клина, поскольку на севере и востоке Сибири (Коми, Якутия) употреблялась латиница. На юге страны (Центральная Азия) — также употреблялась латиница. То же и в Поволжье (Татарская АССР) и других регионах (Кавказ).

В 1929 году Наркомпрос РСФСР образовал комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита во главе с профессором Н.Ф. Яковлевым и с участием лингвистов, книговедов, инженеров-полиграфистов. Всего в комиссию входило 13 человек, в том числе: А.М. Сухотин, Л.И. Жирков (имевшие опыт создания алфавитов вместе с Ф. Яковлевым), А.М. Пешковский, Н.М. Каринский, С.И. Абакумов (известные русисты), В.И. Лыткин (секретарь, первый лингвист из народа коми).

Комиссия завершила работу в январе 1930 года. Итоговый документ (подписанный всеми, кроме А. М. Пешковского (оказался всё же один защитник русского языка. Автор В.К.) предлагал три варианта русской латиницы, чуть отличавшиеся друг от друга (опубликованы в № 6 «Культуры и письменности Востока» за 1930 год). Из протокола заседания комиссии от 14/1 1930: «Переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит на латинской основе — неизбежен».

После шипящих вместо *ě* предлагалось писать *o* — *cort* (чёрт), *scot* (счёт). Впоследствии эта идея вновь будет предложена в несостоявшейся реформе орфографии 1964 года.

Сохранялся принцип русской кириллицы, по которому мягкость согласных перед гласными отображается с помощью особых букв гласных (*я, ю, ё, е*), а в других случаях с помощью дополнительной буквы *ь*.

В первом варианте мягкому знаку соответствовала специальная буква *í*, а во втором и третьем для *ь* и *й* использовалась одна и та же буква *j*.

Там, где *я, ю, ё* и *е* передают два звука (в начале слогов), их предлагалось писать двумя буквами: *яблоко* — *jabloko*, *Югославия* — *Jugoslavija*. Твёрдый знак поэтому исключался из алфавита за ненужностью — *sjezd*. При этом во всех вариантах проекта мягкий знак перед *я, е, ё* и *ю* при записи новым алфавитом опускался — *Nju-Jork, vjuga*.

25 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б) под председательством Сталина дало поручение Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита. (Русская латиница. Интернет).

Я не сталинист, но сожалею, что Политбюро с товарищем Сталиным во главе не может собраться в ближайшее время по данному вопросу.

Сегодня при президенте Российской Федерации есть комиссия по русскому языку, сможет ли она прекратить ползучую латинизацию русских территорий?

Сегодня латинский шрифт вклинивается в кириллицу, медленно и упорно, происходит разрыхление, замена и подмена русских букв и слов инородными. Мы живём в агрессивном хаотичном мире, спасти нас может только **наша укорененность** в традиционной религии, в родном языке, народной песне, в отечественной литературе и культуре, архитектуре, музыке, живописи, ремёслах и т.д. Странно то, что когда начинаешь говорить о разрушении русской культуры, сразу возникают в СМИ обвинения в самоизоляции и отрицании мировой культуры, говорить об этом полная глупость, когда у нас происходит противоестественное забвение и отрицание своего в угоду чужому и чуждому.

В центре Иркутска есть торговый центр с названием «CeZon». Есть по улице Урицкого салон-магазин «БлагоВЕСТ». Заведение, в котором стригут и красят волосы, названо словом, имеющим краеугольный смысл в русской православной культуре. Благовещенье — добрая, радостная, благая весть. Новый Завет Иисуса Христа мы называем Евангелие, в переводе с греческого — «благовестие». Благовест — это колокольный звон, извещающий о начале и конце богослужения, церковный устав определяет характер звона в известные дни. Например, благовест к Великопостному богослужению бывает косный (редкий) и медленный, а в большие праздники более продолжительный и менее косный. Иногда уставом указывается и определённый колокол для благовеста, к примеру, в простые дни Великого поста благовест производится в средний простодневный колокол, а на Пасху ударяют в великий колокол — так называют самый большой.

Какая связь между значением этого слова и названием салона-магазина? Какая польза в этом названии, в конце концов, хозяину магазина? Православный человек вряд ли туда пойдёт, значит, клиентов будет меньше, следовательно, здравого смысла в подобной вывеске нет.

И последний пример — ещё более абсурдный. На улице Советской, да, наверное, и в других местах, есть рекламный щит гостиничного комплекса «ZveZda». Русское слово написано латинскими буквами. Для чего? Можно, скажем, понять, когда название фирмы, к примеру «Canon», пишется по-английски. Но на кого рассчитана «ZveZda»? Для чего появляются подобные «шедевры»? Ощущение, что всё это делают гастарбайтеры, которые не знают ни русского, ни английского языка.

Opegin — магазин мужской одежды. Каждый, кто помнит пушкинского «Онегина», наверняка, сразу вспомнит: «Как денди лондонский одет, Он наконец увидел свет». Можно подумать, что «свет» для Онегина и есть написание русской фамилии латиницей.

Примеров великое множество в нашем городе. Салон «NEVESTA». Магазин женской одежды «DIVA». «КОМАНДОР» — совпадение начертания букв разных алфавитов тоже рождает недоумение, особенно в детском сознании, не способном разобраться во взрослых играх. Для дизайнера это всего лишь забавная игра слов. Подобная игра не так безобидна, как может показаться визуально. Есть названия, на мой взгляд, кощунственные, кощунственные и бездумные, например «МАРИЯ кондитерская». Не знаю, почему коммунисты не протестуют против названия: Кафе «Ленин Стрит». Он что, занимался ресторанным бизнесом?

Чемпионат по хоккею с мячом в Иркутске назывался не иначе, как бенди, англ. bandy, а название «русский хоккей», которое и является указанием на происхождение, не употребляется журналистами. Начертание русских слов латиницей становится нормой в оформлении улиц и рекламе: не toloko, замена отдельных букв русских слов: ДЕЛАТЬ ДОБРО, девиз волонтеров на встрече с Путиным вместо ДЕЛАТЬ ДОБРО. Заменена всего одна буква и размыта ясность восприятия. Когда ослабевают охранительные меры по отношению к культуре, тотчас являются процессы разрушения.

Российские СМИ говорят о русофобии. Как явлению иноязычному и иностранном. Но самая мощная колонна ненавистников России сформирована внутри страны и сформирована властью или её бездеятельностью при помощи бесконтрольных, подконтрольных ей СМИ.

На телеканале Россия 1, федеральном канале, на столе ведущего программы «Вести» стоит кружка, на которой написано RUSSIA. Причём, режиссёр разместил её в центре экрана, выдвинув к зрителю, чтобы понятней было, что и на какой «мове» изображено. Что это? Безалаберность или сигнал своим? Если безалаберность, то таким людям надо работать официантами в Макдональдсах, а если сознательно? Такими мелкими деталями заштемпелёвана вся Россия. Скоро, вполне естественно, в очередной раз будет поставлен вопрос о переходе на латиницу. Да и уже возник, и тиражируется не каким-нибудь русофобом гозманом. Ещё один боец невидимого фронта, депутат Законодательного собрания Ленинградской области Владимир Петров обратился в Министерство образования и науки РФ и Российскую академию наук с просьбой создать вторую русскую азбуку — основанную на латинской графике. Депутат попросил чиновников и академиков изучить доводы в пользу создания единообразного латинского алфавита русского языка, а также его параллельного внедрения для использования и изучения в российских образовательных учреждениях (интернет Русская кириллица).

Но похоже Петров опоздал, частично это реализовано тихой сапой, без всяких учёных, надо только внимательно посмотреть вокруг. В этом году параллельно всероссийскому диктанту по русскому языку, по информации СМИ, в Иркутске проводился диктант на английском. Одностороннее движение продолжается.

Сегодня надо разделять два фронта борьбы за русский язык. Первый — это разговорный язык, заимствования и искажения, второй — это внешний рекламный фон.

Я не буду злоупотреблять вашим вниманием, у меня собрана большая коллекция подобных извращений смысла, но вы ходите по улицам и сами всё видите.

Давайте попробуем разобраться, какой логический смысл введения латиницы. Для привлечения богатых иностранцев в наши магазины? Сомнительно. Во-первых, у них товары дешевле нашего, и не за тем они приезжают в Сибирь, чтобы наполнить свои чемоданы китайским или турецким ширпотребом, во вторых, у них, в отличие от нас, развита своя лёгкая промышленность лучшего качества. То есть интуристов этим не заманишь. Да и для доморощенных современных денди это не призывная реклама. Это скорее всего интеллектуальный уровень владельцев магазинов, о которых Николай Васильевич Гоголь, показывая сущность своего персонажа, с иронией назвал его «иностранец Степанов», писатель не объясняет, почему он так его назвал, доверяя читателю. Действительно в этом есть какая-то неестественность и странность, похожая на глупость. Степанов, по происхождению своему, по имени отца, должен быть русским, а он — иностранец. У меня

ощущение, что в современной России русских Степановых, Ивановых, Сидоровых становится меньше, чем иностранцев.

Я хожу мимо магазинов с огромными окнами и изящно оформленными вывесками, но скажу, что магазины эти всегда насквозь пусты, и я встречал редчайшего покупателя, входящего в магазин.

Подобная практика не имеет никакого здравого и коммерческого смысла. Так зачем, спрашивается, десятки лет эти вывески «украшают» наши города? Если это борьба с русским языком, тогда давно пора переходить в наступление и нам, защитникам русской культуры.

Борьба иркутских патриотов за возвращение улицам исторических названий не принесла никаких результатов. Никакие письма в администрацию, никакие решения комиссий по топонимике, никакие заседания Общественного собрания Иркутской области не дали результата. Однажды Александр Степанович Турик, председатель Союза Русского Народа, организовал группу товарищей, и они ночью на некоторых центральных улицах под вывесками, носящими фамилии и псевдонимы откровенных врагов исторической России и русского народа, поместили дореволюционные названия. Какой гвалт поднялся! Реакция была мгновенной. Турику угрожали судом, все таблички сняли, но свято место пустовало недолго, и буквально в течение двух-трёх недель вместо них появились названия улиц на английском языке, якобы для удобства иностранцев, приезжающих в Иркутск. И этих вывесок становится всё больше и больше. А вот найти название улицы на угловых домах, или отыскать номер дома в Иркутске, и не только в новых микрорайонах, но и в старых, если идёшь первый раз, не всегда легко. И нет в названиях наших улиц имен тех, кто строил наш город, кто своим трудом обустроивал его, возводил храмы, создавал культурную среду, неужели мы действительно превратились в не помнящих родства, неблагодарных потомков. Не хочется в это верить. Понятен интерес дизайнеров и рекламных агентов. Но должен же быть разумный контроль над тем, что происходит в государстве, тем более в такой ответственной, прямо воздействующей на сознание сфере, как реклама. И это не только формирование среды обитания, но и медленное разрушение основ национального самосознания.

Что ныне лежит на весах?

Я не слышал, чтобы кто-то из руководителей нашего государства хоть однажды озаботился тревожным состоянием русского языка. Ни разу. Но я неоднократно слышал от наших российских министров образования и культуры о необходимости обучать российских чиновников английскому языку. О русском языке не слова. Хотя мы знаем, на каком русском языке говорят некоторые наши чиновники, депутаты разных уровней, их «запиканные» высказывания иногда цитируют СМИ.

Закон о языке, принятый Государственной думой и подписанный президентом, — это закон о бюрократическом использовании языка. В законе ни слова не сказано о языке как о нравственно-духовной основе народа, о защите языка от искажений и разрушений там также не говорится. В других странах, примером которых, как фиговым листком, любят прикрываться защитники либеральных ценностей, есть не только законы, оберегающие язык, но, скажем, во Франции существует должность языкового полицейского. Французы понимают серьёзность вопроса. Так давайте брать у Запада лучшее, что у него есть, сохраняя своё сокровенное и великое, что принадлежит только нам.

В языкознании есть понятие «диахрония», означающее, что язык изменяется во времени, и может наступить момент, когда он перестает использоваться в сфере общения. И мы знаем такие мёртвые языки, наиболее известна латынь. Буквы остались, а язык мёртв. Не в этом ли главный смысл латинизации? Какое-то мрачное рождается сравнение. Можно, конечно, надеяться, что наш великий и могучий русский язык — как явление нравственное и духовное — сам справится с грозящими ему опасностями, как это бывало раньше, но не приблизилось ли время, когда без нашей помощи этого уже не произойдёт. Слишком далеко зашла болезнь, слишком глубоки язвы.

В русской истории увлекались и французским языком, и немецкой философией — известно, чем всё это закончилось.

К началу XIX века представители русской аристократии «офранцузились» настолько самозабвенно, безоглядно, что их отпрыски уже не говорили по-русски. А когда орды цивилизованных варваров под предводительством Наполеона ринулись в наши пределы, зов родной речи оказался сильнее легкомысленной моды. Так неужели снова для возврата в отчие рубежи родной речи нам необходимо некое иноземное вторжение? Но оно уже совершилось. Чего мы ждём?

В чём причина такого обвального отвращения от русского языка? Главная причина — падение общего уровня культуры русских людей.

Однажды меня пригласили в Институт иностранных языков на встречу со студентами. Я говорил о русской литературе, о поэзии, о патриотизме. Меня стали приглашать каждый год. После очередного набора студентов, руководитель группы Светлана Васильевна провела анонимный письменный опрос студентов, по какой причине они выбрали Иняз, предупредила, что это нигде не будет отражено. Все двадцать с лишним девушек ответили одинаково: хочу выучить язык, чтобы выйти замуж за иностранца и уехать из России. Весь строй нашей жизни, всё направление образования, отсутствие воспитания в постсоветском пространстве было ориентировано на Запад, как на земной рай.

Горький упрёк всем нам был сказан великим педагогом Константином Дмитриевичем Ушинским: «Самое резкое, самое бросающееся в глаза отличие западного воспитания от нашего состоит в том, что человек западный, не только образованный, но даже полубразованный, всегда всего более и всего ближе знаком со своим Отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией и т.д., а русский всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе — со своей Родиной и всем, что к ней относится».

В XIX веке эти слова звучали как предупреждение, в наше время они звучат более чем злободневно. Не в перекосе ли образования и воспитания в наших школах и вузах кроются в первую очередь причины темы нашего разговора?

Валентин Распутин в слове, произнесённом на Всемирном русском народном соборе, посвящённом 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, сказал: «Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Ещё как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и посёлков — всё почти чужое, и если что позволено своё, то в скудных нормах оккупационного режима».

Чужое настоящее... И что же — чужое будущее? Но чужое будущее — это уже окончательно победившее, из оккупационного превратившееся в оседлое и хозяйское своё. Вот такая перед нами перспектива, если наше сопротивление останется столь же вялым и разрозненным».

Защитники у родного языка есть и будут, но пока они как партизаны в белорусских лесах. К примеру, в Иркутске уже прошли три конференции «Наш дар бесценный — речь». И что? Газеты, телевидение, радио заинтересовались этими проблемами? Письма наши, отправленные депутатам и руководству города, имели какое-то продолжение? На них никто не ответил. И в беседах на эту тему депутаты говорят, что это вопрос, который решается на уровне Государственной думы. Круг замкнулся в очередной раз.

Партизанское движение — не лучший способ защиты государства. Но когда регулярные войска бездействуют, другого способа борьбы нет.

Сегодня появляется проблеск надежды. Президентом и правительством замыслены прорывные проекты развития нашего государства. Почему бы нам не выдвинуть в нашей области Проект возрождения русского языка, русской культуры и культуры всех народов, проживающих на единой территории. Если мы записали в конституцию, что русский народ является государствообразующим народом, значит, и ответственность русского человека возрастает.

И если в нас ещё жива любовь к России, к русскому языку, надо звонить во все колокола, использовать все методы борьбы за свою самобытность и национальное достоинство. Язык наш — последний оплот, последняя крепость, за стенами которой мы можем спастись от гибели как народ, если будем защищать эту твердыню.

В заключение приведу слова Валентина Распутина, ставшие эпиграфом круглого стола «Посоветуемся с Распутиным: здорово ли русское слово?», сказанные им более двадцати лет назад:

...Нет, я думаю, другого народа на земле, который был бы так неразрывно сращён со своим языком, так был бы им вылеплен. Поэтому с его порчей, с его убиением, которые сейчас происходят, мы в той же мере и пострадаем, как пострадает язык.

Ещё раз про любовь

ЗАМЕТКИ О ЗЛОБОДНЕВНОМ

Культура — что это такое?..

О культуре говорят ныне часто и много. Причём, на разных уровнях — от кухонных посиделок приятелей до министров и народных депутатов, полагая, как бы, само собою разумеющимся тот факт, что культура — это нечто фундаментальное, на чём, собственно говоря, и держится само общество...

Я тоже не чужд этих размышлений о культуре, отчего мне и пришла охота поговорить о данном предмете более подробно.

Так что, свои плохо причёсанные, поскольку часто возникающие спонтанно, мысли я и хочу предоставить на суд читателей. Сразу же оговорившись, что все изложенные далее размышления — это субъективные суждения автора. То есть, сугубо личностные.

И начать мне их хотелось бы с этимологии (от греческого *etymon* — истина, истинное значение, ну и логия, ясно дело — учение) слова «культура». Что же оно собственно обозначает? А означает оно следующее: «Культ Ра». А, как известно, в древнем Египте Ра почитался, как царь и отец богов. Или бог солнца. Следовательно, культура — это культ чего-то высшего.

Культ же, чего бы то ни было, в свою очередь, непременно основывается на системе табу. То есть опытно, в течение многих веков выработанными запретами на нечто, что не приносит человеку, роду, племени, народу, стране истинной пользы. Например, убить подобного себе — это табу. Не ты жизнь дал, не ты её можешь и забрать. Или, вот ещё. При имбридинге (близродственном скрещивании — термин биологический) не может быть сильного, здорового потомства ни у животных, ни у человека. Значит, брат не должен жениться на своей сестре. Это табу. В Египте, кстати, эти табу постоянно нарушались элитой общества. И, в первую очередь, правящей династией фараонов. Братья женились на сёстрах, матери выходили замуж за своих сыновей. И так далее и тому подобное. В конечном итоге (не сразу конечно) это привело к вырождению элиты и деградации Египта в целом, как великой страны. Ибо пословица: «Рыба гниёт с головы», в данном случае, оправдалась полностью. То же, кстати, произошло и с Римской империей, погрязшей в разврате, отрицающей всякие табу для себя, и не сумевшей, в конце концов, себя защитить...

И ещё один пример — гомосексуальные связи, от которых вообще не может быть никакого потомства, а значит и продолжения рода, с древнейших времён, у всех без исключения народов, заботящихся о процветании рода, попадали под систему строжайших табу...

А что же мы видим ныне, в «культурной» Европе? Что подобные явления не только оправдываются, но и, почти повсеместно, становятся нормой. И подобные «браки» могут быть «освящены» даже в храме. Что, в принципе, говорит уже об очень сильной деградации общества, о потере каких-либо нравственных ориенти-

ров. И подобная «смердяковщина», когда «всё дозволено», стала зачастую нормой и в нашем, так называемом, шоу-бизнесе. Чем меньше, скажем, у какой-нибудь певички таланта, тем больше у неё на сцене подтанцовки и оголёнки. Чем-то же надо заводить публику.

Но культура ли всё это? Вряд ли.

И тут мы плавно подошли к другому, уже мировоззренческому, аспекту культуры. Ибо настоящая культура всегда, как правило (иначе это уже антикультура), просто обязана опираться на некие нравственные ценности, ориентиры. Поскольку без них, как без прочных скреп, она просто разрушится, как картонный домик. Именно поэтому и любой деятель культуры, в первую очередь сам для себя, решает, чему, собственно говоря, он хочет служить — Добру или Злу. Свету или Тьме. Ведь есть же немало и таких деятелей «культуры», которые осознанно пытаются превратить народ в некое быдло. (А быдло, как известно, всё схавает.) Своими постановками, своими фильмами, своими книгами. Зачастую просто путая свободу творческой личности со вседозволенностью.

Для чего, спросите вы? Да здесь, как раз, всё очень просто. Быдлом или по-гречески охлосом (отчего и произошли, кстати, слова охломон, охлократия) всегда легче управлять, чем человеком думающим, имеющим обо всём своё понятие, представление, и опирающимся на некие нравственные ценности. (Недаром же Господь даровал нам свободную волю. Мы вольны сами выбирать, по какой нам идти дорожке.) А нравственные ориентиры — это ни что иное, как мораль. То есть некие незыблемые принципы, выработанные множеством до нас живущих поколений, попускаться которыми ни при каких обстоятельствах не следует. Если вы, конечно, не хотите превратиться в скотину, для которой главное — хорошо жрать, вдоволь спать и ни о чём не думать. Но не проходит такая модель с человеком, как существом не только духовным, но ещё и мыслящим, обладающим, в отличие от неразумных скотов, всё же, разумом. Чем он от них, от скотов, собственно говоря, и отличается. Недаром же знаменитый философ Иммануил Кант говорил, что две вещи поражают его: «Звёздное небо над головой. И нравственный закон внутри него». И если звёздное небо — это бесконечность, которую разумом своим мы постичь не в состоянии, ибо и сам человек конечен, и разум его мелок. То — «нравственный закон» — это, попросту, совесть — то есть весть от кого-то более Высшего, скажем, Создателя. О котором думали с древнейших времён все племена и народы. А философы старались придумать этому — чему-то, непостижимому человеческим разумом, всевозможные определения: Нус, Идея, Абсолют и так далее. Понимая, в то же время, что Абсолюта, как и совершенства, достичь невозможно, но стремиться к нему необходимо...

Теперь мне немного хотелось бы поговорить о культурных традициях, ибо их невероятно много.

Это и традиция еды, и традиция костюма (ныне, впрочем, это всё сильно нивелировалось), и традиция поведения в обществе тебе подобных. И любой, даже мало-мальски грамотный и воспитанный человек в прежние, не такие уж и достопамятные, времена понимал, что желательнее от чего-то традиционного, присущего твоему этносу, социуму, народу, территории — не отходить.

Например, почти всем сибирским городам присуще традиционное (тёплое, не камень же) деревянное зодчество. Со своеобразной резьбой, своеобразной кладкой брёвен, своеобразной огороженностью своей территории. Заборы, заплоты, прясла и т.д. и т.п. И это всё надо как-то постараться сберечь, сохранить. Поскольку

ку особинка всегда и составляет главную привлекательность любого народа, города ли, человека. Недаром же рассказы и повести Валентина Распутина переведены более чем на восемьдесят различных языков. Поскольку человеку другой национальности хочется знать не о всеобщем каком-то, стандартном, к чему собственно и стремится вся мировая индустрия, человеку, а именно о сибиряке. Чем он таким отличается ото всех остальных? Недаром же о сибиряках так точно и ёмко (в нескольких строках) сказал Александр Трифонович Твардовский, поэт мирового класса:

*Сибиряки — молва не врёт,
Хоть с бору с сосенки народ.
Орёл народ.
Как в свой черёд
плечом надёжным подопрёт.
Не подведёт.*

Вот и город наш тоже, желательно бы, чтобы имел своё лицо, свою особинку. И мне кажется, что снова (попытка такая уже делалась Иркутскими архитекторами несколько лет назад) надо попытаться нашим властью предрешающим восстановить заявку Иркутска о включении города в список объектов мирового культурного наследия ЮНЕСКО. В первую очередь именно из-за своей невероятно оригинальной деревянной застройки, которая и отличает его, в первую очередь, ото всех прочих городов. И если такое произойдёт, тогда, может быть, и наш деревянный — оригинальный, уникальный, «с лица не общим выраженьем», как сказал поэт, Иркутск будет не разрушаться, а восстанавливаться. Привлекать к себе всё большее и большее количество туристов, которые и ныне-то в основном фотографируют, увы, зачастую очень ветхие уже, деревянные дома с их уникальной резьбой. Причём, желательно, чтобы деревянный Иркутск не только возрождался, но был бы ещё и комфортным для проживания в нём его коренных жителей. Как это было сделано, скажем, в 130-м квартале. Где всё не только комфортно, но и эстетично. Чего не скажешь о любом микрорайоне любого города страны. Этих человеколюбивых, по аналогии с муравейником. Допускаю, что в микрорайоне может быть кому-то комфортно, но отнюдь не эстетично. А человек, проживающий не в эстетичных условиях (о чём говорят исследования психологов), всегда более агрессивен, чем человек, живущий в приятных глазу домах и интерьерах. Ибо среда обитания всегда влияла и влияет на характер человека, на становление его личности.

Вот отчего славяне всегда были мечтательны, храбры, дерзки даже и свободолюбивы. Их воспитывала среда их обитания. Её созерцание. Её простор. А она, в такой огромной стране, как Россия, удивительно разнообразная. И это ещё одна особенность российской культуры — смешение различных этносов, каждый из которых привнёс в культуру народа что-то своё. И особенно это характерно для Сибири, где многие народности как бы «переплавились в одном котле», создав свой неповторимый сибирский этнос.

Или вот, взять примеры традиционных национальных костюмов.

У славян это был, в первую очередь, свободный, не стесняющий движений кафтан.

Польскому же ясновельможному пану, из-за постоянной малости и раздробленности его державы, всегда хотелось выделиться. От этого и огромное количе-

ство разного цвета перьев, дорогих мехов ли, на традиционных головных уборах. Что как бы подчёркивало традиционную шляхетскую спесь, которая, кстати, немало бед во все времена принесла самой Польше.

А скажем, испанскому гранду важнее всего было показать собственное достоинство, честь. Оттого и эти высокие, подпирающие подбородок воротники. Отчего голова сидела гордо, а спина была прямой.

Но это всё, так сказать, сопутствующие аспекты к понятию культуры, просто показывающие то, что все мы можем быть очень разными. Но если мы придерживаемся основополагающих критериев культуры: морали, нравственных ценностей, о которых я уже говорил, то мы — первое, не наделаем кучу ошибок, а второе — будем идти по верному, истинному пути. Ибо как сказано в послании апостола Павла: «Познай Истину, и ты станешь свободным». Свободным, в первую очередь, от греха. Ибо борьба с самим собой — это и есть самая трудная борьба. Ведь по наклонной плоскости скользить всегда проще и легче. А противостоять толпе всегда труднее. Например, все курят или пьют или делают наколки (теперь даже не только на теле, но и на лице, как, например, сын в общем-то довольно неплохой актрисы Елены Яковлевой, сыгравшей в 1989 году главную роль в удивительно пошлом, на мой взгляд, фильме Петра Тодоровского «Интердевочка») или занимаются ещё чем-нибудь похуже, поскольку индустрия разложения человека в наши времена поставлена на весьма широкую ногу, на поток, я бы даже сказал. И конечно человеку, особенно молодому, очень трудно этому мутному потоку антикультуры противостоять. Но надо. Чтобы остаться человеком. Личностью. А не стадным животным — я, как все. Хотя это, конечно же, требует немалых усилий. Прежде всего волевых. Но зато воля, как известно, является кратчайшим путём в достижении любой цели. Ведь царство Божие трудом нудится. То есть, для каждого хорошего дела надо изрядно потрудиться. Ибо, как сказал всё тот же апостол Павел: «Всё мне можно, но не всё полезно». А ведь: «Мы рождены, — сказал Сенека, — для пользы ближних и своей. Нельзя быть проще и ясней. Но тяжело, прожив полвека, в грядущем видеть только след растроченных бесплодно лет». Это уже из «Евгения Онегина» Пушкина. И, как говорится, действительно «нельзя быть проще и ясней».

И в связи с этим великим поэтом, фактически даровавшим нам современный русский язык, хотелось бы об этом многострадальном языке тоже, хоть немного, поговорить.

Например, когда от высокопоставленного чиновника, по рангу — министра России, я слышу: «Наш бренд», а не «наша марка», мне становится тоскливо. И закрадывается мысль, а в России ли я ещё живу. Поскольку иностранный сленг, замусоривающий наш язык, как мне кажется, перевалил уже все мыслимые и не мыслимые пределы. Дикторы радио и телевидения постоянно засоряют наши уши иностранными словами, аналоги которых есть в русском языке. Все эти: квест, драйв, brutальный, сэлфи, флэш-моб, модератор, дистрибьютер, мессенджер и так далее. Перечислять можно, к сожалению, почти до бесконечности. Так и хочется спросить этих ведущих: «Вы в какой стране, детки, живёте?».

И, как ни печально, подобная словесная, замусоривающая наш язык зараза, проникает ныне даже в литературные журналы. Например, в журнале «Сибирь» №1 за 2017 год, в статье поэтессы из Новосибирска Юлии Федорищевой, призывающей писателей Сибири объединяться, на странице 210, я встретил такой перл: «...согревающий поэтический слэм». Это что ещё такое — «поэтический

слэм»? Или, в статье Андрея Фомина, весьма подробно разбирающего творчество Захара Прилепина, постоянно используется слово «брутальность». Чтобы не быть голословным — приведу хотя бы две его цитаты со страницы 218: «...от крепкого характера осталась одна лишь брутальность»; «...не теряющих при этом своей обычной брутальности». Это что ещё за зверь такой?

Ну, и в конце статьи, вроде бы, полагается делать какие-то выводы.

Так вот, мои выводы по поводу русского языка весьма неутешительны — он массово и повсюду засоряется. А ведь, как известно — язык это «кровь» народа. На нём человек говорит. На нём он думает. И чем чище эта «кровь», тем здоровее нация.

И ещё один мой призыв, особенно для молодых людей, когда ещё не разум, а гормоны, эмоции первичны, не поддавайтесь сладким соблазнам всеобщего плена. Имейте на всё своё собственное мнение, опирающееся на незыблемые нравственные устои, следуя которым, вы непременно станете достойными, порядочными, культурными людьми. Не говорящими, как это ныне повсеместно слышится у молодёжи, какими-то штампами, типа: «Я ему, блин, короче говорю. А он мне, блин, короче отвечает...» Правда для этого надо, хотя бы изредка, читать хорошие книги. Ибо книга — и только она — развивает наше мышление.

Почему именно книга — это уже другая тема.

А чем больше будет у нас по-настоящему культурных людей, тем больше будет и общая культура общества. И иногда какой-нибудь провинциальный, периферийный город может стать, я в этом глубоко убеждён, гораздо более культурным, чем города столичные.

Ещё раз про любовь, или Куколки Барби иркутского разлива

«Поговорим о странностях любви...» — сказал поэт.

Вот и мне, уже весьма зрелому человеку, пришла охота в канун дня Святого Валентина, поскольку праздник этот и в нашей стране становится весьма популярным, поговорить об этом действительно странном, эфемерном, необъяснимом, непредсказуемом, и таком чудесном чувстве, как любовь. Неизвестно как возникающем к конкретному, кажется, только тебе одному предназначенному человеку, и порою, увы, неизвестно как исчезающему...

Как эта утрата чувства чудесно, правдиво, с неподдельной грустью описана в рассказе Эрнеста Хемингуэя: «Что-то кончилось». Ибо теряют, в данном случае, оба: он и она. Ушла любовь, ушла тихо, по-английски, не прощаясь, как вода в песок, и ничего уже с этим не поделать. Где его теперь искать, это светлое, чистое чувство, согревающее душу, дающее смысл жить? Поэтому основная задача двух любящих сердец — не только полюбить, а, главное, сохранить свою любовь на долгие годы. Недаром же Антон Павлович Чехов говорил, что в спектаклях со счастливым концом всё заканчивается свадьбой, а на самом деле свадьбой всё только начинается. Потому что за ней, за свадьбой, собственно говоря, и происходит настоящая совместная жизнь, в которой проверяется, способен ты на долгое, желательно бесконечное, в пределах человеческой жизни конечно, чувство к своему избраннику, избраннице, или нет.

К счастью, примеры очень продолжительной совместной счастливой жизни

встречаются. Более того, встречаются даже, в общем-то, в легкомысленной, театральной и киношной среде. Вот лишь две такие общеизвестные пары: Алла Ларионова и Николай Рыбников; Светлана Немоляева и Александр Лазарев. Последние прожили вместе 51 год. И Светлана Владимировна, пережившая мужа, считает, что рецепт их счастливой супружеской жизни, уникальная модель отношений между супругами, «похоже, передаётся по наследству». Точно такую модель Немоляева наблюдала у своих родителей и родителей мужа. Того же «устава» теперь придерживается и их сын. Тоже, кстати сказать, очень востребованный и талантливый актёр, Лазарев-младший.

Вот мы и подошли неторопко к первому выводу: важности примера. С кого, так сказать, человек снимает мерки. С Фелимона и Бовкиды, с Петра и Февроньи (князя и княгини Муромских, памятник которым, к счастью, установлен в 2011 году у самой старой церкви Иркутска — Спасской) или с представителей шоу-зверинца, где мораль, нравственность, порядочность, похоже, давно уже забытые понятия. Ибо: всё напоказ и всё на продажу! Тела, интимные отношения, семейные драмы; нелепые скороговорки, именуемые песнями; нелепые наряды; нелепые программы, желающие, кажется любой ценой, рассмешить тебя до полного безумия; или опустить человеческие чувства ниже плинтуса, превращая его тем самым в животное, в раба своих страстей, в эгоиста, стремящегося только к удовольствиям. А эгоист, это общеизвестно, не способен никого, кроме себя, любить. А ведь это всё примеры так называемой глянцевої жизни, которыми заполнено и телевидение, и жёлтая пресса. Отовсюду, изо всех щелей на юные, неокрепшие души льются эти помои, пытающиеся выдать себя за роскошную, красивую жизнь, которой только и стоит подражать.

К слову сказать, лепо, лепота, это, по-старославянски, красота. Значит не лепо — не красиво. То есть, не гармонично. Или, как говорили очень древние греки, объясняя зарождение мира: «Вначале был Хаос, — всякие нестроения и безобразия, — а потом был Космос» — порядок, красота, гармония.

Не потому ли мне всегда становится так грустно, когда я вижу нечто негармоничное. Например, проходя по площади у Вечного огня, и наблюдая очередную разлюли-малинистую, будто напоказ (вот, мол, мы каковы!), свадебную процессию. С непременно подвешиванием замков на ограду набережной и выбрасыванием ключей от них в Ангару, как приметой долгой, неразделимой любви, которую никто уже разомкнуть не сможет. Ключей-то от любви у коварных взломщиков не будет. Словно любовь, как границу, можно запереть на замок. Кроме замков и ключей, ещё и белый лимузин в пять дверей с каждой стороны, пышное белое платье с фатой у невесты, с букетами цветов, «морем шампанского» и «океаном безудержного», порою неприлично громкого смеха, со съёмками на телекамеру всего этого, так называемого, «веселья», на которое иногда убухиваются последние родительские накопления. Но зато, чтобы всё было, как у людей! «Каких таких людей?! — так и хочется мне спросить в этот миг. — Тех, что мелькают в глянцевых журналах или тех, которых показывают по телевизору?» Но это, в большинстве своём, давно уже не люди, в общепринятом смысле этого слова. А скорее, некие клоны самих себя прежних, когда они ещё не были рабами своих несчастных представлений о, так называемой, шикарной жизни.

И вот, глядя на этих, таких одинаковых, будто действительно сошедших с первой обложки глянцевых журналов, невест, так напоминающих конвейерных куколок Барби и их женихов, я невольно отчего-то испытываю жалость к этим мо-

лодым людям и думаю о том, что 64 пары из 100 непременно разойдутся. Такова, увы, неумолимая статистика нашего Сибирского Федерального региона. И разойдутся не потому, что не любят друг друга, особенно сейчас, в эти счастливые для них минуты, а потому, что не ведают, как эту любовь сохранить. А, не имея твёрдых устоев и традиций, проверенных временем, поверьте мне, ничего сохранить невозможно. Поскольку нынешний повсюду насаждаемый «гламур» просто не жизнеспособен в реальной, нормальной жизни. Примеры же, которым молодым людям так хочется следовать, из-за их кажущейся беззаботной, весёлой жизни — это лишь некий неизвестный вирус, которым можно переболеть и навсегда забыть о нём. Ибо жизнь сложна и не укладывается в сюжеты глянцевого журналов и пошлых телевизионных шоу. Но она в то же время и более красочна, чем все эти картинки, которыми нас пичкают на каждом шагу.

К счастью, кроме нелепых, не красивых значит, как мы с вами уже выяснили выше, однако прочно устоявшихся местных свадебных традиций (таких, как навешивание тоже уже упомянутых нами замков, уродующих ограду набережной), есть и хорошие. Например, возложение цветов к Вечному огню, в память героев — наших отцов и дедов, собственно говоря, и даровавших нашей стране дальнейшую жизнь и свободу.

Появляются и совсем новые традиции. Многие пары теперь кладут букеты не только к Вечному огню, но и к памятнику Петру и Февронье Муромским — этому величайшему примеру достойной супружеской жизни. А некоторые даже заходят в храм и ставят там свечи. Правда, видно, что воспринимают они подобное действие пока что как некий ритуал, не более того. Ну, что ж, ничего, ведь даже тысячекilометровый путь начинается с первого шага.

Гляжу на невесту, стоящую у распятия с очень серьёзным, отрешённым видом. Она что-то шепчет, держа в руке свечу. Девочка как девочка. Только в фате. Но с явно выпирающим из-под свадебного платья животом (по-видимому, у неё уже не первый месяц беременности). И, наверное, даже не подозревающая о том, что фата — это символ невинности невесты, которую она, как бесценный дар, преподносит своему избраннику в первую брачную ночь. К сожалению, у нынешних молодых людей зачастую «брачные ночи» начинаются задолго до брака...

Выхожу из храма и вижу, как к скамейкам, где их поджидают с бутылками шампанского друзья, от Ангары, уже приделав на ограде свой «замок счастья», весело движется другая свадебная процессия. Иногда у меня создаётся впечатление, что ЗАГСы новобрачных пекут как блины. Не успела отъехать от площади у Вечного огня одна процессия — с шумом, гамом подкатывает другая. Тут невеста уже постарше, но тоже на сносях. Правда, без фаты. Обычно такие браки называют: «Поженились по залёту». Эта компания сразу начинает с шампанского и... сигарет. Причём курят все, в том числе и жених с невестой, бросая использованные пластиковые стаканы и окурки нередко мимо урны.

«Бедный их будущий ребёнок, — думаю я, глядя на весело смеющихся новобрачных, — он уже в утробе матери получает свою порцию отравы»...

— Так, быстренько бросаем курить! — уверенно командует молодой человек, видимо профессионал по свадебным съёмкам. — Идём к берёзкам (дело было летом). Нужно запечатлеть поцелуй жениха и невесты. Да постарайтесь, чтобы получилось, как у Ромео и Джульетты, — напутствует их оператор с профессиональной аппаратурой. — Чтобы и ваши внуки завидовали такому счастью, такой любви! — И ведь поцелуются друг с другом, словно пепельницу оближут.

Процессия движется к берёзкам, а я продолжаю следовать домой, благо, что мой путь лежит через эту культовую площадь, где всегда что-то происходит. И в процессе мерного движения мне приходит на ум мысль о том, что бесспорно мировое произведение Шекспира «Ромео и Джульетта», упомянутое оператором, — это, всё-таки, книга не о любви. А о юной и притом безумной (то есть без ума, не ограниченной рамками рассудка, как и полагается в столь юные лета), страсти. Мне, например, очень трудно представить Джульетту достойной домохозяйкой, а Ромео прекрасным, скажем, отцом и главой семейства. Более того, я полагаю, что месяца через три после свадьбы они бы просто разодрались, при их-то необузданном темпераменте. Хотя, стоп. Они ведь были из благородных семейств: Монтекки и Капулетти. Значит, должны были получить весьма приличное образование и воспитание. Следовательно, до рукоприкладства дело, скорее всего, всё-таки бы вряд ли дошло. Хорошее воспитание и образование — это очень важные вещи вообще и в семейной жизни в частности. Обладая ими, человек понимает, что, создавая семью, фактически объединяясь с другим человеком, он должен вместить в себя целый мир, зачастую совсем не похожий на его собственный. А в этом непростом процессе неизбежны и уступки, и притирки, и прочие, кажется не очень вяжущиеся с любовью, но такие необходимые для её сохранения чувства и действия...

Итак, вывод второй. Для успешного брака, кроме положительных примеров, нужны ещё достойное образование и воспитание, желательно не почерпнутое в подворотнях, подъездах, дворах...

«А какое же произведение тогда может быть примером беззаветной и долгой любви?» — спросит какой-нибудь досужий читатель. И я честно отвечу ему. Это «Старосветские помещики» Николая Васильевича Гоголя. Правда, Гоголь называет в своей повести это чувство «привычкой», но, по-моему, он слегка лукавит. Ибо и невооружённым взглядом видно, сколько глубокой, искренней любви таит простая жизнь этих достойных подражания людей: Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича Товстогузов. Не полнитесь, прочтите это произведение. Уверю вас, получите удовольствие. Ибо вещь эта весьма душепользительная, гораздо более чем множество телепередач, которые большинство наших сограждан, не отрываясь, смотрят каждодневно, неизбежно разлагая тем самым собственную душу.

И очень хорошо, по-моему, об этом повсеместном ныне процессе сказано у поэта из Ханты-Мансийска Дмитрия Мизгулина:

*...И будет смех подобен стону,
И будет властвовать обман,
Покуда мы как на икону
Взираем на цветной экран.*

Что же касается моего высказывания о пользе хорошего чтения, мне хотелось бы процитировать, в связи с этим, хоть малую частицу произведения, отстоящего от нас почти на две тысячи лет. Но в котором есть и нужные советы, и попытка объяснения этого таинственного чувства, именуемого любовью. Это «Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла»:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготер-

пит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знания упразднятся»...

Конечно, это идеал любви. Причём, идеал любви, в большей степени, христианской, трудно достижимой в реальной жизни. Но даже если идеал недостижим, стремиться к нему всё равно необходимо. Ведь еще Александр Блок говорил, что только влюблённый имеет право на звание человека! Так что влюбляйтесь, любите друг друга, но не путайте любовь с сексом, ничего общего с нею не имеющим.

После такой восторженной тирады я выскажу, может быть, крамольную мысль, проверенную, однако, собственным многолетним опытом и опытом других людей, которые поступали так же. И у которых разум шёл впереди охвативших их любовных чувств.

По-моему мнению, идеальный брак — это брак по расчёту. Если расчёт, конечно, верен. Если он не меркантильный, не поверхностный, гонящийся за внешней красотой, а глубинный. Когда человек оценивается, прежде всего, по его не мимолётным (какова, увы, внешняя, быстро проходящая красота), а внутренним качествам. К которым относятся: доброта, порядочность, воспитанность, верность... И так далее, и тому подобное. Список этот каждый может продолжить по собственному вкусу и разумению. Ибо брак — это слишком серьёзная вещь, и нельзя к нему относиться спонтанно, легкомысленно, по первому порыву чувств.

Скажу ещё, что я знаком со многими богатыми и очень богатыми людьми, разбогатевшими, как правило, в мутные восьмидесятые и девяностые годы прошлого века. И со стороны всегда кажется, что это счастливые, баловни судьбы. Всё у них есть: и машины, и прекрасные квартиры, и дачи, и деньги, и возможность колесить по миру. Однако, как я наблюдал не раз, нет у них частенько только одного — обычного человеческого счастья, простых, но таких душевных семейных отношений. Поскольку женаты они, в основном (есть, разумеется, и исключения), на очень красивых и очень пустых дамах. Интеллектуальные устремления которых дальше шопинга и путешествий не простираются. А, живя с пустышкой, и сам становишься постепенно пустым, как «кимвал звучащий». Ибо, как сказал поэт: «Можно украсть что угодно, счастья, увы, не украсть».

Вот и закончить свои рассуждения, может быть, и с не совсем причисанными мыслями, мне хочется оптимистичными стихами этого самого ангарского поэта Владимира Сазонова из его нового сборника «Возраст луны»:

*Мы шли по жизни трудно и непросто,
Мы набирались опыта сполна,
И всё же на случайном перекрёстке
Свела нас жизнь, да здравствует она.
Теперь мы знаем: без любви преступно
По жизни в одиночестве идти,
Но как её, богиню, всё же трудно
Средь серой повседневности найти.
Безверья умножаются примеры,
Но длится жизни трепетная нить.
Союз двоих — извечный символ веры.
И это никому не отменить!*

«...Значит, нужные книги ты в детстве читал»

Вообще-то, книги, а особенно нужные — то есть хорошие, следует читать всегда. В детстве, отрочестве, юности, зрелом возрасте, и даже в старости, чтобы постараться избежать мазама. А ещё по той простой причине, что настоящая художественная литература — это не только не кривое, а реальное зеркало, отображающее всевозможные, весьма причудливые, и даже, порою, нелицеприятные и трагические моменты нашей жизни, но ещё и очень хороший учитель. И недаром же учителя и средней и высшей школы говорят, что знание мы дать можем, а вот понимание нет. Понимание жизни даёт только собственный опыт (порою очень горький) и литература. Именно поэтому в незабвенные советские времена писателей называли инженерами человеческих душ. А душа человека, как известно — это дело тонкое...

А ещё читать следует (но именно хорошую литературу, а не макулатуру, которая ныне, увы, преобладает на прилавках книжных магазинов) для того, чтобы не стать уж совершенным дебилом от порою чрезмерного общения с компьютером, телевизором и прочими новомодными штучками современного мира. Ибо только чтение, хотим мы того или нет, развивает наш мозг. Учит строить логические умозаключения, правильно и красиво выражать свои мысли. Одним словом, хорошая литература учит нас правильным ориентирам, а значит и достойной жизни. И происходит это оттого, что в процессе вдумчивого, неторопливого чтения в нашем мозгу задействуются очень многие его центры. Ведь, читая книгу, человек (неосознанно даже) следит за сюжетом, соглашается или не соглашается с автором, сопереживает или не сопереживает героям произведения, ставит себя на их место. Кроме всего прочего, книга — это ещё и произведение искусства. Совместный труд автора, художника, дизайнера, корректора, редактора, издателя...

А как приятен сам шелест страниц новой книги. Её неповторимый запах. Когда, открывая новую, доселе не читаную тобой книгу, ты находишься в предчувствии чего-то таинственного, но обязательно хорошего и необычного, как бывало с нами в детстве, в первое новогоднее утро, когда мы подбегали к ёлке. А под ней для нас обязательно лежали подарки, оставленные добрым Дедом Морозом...

Но всё это справедливо и относится лишь, как я уже обмолвился выше, к хорошим книгам. Хотя и здесь есть свои оговорки. До хороших книг, до классики, если хотите, человек должен всё-таки дорасти, созреть. И я, например, считаю, что изучать в школе бесспорно могучую книгу Фёдора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание» — это преступление без наказания. Ибо соблазн оправдания Раскольниковым убийства старухи-процентщицы для неокрепших умов слишком велик. А вот его повести «Кроткая» или «Бедные люди» можно читать в любом возрасте. Подобные предостережения относятся и к другому классику русской литературы Льву Николаевичу Толстому. Ибо читать его «Анну Каренину» в юные лета я бы не советовал. У нас и без того суицидников хватает. Особенно в юности. А вот его чудесные повести «Казачьи» или «Два гусара» в школьной бы программе, по-моему, не помешали. Да и роман «Война и мир» — тоже. Из Алексея Толстого я бы посоветовал обязательно прочесть роман «Пётр I». А из Ивана Сергеевича Тургенева — не «Отцы и дети», хотя это очень хорошее произведение, а «Асю», «Первую любовь». У писателя-эмигранта Ивана Сергеевича Шмелёва — «Лето Господне». Тогда и мозги у наших детей будут работать в нужном, духовном направлении, а не простаивать. Или не засоряются, как это зачастую

происходит от общения с компьютером, этой системой строгих посылов и команд. Или, уж тем более, от многочасового глядения телевизора, с экрана которого в наши головы, при помощи виртуозных создателей различных программ и шоу, зачастую такой неудобоваримой продукции (очень часто весьма низкопробной и с этической, и с эстетической, и с моральной точек зрения), попросту, вливаются помои. Или отстой, как говорит современная молодёжь...

Вообще же, если очертить круг чтения, проверенный на собственном опыте, то я бы порекомендовал ещё целую череду авторов, которые лично на меня произвели очень большое впечатление.

Это, несомненно, Пушкин с его «Барышней-крестьянкой», «Маленькими трагедиями», «Капитанской дочкой»;

Лермонтов — с его «Героем нашего времени»;

Гоголь — с его великолепными «Вечерами на хуторе близ Диканьки»;

Бунин — с его «Тёмными аллеями», которые и сам он считал своим лучшим произведением;

Горький — с его ранними рассказами «По Руси»;

Леонид Андреев, Куприн — со множеством их рассказов, и особенно «Иосиф Аримафейский» и «Суламифь»;

Александр Грин — почти со всеми его рассказами и повестями;

Шолохов — с его романом «Тихий Дон».

Ближе к нам по времени, никак не обойтись без таких авторов, как Александр Вампилов (особенно его пьеса «Прощание в июне» и ранние рассказы), Валентин Распутин (особенно его рассказы «Рудольфио», «Мама куда-то ушла», повесть «Последний срок»), Виктора Астафьева с его романом «Царь-рыба»;

Ну, и конечно же, никак не обойтись без такого проникновенного мастера какой-то почти неуловимой, акварельной прозы, как Юрий Казаков, с такими шедеврами, как «Во сне ты горько плакал» и «Свечечка»...

Без этих, перечисленных мною авторов (я не касаюсь здесь хороших зарубежных писателей, таких как Хемингуэй, Фолкнер, Пруст, Камю, Сартр) мир ваш будет не полон и скуден. И сами вы будете серы...

Но поскольку книги постоянно кем-то пишутся, и постоянно где-то выходят, я и хочу продолжить свой разговор.

Заголовок для своей статьи я взял из последней строфы (всего их там двенадцать) песни Владимира Высоцкого, написанной им к кинофильму о Робин Гуде.

Приведу целиком это крайнее четверостишие баллады, чтобы вы имели представление, о чём идёт речь.

*Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почём,
Значит, нужные книги ты в детстве читал.*

Причём, Владимир Высоцкий долго не мог определиться с названием этой баллады. Он называл её на разных выступлениях то «Балладой о детстве», то «Балладой о книгах», то «Балладой о геройстве». Что, кстати, нечто совсем иное, чем новомодное ныне явление, именуемое лидерством. Ибо лидер чаще всего и прежде всего думает о себе самом, любимом, и своей карьере. И может легко подставить, если ему это выгодно, своих же друзей. Герой же думает о людях. И ради них он совершает подвиги. За что они и отвечают ему взаимной любовью или, напротив,

ненавистью, как это было с Горьковским Данко. Вот и в песне Высоцкого речь идёт, на мой взгляд, фактически о становлении характера, о человеческой личности.

И неважно, что баллада эта написана о XII или XIII веке, когда жил отважный Робин Гуд. Эта баллада и о нас с вами. Поскольку, из какого источника мы пьём, таковыми и становимся. А настоящая литература — это благодатный, светлый источник. Из которого не только полезно пить, не боясь отравиться, а даже необходимо насыщаться им, чтобы возрастать духовно, постоянно...

Итак, о книгах, недавно или уже давненько прочитанных. О, так называемых, раскрученных и не раскрученных авторах.

Начну с романа Ирины Кисельгоф «Пасодобль танец парный», вышедшего огромным (для нынешних времён) тиражом в московском издательстве «АСТ».

Сразу же разьясню, что пасодобль в переводе с испанского означает «двойной шаг». Сам же танец имитирует корриду, где в качестве быка или, точнее сказать, бычихи выступает партнёрша танцора, изображающего танцевальными па, соответственно, матадора, покоряющего свою партнёршу.

Роман Ирины Кисельгоф — книга о семейной жизни, сюжет которой многие критики поспешили даже сравнить чуть ли не с романом Льва Толстого «Анна Каренина».

На мой же взгляд, роман Ирины о безумной (в его начале) любви, до безумной же (в его конце) ненависти друг к другу молодой семейной пары, это что-то совершенно непонятное ни по жанру, ни по содержанию, состоящее из неких рваных кусков, между которыми автор, как ей кажется, излагает умные мысли. Отчего и получается, что роман этот так же мало похож на роман Льва Толстого (где все действия героев мотивированы прежде всего психологически), как картонные декорации дешёвого спектакля — на реальную жизнь. И это несмотря на все старания автора не только чрезмерно умничать, но и излагать отношения между партнёрами настолько откровенно, что никакой тайны в них уже не остаётся. Впрочем, описание, в конечном итоге, не чувств человеческих, а физиологии отношений — это почти закон современной литературы. Где чем пошлее, тем значит лучше. А на самом деле — безвкуснее, безобразнее. То есть, без образа человеческого, как такового, превращённого автором в своей нашумевшей книге в примитивное животное.

Одним словом, после прочтения данного произведения, у меня долгое время было устойчивое тошнотворное чувство, от которого хотелось избавиться кардинально — выbleвав весь этот роман из себя, дабы очистить организм от последствий самоотравления.

Другой, ещё более раскрученный, чем Кисельгоф (у которой в её произведении киселя, вернее тягучей жижи, действительно много, а вот гофа, вернее гопы — не говори гоп, пока не перепрыгнешь, — совсем нет), автор, живущий в Перми, Алексей Иванов.

Произведения его у всех на слуху. Это: «Общага на крови», «Золото бунта», «Сердце Пармы», «Тобол. Мало избранных», «Географ глобус пропил»...

О последнем упомянутом мною романе трещали, в своё время, повсюду, как не просто о выдающемся, а о гениальном произведении. Предполагая, по-видимому, что и сам Фёдор Михайлович Достоевский, с его невероятно мощным по психологии романом «Братья Карамазовы», прослезился бы от бессилия, прочитав сей «гениальный» роман, пожалев о том, что не он написал. Настолько, по мнению критиков, автору удалось проникнуть в глубины человеческой души.

Вот, кстати, как сам автор оценивает своё произведение: «Это роман не о том, что весёлый парень Витька не может в своей жизни обрести опору. И не о том, что молодой учитель географии Служкин влюбляется в собственную ученицу. Это роман о том, как много человеку требуется мужества и смирения, чтобы сохранить «душу живую». Не впасть в озлобление или гордыню, а жить по совести и любви».

Какие правильные, хорошие слова! И порою, в особо хороших местах этого романа (поскольку автор, несомненно, человек не бесталанный), возникает чувство, что они и станут путеводной нитью в канве повествования. Однако этого, увы, не происходит. И на протяжении почти всей книги мы наблюдаем главного героя Виктора Служкина в его стационарном состоянии — постоянного пьянства или тяжкого похмелья. Когда он не только не стремится обрести какую-то опору, а вообще ни к чему не стремится. И ни о каком мужестве (герой человек очень слабый), а тем более смирении, речи в романе и вообще нет. Да, герой пытается — обычно как всегда по пьяни, производить некие, похожие на человеческие, действия или рассуждать о сложной человеческой природе. Правда, и то и другое Служкину удаётся с трудом. Поскольку, похоже, единственной путеводной звездой на протяжении всей книги ему служит бутылка. Отчего и действия его нормальному человеку абсолютно чужды и непонятны. Да и неприемлемы. Например, он (при этом шутя и сыпля прибаутками) фактически подкладывает свою жену под своего друга — удачливого бизнесмена, как-то, весьма неуклюже впрочем, обосновывая это. Сам в перерывах между рюмочками «трахается», как он выражается, со своей давнишней, со школьных лет, знакомой. А иногда напивается до того, что и этим, любезным его сердцу после выпивки делом, заняться не может, падая почти бездыханным от чрезмерно выпитого, не на диван к своей коллеге по школе, а на пол. И уж совсем непонятно, за что, за какие такие заслуги, может полюбить своего учителя географии четырнадцатилетняя школьница (хотя, в этом нежном возрасте чувств, увы, избыток, а мозгов, увы, недостаток) Маша. Нет там, в этом повествовании, на мой взгляд, никакого посыла к тому со стороны чистой, неиспорченной девушки. И такую любовь может оправдать только то, если Маша является совершенно уж законченной мазохисткой...

Одним словом, действия «героя» романа, какого-то жалкого, ничего кроме безразличности или сочувствия вызвать, в конечном итоге, не могут.

Не хочу далее рассуждать об этой книге, и, особенно, о книге «Общага на крови», которую я тоже прочёл ради чистоты эксперимента, и тоже с трудом, и которая, на мой взгляд, ещё хуже «Географа...»

Хочется заметить, опять же на мой взгляд, что наши региональные писатели (во множестве своём), по сравнению с этими захваленными критикой авторами, заслуженно выглядят просто классиками отечественной литературы.

Далее заниматься разбором книг я не стану, поскольку задача моей статьи совсем иная, не критическая, а указательная, векторная. Показать где, на мой взгляд, современная литература хороша, а где она так себе — для времяпровождения в лучшем случае, как детективы Донцовой, Марининой и иже с ними.

Теперь о книгах, на мой взгляд, неплохих, и даже в какой-то степени хороших.

В декабре, находясь со своей женой, подполковником МВД, на отдыхе в их подведомственном санатории в Сочи, я прочёл прекрасную толстенную книгу Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Это роман-идиллия.

Книга автобиографическая. Но автор там не выпячивает самого себя. Не становится бронзовым памятником. Он описывает время, в котором жил. И делает

это настолько изящно, искусно, мастерски, что каждый день, прочитывая какое-то количество страниц этой книги, я сожалел о том, что их впереди остаётся всё меньше и меньше. Настолько это было приятное, наполненное самой жизнью чтение. Отчего и процесс этот хотелось длить и длить...

А ещё, буквально на днях, я прочёл книгу нашего старейшего работника Иркутского телевидения, режиссёра Ирины Бухаловой: «Всем спасибо, запись окончена!».

Книга выстроена автором, как добрый диалог на кухне (со множеством отступлений от основного сюжета, что собственно и бывает при дружеской беседе). И книга эта такая добрая. И в ней столько ценной информации о становлении телевидения в Иркутской области, что я искренне порадовался за автора книги, сделавшего нам, читателям, такой подарок.

И ещё одна иркутянка, член Союза писателей России, преподнесла нам недавно подарок. Выпустив в московском издательстве «Молодая гвардия» в одной из старейших, знаменитейших, и, что очень немаловажно, читаемых серий — «ЖЗЛ», книгу о выдающемся художнике Василии Сурикове. О котором написано уже столько книг, что, вроде бы, ничего нового и сказать уже невозможно. Даже его внучка Наталья Кончаловская (мать режиссёра Андрона Кончаловского) написала книгу о нём. Однако Татьяне удалось, всё-таки, «нарыть» немало нового, неожиданного порою, материала для своего титанического труда. Отчего и книга получилась не просто очень содержательная, познавательная, но ещё и интересная.

Хочется сказать и ещё об одной книге, написанной, кстати, не профессиональным литератором, но человеком дотошным, скрупулёзным и очень внимательным. Это книга Ирины Прищеповой «Творческая гавань Байкала», выпущенная издательством ИГУ в 2020 году. Она о писателях и художниках, живших или живущих до сих пор в прибайкальском посёлке Порт Байкал.

Книга, на мой взгляд, очень неплохая, поскольку написана с большой любовью к своим героям. Писателям Глебу Пакулову, Сергею Иоффе, Борису Лапину, Владимиру Жемчужникову и Нелли Матхановой. Художникам — Льву Гимову, Николаю Житкову, Анатолию Аносову, Галине Новиковой. А ведь всё это наши безвестные известные земляки...

Возьмите эту книгу, почитайте её. Она того стоит.

И ещё, так сказать на посошок, хочу сказать и о себе любимом.

Мой роман «Уходящее время», вышедший на исходе 2017 года, точнее 26 декабря, в нашем региональном издательстве «ВостСибкнига», в течение только одного месяца (и это несомненно удивительно для нашего времени) разошёлся полностью. То есть это был не просто спрос, а ажиотажный спрос, честно говоря, для меня неожиданный, но приятный. И поэтому, как бы я ни хотел, я не могу вам порекомендовать прочесть эту книгу, поскольку её в продаже уже просто нет... Но я надеюсь, что выпущу ещё какие-нибудь свои книги, хотя сейчас это совсем не просто. И, может быть, у них будет такая же счастливая судьба, попасть в руки читателям. Ибо, так же, как и театр, не имеющий зрителя, не может существовать. Так и литература, у которой нет читателя, просто труп...

И закончить сию статью мне хочется цитатой Ивана Алексеевича Ильина, не принявшего октябрьского переворота 1917 года. Профессора Берлинского университета, автора более 40 книг, выдающегося русского философа и публициста, написавшего большую часть своих работ в эмиграции.

В своей статье о творчестве Шмелёва (чѐй прах, кстати, согласно его завещанию был перевезѐн вместе с его женой Ольгой в 2000 году с парижского кладбища в Донской монастырь в Москве) он писал:

«У каждого народа есть в душе таинственная, подпочвенная глубина — источник его творчества и его духовности. Эта глубина таинственна и по происхождению своему, и по содержанию. Обычно люди не замечают её — они просто живут ею, как если бы она была незримым для них воздухом их дыхания или неосозаемым, внутренне излучающимся из них светом их жизни. И может быть, даже это не они живут ею, а она живѐт ими, дышит, поѐт, стонет, скорбит, мучится и созидает через них...

Эта глубина недоступна рассудку. Для него она закрыта мглою настолько, что он обычно не знает о ней ничего, и когда слышит о ней, то изумляется и отрицает её бытие.

А между тем она-то и есть самое существенное в жизни человека».

Именно этим, самым существенным в жизни человека, обращением к его бессмертной душе, и занимается настоящая литература. А всё остальное — просто фарс.

А поскольку классическая русская литература до сих пор является мировым чемпионом в этой сфере человеческого духа, то её, в первую очередь, и следует читать для развития ума и поправки нравственного здоровья.

На сей мажорной ноте я, пожалуй, и закончу свои рассуждения о круге чтения.

Угрюмые глаза наших детей

Сразу же оговорюсь и скажу, что эта статья написана о поколении 80-х годов прошлого, двадцатого века. Именно по этому поколению, словно каток, укатывающий асфальт, безжалостно прошли все так называемые либеральные реформы, проводившиеся в нашей стране и над нашим народом, с середины восьмидесятых. Сначала — горбачѐвская «перестройка», потом — «Лихие девяностые», разгул криминала и дикого капитализма, локальные войны в нашем многострадальном отечестве. И всё это — вплоть до нулевых годов в конце века двадцатого. И в начале века двадцать первого.

А начать я хочу с того, что, признаюсь, давненько я уже не слышал беззаботного, жизнерадостного смеха нашего сына, недавнего выпускника иркутского классического университета...

Впрочем, и товарищей его весельчаками не назовѐшь...

Хотя, почти все они ребята, как говорится, из благополучных семей. И не какие-нибудь там болезные хилыки, а обычные, физически крепкие и, слава Богу, нормальные, во всех отношениях, молодые люди. Из проходящих к нам в дом однокурсников и просто приятелей сына — только один или два человека курят. А если и выпивают изредка, то, в основном, лишь пиво.

Чего, казалось бы, ещё желать родителям таких ребят? Тем более что подавляющее большинство из них учатся в том или ином вузе. Правда, не как в наше время, на бюджетной основе — когда государство не только обучает бесплатно, но ещё и стипендию студентам платит, а на коммерческой основе, когда за учёбу они должны платить сами. Или, как правило, их родители. Причем, за учёбу порой весьма халтурную, не дающую ни настоящих знаний, ни практических навыков.

Ибо всевозможных «Академий», «Университетов» различного профиля (обычно института уже нигде и не встретишь) развелось, что бездомных собак. Любое бывшее ПТУ (профессионально-техническое училище) стремится присвоить теперь себе статус вуза. Подобный тип «высшей школы», где основа — это деньго-собираемость, а не глубокие знания, увы, тоже ныне неотъемлемая характерная черта нашего времени.

Вторая же характерная черта его состоит в том, что к учёбе нынешняя молодёжь относится, несмотря ни на что, весьма серьёзно. Теперешние студенты привилегий советского времени лишены. И их серьёзное отношение к занятиям — это, прежде всего, желание, может быть даже не всегда до конца осознанное, опередить своих сверстников — потенциальных конкурентов, в знаниях, чтобы со временем получить более престижное место в жизни, которое бы могло им обеспечить сносную жизнь в наше очень непростое время.

В связи с этим я назвал бы современную молодёжь честолюбивыми реалистами.

С одной стороны, с юношеским максимализмом (чтобы и квартира своя была, и деньги до зарплаты не занимать) они мечтают хорошо, и даже очень хорошо, устроиться в жизни и по возможности преуспеть в ней, даже если для этого надо будет много и тяжело трудиться. А с другой стороны, они понимают, что шансов на подобную удачу у них, простых, не «элитных» детей, когда очень многое вершится по знакомству, не так уж и много.

Из-за отсутствия чётких и ясных ориентиров впереди, от непредсказуемости своего будущего, у современной молодёжи сложилась одна общая черта. Некая, присущая почти всем молодым людям, без исключения, грусть, печаль, угрюмость, словно застывшая в их взорах. Будто они знают, испытали уже нечто такое, чего мы не знали и не испытывали в свои двадцать с небольшим лет, лишённые нынешней непосильной для юных плеч неопределённости своего будущего.

Ибо невостребованность поколения своему отечеству светлых чувств у них пробуждать, конечно же, не может.

Не оттого ли любое, даже положительное, сообщение средств массовой информации воспринимается ими весьма настороженно или иронично. Негатив же, напротив, расценивается как нечто само собой разумеющееся, нормальное, привычное...

Пожалуй, поэтому лучшим другом современного молодого человека становится компьютер.

Опасная, на мой взгляд, тенденция — уход от действительности в так называемый виртуальный мир.

Но зато как много интересного в этом мире, где тебя никто не «загружает» жизненными проблемами, где ты сам себе хозяин, сам можешь вершить судьбы людей или связываться по Интернету со своими сверстниками, мгновенно преодолевая любые расстояния.

К тому же, компьютер — это ещё и надёжный помощник. Из него можно «черпать» различную интересующую тебя информацию. Из него можно «передрать» курсовую работу по «необязательному», «просто нагрузочному», а потому непригодному к реальной жизни предмету.

Одним словом за компьютером, в отличие от того же телевизора (большинство программ, прокручиваемых там, воспринимаются современной молодёжью, кстати сказать, с плохо скрываемой брезгливостью), проводится немалая часть (хорошая) времени, свободного от основных занятий, то бишь — учёбы.

Пожалуй, равная же по времени часть досуга достаётся штудированию весьма своеобразных газет. Таких, например, как «Все объявления Иркутска» или какая-нибудь «Доска объявлений». Не их чтению, поскольку читать там, в принципе, нечего, а доскональному изучению объявлений, касающихся каких-либо вакансий.

После тщательного просмотра, подчёркивания нужных объявлений начинается не менее изнурительный и унижительный процесс, чем-то напоминающий ремесло проститутки, предлагающей себя потенциальным клиентам, а именно — обзванивание предполагаемых работодателей.

Как правило, если это даже мало-мальски «солидная фирма», которых вдруг, просто из ничего, развелось так много, после двух-трёх фраз — поступает отказ! Поскольку более-менее устойчивым структурам — не «бабочкам-однодневкам», нужны «мэтры» и «зубры», то есть профессионалы, коими по причине отсутствия какого-либо рабочего опыта молодые люди являться, естественно, не могут. Да солидные фирмы обычно и не дают объявлений о приёме на работу, поскольку пополняют свой штат исключительно по рекомендациям или по родственным связям и, очень редко, по знакомству. Блюдя таким образом («от чужаков») «чистоту клана».

Объявления же, в основном, дают всевозможные микроскопические фирмы и фирмочки, желающие при помощи бесправной и дешёвой рабочей силы как-то, хоть на некоторое время, закрепиться в наших непредсказуемых, называемых почему-то «рыночными» условиях.

Основной спрос подобных «лохотронных» объявлений, как я заметил, на различных рекламных агентов «по методике агрессивного маркетинга», когда и на улице, и даже в учреждении, где вы работаете, вам могут предложить «на очень выгодных условиях» никому не нужный товар бойкие ребята. Вернее, старающиеся таковыми казаться.

Немалый спрос есть и на людей, которые готовы вести заморочку голов доверчивых (всё ещё) российских граждан участием в каком-либо «очень выгодном и быстро приносящем доходы» проекте, типа «Рога и копыта» или «МММ-2».

В остальном же — «традиционный набор хромосом» весьма ограничен. В лучшем случае, и то если повезёт, вы можете устроиться охранником (без всяких льгот, защищающих ваши права) в какой-нибудь очередной, недавно открывшийся, торговый комплекс с окладом аж... в 900 рублей в месяц. Не густо, не правда ли? При нынешнем официально установленном прожиточном минимуме в 1700 рублей. (Цифры даны на начальные годы двадцать первого века — В.М.)

Как прожить молодому человеку на такую зарплату? А если ещё надо содержать семью или откладывать на баснословно дорогие ныне, почти золотые, квартирные метры. Ведь не под мостом же жить человеку.

После десятков звонков в различные учреждения, из которых в «сухом остатке» «выпадает» лишь несколько фраз: «Позвоните ещё раз», «Заполните анкету», «Приезжайте, посмотрим» — глаза наших детей становятся ещё темнее и угрюмей. И в них уже проскальзывает некая, чёрная от безнадёги, решимость, когда: «А, всё дозволено!».

Эта решимость пугает меня, но помочь я, увы, тут ничем не могу, поскольку являюсь простым, не «блатным», то есть без влиятельных связей, человеком.

Наблюдать же эти ежедневные многочасовые звонки, когда постепенно угасает не только голос, но и вера в то, что ты, твоя молодость, твоё желание работать, твои знания и силы хоть кому-нибудь нужны, очень тяжело...

И ребята (не все, конечно) всё чаще и чаще начинают тянуться к рюмке, вернее к пластиковому одноразовому стаканчику, где-нибудь в подворотне, со своими сверстниками, заливая алкоголем свою неудовлетворенность и злость. А бывает, приходят и к тому, что позабористее — к наркотикам.

Только из нашего двора одного парня убили, ударив трубой по голове, такие же, как он, подгулявшие сверстники. Убили ни за что, куража ради. Другой — надёжно «сел на иглу». Третий — сидит в местах не столь отдаленных, потому что, возжелав «красивой жизни», захотел «сшибить деньгу, по-быстрому» в чужой квартире.

А ведь я их всех помню славными малышами со светлыми волосами и счастливыми глазами...

А что же делать тем молодым людям, которые не впадают в эту экзальтированную разлюли малину: «А, живём одна!»? Тем, у кого есть некие нравственные принципы и ориентиры? И которые на фоне всеобщего и почти узаконенного воровства хотели бы честно приносить пользу не только себе, но и своему отечеству?

Вопросы без ответов, но с далеко идущими и прогнозируемыми негативными последствиями, поскольку, если целое поколение восьмидесятых годов прошлого века, на которых пришёлся основной удар «демократических преобразований», брошено на произвол судьбы своим государством, то и само государство не может ждать милости от такого поколения. Так что не шумите, что скинхеды и фашиствующие молодчики всюду расплодились, как ядовитые грибы. Это болезненная реакция брошенного вами поколения, желающего хотя бы силой установить «справедливость».

Подобная ситуация всеобщего недовольства существом жизни в конце позапрошлого и начале прошлого века уже была обозначена Константином Петровичем Победоносцевым в статье «Болезни нашего времени», в которой он, в частности, писал: «Все недовольны в наше время, и от постоянного, хронического недовольства многие переходят в состояние хронического раздражения. Против чего они раздражены? Против судьбы своей, против правительства, против общественных порядков, против других людей, против всех и всего...».

Во что это «хроническое раздражение» вылилось в первой четверти XX века, мы уже знаем.

И очень не хотелось бы повторения подобной вакханалии. Тем более, когда культ личности вульгарно и почти повсеместно заменён культом наличности, что гораздо страшнее, ибо более безнравственно...

А знаете, чего мне больше всего не хватает теперь? И чего мне больше всего хочется? Очень немногого в принципе, почаще слышать счастливый смех наших детей.

P.S. Поймите меня правильно. Я не утверждаю, подобно Томасу Карлейлю (английский публицист, историк, философ), что «любая реформа, кроме моральной, бесполезна». Я даже допускаю, что реформы необходимы. Но необходимы они лишь тогда, когда совершаются для блага большинства людей, а не кучки привилегированных негодяев. Когда ради реформ не «сокращается на ноль» и «не выносятся за скобки» целое поколение.

Самое печальное, что статья эта была написана более десяти лет назад. В первые годы третьего тысячелетия. Когда ещё верилось, что пробуксовка государственной машины вот-вот закончится, и жизнь людей, простых людей, а не воров в законе, ласково именуемых у нас ныне олигархами, начнёт помаленьку улучшаться. Увы, мои надежды не сбылись. Точнее, сбылись наполовину. Кто-то из друзей сына закрепился на работе и теперь «ходит в должность». Кто-то женился, развёлся и женился вновь. У кого-то даже появились дети, и теперь они живут на съёмных квартирах, потому что своих у них нет. И неведомо когда будут, ибо нынешние механизмы приобретения жилья в принципе неподъёмны для простого человека. Кто-то, сменив массу профессий, из-за невозможности устроиться по специальности, начал «по-чёрному» пить, всё больше напоминая бомжа, не имеющего возраста... Сын мой тоже успел поработать и продавцом компьютеров, и менеджером, и монтажником, устанавливая желающим пластиковые окна...

Теперь он учится в частной «художке», надеясь со временем научиться создавать компьютерные мультики. Платит за учение сам, сдавая свою однокомнатную квартиру приятелям. Квартиру эту мы всей семьёй сумели несколько лет назад купить ему, вложив все свои сбережения, взяв кредит и продав однокомнатную квартиру моей сестры, полученную ею от государства ещё в советское время, поскольку сама она после смерти родителей переехала в их «апартаменты».

Живёт сын со мной, потому что год назад я лишился жены, а он матери. И вместе нам как-то легче переносить это горе... И теперь уже в различные конторы он не звонит. Он рассылает туда бесчисленные резюме по электронной почте... Правда, с прежним результатом, поэтому вот уже больше года он снова без работы. И мы пытаемся прожить на мою пенсию, которая превышает нынешний прожиточный минимум по нашему региону, определённый в 4087 рублей (цифры 2009–2010 годов — В.М.), на две тысячи. И у меня в связи с этим есть вопрос для тугодумцев, областных и российских, реально ли это при нынешних запредельных ценах на всё и вся, отнюдь не малых тарифах на ЖКХ, телефон, электроэнергию, прожить вдвоём на такую сумму? Вопрос, понятно, риторический, но всё же...

P.S.S. Ещё раз дополнить сию статью я хочу уже новыми сведениями.

Теперь сын, слава богу, после 18 лет скитания по различным работам и работёнкам, работает, хоть и не по специальности, но в близкой ему сфере — компьютерного программирования в одном из ведущих вузов Иркутска. Женат. Имеет двух детей. Живёт в нашей трёхкомнатной квартире, поскольку купить новую, при зарплате в 30 тысяч, невозможно. Именно поэтому я и подарил ему нашу прежнюю, трёхкомнатную квартиру, а он отписал мне свою — однокомнатную, в которой я теперь живу в мансардном этаже.

Пенсия у меня ныне, со всеми многолетними надбавками, чуть больше 14 тысяч. Из которых почти 3 тысячи я плачу за квартиру и все прочие «услуги» (только в кавычках по отношению к ЖКХ я могу писать это слово) ЖКХ, Интернет, телевизор, вывоз мусора, капитальный ремонт (коего, конечно же, я никогда не дождусь). Ибо, даже в нашей прежней квартире, по улице Марата, 2, в доме 1937 года постройки, где все межэтажные перекрытия деревянные, давно уже просевшие и, к тому же, пожароопасные, и где теперь живёт семья моего сына, капитального ремонта до сих пор ни разу не было...

Но вернусь к себе любимому.

Итак, пенсия моя ныне (на ноябрь 2020 года — В.М.) чуть больше 14 тысяч рублей. А прожиточный минимум в нашем регионе определён в 12 тысяч.

Вот и скажите мне, дорогие тугодумцы городского, областного и российского масштаба, — можно ли прожить на оставшиеся после оплаты ЖКХ 10 тысяч целый месяц, покупая при этом не только немудрящую, самую дешёвую еду, но и лекарства, невероятно дорогие, да ещё, изредка хотя бы, и одежду какую-нибудь?.. То есть получается, как в анекдоте: «На тебе, сыночек, рубль, и ни в чём себе не отказывай!..»

Вопрос, я понимаю, к депутатам всех рангов, риторический, но всё же, всё же...

Ведь так хотелось бы верить в то, что и о народе (кроме единичных людей, облечённых властью) тоже кто-нибудь когда-нибудь подумает...

ВАСИЛИЙ СКРОБОТ

Совесть

РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕСПАРТИЙНОГО ПЕНСИОНЕРА

Чем больше лет ходишь по грешной земле, тем чаще и чаще возникают вопросы к обществу о смысле жизни, вопросы вечной борьбы добра со злом, правды с ложью. Ответов понятных нет, или они тонут в предположениях и словоблудии.

Хотя, казалось бы, такие истины и атрибуты бытия, как совесть, честь, правда, ложь, которые всю жизнь сопровождают нас, понятны и живут в наших душах и головах.

Давайте поговорим о СОВЕСТИ, ибо это чувство, по моему мнению, является стержневым фактором, характеризующим нравственное здоровье не только каждого человека, но и общества в целом.

По библейскому определению «Совесть является частью человеческой психики, она вызывает душевную боль и чувство вины...»

В Новом Завете в Первом Соборном Послании святого апостола Петра (гл.3 — 16, 17) нам даются наставления: «Имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе», и «Ибо если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые».

СКРОБОТ Василий Александрович родился в 1941 г. в дер. Андрюшино, Иркутской обл. В 1958 г., после окончания Селецкой средней школы в Брестской обл. в Белоруссии, приехал на строительство Братской ГЭС. Учился в Иркутске, работал в Норильске. В 1971 г. вернулся в Братск, прошел трудовой путь от рабочего до зам. Генерального директора объединения Сибтепломаш. Первые стихи опубликованы в газетах «Огни Ангары» (Братск) и «Заполярная правда» (Норильск). Изданы поэтические сборники, книги «*Повиниться хочу...*», «*Горечь*», «*Исповедь*» и др. Член Союза журналистов СССР и России, член Союза писателей России. Живет в Иркутске.

Я стараюсь не затрагивать вопросов политики, экономики, экологии, хотя на потребительском уровне жизни простой семьи, все это не может оставлять меня равнодушным к окружающей действительности.

В 70-е годы прошлого века (Боже мой, неужели?), после окончания Иркутского авиаучилища, я несколько лет жил и работал в Норильске. Объездил поселки Таймыра, любовался природой тундры, неукротимой стихией полярных сияний, и наслаждался рыбной ухой на озере Пясино, печально прославленном сейчас нынешними нуворищами — новыми хозяевами богатств нашей светлой и добросердечной России. Сам Норильск (его тогда называли «маленький Ленинград») был жемчужиной Крайнего Севера. Жить там было определенной привилегией, и не только металлургов и шахтеров, но и интеллигенции. В Норильске огромные металлургические заводы, рудники, шахты, что, естественно, предполагает вредные отходы и другие побочные вещества, наносящие вред природе и атмосфере. Но город оставался привлекательным, тундра сохранялась, что подтверждалось тысячами пасущимися стадами оленей. Реки и озера были богаты рыбой, и это можно было видеть на прилавках магазинов, заполненных сигаами, чирами, муксуном и другими деликатесными видами рыб. Кстати, это вызывало удивление у приезжающих в Норильск людей с «материка», так норильчане и жители Таймыра называли всю страну.

А что сейчас? Позор и душевная боль. А если еще точнее — продана и предана СОВЕСТЬ тысяч и тысяч людей, создавших своим героическим трудом этот замечательный город. Отравляется богатейший край, душится флора и фауна, уничтожается уникальная, созданная Богом, природа. И возникают вопросы. Вопросы очень простые. Ведь тысячелетия жили здесь простые, наверно, безграмотные люди, берегли природу, она, в свою очередь, одаривала их своими богатствами, и жизнь шла в согласии с нравственными устоями и жизненными потребностями. А вот сейчас сюда пришли просвещенные интеллектуалы и начали наводить свой «порядок». Такой, каким он видится им — эффективным менеджерам. И что в результате? То, что мы видим сейчас. Одним словом — беда. Почему? Да потому, что раньше жили люди в ладу с совестью, бедные, но с богатой душой, а пришли богатые, но с бедной душой, без СОВЕСТИ. Вот поэтому, по моему мнению, и такой результат.

Я пишу об этом, переживаю, и меня гложет чувство вины и стыда. За что? Перед кем? Не знаю. Думаю, вернее, надеюсь, что просто сумел сохранить в своей душе такое чувство, как СОВЕСТЬ. Вот это главное мое достижение в жизни, и «слава Богу». И когда знакомые или родные, глядя на мои душевные стенания по поводу происходящих в нашем обществе и в стране событий, упрекают меня в якобы излишнем восприятии, говоря: «да что ты изменишь?», «кому ты что докажешь», «кто ты такой» и так далее, я пытаюсь это объяснить неравнодушием, тем, что я же живу в обществе, что я один из миллионов, что я — ЧЕЛОВЕК. Мне часто в таком случае вспоминаются такие строки (извините, автора не помню и не нашел): «песчинка я в Сахаре звезд, но все-таки звезда...». Сахара — пустыня.

В моей судьбе было два особо значимых для меня города — это Братск и Норильск. Эти города — гордость СССР, но я боюсь думать о будущем этих «маяков» советского градостроительства. Братск и Норильск познакомили меня с тысячами людей, с талантливыми писателями, художниками, музыкантами, артистами, чье творчество обогащало людей интеллектом, воспитывало у молодежи личную ответственность, патриотизм, нравственность и совесть. Среди таких людей

Константин Симонов, Евгений Долматовский, Людмила Татьяничева, Евгений Евтушенко, Валентин Распутин, Петр Реутский, Анатолий Горбунов, Геннадий Михасенко, Юрий Черных, Иннокентий Черемных, Ростислав Филиппов, Марк Сергеев, Сергей Иоффе, Евгений Леонов, Иосиф Кобзон и многие другие, уже ушедшие от нас (Царствие им небесное). Память о них у меня в душе, она согревает и поддерживает. А ныне живущих — еще больше, но я, чтобы никого не обидеть, не буду называть, ибо всех назвать просто невозможно. Дай Бог вам всем здоровья, добра и сохранения СОВЕСТИ.

Вот и нынешняя ситуация с пандемией, вроде бы, неожиданной и непонятной, подталкивает меня, как, думаю, и других людей, к размышлениям о превратностях судьбы не только каждого из нас, но и всего человечества. Невольно возникают вопросы: случайно это или закономерно, предупреждение или наказание, очередной упадок или шаг в неизведанное? Никто не может развеять наши сомнения и дать хотя бы вразумительное объяснение. Хотя, казалось бы, и сейчас, как тысячи лет назад, есть ученые, или, чему мы мало верим, свои провидцы, предсказатели и пророки. А может быть, это Господь в очередной раз показывает нам нашу ничтожность и бессилие, предупреждает и призывает нас подумать о высшем разуме, о праведности нашей земной жизни. Возможно — это «последний звонок». Давайте подумаем об этом, о том, как мы живем, как мы обращаемся с природой, и в ладу ли мы с СОВЕСТЬЮ.

Ответ я для себя нашел в книге книг — Библии, в книге Екклесиаста или проповедника. Гл. 1–18. «Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». И еще цитата древнееврейского царя Соломона: «От многой мудрости много скорби, и умножающий знание умножает печаль».

Меня очень тревожит то, как складываются в последние десятилетия отношения в семьях, т.н. проблема отцов и детей. Впрочем, эти отношения волновали думающих людей и столетия назад. Мы знаем и читали на эту тему книгу «Отцы и дети» талантливого русского писателя И.С. Тургенева. Я уже сейчас, при своей жизни, вижу, как происходит разрушение семейных ценностей, как девальвируются нравственные устои семей. Происходит отчуждение между самыми родными, самыми близкими. И сейчас, думаю, можно уже говорить не только о проблеме «отцов и детей», но и «матерей и детей». Я часто слышу на различных ток-шоу, хотя и смотрю их редко, из уст молодящихся «звезд», у которых, как правило, по несколько браков, оставленные дети и забытые родители и родственники, что они хотят жить «для себя». Я просто хочу понять, что такое «жить для себя»? И это говорят женщины, одухотворенные, нежные и добрые. Они стремятся «жить для себя», забывая о своем жизненном предназначении — рожать и воспитывать детей. Ведь только в этом счастье женщины. В этом отражается ее сущность. И только в детях созревает ее СОВЕСТЬ. Конечно, если она — СОВЕСТЬ у нее есть. Я ни разу не слышал фразу «хочу жить для себя» от мужчин. И впору спросить таких женщин: а для чего и для кого вы вообще живете? Тут говорить о СОВЕСТИ, по моему мнению, вообще не приходится. Конечно, в данной ситуации, я не имею в виду, что мать, да и отец, должны содержать и воспитывать детей всю свою жизнь. Отнюдь. Наоборот, я считаю, что, получив от родителей воспитание и образование и вступив во взрослую самостоятельную жизнь, девушки и юноши должны сами пройти свою жизненную дорогу и сами написать свою книгу жизни. Только сами и самостоятельно строить уже свои семьи, рожая и воспитывая уже своих детей. Мало того, они уже должны помогать своим родителям. Только такая жиз-

ненная эстафета обеспечивает жизнь на земле и формирует здоровое общество. Я думаю только так. А жизнь человека, в большей степени, горькая и тяжелая, и только СОВЕСТЬ помогает жить в ладу не только со всей душой, но и с другими людьми.

По моему мнению, это — катастрофа в семье, когда дочь и мама ненавидят друг друга, становятся врагами, и таких случаев мы видим немало в жизни, что отражается в передачах ТВ. Это же противоречит всем библейским, да и нравственным нормам, которые, впрочем, тоже основаны на основах христианского бытия. Хочу напомнить простые библейские истины, вернее одну из тысяч. Из книги Притчей Соломоновых: гл. 20, ст. 20 «Кто злословит отца своего и свою мать, того светильник погаснет среди глубокой тьмы» и гл. 23, ст. 22, «Слушайся отца твоего; он родил тебя: и не пренебрегай матери твоей, когда она и состарится».

Я никого не хочу судить. Я не судья и не праведник. Но для меня, ребенка из бедной многодетной семьи (нас у родителей было ТРИНАДЦАТЬ детей!!!), родители были и остаются святыми людьми. Сейчас молодым понять это невозможно, но мы всю жизнь, до их ухода, обращались к ним на «Вы». Возможно, это не показатель, но мы, в частности, я говорю о себе, каким-то внутренним чувством понимали, что мы живем на этом свете только благодаря родителям, что они дали нам жизнь, и мы, продолжая их жизнь, должны свято нести и беречь их светлый образ. Нас в принципе, в обобщенном понимании, никто и не воспитывал. Мы воспитывали друг друга, брали пример со взрослых, и, конечно, с родителей. Мы с молоком мамы впитали уважение к старшим, особенно к старикам. В наши души были вложены такие нравственные человеческие качества, как «терпеть, помогать и прощать». И именно эти качества всю жизнь объединяли нашу семью и сохраняют в ней дружбу и уважение, несмотря на иногда очень тяжелые испытания, ибо нас воспитывала жизнь.

Почему так? Да потому, что родители передали нам и воспитали в наших душах такое светлое чувство, как — СОВЕСТЬ. Именно — СОВЕСТЬ! Ее купить нельзя. Хотя сейчас, в наше злое время, когда все продается и все покупается, наверно, и совесть имеет свою цену. Но это страшно. По библейским канонам главой семьи является отец, но особенно в последние десятилетия чувствуется смещение функций мужчины и женщины. У меня ощущение, что общество уверенно идет к матриархату. Стираются роли родителей — это видно в некоторых странах. Семьи становятся безликими, рушатся вековые нравственные устои. Уже и СОВЕСТЬ становится не нормой, а порой даже унижающим чувством. Вот уже и ложь выдается за правду, и честь — стыдной. А ведь дети и подростки жадно впитывают в себя, из-за своей неопытности, все, что им кажется современным и модным. И несется галопом по миру неуважение к старшим, злоба и корысть. Идут распри между родителями за главенство, сюда же вовлекаются и дети, и пошло поехало. Какой будет результат? Не знаю, но боюсь, что страшный. Ибо рушится стержень — СОВЕСТЬ, и все чаще побеждает «золотой телец».

В книге НОВОГО ЗАВЕТА от Матфея, гл.19, ст.19 нам завещано: «Почитай отца и мать; и люби ближнего твоего, как самого себя». Вот она — главная заповедь жизни каждого христианина, простая и понятная. И надо следовать ей, надо пытаться воспитывать и сохранять в себе и своих ближних эту любовь. И любые претензии, в первую очередь, предъявлять не кому-то другому, а себе. И

чаще просить прощения у всех: у родных и близких, у знакомых и незнакомых, и всегда — у ГОСПОДА БОГА. Ибо нет безгрешных людей на земле, в том числе, я и сам — великий грешник. А то мы привыкли во всех бедах, в том числе личных, винить всех, кроме себя. И всегда надо помнить о СОВЕСТИ.

В конце концов, если я не прав, если я заблуждаюсь, то пусть меня поправят другие. Да и в споре рождается истина, чего, я не сомневаюсь, мы все хотим. Мои размышления совсем не претендуют на обобщения и не имеют под собой никакого научного или образовательного направления. И, конечно, они не для развлечения. Я просто призываю думать, пытаться вникнуть в суть нашего существования, и вкратце, насколько мне позволяют мои знания, соотнести выводы от размышлений с действительностью, с реальностью жизни простого обывателя, себя и своего современника. Несколько лет назад я написал стихи, где попытался поэтически, хотя бы в нескольких строчках, определить свое отношение к самому важному, по моему мнению, нравственному фактору жизни — СОВЕСТИ.

*Все чаще совесть мучает меня,
И никуда от этого не деться.
И я хочу от души людских согреться.
И, никого в пороках не виня,
Порадоваться вешнему дыханию.
И встретить новый день перекрестясь,
Почувствовать свою с природой связь,
И от ее величья задышаться.
Чтоб жизнь понять, не надо громких слов,
Все мудрое окутано покоем.
Живу надеждой, радостью людскою,
И за грехи покаяться готов.*

А как объясняют значение слова «СОВЕСТЬ» научные издания?

Словарь русского языка С.И. Ожегова трактует так: «Совесть — чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, обществом».

Очень понятная формулировка, но жизнь подтверждает, что у большинства людей нет этого ответственного отношения к другим, тем более нравственного отношения, что ещё больше должно усиливать эту ответственность. Но ведь, чтобы это понимать и чувствовать, человек должен обладать или выработать в себе такие качества, как самоконтроль или самооценка. Он должен сам стараться чувствовать своё место в обществе и оценивать своё поведение. И это подтверждается трактовкой значения слова «совесть» Философским энциклопедическим словарём. Цитирую:

«Совесть — категория этики, характеризующая способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков; одно из выражений нравственного самосознания личности».

Естественно то, что все люди не могут петь одним голосом, но ведь без нравственного стержня общество лютует, беднеет духом, уходит совесть. Множится пустословие, обедняется культура, и человек как личность превращается в морального калеку, т.е. в того, кто не чувствует ответственности не только перед обще-

ством, но и перед собой, кто не знает, что такое стыд. Ведь СОВЕСТЬ действует на человека как ограничитель от нравственного опустошения. СОВЕСТЬ — согревает и освещает нравственную сущность человека. И не только себя, но и других людей, с кем он соприкасается в жизни.

Думаю, что не погрешу против объективности, если скажу, что жить праведной жизнью сейчас ох как нелегко. Это как плыть против течения, надо превозмочь себя, надо надеяться только на личное ответственное отношение, надо сконцентрировать свои силы и веру. Общество живёт во лжи. Но сколько радости и гордости, сколько добавится у тебя нравственных, духовных и физических сил, когда ты пройдёшь через эти трудности и каждому, глядя прямо в глаза, сможешь сказать «это сделал я, и моя совесть чиста». СОВЕСТЬ помогает человеку творить и созидать, помогает раскрытию внутренних способностей и движет его вперед.

Мне как-то в интернете попалась вот такая, якобы шуточная фраза. Там без указания авторства было такое сообщение, цитирую: «В интернете появилась какая-то страшная байка, что в СССР в общественном транспорте люди сами бросали в какой-то ящик деньги и сами отрывали билет. И все это контролировалось какой-то СОВЕСТЬЮ?! Ужас какой-то нереальный...».

Я ни в коем случае не идеализирую СССР и, в моем понимании, как нет идеальной личности, так нет и идеального общества. Но ведь были в обществе актуальными и действенными принципами общественной жизни такие, как «каждый за всех, все за одного», «человек человеку — друг, товарищ и брат», «кто не работает, тот не ест» и др. Конечно, это были только основополагающие принципы, и не всегда, и не везде действовали, но они служили ориентиром, нравственной основой, подкрепляющей чувство коллективной СОВЕСТИ. И хотя формально отрицалось православие, но работали Храмы, нас крестили, и я всегда был верующим человеком, как, впрочем, и все мое окружение. И я, работая на передовых стройках в огромных коллективах, на себе чувствовал пульс коллективизма, дружбы и братства.

Исходя из своих многолетних личных наблюдений, я уверенно могу сказать, что только совестливому человеку присуще самоограничение во всем, благородство, стремление помочь другому, научить и простить. А у тех, кто лишен этого духовного стержня, главенствуют агрессивность, себялюбие и вседозволенность.

СОВЕСТЬ помогает созиданию во всех смыслах, а отсутствие совести наоборот: разрушает, унижает и обедняет.

К тому же, на творение подлости ума и сил всегда хватает и особых затрат не требуется, ведь когда общество лютует, нацелено на обман, то уходят все рамки приличия. А почему? Да потому, что отсутствует нравственный стержень — СОВЕСТЬ. Кое-кто может упрекнуть меня в том, что, мол, ничего нового, что это пустословие, что мы это всё сами понимаем.

Дай Бог, чтобы вы не ошиблись в своём понимании. Скажите своё слово. Я, конечно, не делаю никаких открытий в части человеческих отношений — все открытия, касающиеся человеческого общества, давно отражены в Библии.

Я просто и доходчиво говорю о том, чем болит моя грешная душа, и ещё потому, что уверен, что такую же боль испытывают тысячи и тысячи людей, и кому, я в этом уверен, нужны мои слова, и этими словами я лечу не только свою душу. Я акцентирую внимание на своих же пороках. На своих. Дело в том, что иногда люди свои пороки выдают за достоинства. Так же впрочем, как ложь выдают за правду и сами верят в это. Даже бытует такая фраза: «у каждого своя правда». Вот

тут и попробуй найти то зерно истины, которое означает действительность и не противоречит совести. Кто или что может стать мериллом как человеческих достоинств, так и человеческих пороков?

И мы снова возвращаемся к СОВЕСТИ. Человеку присущ индивидуализм, хотя мы живём в обществе, в семье. Но ведь если человеку плохо, то болит только у него, и он думает по отношению к другому, даже если и тот в таком же состоянии: да что у тебя? Тебе помогают родные, друзья, а я один (хотя и у него есть близкие). Но мы ведь не чувствуем чужой боли, боль-то она только у меня, мне больнее. Не так ли?

Покойный патриарх Алексей в одной из своих проповедей сказал примерно так: сейчас мы зачастую видим звериную сущность человека, — это не вопрос верить или не верить, а быть или не быть.

Мне однажды случайно попал в руки текст, и, прочитав его вдумчиво, я в который раз убедился, что вся человеческая жизнь на земле основана на очень простых истинах.

Но вдумайтесь, проанализируйте свою жизнь, и вы поймете, как трудно исполнить эти простые житейские нормы!

Я позволю себе процитировать этот короткий, но, на мой взгляд, очень важный для каждого человека текст. Думаю, что это поможет многим людям, думающим о своей жизни, о своих поступках. Вот они — обыкновенные обыденные слова, несущие в себе огромный житейский смысл:

— Три вещи никогда не возвращаются обратно: время, слово, возможность.

— Три вещи не следует терять: спокойствие, надежду, честь.

— Три вещи в жизни наиболее ценны: любовь, убеждения, дружба.

— Три вещи в жизни никогда не надёжны: власть, удача, состояние.

— Три вещи определяют человека: труд, честность, достижения.

— Три вещи разрушают человека: жадность, гордыня, злость.

И ещё, помни три важные вещи: собственное достоинство, уважение к другим, ответственность за все свои действия.

Всё просто? Да, очень просто и понятно. Да и каждый думает: да, я именно такой — положительный и хороший. Но в том-то и дело, что всё это далеко и далеко не так. Вот и подумайте, вдумайтесь: а почему? Это тема для раздумий на всю жизнь.

Кто-то посмеётся, похочет. Но прежде чем хохотать, лучше и полезнее пролить ведро слёз. Безмерная радость — это предвестник беды.

Я в данной ситуации не хочу вдаваться в политику. Не вижу смысла, хотя политика окутывает нас своими щупальцами, и больше ядовитыми. И постараюсь меньше говорить о политике.

Так вот, когда я бываю в школах, а раньше такие встречи были часто, я всегда называл такие встречи «поговорим о жизни». Поначалу преподаватели, да и школьники, я это чувствовал, скептически относились к моим словам, но когда в течение урока в классе стояла тишина, когда задавались простые житейские вопросы, на которые, в общем-то, были и простые ответы, когда скучные лица преображались в заинтересованные, и окончание урока не было окончанием разговора, то скептицизм пропадал.

Учителя и школьники подходили, благодарили и приглашали продолжить такие встречи. Я иногда думаю, почему так? Наверное, откровенность, не окрашивание своих недостатков и надеюсь, что многие, может быть, впервые услышали

слова из Библии, те, которые каждому ежедневно задает жизнь, но мы их просто не замечаем, не знаем или просто не придаём им значения. Я же не священник. Я — обыватель, но думающий, и думающий не только о себе! Хотя, конечно, всегда выходит так, что в первую очередь о себе, а потом о других. Но, ведь это — ЖИЗНЬ.

Господи, а вопросов все больше. И когда ответить на них невозможно, тогда надо идти в Храм, остаться одному, заглянуть в свою душу и поговорить с собой, поговорить откровенно, не ставя себя выше и умнее других, а наоборот. Местоположение «Я» должно меньше всего участвовать в человеческой жизни. Меня окутывает благодать, когда захожу в Храм. Там я себе, седому пожилому человеку, напоминаю о том, как надо жить. И вообще, я советую всем научиться разговаривать с собой — это очень важно.

Не берусь утверждать, что я знаю рецепт доброй жизни, ибо грех на каждом шагу. Я не на исповеди, но уверяю вас, что говорю искренне, бичую свою душу, рву свои нервы.

Все мои чувства в моих стихах. Хотя, говоря откровенно, я никогда не считал, да и сейчас не называю себя поэтом. Когда я пытаюсь изложить свои душевные терзания на бумаге, тем более в форме стихов, то это просто, в силу своих возможностей, освобождаю свою душу от чрезмерных нравственных перегрузок, от душевной боли. Наверное, поэтому и стихи получаются у меня очень личными и грустными. И вообще, в моих стихах только то, чем я живу. В них — мои личные переживания, чувства, мое отношение к людям, к природе, к вере. Говоря откровенно, я никогда даже не мечтал о том, что стану членом Союза писателей России, членом Союза журналистов СССР и России, то есть фактически профессиональным журналистом и писателем. А думать и строить какую-то карьеру, добиваться титулов и прочей атрибутики власти было просто в стороне от моих жизненных приоритетов. Я думал и жил простыми человеческими страстями, с обывательскими интересами обычной жизни человека. Может быть, единственное и главное, что я сохранял с детства, и о чем было немного сказано выше — это то, что я всегда твердо и в любых ситуациях старался жить не по лжи, с пониманием и уважением к другим. В моей душе и мозгах были вбиты такие принципы, как «терпеть, прощать, помогать, не обманывать». И главное — не терять СОВЕСТЬ. Нарушал ли я эти принципы? Да, и много раз. Но и в таких случаях, я не искал оправданий и честно признавал свою вину. Виноват был только Я.

Я стараюсь быть снисходительным к молодежи. По моему мнению, так называемая демократизация и либерализация, особенно в исполнении наших реформаторов, исковеркала их души, поселила равнодушие, черствость, монетизировала во многом СОВЕСТЬ. У них, во всяком случае, у многих, и Родины-то нет. Оказывается, Родина там, где больше платят. Это ли не подрыв нравственных национальных корней. Но я знаю и людей 70-80-летних, которых тоже обуяли жадность, ложь и лицемерие. Да это же мир рушится! Мы что же, в зверей превращаемся?

Хочется больше говорить о душе. Сколько же сейчас в нашем обществе заблудившихся душ, брошенных детей, искалеченных судеб! И вы думаете, что во всем виноваты они сами? Нет! Думаю, не всегда и не во всем.

И хотя говорят, что виноват во всем народ, я говорю, что виновата и власть.

Я не могу, да это и невозможно, пытаться анализировать Библию, это святое, это непостижимое таинство жизни, и объективный анализ просто, по моему мне-

нию, невозможен. Но я позволю себе привести несколько стихов, которые характеризуют человеческую жизнь. Думаю, что эти строки принесут людям пользу, много пользы. Только вчитайтесь, вдумайтесь, остановитесь.

Итак:

«Нет человека праведного на земле, который делал бы доброе и не грешил бы».

«Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнять».

«Всякий сетуй на грехи свои».

«Терпением вашим спасайте души ваши».

«Не будь побежден злом, но побеждай зло добром».

«Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои — чужой, а не язык твой».

И еще: «золотое правило — заповедь для всех» — «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

«Большее счастье давать, чем получать».

И, может быть, я неточно цитирую, но есть жизненная мудрость: «Как вы относитесь к своим родителям, так и ваши дети будут относиться к вам».

Я иногда думаю, что если просто так, гипотетически поставить свои грехи на весы, и то, что я якобы достиг, то я уверен, что горького и плохого я сделал гораздо больше. Можно ли это исправить? Нет. Прошлое уже не изменить. Надо нести свой крест до конца. И не надо строить из себя праведника. Глубоко ошибается тот, кто говорит, что он честен, кристален, что он пример для всех. Глупец! Кстати, русский гений Лев Толстой сказал когда-то: «самый глупый человек — это тот, который думает, что все понимает», и еще его фраза: «нужда для человека нужнее, чем роскошь»

Думая о причинах падения нравственности в нашей стране в последние десятилетия, я в большей степени отношу это к имущественному расслоению общества, к какому-то дикому обогащению отдельного маленького слоя людей, и к унижительному обнищанию основной части населения. Ну, какое может быть понимание и согласие в обществе, где невесть откуда взявшиеся богачи, возмнившие себя хозяевами жизни, прожигают годы в других передовых странах, где так же живут, учатся и лечатся их дети. А в это же время в нашей общей стране идет преступная оптимизация сфер образования и здравоохранения. Когда регулярно по федеральным каналам ТВ эсэмэсками собираются средства на лечение детей. Это же позор! В самой богатой стране мира, помогающей многим странам своими природными богатствами, нет денег на лечение детей и достойное содержание пожилых людей и пенсионеров. И в это же время, по тем же каналам ТВ, нам навязчиво показывают роскошную жизнь разлагающего своей бездарностью и пошлостью молодежь шоу-бизнеса и, по большей части, неудачливых футболистов и хоккеистов. Пользы никакой для общества, но какая-то непонятная для нашего простого народа роскошь. И никто не может объяснить эти парадоксы. За что? Почему так? Где же ваша СОВЕСТЬ? Думаю, что никто не против богатых людей. Ради Бога. Если ты заработал, если достоин, то — пожалуйста. Но должна же быть какая-то справедливость? И возникает предложение, а может, и требование: да прекратите вы расходовать огромные народные средства на ненужные и пошлые мероприятия и отдайте их на лечение детей, на оздоровление. Объявите карантин шоу-бизнесу, различным показушным мероприятиям. От них простому народу и обществу никакой пользы, один вред. Ведь все это — шабаш сатанинских бесов, разлагающий основы нравственного воспитания молодежи.

И поразительнее всего то, что деньги на лечение детей эсэмэсками собирают, в основном, бедные пенсионеры.

Меня недавно обрадовал комментарий по поводу работы мэрии города в ленте новостей. Кто-то написал: «а есть ли СОВЕСТЬ в доме, что зовется мэрией»? — и под этим вопросом десяток «нравится». Это показывает, что многие люди разделяют мое мнение о том, что «СОВЕСТЬ» не личное чувство человека, а нравственная категория, характеризующая общество.

Я всегда в своих рассуждениях отталкиваюсь от догматов православной веры, и, говоря о нравственности, не могу не процитировать стихи из Библии. Вот из книги пророка Михея, гл. 7-2 «Не стало милосердия на земле, нет правдивых между людьми, все строят ковчег, чтобы проливать кровь; каждый ставит брату своему сеть». И ещё, гл. 7-3 «Руки их обращены к тому, чтобы уметь делать зло. Начальник требует подарков, и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело». Чем не наша действительность?

И во всех сферах жизни приходится ссылаться на СОВЕСТЬ. Это же бесценное качество, оно не требует затрат, оно легко и достойно просится в душу каждого человека и живет там, облагораживая человека. Единственная нагрузка здесь моральная. Надо просто хотеть этого, стремиться к обретению совести, и она поможет ему стать добрым и благородным.

Когда мы пытаемся говорить о культуре, о нравственности, то всё чаще слышим о нерентабельности, о закрытии школ, клубов, фельдшерских пунктов, особенно в сельской местности, забывая, что культура, нравственность — это основа любого общества.

То, что я пишу, никакое не открытие. Но обидно, когда одурачивание, фальсификация истории продолжается и нередко приносит, а в будущем, нет сомнения, принесёт ещё немало горьких плодов.

Я вот думаю: у нас же всё равно большинство людей честных, добрых, но что же стало с совестью — СОВЕСТЬ-то стала больной. Зло, недружелюбие, зависть захлестнули общество. Огромная могучая передовая страна превращена в грязный неухоженный рынок, где главное украсть, обмануть и унижить, и уже это унижение не воспринимается как унижение. Куда ведёт такой путь? И страшно знаете что? А то, что всякие проходимцы, прохиндеи очень по-своему талантливы — они очень хорошо знают и умеют, как добиться результата в своём чёрном деле, ведь в этом чёрном ремесле, чем оно чернее, тем ярче блестит «золотой телец», а это для них главное.

Размышляя о нынешней жизни, приходится с сожалением и болью констатировать, что беднеют человеческие души, черствеют сердца, веет холодом от человеческих отношений. Не знаю где искать причины такого состояния общества, а что оно такое, лично у меня сомнений нет. Где пути исправления? Тоже не знаю. Хочу просто напомнить каждому человеку о том, что мы — ЛЮДИ, и у каждого из нас в силу своего естества где-то в глубине души покоится такое качество, как СОВЕСТЬ. Надо просто оживить это чувство, жить с ним и не терять его.

Поэт Л. Дербенев написал песню, где есть такие строки:

*От счастья обалдев, тоскуя или ссорясь,
В один из рядовых обыкновенных дней,
Возьмите карандаш и напишите СОВЕСТЬ,
И вспомните, когда вы думали о ней.*

Давайте последуем этому совету. Думы на эту тему приводят меня к мысли, что вся жизнь как отдельного человека, так и общества в целом, держится на культуре, и спасает общество от катастрофы одно — СОВЕСТЬ. Уйдет СОВЕСТЬ, и человечество превратится в бездуховное инертное существование безликих бездушных человекоподобных существ, в стадо.

Поэтому, заканчивая свои размышления на эту тему, прошу всех и призываю: подумайте о СОВЕСТИ.

К 85-летию Виктора Лихоносова

ВЛАДИМИР КРУПИН

Перо чайки

Виктора Лихоносова долгое время причисляли к подражателям Бунина, или Паустовского, или Пришвина. И Юрия Казакова считали его наставником. Все эти фамилии уважаемы, но миновали годы, выходили его книги, и становилось понятно: в России в середине XX века появился новый писатель Виктор Лихоносов. И без его этих книг представить русскую литературу невозможно: это писатель со своим голосом, своими героями, своей интонацией, манерой повествования, со своим строем фразы, и всё это подчиняющий главному — России, её истории, людям, природе.

Писательский стиль Лихоносова необыкновенен. Он особый, он какой-то лёгкий, мерцающий, летящий, он рисует картины, которые оживают у тебя в сознании, будто ты не книгу читаешь, а прямо в этой книге живёшь. Писатель раньше подолгу жил в посёлке Пересыпь на берегу Азовского моря, любил подолгу ходить по отмели и собирать уроненные чайками перья. И кажется, что проза его пишется именно этими пёрышками: чистейшей белизны, лёгкости, дающими ощущение полёта над пространством.

Рождённый в Сибири, на станции Топки, около Кемерово, затем он возматерился в Новосибирске. Рос без отца, отец погиб в Великую Отечественную войну, и Виктор всегда помнил об отцовской мечте — вернуться из Сибири в места проживания предков. У Виктора было слабое здоровье, и врачи настоятельно советовали сменить климат. Именно поэтому он, окончив школу, выбрал для дальнейшей учёбы Краснодарский университет. И навсегда связал судьбу с Кубанью. Потом и матушку свою любимую Татьяну Андреевну перевёз к себе. И в своё время похоронил её на Таманском кладбище.

И это была его судьба: и человеческая, и писательская. И счастье для Краснодарца.

Но это сейчас легко говорить. А каково было пробиваться сквозь казацкое недоверие к сибиряку, чалдону: как это так, да кто он такой, чтобы кубанские казаки были героями его книг. Но он имел на это право, право дала ему любовь к истории России и казачества в особенности. И обострённое чувство справедливости: как же можно предать забвению историю этого края, который стал его второй и окончательной родиной.

Писатель, сибирский уроженец, явился защитником кубанского казачества, его певцом. «И пришли, и высадились в Тамани и на Ейской косе с войсковым скарбом и куском ржаного хлеба, протянули живые силы через всю заболоченную степь. Куда пришли?! Теперь чего только не брешут про казаков, но куда они при-

шли, на какие страдания?! Ничего, кроме неба, камышей и малярии?! Кто теперь это поймёт, кто им, дряхлым или погубленным смертью, посочувствует?».

Внешне в писательской биографии Лихоносова всё складывалось замечательно: тридцати лет ему не было, как рассказ «Брянские» сделал его знаменитым. А головокружительный успех повести «Осень в Тамани», повестей «Чалдонки», «Люблю тебя светло», романа «Когда же мы встретимся», что говорить!

Какой радостью напитывало чтение его книг, какой светлой, врачующей грустью обволакивало душу. Вот Тригорское, Михайловское, вот тропа меж ними. Вот учитель, сидящий на холме над Соротью. И ты сидишь рядом и не только видишь то, о чём написано, но и слышишь запахи и звуки Пушкиногорья.

И, казалось, многие удачи ждали автора на проторенном им пути воспевания человеческих судеб, но все эти замечательные работы — только подступы к главному труду сибиряка, к созданию художественного полотна «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж».

И в предыдущих всё громче звучала тема России. Но в «Маленьком Париже» это стало основной нотой. Валентин Распутин сказал о романе: «Бесспорно, главный герой этого романа — Память. Память как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить на земле, не помня, чем жили здесь прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков».

«Много меж черноморцев весёлых Гоголей, ничего не писавших, но не было Нестора», — сетует Лихоносов. Но и он не берёт на себя труд летописца: писатель — человек своего назначения, он взялся за более трудное дело, он воскрешает прошедшую эпоху в событиях, судьбах, красках.

Трагична судьба казачества, об этом мы знаем и начитаны. И о красных, и о белых. Но представить казаков только в страданиях было бы несправедливо. Казаки — это простодушные, чистые сердцем люди, иногда просто дети, непосредственные и живые. И входят в наше сознание, в нашу жизнь новые люди, сохранившие свои жизни для нашего восприятия. Сила таланта прозаика такова, что мы просто воочию видим, как ездит по Екатеринодару ямщик Терёшка, как приворачивает к заведению неунывающего Баграта, понимаем сострадательную душу Манечки Толстопят, которая «даже комару, который её укусил, ножку перевязет», и как эта Манечка в своих чудом сохранившихся дневниках воскрешает события, тревоги и радости 1918 года. Словно воочию видно, как мальчишки идут на защиту Кубани: «В учебных тужурках и пальто, с узелками ушли серьёзные гимназисты. Тысячи обывателей спрятались за их спинами. А день тёплый, солнечный. Мне как-то было не по себе, что детям придётся по необходимости стрелять и убивать. Что их ждало, что станет с их беззащитными родными?».

И как таинственна мадам В. А правдоискатель Лука Костогрыз со своими стихами: «Не знайте в жизни дней ненастья, цветите сердцем и душой, и пусть судьба цветами счастья вам посыпает пусть земной». И, конечно, хранитель казацких преданий Попсуйшапка с его рассказами о доле казацкой. И хитроватый атаман Бабыч. Да даже и Фосса, только мелькнувшего в повествовании, помним. А гостливая парижская жизнь четы Бурсаков, вся наполненная мыслями о родине, и их возвращение. Всё настолько зримо, всё так озвучено, что ты невольно становишься в центр любого описываемого события. Мы сопереживаем и гордимся теми, кто попадает на службу в царский конвойный полк, и вместе с ними ужасаемся кончине царской семьи. И представляем, как ходит и ходит молитвенница Анисья,

нигде надолго не оставаясь, будто надеется перемерить своими ногами побольше пространства, чтобы помолиться за него Господу. Вот её слова: «Иду себе помаленьку да иду, а земелька-то позади остаётся, а глянешь вперёд — и впереди ещё много».

Этот роман — образец полифонического звучания самой жизни. Это не летопись, это реконструкция прошедшего времени, возрождение его для нас с вами.

В «Осени в Тамани» доморощенный летописец Юхим читает вслух свои записи и как только доходит до слов «Теперь Тамань уже не та», заливается слезами и дальше не может читать. Что говорить нам в нынешнем веке: теперь не та уже вся Кубань.

Виктор Иванович создал книгу обращения к совести, к душе, затронул струны памяти, живущие в нас, они откликнулись, сделали нас чище и лучше.

«Мне не спится. Я выхожу во двор, прохожу мимо тёмных окон и иду по улице. Ночью, только ночью так пробуждается душа, так чувствуешь пространство и время, и соединяет тебя в странствии со всеми, кто был и есть, с домом и звёздами. Хочется поклониться всему: кладбищам, храмам, дебрям, горам и пустыням Востока, полям Европы и Сибири, лазурным берегам морей, хижинам, дворцам, пирамидам... Бесконечна дорога жизни, и не пересчитать всех книг о ней. Зачем ещё и я со своими листами? Душа моя выше моих слов — я теперь это вижу, перечитывая свою работу и вспоминая то, что неуловимыми знаками трепетало во мне. Теперь мне горько: так мало я выразил из того, что чувствовал. Иду и думаю: кому это нужно? Много ли я унесу с собой навсегда, как уносят все люди, что-то в душе своей созерцавшие и наутро никому ничего не сказавшие».

Это не роман, это песня.

Как с живыми, мы прощаемся и с Петром Толстопятым, и с Дементием Бурсаком и с Калерией Шкуронатской. И Олимпиаду Швыдкую будем помнить и жалеть. Будем помнить озорство, дерзость, безумные скачки, свидания и разлуки.

И звуки военных труб, и топот конницы, и залпы орудий, шум базаров, вокзальные крики — всё уносится к какому-то пределу. «Ранней степью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...». А для нас всё стучат и стучат колёса этой подводы. И идёт, и идёт богомолка Анисья.

Очень ценны для нас и работы Виктора Лихоносова последних десятилетий. Это «Записки перед сном» и «Одинокие вечера в Пересыпи». Это именно лихоносовские работы: в них всегда говорит душа.

Виктор Иванович признаётся: «Я всю молодость свою прожил под звездой Шолохова». Конечно, свет шолоховской звезды освещает «Маленький Париж», и это так благотворно. А второй титан, повлиявший на судьбу Лихоносова, это Твардовский. «Я обязан ему самой жизнью. Не успехами, не слабым огоньком имени, жизнью, жизнью!».

И главное признание: «Да я просто не выжил бы, литература спасла!».

А нам заповедано: много нами русской земельки перемерено, но и остаётся ещё очень много.

Фёдор Достоевский и Сергей Рачинский

Диалоги. К соотечественникам XXI века

Мы вглядываемся в наше прошлое всё пристальнее, оттого, что хочется возвратиться то время, когда была некая полнота русской национальной жизни. Мы просто обязаны возвратиться к тому верстовому столбу, откуда мы свернули не на ту дорогу. Взглянуть на мир с той невозвратной точки, за которой случится братоубийственная война, начнутся невиданные страдания русского народа, произойдёт передел земли, безвозвратные потери в отечественной культуре, образовании.

Вернёмся же в 70-е — 80-е годы позапрошлого века. Мои собеседники — Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — ординарный профессор Московского университета, родовитый дворянин, выходец из польской шляхты, надворный советник, соратник обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева, и наконец, создатель образцовой народной церковно-приходской школы, и Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — великий русский писатель, в представлении не нуждающийся. Оба они — славянофилы, посвятившие жизни служению идеалам славян.

О Рачинском буду говорить гораздо больше, поскольку пишу эти строки из усадьбы на Смоленщине (теперь это Тверская область), из той родовой земли, где жили мои прадеды, — рядом с этим великим человеком, названным ещё при жизни учителем века, — были его учениками и соратниками.

1870-е годы. Профессор Московского университета Сергей Александрович Рачинский оставил созданную им кафедру Физиологии растений и принялся за школьное дело в окрестностях своего имения Татево Бельского уезда Смоленской губернии.

Фёдор Михайлович Достоевский, в то время уже автор романов «Идиот», «Бесы», «Преступление и наказание», трудится в журнале «Гражданин», откликается в своём «Дневнике писателя» на самые животрепещущие события своего времени, будь то спор славянофилов и западников, Восточный вопрос и стихийное движение русских людей послужить делу освобождения славян, судебные дела, касающиеся жестокого отношения к детям, самоубийства среди молодёжи, сектантство и увлечение спиритизмом... (Оторопь берёт: насколько сегодня всё повторяется!)

Надо сказать, что тот традиционный русский образ жизни, основанный на православии, от которого Рачинский никогда не уходил, несмотря на то, что несколько лет прожил в Европе и был обласкан светским обществом, Достоевский выстрадал на каторге, в ссылке, и даже представ перед лицом смерти. Этим вероящим в сторону революционной демократии не избежало большинство наших писателей и философов. Рачинский оттого и дорог мне лично, что в нём сошлись нравственная мощь, твёрдость в стоянии на консервативных позициях, смирение и желание служения Богу, Отечеству, своему народу.

И Фёдор Михайлович Достоевский, и Сергей Александрович Рачинский получили самое лучшее домашнее воспитание и были прекрасно образованы с ранней юности, переводили произведения из мировой классики, публиковались в жур-

налах тех лет. А главное — они поняли до глубины народную душу, народные нужды, и это понимание уже в зрелости давало им возможность видеть будущность России, пути её национального развития. В первую очередь это развитие, как представлялось им, заключалось в единении образованных классов с простым народом, с крестьянством. Только благодаря культурному и духовному взаимообогащению образованного класса и трудового народа русское общество XX века должно было стать в равной мере образованным и воцерковлённым.

В годы учёбы в Германии С.А. Рачинский познакомился с деятельностью профессора Йенского университета Карла Стоя — основателя нескольких учебных заведений, практику которого изучал и Константин Ушинский. Свои наблюдения Рачинский изложил в статье «Институт Стоя в Йене», где высказал актуальную и сегодня мысль о том, что воспитание любого народа должно быть национально ориентированным и современным.

Взявшись за школьное дело, С.А. Рачинский смог воспитать более сорока учителей и несколько священников, среди которых протоиерей Александр Васильев, духовник и законоучитель царских детей. Так же, как и Достоевский, Рачинский был убеждён, что ближе всего к народу стоит духовенство. Затем — сельский учитель. Именно на них, и именно на вышедших из крестьян священника и учителя возлагали надежды два этих великих человека. Один — в своих произведениях, в формировании общественного самосознания, другой — на практике.

С.А. Рачинский писал: «Та высота, та безусловность идеала, которая делает русский народ народом христианским по преимуществу, которая в натурах спокойных и сильных выражается безграничною простотою и скромностью в совершении всякого подвига, доступного силам человеческим; которая в натурах страстных и узких ведет к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям; которая в натурах широких и слабых влечет за собой преувеличенное сознание своего бессилия и, в связи с ним, отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимые глубокие падения; которая во всяком русском человеке обуславливает возможность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, — вся эта нравственная суть русского человека уже заложена в русском ребенке. Велика и страшна задача русской школы в виду этих могучих и опасных задатков, в виду этих сил и слабостей, которые она призвана поддержать и направить. Школе, отрешённой от Церкви, эта задача не по силам. Лишь в качестве органа этой Церкви, в самом широком смысле этого слова, может она приступить к её разрешению. Ей нужно содействие всех наличных сил этой Церкви, и духовных, и светских...».

Подобное этому излагает и Ф.М. Достоевский: «Наш народ хоть и объят развратом, а теперь даже больше, чем когда-либо, но никогда ещё в нём не было безначалия, и никогда даже самый подлец в народе не говорил: “Так и надо делать, как я делаю”, а напротив, всегда верил и воздыхал, что делает он скверно, а что есть нечто гораздо лучшее, чем он и дела его. А идеалы в народе есть и сильные, а ведь это главное: переменятся обстоятельства, улучшится дело, и разврат, может быть, и соскочит с народа, а светлые-то начала всё-таки в нём останутся незыблее и святее, чем когда-либо прежде»¹.

Так представлял себе свою задачу на поприще просвещения С.А. Рачинский: «...Положение нашей Церкви опасно. Опасно оно не для самой Церкви — её победоносная жизненность проявляется и теперь для всякого, кто имеет

¹ Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 142.

глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тех, которые от нее отпали. Не тайным ли сознанием этой опасности объясняется позорное равнодушие нашей интеллигенции к делу образования нашего народа, её торопливая жажда захватить внешнюю власть, за неимением внутренней. Спасти эту интеллигенцию от гибели, которую она себе готовит, могут только дружные усилия людей мыслящих и верующих, неустанная их работа на почве Церкви, на почве школы. Медлить невозможно». Тон его письма не может скрыть тревогу. Рачинский писал из своего школьного, подобного монастырскому, затвора, и даже там он ощущал дыхание смуты, в которую погружалось предреволюционное русское общество.

«Просвещение народа, — говорит Ф.М. Достоевский, — это, господа, наше право и наша обязанность, право это в высшем христианском смысле: кто знает доброе, кто знает истинное слово жизни, тот должен, обязан сообщить его не знающему, блуждающему во тьме брату своему, так по Евангелию»².

Евангелие было единственной книгой Достоевского четыре долгих года его ссылки. Испещрённое пометами писателя, оно перевернуло его жизнь. Евангелие изучал и писал к нему свои комментарии для учеников и Рачинский. «До обеда дописал гл. XVIII главу от Матфея. Вечером хотел показать детям волшебный фонарь, но винт оказался испорченным, и опять занялся Евангелием. В больнице работы так много, что придётся усилить персонал ещё одною фельдшерницею»³, — читаем в дневниках Рачинского.

Достоевский не устаёт повторять то, что народ и сам знает: «ученье — свет, а неученье — тьма». Чему же могут научить народ господа? Уничтожению предрассудков и низвержению идолов? — спрашивает писатель. Так в нас самих, отвечает он, бездна предрассудков и идолов. Самоуважению, собственному достоинству? «Но народ наш, весь, в целом своём, гораздо более нашего уважает себя, гораздо глубже нашего чтит и понимает своё достоинство».

О педагогическом таланте в русских детях и об их нравах С.А. Рачинский писал: «В прямой связи с этим деловым направлением наших школьников находится их отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведение в школе. Им не до шалостей, не до ссор. В них нет и следа того отвратительного сквернословия и скверномыслия, которыми заражены наши городские учебные заведения, в особенности столичные. В нормальной крестьянской жизни нет места тем преждевременным возбуждениям воображения, тем нездоровым искушениям мысли, которыми исполнен быт наших городских классов. Русский народ, вошедший в пословицу своим сквернословием, в сущности, самый стыдливый народ в мире. Грязь в глазах русского человека есть грязь. Когда в нём проснётся зверь, живущий в каждом человеке, он кидается ею. Но пока он трезв, пока он остаётся сам собою, он чист в мыслях и словах. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая из Франции в нравы нашего полуобразованного общества, в нашу литературу низшего разряда — глубоко ему чужды. Каждый наш крестьянский мальчик — такой, ещё не испорченный русский человек»⁴.

Достоевский же вторил ему, вспоминая случай, когда офицеры, будучи убеждёнными, что вышедший из народа русский солдат любит сквернословить, на учениях взяли моду ругаться самыми скверными словами, что солдаты буквально

²Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 367.

³«Народное образование», сентябрь 1909. Т. II, кн. 9. С. 169.

⁴«Сельская школа», СПб, 1891. С. 17

краснели от их ругательств. О русском народе автор «Преступления и наказания» писал: «По понятиям народа, то, что пакостно на миру, пакостно и за дверями».

С.А. Рачинский приступил к школьному делу с пониманием того, что «вопрос о современной русской школе не есть вопрос технический и частный, зависящий от более или менее успешной деятельности того или другого правительственного ведомства, не есть вопрос программ и более или менее практически устроенного надзора. Это — вопрос роковой и грозный. От качеств ныне подрастающих русских поколений зависят судьбы мира», — писал он⁵.

Если мы обратим внимание на то, как Достоевский излагает программу передовых славянофилов, то станет очевидным, что она единит их с установками Рачинского: «Россия, вкупе со славянофильством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и это слово именно будет заветом общечеловеческого единения...»⁶

В.Г. Георгиевский писал в биографии татевского учителя: «Рачинский показал, что высшая наука совместима с глубокой религиозностью, — и церковность, ставши основой начальной народной школы, способна дать ей особую жизненную силу, так, что народ русский, получив просвещение в духе христианства, под постоянным благодатным воздействием Церкви православной, носительницы православного духа, может явиться единственным в мире народом, который способен будет сказать своё жизненное слово прочим народам Востока и Запада, ждущим нового откровения». И верно: у Рачинского в школе учились латыши, готовились к поступлению в духовные училища японцы, обращённые в православие архиепископом Николаем (Касаткиным) Японским, Троицкий храм расписывал сын наполеоновского солдата, укоренившегося в России, которая дала его детям прекрасное образование...

Татевский учитель сам преподавал арифметику и грамматику, пение и рисование, географию и ботанику, предполагал ввести экспериментальную физику. Мальчики учились в школе столярному делу, девочки вышиванию и кружевоплетению. Важными дисциплинами в школе были цветоводство и пчеловодство. То есть дети, заканчивающие школу, имели уже навыки ведения домашнего хозяйства, а часто и начальную профессиональную подготовку.

С 1878 г. татевская школа имела статус церковно-приходской. В 1870-1880-е гг. была четырёхгодичной, а с 1898 года — шестилетней. Учебный год в сельских школах, устроенных Рачинским, начинался 1 (14) октября, после уборки урожая. Усваивали грамоту дети с изучения церковнославянского языка. Почувствовав его, осознав преемственность, детям легче было писать и читать на русском языке. Владение речью предков развивало творческие способности детей, формировало их нравственно и эстетически.

Еще тогда, в 1877 г., Достоевский писал: «Не слишком ли много формализма и сухой бессердечности вносится у нас в дело воспитания?» Рачинский, подспудно понимая это, организовывал школьную жизнь бесконечно живой и соприродной с крестьянским бытом: он организовывал школьные походы в Нилову пустынь, сам огородничал и делился своим опытом с учениками и их родителями.

В школе Рачинского распорядок дня был устроен так, чтобы дети вечерами имели возможность читать. Их круг чтения составляли рассказы Льва Толстого, «Записки охотника» Тургенева, «Песнь про купца Калашникова» Лермонтова,

⁵Рачинский С.А. *Сельская школа*. СПб., 1902. С. 278.

⁶Достоевский Ф.М. *«Дневник писателя»*. М., 1989. С. 371.

гоголевские «Тарас Бульба» и «Ночь перед Рождеством», «Ундина» Жуковского, «Семейная хроника» Аксакова, произведения Пушкина, среди которых особое внимание занимала «Капитанская дочка». Творчество А.С. Пушкина татевский учитель сравнивал со всемогущим талисманом, раздвигающим для всякого грамотного тёмные пределы времени и пространства. «Наше образованное общество недостойно такого поэта!», — писал Рачинский.⁷

Поразительна переключка Рачинского и Достоевского в их суждениях о Пушкине. Достоевский заглянул глубже (вспомним его речь, произнесённую в Обществе любителей российской словесности в 1880 г. «Пушкин»): «По-моему, Пушкина мы ещё и не начинали узнавать: это гений, опередивший русское сознание ещё слишком надолго. Это был уже русский, настоящий русский, сам, силою своего гения переделавшийся в русского, а мы и теперь всё ещё у хромого бочара учимся. Это был один из первых русских, ощутивший в себе русского человека всецело, вызвавший его в себе и показавший на себе, как должен глядеть русский человек, — и на народ свой, и на семью русскую, и на Европу, и на хромого бочара, и на братьев славян»⁸.

Вслед за Пушкиным, так глядели на свой народ Достоевский и Рачинский. «Пора нам вспомнить, — писал татевский учитель, — что у нас под ногами есть общая почва, и твёрдо, и сознательно встать на неё. Пора сознать, что настало время взаимодействия, благотворного для обеих сторон, не только мгновенного, случайного взаимодействия и единения, которое вызывается событиями чрезвычайными, а взаимодействия постоянного, ежедневного. Почва этого взаимодействия, этого единения — Церковь; орудие его — школа, и по преимуществу — школа сельская»⁹.

Примечательно, что крестьяне на приходе Троицкой церкви в усадьбе Рачинских (а это две тысячи человек)¹⁰ нанимали регента, чтобы разучить «Обедню» Петра Ильича Чайковского и успешно исполняли её на радость и удивление учителя Рачинского. Таков был уровень культуры простого народа, такова была высота его духовных устремлений.

И вот пример из семейного быта Достоевских: когда у них сгорела вотчина, няня Алёна Фроловна, которая «всех детей выходила», сказала матери: «Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне что, мне не надо...»

В 17 лет выпускники школ, устроенных Рачинским, сдавали специальный экзамен Комиссии при средних учебных заведениях и получали звание сельских учителей. Сначала работали помощниками учителя, а затем старшими учителями. Некоторые из них принимали духовный сан, были чтецами, дьяконами.

В 1916 г. вышла книга Александра Ивановича Миловидова «Памяти С.А. Рачинского». Он рассказал о своей встрече с татевским учителем в Троице-Сергиевой лавре, куда приезжал, окончив Тульскую духовную семинарию. Молодой человек стоял перед выбором дальнейшей деятельности: учительство, священство или академия. В Лавре, на скамеечке перед домом отца Варнавы Гефсиманского молодой человек разговорился с господином. Тот сказал ему, «какое важное значение имеет в настоящее время служение в сельской школе, которая должна стоять под покровительством Церкви, т.к. России нужен идейный сельский учи-

⁷«Сельская школа». СПб, 1891. Стр. 53.

⁸Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 391.

⁹«Сельская школа», СПб, 1891. Стр. 92.

¹⁰Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. Выпуск 1-й. Бельский уезд. — Смоленск, 1915.

тель, любящий народ и его детей»¹¹. Этим учителем был Сергей Александрович Рачинский.

У меня нет точных сведений, знал ли Достоевский о деятельности Рачинского (об одном из Рачинских он упоминает в своём «Дневнике»). Однако, вот эта его запись даёт точный портрет Сергея Александровича: «Учитель — это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. <...> Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом её — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны»¹².

В трудах же Рачинского нередко встречаются упоминания работ Ф.М. Достоевского. К примеру, в «Заметках о сельских школах» (1881 г.). «На место разных проходимцев, занимающихся теперь ремеслом обучения ребят, станут грамотные крестьяне тех же деревень, ученики приходской школы, действующие в её духе и под её руководством. <...> Ту же мысль высказывал и покойный Ф.М. Достоевский»¹³.

Народная школа, по мнению Рачинского, создавалась исключительно силой народного духа, её направления и формы вырабатывались под давлением требований, предъявляемых к ней со стороны родителей учеников, отражая их духовные запросы. Видя могущество народного влияния на школу, Сергей Александрович твёрдо верил: «Современная Россия не вся в поругании святыни, в хищениях и глумлениях, во лжи адвокатских речей и журнальных писаний, в тупом разгуле кабака и в откровенном разврате образованных классов. Есть течения иные, сокровенные и глубокие, есть чистые люди, есть добрые дела...»¹⁴.

«Не раз уже приходилось народу выручать себя! Он найдёт в себе охранительную силу, которую всегда находил; найдёт в себе начала, охраняющие и спасающие, — вот те самые, которых ни за что не находит в нём наша интеллигенция. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!...»¹⁵, — писал Достоевский.

Из нескольких сотен учеников Рачинского вышел только один революционер, и тот до конца жизни (по свидетельству его потомков) хранил Евангелие, подаренное ему учителем за школьные успехи. В своей статье «О первоначальном народном обучении» Рачинский писал: «...весь вопрос в том: дадим ли мы ему таких проводников, которые будут для него не более, как просветителями в собственном смысле, то есть помогут ему только сознательно утвердиться в таких же преданиях и обычаях, которые до сих пор он признавал слепо? Или же предоставим общественному меньшинству, колеблемому всяким ветром учения, и в настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконным русским началам, вывести народ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?»¹⁶.

Об этом же тревожился и Достоевский, имея в виду социализм, он писал, что мы «до того уже оторвались от своей земли русской, что уже утратили всякое понятие о том, до какой степени такое учение рознится с душой народа русского».

Это понимали и последние русские цари, в чью эпоху была проложена Транс-

¹¹Миловидов А. И. Памяти С.А. Рачинского. Пг., 1916. С. 4.

¹²Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 81

¹³Рачинский С.А. «Народная педагогика». М. 2019. С. 87.

¹⁴Рачинский С.А. Сельская школа. СПб., 1902. С. 275.

¹⁵Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 83.

¹⁶«О первоначальном народном обучении». СПб, 1883.

сибирская магистраль, открыты и ныне действующие университеты, небывалой высоты достигла наука и религиозная философия.

А ещё это было время, когда правители великой империи прислушивались к таким тихим подвижникам, как Рачинский. На письмо Победоносцева 1880 г., где тот сообщает будущему государю о деятельности Рачинского, пересылая его письма, цесаревич Александр Александрович ответил в тот же вечер: «... Действительно, отрадно читать их. Как завидуешь людям, которые могут жить в глуши и приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской. Я уверен, что на Руси немало подобных людей, но о них не слышим, и работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства»¹⁷.

«С реформами нынешнего царствования, — отмечал Достоевский время Александра III, — естественно началось изучение и познание нужд народных уже деятельно, в живой жизни, а не закрыто и отвлечённо, как прежде»¹⁸.

И дальше в связи с этим он констатирует: «Таким образом получается новый, ещё неслышанный слой русской интеллигенции, уже понимающей народ и почву свою». Это сказано ни больше ни меньше — о Рачинском.

Александр III посылает С.А. Рачинскому через К.П. Победоносцева 600 рублей на содержание больницы и 1500 рублей на строительство нового здания лечебницы. К сведению, полезно знать, что царский рубль был равен 1289 нынешних рублей. (Пересчёт сделан Российской счётной палатой.) Позже государь Николай II назначил Рачинскому годовое содержание в 2 тысячи рублей, а императрица Александра Фёдоровна прислала в татевскую школу фисгармонику. Простое человеческое участие, чего так не хватает сегодня.

Быть может, единственное, в чём состоит отличие образа мыслей и душевно-го строя двух великих современников: у Достоевского мы находим всегдашнюю тоску по великой мысли, по великой вере в эту мысль, призыв к подвигу; Рачинский же — это бесстрастный философский ум, в своём монашеском смирении подъявший труды, в какой-то мере равные апостольским. Поэтому его и называли апостолом трезвости, школьным апостолом.

Завершая эту вязь размышлений по поводу деятельности двух подвижников второй четверти XIX в., надо отметить, что у нас вовсе не изучена ни царская школа, ни консервативная мысль тех лет, ни народная жизнь, а значит, мы снова обречены наступать на те же грабли, ходить по кругу, в чертог теней возвращаясь. Потому что, как писал Достоевский, «ведь у нас лишь редчайший человек знает нашу Россию».

Хочется поклониться великому писателю и великому учителю — нашим соотечественникам — за их правду, за подвиг их жизни!

Они, как и большинство благородных сынов Отечества, верили в свой народ. А вот что стало с народом, что стало с нами — это тема другого разговора. На этот вопрос интуитивно отвечали своим творчеством в середине XX века Николай Рубцов, а к концу прошлого века, в 80-е гг. — Михаил Лобанов, Георгий Свиридов, Юрий Селезнёв...

¹⁷«С.А. Рачинский и его школа». *Jordanville, 1956*

¹⁸Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 378-379.

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

«Планеты совестливый глаз»

О книге стихов о Байкале Владимира Скифа «Он место в космосе искал».
Изд. Мамонтов. СПб, 2020 г. — 368 с.

Байкал, Земля, Солнце, Млечный Путь — в представлении известного современного русского поэта Владимира Скифа — это объекты одного ряда, элементы единой оси существования, являющиеся важными составляющими Вселенной. Человек, не знающий легендарное древнее русское озеро-море Байкал, может усомниться в его планетарной ипостаси. И действительно, это русское чудо не похоже на космический символ, так как не соответствует установленным астрономическим сообществом характеристикам, дающим право объекту называться планетой. Но у поэта свое воззрение на мир, творческой душе дано видеть миры невидимые, прослеживать связи незримые. Душа поэта — та же вселенная, в которой по орбитам движутся сферы-образы, источающие музыку, в глубинах души соседствуют галактики смыслов, содержащих и духовно-космические тайны, и секреты обыденного человеческого бытия, там любимые уголки природы обретают вселенское значение. Отраженные водами Байкала влажные звезды, похожие на небесные облака волны, льды, напоминающие лунный пейзаж — реальный мир, свидетельствующий о том, что поэт, как древние египтяне и греки, как Платон и Кеплер, как восторженно-любопытные маленькие дети, осознает мир бесконечно большим, живым организмом, одухотворенным непреложными законами гармонии. А в нем — Байкал. Прекрасный! Кумир! То есть достойный поклонения и восхищения. Байкалу люди издавна посвящали художественные произведения, книги, стихи, чаяния и даже свои жизни.

ЕФИМОВСКАЯ Валентина (Станкевич) — поэт, литературный критик, член Союза писателей России, советник Российской академии естественных наук (РАЕН), секретарь СП России, заместитель гл. редактора литературно-просветительского журнала «Родная Ладога». Является автором пяти книг стихов. За книги стихов и критики присуждены премии «Прохоровское поле», им. Н. Гумилева, «Имперская культура им. Э. Володина». Награждена Серебряным и Бронзовым Витязями на Международных литературных форумах «Золотой Витязь». Награждена многими медалями. Живет в Санкт-Петербурге.

*Байкал, для мира —
ты предстал кумиром,
И потому спешит к тебе полмира:
Вдохнуть живой байкальской красоты.
Горят жарками пышные поляны,
И рядом, под крылом Хамар-Дабана
Поет сосна — царица высоты.*

«А жизнь по космосу раскатится...»

Новая книга стихов Владимира Скифа, посвященная Байкалу, является книгой ассоциативно, тематически и пространственно сложной. И в этом ее современность, ищущая и находящая свои гармонические созвучия, новые зрительные ракурсы, выражающая реальность в сложно сопоставимой новой пластике. Благодаря любви к «материалу», в книге, содержащей стихи разных лет, поэту удалось отразить время в Вечности, реальное бытие в Божественном замысле о мире, живое в неживом. При всей ее концептуальной целостности, книгу можно разделить на смысловые блоки: религиозно-философский, живописно-лирический, нравственно-исторический. И это логично, так как задачу, которую ставит перед собой поэт, — отразить божественный замысел о Байкале, великую его значимость в истории нашей планеты и России и свою к нему любовь — невозможно решить в однозначных характеристиках.

Космос, вселенная, вечность — слова, часто встречающиеся в стихах Владимира Скифа. Эти научные категории не только метафоры, но реальные понятия, проявляющие совокупные смыслы жизни поэта. И то, что слово космос он пишет с маленькой буквы — свидетельство не стороннего, не снизу вверх наблюдения поэтом за миром. Но ощущение кровной принадлежности к нему, познание его внутри своей души средствами совестливого зрения, родовой и исторической памяти, художественным талантом, чутким музыкальным слухом. Поэт не отделяет свою жизнь от Вселенной, поэтому ему дано видеть многие незримые процессы.

*Земля разверзнется. Покатится
Во мглу веков земная твердь.
И, может быть, тогда расплатится
За всех живых подруга-смерть.
Она за что-нибудь ухватится,
Чтоб ей самой не пропадать.
А жизнь по космосу раскатится,
Чтобы чужою жизнью стать.
На небе кончится мистерия,
Возникнет в космосе дыра,
И сквозь нее скользнет материя,
Как из Байкала — Ангара...*

Эсхатологическое переживание поэта, связанное с тем, что его волнуют конечные судьбы мира и Вселенной, однако, наполнено жизнеутверждающей силой, которая проистекает из личного жизненного опыта, из природы и судьбы Байкала, являющегося для Владимира Скифа исповедником и наставником, родным по

духу и плоти. Автору книги — коренному сибиряку, общающемуся с природой, как с живой сущностью, легко представить и весь вселенский мир пронизанным живой одухотворенной материей, неизбежной по закону сохранения материи. Этот закон, сформулированный древнегреческим философом Эмпидоклом в V в. до н.э., звучал так: «Ничто не может произойти из ничего, и никак не может то, что есть, уничтожиться». Есть тому подтверждения более поздних научных исследований, как, например, средневековыми химиками было замечено, что при любых химических реакциях и превращениях суммарный вес реагентов не меняется. Но это в науке. В жизни могут происходить бесследные исчезновения, если к ней подходить без учета нравственного параметра, без привлечения «критерия совести». Реальную угрозу губительного исчезновения поэт пережил вместе с теми, кто в недавние времена сражался за судьбу Байкала, приготовленного на уничтожение богоборческими властями, обожествившими научно-технический прогресс, узаконившими произвол во имя обогащения, поставившими сиюминутное человеческое хотение выше извечных законов Мироздания.

<i>В природе все невероятно:</i>	<i>И то, что крупно, необъятно,</i>
<i>И это солнце, и на нем,</i>	<i>И то, что мелко и мало.</i>
<i>Как на цыпленке желтом, пятна.</i>	<i>Полет совы, змеиный шорох,</i>
<i>Мы живы солнечным огнем!</i>	<i>И белый гриб, и мухомор,</i>
<i>Простой водою, как святою,</i>	<i>И ворох звезд, и мыши в норах</i>
<i>Мы окропим свой тяжкий след —</i>	<i>Ведут со мною разговор.</i>
<i>Живой байкальской водою</i>	<i>Величье кедра, птичье соло</i>
<i>Мы будем живы много лет.</i>	<i>Храню и трепетно люблю</i>
<i>В природе все невероятно!</i>	<i>И над природой произвола</i>
<i>Все на земле себя нашло:</i>	<i>Не потерплю... Не потерплю!</i>

У поэта свои средства борьбы с силой, разрушающей красоту и гармонию, с мощью, которую обобщенно можно называть злом. Он понимает, что моральное зло, покусившееся на беззащитный Байкал, присуще от грехопадения человеческой природе. Владимир Скиф не обличает с трибуны хищническое отношение к Байкалу, как это делали многие его выдающиеся современники и, надо отметить, многого добились, так как зло трусливо, боится открытого обличения. У поэта свои средства борьбы со злом.

*Смотрю на Байкал и страдаю безмерно,
И думаю: «Господи! Где же ты есть?»
Господь не ответит, тогда я, наверное,
Убийцам Байкала придумаю мечь...*

Эта мечь убийцам и «подруге-смерти» состоит в преображении человеческой души. Поэт надеется данными ему от Бога возможностями, своим поэтическим талантом способствовать просветлению человеческой души, лечить красотой, верой, добрым примером лучших человеческих качеств. Его мечь — в утверждении жизни и в разоблачении смерти. Редкое сердце не смягчится, не просветлеет, прикоснувшись к поэтическому образу подснежника.

.....
*Байкал-медведь во льдах-валежниках
Еще нечесан и свицтов,
А по горе бегут подснежники,*

*Как будто выводок птенцов.
Вон, крохотный, едва проклюнулся,
А песню радостно поет
И лепестками, словно клювиком,
Лучи оранжевые пьет.
Моя душа с ним рядом нежится,
Высоких замыслов полна.
Поют леса, поют подснежники,
Поет байкальская весна.*

Кажется, где же здесь борьба со злом? Это просто красивый пейзаж. Но, наверное, у любого человека дрогнет сердце от жалости к медведю, если видеть, как его убивают ради наживы. Что уж говорить об убийстве величественного озера-моря, олицетворенного медведем? Тут, если представишь его возможную гибельную судьбу, слезы покатятся из глаз. И душа ими омоется, но умягчится в любовании выводком подснежников, похожих на птенчиков. И умилосердится, и исторгнет зло.

Поэтическое единство и взаимопроникновение разных миров бытия убеждает в промыслительном, гармоничном от сотворения жизни ее строе. Да, как говорят философы, через культуру, особенно через поэзию, происходит очеловечение человека, обретение им своей сущности. Особенно это заметно, когда общество, находясь в нравственном кризисе, не проявляет нужного идеологического воздействия. Тогда нарушается способность самопознания и самоопределения в мире, который разрушается под давлением неконтролируемых им, превышенных потребностей. Однако для воспитания души, для нравственного совершенствования не нужно стороннего контроля и внешнего насилия. Решающая роль в этом процессе принадлежит утверждению моральных основ, воспитанию добрых чувств. И тем осуществляет Владимир Скиф свою месть погубителям Байкала, что выводит на рубеж борьбы за сердце человека бессмертную, непобедимую армию, в рядах которой «Сосна — царица высоты», Полынь и Шиповник, Жарки и Незабудки, Кровохлебки и Колокольчики. Каждому воину посвящено отдельное стихотворение, так что на поле брани за свою землю выходит мощная, решительная армия.

*Полевые цветы отгорели,
Понасыпали в вечность семян
И в остывшей земле отгорели
Души павших моих россиян.
Ах, мальчишки, за что вас убили
На безумной чеченской войне?
Вы надеждой российской были,
Но цветами взошли по весне.*

.....
*Как послушник, молитву закончив,
Как мальчишка в родимых лесах,
Над Россией стоит колокольчик
Со славянской болью в глазах.*

Вопросы гибели и спасения в стихах Владимира Скифа восходят к осмыслению метафизических основ существования, к философским обобщениям и высоким образам бытия. Эта поэзия вызывает восторг пред Божественной красотой мира.

«Давай, Байкал, поговорим о жизни»

В поисках высших смыслов поэт строит свою картину мира на сопоставлении реальности с идеальной духовной субстанцией, под которой подразумевает Байкал в его непостижимой космичности и спасительной красоте. Надо отметить, что единого понятия мира не существует, это отчасти субъективная, мировоззренческая категория. В этом строительстве поэт не стремится к оригинальности, к революционности, к поискам новизны во имя новизны. И все же его слово ново, потому что зовет к тому, чего еще никогда не было на земле, потому что создает образ идеальной нравственной картины мира, исполненной библейских смыслов.

*А нам — то поле, то погост,
Нам и себя порою мало...
Высоких звезд, библейских звезд
Нам никогда не доставало.*

Библейские смыслы — это смыслы, положенные Богом в основу Мироздания. Они не скрыты, они щедро явлены нам. Только надо уметь их увидеть и понять. И стихи Владимира Скифа много помогают в этом. Такая, например, идея открывается в явной взаимосвязи: спасительна для человека красота Байкала, она облагораживает, спасает от жестокосердия, от злых намерений, от зависти и жадности, потому что Байкал принадлежит всем. Спасенный Байкалом человек, просветленный и умудренный совестливым милосердием, в свою очередь становится спасителем «совестливого ока планеты». Как говорится, глаза — зеркало души человеческой. Байкал — символ души Земли — человеческой планеты. Если он так чист и красив, то какова же сама Земля!

Философия основополагающими формами бытия называет природу и дух¹. Природа — понятие совокупное, подразумевающее и окружающий ландшафт, и экосистему, и материю в целом. Дух — понятие нематериальное, духовные проявления — не элементы природы, но способы их взаимосвязи, способность к развитию, стремление к гармонии и порядку. Реальность идеального невозможно выразить физическими средствами, но невозможно и не поверить в идеальную гармонию, глядя на звездное небо или на воды Байкала, взирая на «ландышей хрупкий фарфор».

Ощущением космической гармонии проникнуты все стихи поэта, понимающего себя частью вселенной, несущего ответственность за свои действия и за свое слово. Он, прозревая тайны мира, не позволяет себе додумывать или лгать. Для доказательства правды жизни поэт находит убедительные образы, его поэтический язык красочен, художественное пространство пронизано светом солнечным и душевным, звуками и запахами. Мы верим его поэзии, которая не разлагает мир на части, не убивает его. В противостоянии со злом и смертью поэт доказывает, что природа — не объект, она требует к себе отношения как к тому, что живет по законам живого. Фактура его поэтической ткани музыкальна и многоголосна, объемна и подвижна. Она складывается из таких реальных образов, что заставляет читателя откликнуться всеми органами чувств — зрительными, слуховыми, осязательными, обонятельными. Чувственные ощущения заставляют читателя приобщаться к художественной реальности, как к действительной, довериться ей и духовно отзываться.

¹См.: *Философия и методология познания. Коллектив авторов. Ред. Сальников В.П. СПб, Изд. СПб гос. университета. 2003 г. С.108-125.*

*Занимается свет между звезд и былинки,
Он едва еще виден. Он чист и лилов.
Я иду через лес, где роса и суглинок,
Где так радостно черпать мелодии слов.*

.....
*Вот и рябчик проснулся, нырнула кедровка
Из ожившего кедра в сухой бересклет.
И упала звезда, зазвенев, как подковка
С твоего сапожка... И явился рассвет.*

Любовь к природе и ее сбережение — важнейшее условие осознания возможности восстановления гармоничных отношений человека с окружающим миром. Стихи Владимира Скифа о природе — показывают не только волнующую картину земной красоты, но кровную ее связь с русской христианской землей, ее духовную подоплеку. В мире поэта даже лошадь-работяга имеет вселенский смысл.

*Вплетался в гриву Млечный Путь-венки,
Сиял знакомый лес, болотце...
Ей жеребенок на тычинках ног
Уже мякнул у колодца.
Не грезя о пегасовом крыле,
Легенда, русское преданье —
Шла работяга-лошадь по земле,
Несла на холке Мирозданье.*

Конечно, только на Земле, находящейся в неразрывной связи со всем Мирозданием, может быть озеро такого пространственно-временного порядка, как Байкал. Именно к нему обращается за умом-разумом поэт:

*Давай, Байкал, поговорим о жизни —
Ведь вся Сибирь и вся моя Отчизна
С утеса прибайкальского видна.*

С этой высокой точки зрения многое видно и есть чему поучиться: истории и верности, любви к земле отчей и ко всему миру. Но и от ученика требуется усилие, о котором так говорит поэт.

*Как море, нахлынула осень.
На ветру стынет
Моя обнаженная душа.*

Только открытой, внемлющей душе по силам видеть дальше чувственного мира. Конечно, к сфере мечтаний принадлежит желание поэта соединить идеал и реальность, примирить материю и дух, но эта мечта имеет большое значение, так как является свидетельством веры поэта в возможную и обязательную победу добра. И этой своей мечтой он прозревает такие картины:

*Байкал сияет подо мною,
А надо мною — русский лес.
Байкал тревожно бьет волною
В гудящий колокол небес.*

Диалог Байкала и Неба проходит контрапунктом целостной книги-поэмы Владимира Скифа. Диалог же человека с человеком является ведущей мелодией этого сложного полифонического произведения.

«Слова, рожденные Байкалом»

На примере отношения к судьбе великого озера, которому вследствие человеческой нечестивости грозило загрязнение и уничтожение, поэт рассматривает основополагающие законы мира, понимая, что Байкал — это не только массив воды, это и природа байкальского края, и люди, живущие на его берегах. Велико озеро — велики и его берега, велик и многозвучен мир людей, здесь проживающих. В представлении поэта это не обобщенный, безликий мир, но общность, состоящая из реальных судеб, лиц, голосов. Это мир конкретных людей, многим из которых поэт посвящает свои стихи. Вообще, стихи-посвящения — яркая, жизнетворная особенность поэзии Владимира Скифа, определяющаяся емкостью его любящего сердца, глубиной понимания человеческих характеров, сердечным стремлением увековечить имена своих земляков и единомышленников. Это христианское чувство, связанное с пониманием того, что именем человек определен в нашем мире, именем остается в Вечности, укоренено в душе поэта речением великого озера. Как он говорит:

*...Как зыбкая холодная волна,
Тревожно к горлу подступает слово.*

.....
*Сквозь камни пробивается трава —
И я пытаюсь выплеснуть слова,
В моей душе рожденные Байкалом.*

Рождение поэтического слова, как и любое другое рождение, — следствие любви. Любовь — основная краска поэзии Владимира Скифа в сложном спектре ее оттенков. Это любовь к миру, к Родине большой и малой, к братьям своим меньшим, к литературе, к друзьям, к женщине. Особенно ценна портретная галерея русских писателей, которым поэт посвящает свои стихи. Это и классики — Сергей Есенин, Александр Вампилов, и выдающиеся современники — Светлана Сырнева, Валерий Михайлов, Владимир Молчанов, и ушедшие товарищи по поэтическому цеху, такие как Анатолий Горбунов, Татьяна Суровцева. Это неизвестные нам друзья поэта — байкальский охотник Петр Мельников или таинственная Т.Г. Отдавая каждому из них частичку своего сердца, всех их поэт искупает из небытия или забвения, возводит на пьедестал памяти и почитания. Но горько плачет он о потере великого учителя и родного человека — великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина.

*Неужто этот русский голос
Уже навеки отзвучал...
Молчун Распутин, беспокоясь
О русской доле, не молчал.
В родной простор глядел с любовью
Неизъяснимую, живой.
Писал всей болью, всю кровью,*

*Не возвышая голос свой
Над русским домом, русским ладом,
Над светоносною рекой,
И голос тот звучал набатом,
Как в битве на передовой.*

.....
*Ему внимают грады, села,
Родная церковь, темный лес.
...Звучит его бессмертный голос,
Как голос совести с небес.*

Валентин Распутин обладал способностью отчетливо слышать этот голос небес. Вот как он передавал свое ощущение общения с ушедшим Александром Вампиловым: «Александр Вампилов в этом горном пейзаже новое образование, не ставшее монументальным, все еще сохраняющее тепло нашей совместной жизни и трудов на земле. Но по окончательности судьбы, по совершенству оставленного им звука и по признанию живых и вечных, физически и духовно далеко отодвинувшийся от нас. К нему теперь следует обращаться как к авторитету, сделавшему там, в надмирности, какие-то важные дополнения своих сочинений. Все слова на месте, а смысловая нагрузка уточнилась, главное проступило крупным шрифтом и нуждается в новом чтении. Все написанное им надо принимать теперь оттуда... Оттуда — с места вечного хранения, где слово, точно пройдя специальную обработку, не ветшает и от прикосновения к нему излучает таинственный, звенящий свет»².

Этот слышимый свет, кажется, сродни музыке сфер. Своих друзей Владимир Скиф, обретший способность слышать голос небес от учителя Валентина Распутина, представляет планетами литературной вселенной, имеющими свой голос, по подобию реальной Вселенной, где планеты, действительно, звучат. Гармонические созвучия, издаваемые планетами, как предположил, видя в мире музыкальные пропорции, Платон, а позже доказал Кеплер, зависят от скорости движения планет и от их взаимного расположения. Планеты — поэты, писатели, художники — все личности, представленные на страницах книги Владимира Скифа, находясь в объективной реальности и во взаимодействии, тоже имеют свой неумолкаемый вселенский голос, чем подтверждается главная идея автора книги о гармонии мира, возникшей с момента его сотворения.

И в этом звучащем мире озеро Байкал — камертон, настроенный на целесообразность существования Вселенной только в нравственных законах. Представляя «планеты совестливый глаз», великое озеро-море настраивает нас на поиск правды, является источником благой веры, о которой давно было сказано: «Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их...» (Мф. 9:29-30). Поэт через реальную судьбу и художественный образ Байкала ищет правду, которой открываются глаза людей на добродетельное житие. Этой правдой проникнуты все стихи большой поэтической книги. И это тот случай, когда нарастающее количество творчества, его массив, переходит в созидательное качество, в со-творчество, которое может и изобразить, и очистить, и защитить воды Байкала.

²Распутин В.Г. Земля у Байкала. Иркутск. 2008 г., С.288.

*Светоносное диво родного Байкала
Посреди благодатной сибирской земли
Развернуло себя и пред нами предстало
С чистотою, какую убить не смогли.
С красотой несравненной средь зла и железа,
С глубиной, что равна глубине высоты,
Где живая подкова звенящего леса
Повторяет на счастье подкову воды.
О, великий Байкал! Среди гор, среди веток
Раскрывающий створ для широкой волны
И несущийся в небо на крыльях рассвета,
Мы с тобой о грядущем подумать должны!*

.....
*Мы живем на земле среди каменных клеток,
Но мы слышим тебя, твой и шепот, и шум.
Несравненный Байкал! Водоносец планеты!
Ты — наш истинный брат. Ты — космический ум!*

Книгу Владимира Скифа «Он место в космосе искал» нельзя пролистать или прочитать выборочно, она интересна до последней страницы, она увлекает, так как вовлекает в миры неведомые, в пространства высокие, заставляет потрудиться душу, обнадеживает сердце, доставляет эстетическое удовольствие, открывает красоты невиданные. Она оставляет ощущение причастности к битве за жизнь и награждает торжеством победы.

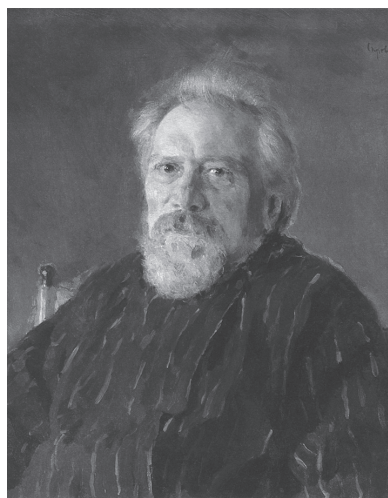
*190 лет со дня рождения классика
русской литературы Н.С. Лескова*

НИКОЛАЙ ДОРОШЕНКО

Самородный писатель Лесков

«Лесков — писатель будущего»

Л.Н. Толстой

Природа писательского дара Николая Семёновича Лескова столь же таинственна, сколь и проста. Проста в том смысле, что слишком легко угадать и сословные, и географические границы, внутри которых только и мог талант Лескова явиться. Таинственным же Лесков является потому, что при всём этом он, орловский писатель, по строжайшему мнению Льва Толстого — *«самый русский из русских писателей»*. Высоко оценивает его и «пролетарский» писатель Максим Горький: *«Как художник слова Н.С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей не-*

многим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок её, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих».

И при таких же оценках Лескова как выдающегося мастера Достоевским, Чеховым и многими другими классиками русской литературы — именно мастером, т.е. постигшим писательское мастерство в той степени, чтобы к любому своему замыслу его артистичнейше применить, из него не могло получиться. Талант его так остался именно природным и самородным.

Начав свою писательскую карьеру со статей и с этнографических заметок, он, проехавшись с поручением редакции «Северной пчелы» по Прибалтике, Польше и Франции, разочаровывается в своих «передовых воззрениях» и начинает писать что ни на есть злободневный политический роман «Некуда» о нигилистах. Но роман этот получился у него весьма неудачным именно с художественной точки

зрения. А через шесть лет — в 1870-м — будучи уже автором таких блистательных повестей, как «Леди Макбет Мценского уезда» (1864), «Воительница» (1866), «Котин Доилец и Платонида» (1867), он публикует еще один свой не вполне удачный роман «На ножах» против всё тех же нигилистов и против «вульгарного материализма».

То есть, будучи писателем глубоко органичным природе своего редкого таланта, он даже и со второй попытки не смог профессионально, как и подобает уже воистину состоявшемуся мастеру слова, исполнить поручение собственного неравнодушного ума и такого же своего гражданского чувства.

Такова была и сама его человеческая натура, чтобы ответы на тревожащие его вызовы текущего времени не формулировать, а черпать из глубин жизни такой, какая она на самом деле есть. Как, например, в «Соборях» выход из противоречия между официальной — государевой — Церковью и Христом набожный Лесков находит не у современных ему религиозных ревнителей и мыслителей, а в невымышленном образе хоть и не слишком начитанного, но очень доброго и отзывчивого дьякона Ахилла.

В силу этих же своих свойств в конце своей жизни Лесков сознавался: *«Льва Николаевича Толстого люблю, а толстовцев нет»*. Хотя отчасти и сам он был толстовцем, но — по-своему: *«Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума»*.

Лучшие годы в его жизни, как вспоминает Лесков, подарила ему работа в компании «Шкотт и Вилькенс», позволявшая ему поехать по всей России, чтобы в дороге с жадным любопытством вступать в долгие беседы с людьми самыми случайными и самыми разными не только по сословному, а даже и этническому житейскому опыту.

В связи с этим осмелюсь предположить, что если бы Лесков получил академическое образование и привык свое миропонимание напитывать книжной мудростью, то был бы у нас еще один даже и, может быть, крупнейший писатель, но такого особого — не было бы. Хотя, будучи помощником столоначальника рекрутского ревизионного отделения в Киеве, он частным порядком слушает университетские лекции по архитектуре, живописи, экономике, сельскому хозяйству и многие иные. И более всего его увлекает древнерусское зодчество, иконопись, а также овладевает он малороссийским и польским языками, чтобы постичь тайны корней русского языка в тех глубинах, где у всех славянских народов язык был еще единым. Поэтому не только характеры его героев, а и сама художественная ткань его прозы воспринимаются не с кропотливым искусством созданными, а как чистейший результат самородного и абсолютно вольного его таланта.

Потому и очень разные по характеру своего творчества писатели, как Достоевский, Чехов, Ремизов и многие другие, лесковскою прозой вдохновлявшиеся, даже и отдаленно с ним ни в чем не схожи. Достоевский, например, утверждал, что помимо многого прочего у Лескова он перенял конструирование художественных образов и прорисовку характеров. Но очень уж особенные образы и характеры и у того, и у другого. И особая чеховская ирония ничем не подтверждает то, что Чехов у Лескова учился именно иронии, а не только, как рассказывал он Горькому, *«умению подсказать читателю оценки и выводы, мнения своего не навязывая»*.

Но и при общепризнанном влиянии прозы Лескова даже на самых выдающихся современных ему писателей, очень уж тяжело складывалась его собственная писательская судьба. Еще в молодости, сотрудничая с «Северной пчелой», он опубли-

ковал статью о пожарах в Щукином и Апраксином дворах. И будучи по своему характеру лишенным всякого лукавства, потребовал от власти провести достаточное расследование, чтобы либо подтвердить, либо опровергнуть слухи о том, что виновниками пожара могут являться студенты-революционеры. И если радикальные демократы восприняли этот призыв как завуалированный донос, то сам Александр II увидел в Лескове, давшем негативную оценку также и работе пожарных, чуть ли не бунтаря. «Не следовало пропускать, тем более, что это ложь», — рассудил Император. И с тех пор Лесков был уже чужаком и для «демократов», и для «охранителей».

Тем более в штыки был принят его роман «Некуда», опубликованный в ту пору, когда он свои произведения еще подписывал псевдонимом Стебницкий. *«Найдется ли теперь в России, кроме “Русского Вестника”, хоть один журнал, который осмелится бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого и подписанное его фамилией?»* — вопрошал Д.И. Писарев.

И действительно, популярные журналы привыкли его сторониться. Не только оппоненты «демократов», а и они сами не видели в Лескове своего автора даже и когда его критика бюрократии, полиции, царевой позиции, Синода и самого политического режима стала совсем уж непримиримой. Для тех и других его позиция была, опять-таки, слишком независимой, самородной. И если редкие критики вспоминали о нем, то — холодно, особо не вникая в его таинственную самобытность. А в глазах цензуры он предстает даже и столь опасным, что некоторые его издания запрещаются и конфискуются.

И это мучительнейшее испытание для крупнейшего писателя заканчивается лишь с его смертью.

«Лесков — писатель будущего», — предсказывал Толстой. И уже и в советский период при всем том, что сам Горький в публичных советах молодым писателям постоянно призывал читать именно лесковские произведения, широкое признание Лескова затянулось надолго. Лишь на волне пробуждения русского национального самосознания после победы в Великой Отечественной войне стали появляться исследования творчества и творческой биографии писателя, популяризирующие его литературное наследие. А в 1956–1958 наконец-то выходит даже и собрание его сочинений в одиннадцати томах...

Чтобы получить представление о своей планете и её дальнейшей судьбе, ученые бурят скважины в континентах и достают из их глубин слои древнейших отложений для изучения. Такими же бесценными и еще далеко не изученными кернами, таящими в себе многими веками формировавшиеся образцы русского устроения и русской речи являются лесковские книги. Именно писатель Лесков как мало кто иной является не просто одним из символов России, а и хранилищем не мифологизированной, подлинной, из самой народной жизни зачерпнутой тайны русской души. Вот у меня на столе лежит изданное еще к 180-летию весьма увесистое подарочное издание избранных произведений Н.С. Лескова «Ваш Лесков». Как и все книги этой серии издательской программы Международного Пушкинского Фонда «Классика» (а уже изданы помимо лесковской книги «Ваш Пушкин», «Ваш Гоголь», «Ваш Лермонтов», «Ваш А.К. Толстой», «Ваш Тютчев», «Ваш Салтыков-Щедрин», «Ваш Чехов», «Ваш Блок», «Ваш Есенин» и многие-многие другие книги!), лесковский том создавался не только для чтения, а чтобы и золото на его обреше напоминало о величайшем для нас значении *«самого русского из русских писателей»*. Богатейше проиллюстрирован лесковский том также жанровыми и портретными работами

художников, современных Лескову и его героям, фотографиями современной им архитектуры, храмовыми интерьерами, многими, разных лет, портретами Лескова.

Важно и то, что научной основой Международного Пушкинского Фонда «Классика» является знаменитый Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, возглавляемый авторитетнейшим знатоком нашей отечественной литературы Н.Н. Скатовым.

НАТАЛЬЯ БРЮХАНЕНКО

Я ПОМНЮ...

ЗАПИСКИ О ДРУЖБЕ С МАЯКОВСКИМ

Предисловие

Известный фотограф Эдгар Брюханенко, который снял многих иркутских литераторов, сам был интересным рассказчиком и даже издал книгу собственных интересных историй, но никогда не говорил о своей семье, родственниках. Между тем, среди них были авторитетные врачи, биологи, математики, дипломаты, литераторы. С мамой и сестрой они стали иркутянами в декабре 1941 г., куда их направили в эвакуацию из Москвы. Мать работала в «горячем цехе» Иркутского завода тяжёлого машиностроения им. Куйбышева, дети учились в школе. В ноябре 1942 г. им пришла похоронка из Сталинграда — там погиб их отец, имя которого ныне увековечено на Мамаевом кургане. Так они и остались в Иркутске, время от времени навещая своих московских родственников.

Ольга Дмитриевна Брюханенко — тоже известный иркутский врач — вспоминает, что в квартире их тётки Натальи на Беговой стояло большое кожаное кресло, о котором хозяйка говорила: «Это — кресло Маяковского», и показывала его книжку с автографом:

«Глаз
в Госиздате
останавливать
не на ком,
кроме как
на товарище
Брюханенко.

В.М.».

Сегодня Ольга Дмитриевна бережно хранит семейный архив, в котором вдруг открылась интересная история дружбы их родной тётки Натальи Александровны Брюханенко с Владимиром Владимировичем Маяковским.

В пожелтевшей рукописи Натальи Александровны мы читаем:

«Несколько слов о себе. Моя семья — московская семья средней интеллигенции. Отец мой был преподавателем естествознания, мать — начальником гимназии и учительницей французского языка. Родители разошлись, когда мне было пять лет, а когда мне исполнилось одиннадцать, — умерла мама. Это было в июле 1917 года. Я попала в семью тётки, маминой сестры, но в девятнадцатом году она отдала меня и брата в детские колонии.

Жили мы в первые годы революции очень неважно. Ученье было поставлено плохо. Я, например, никогда в жизни не учила географию. Она как-то выпала из школьной программы тех лет. Помню, как иногда приходилось зарабатывать деньги разгрузкой овощей из товарных вагонов. Причём если мы разгружали репу, её же одну и ели целый день. Это было в девятнадцатом году. С хлебом было совсем плохо.

Окончив на «отлично» школу, — я славилась знанием литературы и даже делала какой-то публичный доклад на школьной конференции о творчестве Некрасова, — я поступила в Московский университет на литературное отделение».

В этой «буче — боевой, кипучей» первых лет Советской власти молодая студентка познакомилась и подружилась с Владимиром Владимировичем.

В 1952 г. Музей Маяковского обратился к Наталье Александровне с просьбой написать свои воспоминания о советском поэте. Они были восприняты неоднозначно, поэтому на обороте последней страницы рукописи Наталья Брюханенко добавила постскриптум:

«Некоторые читатели моей рукописи укоряли меня, что я слишком много пишу о себе и уделяю внимание всяким мелочам вроде того, как я была одета и т. п.

В Музее В.В. Маяковского мне сказали: через 50 лет будут пьесы о Маяковском, будут фильмы, и понадобится знать о нём и о его окружении все бытовые мелочи. Пишите решительно обо всём, что помните. О Маяковском как о поэте уже написано много, а вот о нём как о человеке очень мало. Вот так я и написала обо всём, что помню. Без вранья и без прикрас».

И хотя специалисты-литературоведы подмечают точность психологического портрета В.В. Маяковского, ценные свидетельства о его литературных взглядах и вкусах, воспоминания Натальи Брюханенко долгие годы лежали в архиве музея. Лишь в 1973 г. Константин Симонов к 80-летию поэта использовал пару страниц при составлении сборника воспоминаний «Маяковский делает выставку» и в 1983 г. литературно-художественный и общественно-политический журнал «Таллин» наконец их опубликовал.

В этом же 1983 г. Наталья Александровна побывала в Иркутске и на Байкале, куда её давно приглашали племянники — Эдгар и Ольга. Незадолго до смерти (1984 г.) она передала им свои рукописи и документы, которые сегодня Ольга Александровна Брюханенко подарила Иркутской областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского.

Владимир Невзоров

В первый раз я увидела и услышала Маяковского в Политехническом музее с чтением «150 миллионов». Это было в двадцатом году, мне было пятнадцать лет. Совершенно обалделые от восторга, мы шли компанией морозной ночью по Лубянской площади и дальше вниз к Никитской и орали строчки стихов, запомнившиеся с первого раза. Тогда я знала наизусть не только «Левый марш» и «Необычайное приключение...», но и большие куски из «Облака в штанах» и читала их, стараясь подражать манере чтения самого Маяковского.

Самыми главными для меня в те годы были проблемы — новый быт и новые стихи.

Да, были другие времена! Теперь учительница в классе читает стихи Маяковского притихшим детям. Нам же приходилось бороться с учителями за стихи Маяковского.

Я, девчонка, заставляла слушать и «признавать» его стихи как можно больше народу — школьников, соседей, даже свою бабушку. Строчками стихов Маяковского мы выражали свои чувства. «Облако в штанах» мы считали высшим достижением всей мировой литературы. На каждом публичном выступлении мы ждали его новых стихов, в газете искали его фамилию, ждали выпуска его новых книг и афиш о новом выступлении. Но мы были очень бедны. С каким трудом мы покупали эти книжки или билеты на его вечера!

Летом 1923 года я держала экзамен в Литературный институт, где ректором был В.Я. Брюсов, и одновременно подала заявление о приеме на литературное отделение в университет. Вступительный экзамен принимал у меня сам Валерий Яковлевич, и я этот экзамен выдержала. Принята я была и в институт, и в университет, но предпочла учиться в университете.

Зима. В студенческом клубе на Моховой, в помещении бывшей университетской церкви, состоялся вечер Маяковского. В большинстве народ стоял на ногах, некоторые взобрались на сцену и сидели вокруг Маяковского, у его ног.

Молодёжь стояла толпой, в кожаных куртках, солдатских шинелях, как будто это был уличный митинг.

Н. Брюханенко

И вот, на фоне церковного золота, Маяковский начал читать «Рабочим Курска». Эти новые стихи молодёжь восприняла бурно и восторженно.

В тот вечер в клубе, помню, Маяковский читал «Левый марш», и слова «Левой! Левой! Левой!» вся толпа подхватывала хором.

Молодёжь всегда восторженно слушала новые стихи Маяковского и с нетерпением ждала последней части встречи, — «ответы на записки». Остроумные, уничтожающие политических и литературных врагов ответы повторялись потом нами и рассказывались десятки раз.

Как назвать мои взаимоотношения с Маяковским в первое время после нашего знакомства? Я не могу назвать их дружбой, потому что слишком была велика разница между нами. «Сам» Маяковский, и рядом я — никто.

Когда он познакомился со мной и явно начал ухаживать, мне это и нравилось, и не нравилось. Уж очень это было тогда не принято у нас, среди студенческой молодёжи.

Маяковский любезен, внимателен, он говорит мне только «Вы», ласково переделывает мое имя на «Наталочку». Он пропускает меня вперед в дверь, подаёт мне пальто. Это были для меня любезности неслыханные и невиданные. Какая девушка осталась бы к этому равнодушной?

Маяковский был всегда просто, но как-то очень красиво и элегантно одет. Меня, правда, «шокировала» его фетровая шляпа. С тростью я ещё как-то мирилась, но когда вместо кепки Маяковский брал шляпу, я умоляюще глядела на него или просила: «Не надо шляпу...».

Маяковский научил меня и тому, что одекolon не роскошь, и тому, что цветы не мешанство, и что можно и даже нужно иногда ездить на извозчике и в автомобиле... Мне до того казалось, что все это «буржуазные предрассудки». Ведь тогда был нэп, а я была бедная студентка.

На первом курсе университета я получала государственную стипендию — десять рублей в месяц. Обедали мы в студенческой столовой, и обед тогда стоил десять копеек.

Перейдя на второй курс, я поступила на службу в Госиздат. Лекции в университете были в то время в вечерние часы, и многие студенты, вроде меня, днем работали.

1926 год.

Я работаю в библиотеке Госиздата на Рождественке (теперь это улица Жданова, а на месте снесённого здания Госиздата — «Детский мир»). Мне двадцать лет, я очень деловая и занятая девушка. Интересуюсь только литературой и больше всего люблю стихи Маяковского. Об этом знают мои сослуживцы, и когда он бывает в Госиздате, кто-нибудь, приходя в библиотеку, сообщает мне: «Маяковский здесь». И я бегаю незаметно посмотреть на него.

Однажды он рассердился на секретаршу приёмной за то, что она не пустила его в кабинет к заведующему, закричал, что ему «надоела эта политика прифронтной полосы», ударил тростью по столу. Все об этом рассказывали как о скандале. А мне это как раз понравилось.

Много позже я узнала, что после таких случаев Маяковский очень огорчался, что он не любил не только скандалить, но даже громко разговаривать. Я же всегда говорила очень громко — и в доме, и на улице, — и он часто останавливал меня:

— Я ведь лирик. Надо со мной говорить тихо, ласково.

Но всё это было позже. И вот в мае двадцать шестого года в Госиздате я и познакомилась с Маяковским — вернее, он познакомился со мной.

Как-то я пробегаю по лестнице госиздатовского коридора. Навстречу мне Маяковский. Он обращается ко мне:

— Товарищ девушка!

Я остановилась. Я польщена и, конечно, очень волнуясь, но прямо смотрю ему в глаза и стою спокойно, как ни в чём не бывало. Маяковский начинает разговор и сразу спрашивает меня:

— Кто ваш любимый поэт?

Это было очень неожиданно. Такой прямой вопрос ошеломил меня, но я мгновенно поняла, что не отвечу ему — «Вы», и сказала спокойно:

— Уткин.

Тогда он как-то очень внимательно посмотрел на меня и предложил:

— Хотите, я вам почитаю свои стихи? Пойдёмте со мной по моим делам и по дороге будем разговаривать.

Я соглашаюсь. Забжав в библиотеку, под каким-то предлогом отпросилась с работы и ушла.

Маяковский ждал меня у выхода, и мы пошли по Софийке по направлению к Петровке. На улице было светло, тепло, продавали цветы. Маяковский держит себя красиво и торжественно. Я шагаю рядом очень радостная. Я ведь иду с любимым поэтом, знаменитым человеком, очень приветливым, любезным и замечательно одетым. Я горда и счастлива. Это очень приятно вспоминать!

На Петровке мы зашли в кафе, там Маяковский встретился с Бриком. Знакомя нас и показывая на меня, Маяковский сказал:

— Вот такая красивая и большая мне очень нужна.

Маяковскому нравилось, что я высокая. Он всегда это подчеркивал. Впоследствии кто-то из его знакомых увидел меня на улице и сказал Маяковскому, что не такая уж я и высокая, как он рассказывал. Маяковский ответил:

— Это вы её, наверное, видели рядом с очень большим домом.

На извозчике приехали на Лубянский проезд, где в доме № 3, в квартире № 12 у Маяковского была маленькая комната, которую он представил мне как «Редакцию ЛЕФа». В комнате — письменный стол, телефон, диван, шкаф. В углу камин, а на нём верблюдик какой-то металлический.

Маяковский угостил меня конфетами и шампанским и действительно, как обещал, достал свои книжки и стал мне читать — тихо, почти шепотом — свои стихи. Это было для меня странно: Маяковский — и шепотом! Читал он тогда «Севастополь — Ялта», «Тамара и Демон», а после чтения подарил мне ту самую книжку, по которой читал («Только новое»), предварительно исправив опечатку. Подарил мне и берлинское издание 1923 г. «Маяковский для голоса» в оформлении Эль Лисицкого. Эта книжка, с автографом, и сейчас у меня.

Взяв со стола какие-то бумаги, Маяковский вышел со мной из квартиры.

Вскоре он уехал из Москвы. Потом я заканчивала университет, потом полгода болела тифом. Получилось так, что встретились мы вновь лишь через год, в мае двадцать седьмого года.

1927 год.

В день, когда Маяковский получал в Госиздате двадцать авторских экземпляров только что вышедшего из печати пятого тома собрания сочинений, я неожиданно наскочила на него в бухгалтерии. Мы поздоровались, и он стал упрекать меня за то, что я прошлым летом от него убежала, «даже не помахав лапкой».

Он пригласил меня в тот же день пообедать с ним. Я согласилась и обещала больше от него не бегать. И вот с этого дня мы стали встречаться очень часто, почти ежедневно.

Ровно в половине пятого я кончала работу (тогда уже помощника редактора отдела агитпроплитературы), переходила через улицу в ресторан «Савой» (теперь он называется «Берлин»), встречалась с Маяковским, и мы с ним вместе обедали. Потом катались на машине, ходили в кинотеатры.

Как-то раз он повёл меня в подвал дома в Пименовском переулке, где был так называемый «Литературный кружок». Там он играл на бильярде, а я красовалась на каком-то высоком табурете, какие бывают в барах.

У меня осталось впечатление, что куда бы Маяковский ни приходил, происходило что-нибудь интересное. Всюду его узнавали, друзья приветствовали, незнакомцы — задирали, и каждому у него был остроумный ответ.

Иногда я бывала у него в Лубянском проезде. В это время Маяковский интенсивно работал для «Комсомольской правды». В этой комнате он дописывал очередное стихотворение, придумывал «шапки-заголовки» и лозунги и шёл в редакцию сдавать материал. Редакция «Комсомольской правды» была тогда рядом, только перейти Лубянскую площадь. На следующий день стихи появлялись в газете.

Когда я приходила к нему, он усаживал меня на диван или за столик за своей спиной, выдавал мне конфеты, яблоки и какую-нибудь книжку, и я часто подолгу так сидела, скучая. Но я не умела сидеть тихо. То спрашивала что-нибудь, то копалась в книгах, ища, чем бы заняться.

Мне казалось, не так уж моё присутствие было ему нужно, когда он работал. Просто он не любил одиночества и, работая, любил, чтоб кто-нибудь находился рядом.

Эта комната и дом вошли в стихи Маяковского целым рядом деталей тогдашнего быта.

Как-то летом Маяковский раскрыл окно, во дворе играл шарманщик. Я вспомнила это, когда в поэме «Хорошо!» впервые услышала строки:

*А летом
слушают асфальт
с копейками
в окне:
— Трансваль,
Трансваль,
страна моя.
Ты вся
горишь
в огне!*

Однажды Маяковский пригласил меня на дачу в Пушкино. Я обещала. Но в воскресенье утром гизовские товарищи уговорили меня поехать с ними в другое дачное место. Вечером, вернувшись домой, узнаю, что заезжал Маяковский, спрашивал меня и оставил записку:

«Я затревожился, не захворали ли Вы, и бросился навещать. Рад, что не застал — это очевидное свидетельство Вашего здоровья. Зайду завтра в 5 часей. Если Вы не сможете быть, или Вам понравится не быть, — очень прошу чиркнуть слово.

Привет. Вл. Маяковский».

Иногда я опаздывала на свидание. Он огорчался и сердился на это. Я оправдывалась, ссылаясь на отсутствие часов, хотя задерживалась по другим причинам. Тогда Маяковский привёл меня однажды в часовой магазин на Кузнецком мосту, купил часы и надел их мне на руку. Деваться было некуда! С тех пор я стала являться в назначенный час очень аккуратно.

Примерно в это же время Маяковский подарил мне пятый том собрания своих сочинений, и надпись на нём была сделана такая:

«Наталочке Александровне

гулять

встречаться

есть и пить

Давай

держась минуты сказанной

Друг друга

можно не любить

но аккуратным быть обязаны.

Вл. Маяковский».

И заставил меня подписаться: «Согласна. Н. Брюханенко. 11/VII–27».

Этот пятый том был третьей книжкой, подаренной мне Маяковским с автографом. А четвертая книжка с автографом — это первый том собрания сочинений (он вышел позже пятого, в 1928 г.). На нем надпись: «Наталочке — Маяковский» и цветочек, нарисованный его рукою.

Наконец мы поехали на дачу в Пушкино вместе, в субботу, после моей работы, с тем чтобы я пробыла там до утра понедельника. Я взяла почитать из библиотеки только вышедшую из печати книжечку стихов Уткина.

Маяковский купил в вокзальном киоске несколько номеров свежих журналов. Когда мы расположились в вагоне читать и Маяковский увидел у меня Уткина, он спокойно и молча взял у меня из рук книжку и выбросил её в окно — так, не задумываясь, выбрасывают в окно вагона окурки.

Сам он во всех журналах — «Новый мир», «Красная новь» — разрезал, вернее разрывал пальцем, только отдел поэзии, прочитывал стихи и выбрасывал журнал в окно. До дачи мы довели только номера «Нового ЛЕФа».

К газетам у него было иное отношение. Газет он покупал столько экземпляров, сколько было присутствующих — чтобы никому не ждать.

Пока на даче готовили ужин и ставили самовар, мы пошли гулять в сторону Акуловой горы. Маяковский рассказал мне, что это и есть та самая Акулова гора, где они жили на даче в двадцатом году. Потом он прочёл мне «Солнце». Мы шли, и читал он на ходу. Читал тихо и как-то повествовательно, совсем непохоже на то, как читал на своих вечерах, при публике.

Помню, когда мы ехали в поезде из Пушкино в город, Маяковский всю дорогу, негромко, но выразительно чеканя, твердил одни и те же строчки:

И над белым тленом,

как от пули падающий,

на оба

колена

упал главнокомандующий...

Он как бы примеривал их на слух и только после записал в книжечку.

Помню, как Маяковский с кем-то играл в городки и как мы ходили в лес собирать грибы. Маяковский ходил по лесу очень сосредоточенно, ни с кем не разговаривая. Изредка останавливался и тростью ковырял листья и землю.

Как-то я собиралась ехать на дачу в Очаково к родственникам. Узнав о моих намерениях, Маяковский подозрительно отнёсся к моей поездке и настоял на том, что поедет вместе со мной. Мы поехали. Родственники были просто ошеломлены,

увидав со мной «самого Маяковского». Для них он был просто футурист, желтая кофта. Сидим на терраске, разговаривать совершенно не о чём. Вдруг Маяковский предложил:

— Хотите, я прочту свои стихи?

Все обрадовались этому. Но не из-за стихов, потому что они их не любили, а просто как выход из создавшегося положения. И вот Маяковский на маленькой дачной терраске этим случайным слушателям читал стихи, как на большой эстраде для большой аудитории.

Пока он читал, стало совсем темно. И это был хороший предлог закончить чтение и поторопиться с уходом на станцию.

Поездка оказалась такой нелепой. А Маяковский был очень доволен. В поезде он утешал меня, был ласков и добр.

В конце июля 1927 г. Маяковский собрался в лекционную поездку в Харьков, Луганск, а затем в Крым. Он пригласил меня ехать с ним вместе «за компанию». Но я не могла получить в Госиздате отпуск до 15 августа. Да и вообще не решалась на такую поездку. Он уехал.

2 августа получаю от него телеграмму из Севастополя:

«СРОЧНАЯ МОСКВА ГОСИЗДАТ БРЮХАНЕНКО ОЧЕНЬ ЖДУ ТОЧКА ВЫЕЗЖАЙТЕ ТРИНАДЦАТОГО ВСТРЕЧУ СЕВАСТОПОЛЕ ТОЧКА БЕРИТЕ БИЛЕТ СЕГОДНЯ ТОЧКА ТЕЛЕГРАФЬТЕ ПОДРОБНО ЯЛТА ГОСТИНИЦА РОССИЯ ОГРОМНЫЙ ПРИВЕТ МАЯКОВСКИЙ».

К этому времени я по нему соскучилась. Получив телеграмму, я решила ехать. В этот день билет купить не удалось, а 4-го получаю опять срочную телеграмму из Ялты:

«ЖДУ ТЕЛЕГРАММУ ДЕНЬ ЧАС ПРИЕЗДА ТОЧКА ПРИЕЗЖАЙТЕ СКОРЕЕ ПРОБУДЕМ ВМЕСТЕ ВЕСЬ ВАШ ОТПУСК ТОЧКА УБЕЖДЕННО СКУЧАЮ МАЯКОВСКИЙ».

Наконец я купила билет, телеграфировала Маяковскому о выезде и 13 августа выехала в Севастополь.

Поезд прибывает в 7 часов утра. Я узнала это в дороге и поэтому не ожидала встречи. Подъезжаю к Севастополю. Раннее утро, а по перрону шагает Маяковский. Загоревший, красивый, такой спокойный и довольный. Мы очень радостно встретились. Оказывается, Маяковский ещё накануне приехал из Ялты, чтобы встретить меня. Он был в серой сорочке с красным замшевым галстуком, в серых фланелевых штанах. Рядом с ним я выглядела очень скромно, в жёлтом платье с какими-то вышивками.

Маяковский нанял специально для нас двухместную машину до Ялты.

Дорогой рассказываю мелкие московские новости.

Маяковский рассказал, что заканчивает работу над «Октябрьской поэмой». И вот тогда, дорогой, я впервые услышала строки:

*В духовках Крыма
гóры — жаркóе¹.*

¹Читал он именно так. В опубликованном тексте:

«В духовках солнца

горы

жаркóе».

*Воздух
цветы рассиропили.
Наши
с песней
идут от Джанкоя,
сыпятся
с Симферополя.*

Маяковский предупредил меня, что он ежедневно выступает с докладами-разговорами и надеется, что я буду выступать вместе с ним.

— Каким образом? — пугаюсь я.

— Вам будет легче. Вы будете присутствовать и свистеть или аплодировать в зависимости от того, будет вам нравиться или нет.

В Ялте для меня была приготовлена комната в гостинице «Россия». Это была самая большая гостиница Ялты, на набережной. Маяковский жил в номере с балконом, с видом на море, я — в конце коридора, в обыкновенном.

В первый день приезда Маяковский, В.М. Горожанин и я пошли гулять по набережной. Я чувствовала себя плебеем, попавшим в высшее общество. Скромность моей одежды немного смущала меня, а в разговоре я не могла принять участия. Разговор шёл о деле Дрейфуса и об Анатоле Франсе.

Маяковскому хотелось доставить мне как можно больше удовольствия, но я от всего отказывалась. Наконец, почти насильно он купил мне шёлковую материю и жёлтую шёлковую шаль. И там же, в Ялте, мне сшили платье.

Утром мы с кем-нибудь из знакомых завтракали в номере у Маяковского, затем у него начинался рабочий день, а остальные уходили гулять на пляж. Иногда ещё до завтрака Маяковский один ходил покупать газеты, папиросы и фрукты.

До обеда Маяковский работал в гостинице, сидя за столом на балконе или расхаживая из комнаты на балкон и обратно. Он читал газеты и всякие рукописи, которые ему присылали, и писал. Встречался с режиссером Смоличем, с которым обсуждал постановку «Октябрьской поэмы» в Ленинграде к десятилетию революции. Встречался с разными товарищами из редакций.

Я же вела образ жизни курортницы, ходила купаться и загорать на пляже. К обеду мы встречались в ресторане-поплавке в конце набережной.

В ожидании обеда Маяковский обычно рисовал на бумаге, которой вместо скатерти были покрыты столы. Особенно часто рисовал лошадок, у которых пар валил из ноздрей. И эти-то рисунки Маяковского ежедневно выбрасывались!

Всегда очень щепетильный в отношении чистоты, Маяковский и здесь требовал, чтобы фрукты, помидоры и даже бокалы ещё раз специально для нас перемывались кипяченой водой. За обедом мы пили белое вино, подливая его в лимонад.

После обеда бывали какие-то часы отдыха перед ежедневными вечерними выступлениями. В эти часы мы гуляли, иногда приходили гости.

Но чаще всего в эти послеобеденные часы Маяковский играл на бильярде. Меня он никуда от себя не отпускал. Чтоб мне не было так уж скучно глядеть на игру, мне покупались персики и виноград, выдавалась какая-нибудь газета. Сначала мне было интересно смотреть на игру, и я даже стала разбираться в «пирамидах» и «американках». Но игра шла часами. Играл он азартно и подолгу, пока не являлся его администратор Лавут и настойчиво напоминал, что пора ехать.

Как-то, обыграв маркера, Маяковский радостно объявил:

— Обыграть маркера на бильярде — это все равно что в музыке переиграть Шопена.

П.И. Лавут устраивал вечера выступлений так. Сначала по городу или курортному посёлку расклеивались афиши, на которых огромными буквами было напечатано одно слово: «МАЯКОВСКИЙ». Когда все узнавали о его приезде и, заинтересованные, ждали — где? и когда? — появлялась вторая афиша с точным указанием дня, места выступления и с тезисами разговора-доклада.

Билеты всегда были полностью распроданы. Да ещё сколько людей приходило слушать по пропускам, по запискам! Тогда в Крыму каждое выступление начиналось так. Маяковский выходил на эстраду, рассматривал публику, снимал пиджак, вешал его на стул. Затем вынимал из кармана свой плоский стаканчик и ставил его рядом с графином воды или бутылкой нарзана.

Из публики сразу начинались вопросы и летели записочки. «Как вы относитесь к Пушкину?», «Почему так дороги билеты на ваш вечер?».

— А женщины больше любят Пушкина! — выкрикивает кто-то.

Маяковский спокойно:

— Не может быть! Пушкин мертвый, а я живой.

Темы разговора были: против есенинщины, против мещанства, против пошлятины, черёмух и лун. За настоящие стихи, за новый быт.

Во втором отделении Маяковский читал стихи. Каждый раз обязательно «Сергею Есенину» и «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому». Помню, читал еще «Крым», «Ужаасающая фамильярность», «Канцелярские привычки», «Дела вузные, хорошие и конфузные», «Пиво и социализм», «За что боролись». Иногда «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

Сначала Маяковский комментировал стихи, — объяснял, например, откуда такое выражение, как «ваше слово слюнявит Собинов и выводит под березкой дохлой...». Как помнится, в Художественном театре в годовщину смерти Есенина был вечер. Маяковскому всё там — и декорации, и пение — показалось пошлым, недостойным памяти поэта. Отсюда и эта ирония в стихах «Сергею Есенину».

Однажды в Ялте, в городском саду, Маяковский выступил на открытой сцене. Рядом шумело море. Вдруг поднялся сильный ветер, срывая листья с деревьев, закружил их по эстраде и разметал бумажки на столе.

— Представление идёт в пышных декорациях, — торжественно сказал Маяковский. — А вы говорите: билеты дорогие!

После выступлений в Симеизе, в Алупке надо было ещё возвращаться в Ялту и ехать на машине час или два, и Маяковский очень уставал от этих ежедневных выступлений и поездок.

Мне запомнилось, как мы возвращались в открытой машине из Симеиза.

У Маяковского карманы были набиты только что полученными записками. Среди них были и записки от недоброжелателей, и это, как всегда, огорчало его. Он ехал очень усталый, угрюмый. Мы молчали. Он — оттого, что был мрачен, а я потому, что чувствовала себя очень счастливой. Только что я наслушалась любимых стихов, перед моими глазами было глубокое звёздное небо, и так хорошо было вокруг, что я не хотела мешать Маяковскому своей радостью. Как несправедливо получалось: он давал людям столько бодрости и счастья, а сам был несчастлив. «Как выдоенный» — говорил он о себе.

Каждый день с утра Маяковский прочитывал все газеты, просматривал новые журналы. Помню, как он купил и прочитал только что вышедшие «Воспомина-

ния» Авдотьи Панаевой. И ещё все мы читали купленные им в Ялте «Письма А.П. Чехова». Читанием, правда, особенно некогда было заниматься, и эти шесть томов писем Чехова приехали со мной в Москву и до сих пор в моей библиотеке.

Маяковский любил литературные игры. Заставлял всех присутствующих состязаться в переделывании пословиц, предлагал сочинять новые слова. И, конечно, ни у кого это не выходило так ловко, как у него. Например, слово «кипарисы» он, переиначивая, твердил часами: ри-па-ки-сы, си-па-ки-ры, ри-сы-па-ки и т.д. Так же бесконечно крутил слова «папиросы», «мемуары». Любил повторять, цитировать, переиначивать. Шагает и твердит:

*Я знаю: жребий мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днём увижусь я...*

И хотя у Пушкина «век уж мой измерен», Маяковский всегда читал «жребий», а как-то добавил с мечтательностью: «Если бы я написал такие стихи!».

Часто слыхала я от него и светловскую «Гренаду».

В один из августовских вечеров Маяковский выступил в Ливадии в санатории для крестьян. Тема разговора-доклада та же, что и на остальных вечерах: вопрос формы и содержания, новый быт. Читал он там и «Письмо Горькому» и «Сергею Есенину», и сатирические стихи. Он интересовался, понятны ли его стихи аудитории. Говорил о том, что он хочет, чтобы его понимали и рабочие, и крестьяне, вся молодёжь.

26 августа были мои именины. С утра я получила от Маяковского такой огромный букет роз, что он смог уместиться только в ведре. Но это было ещё не всё. Когда мы вышли на набережную, Маяковский стал заходить во все магазинчики и покупать мне одеколон, самый дорогой и красивый, в больших витых флаконах. Подошли к цветочному киоску, он стал скупать цветы.

— Один букет — это мелочь, — сказал он. — Мне хочется, чтобы вы вспомнили, как вам подарили не один букет, а ОДИН КИОСК цветов и ВЕСЬ одеколон города Ялты.

«Октябрьскую поэму» Маяковский закончил в Ялте до моего приезда, и рукопись была уже отправлена в Москву. Но именно в этот день, 26 августа, он дал телеграмму о том, что название этой поэмы будет «ХОРОШО!».

В конце августа Маяковский должен был выступать в Симферополе и Евпатории. Я согласилась ехать с ним туда с условием, что по возвращении мы вместе поедем в Минеральные Воды, куда мне очень хотелось. В Симферополе мы встретили художника Натана Альтмана и Ирину Щёголеву. Альтман уезжал в Москву, Ирина его провожала, а потом вместе с нами поехала в Евпаторию. В вагоне было пусто и темно. Всю дорогу Маяковский и Ирина пели, устроив нечто вроде конкурса на пошлый романс.

*Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит...*

— пели они, стоя у открытого окна. Это было очень ново и интересно для меня. Чего только они не вспомнили! «Отцвели уж давно хризантемы в саду», «Гайда, тройка, снег пушистый, ночь морозная кругом», «Белой акации гроздь душистые вновь аромата полны»...

В начале сентября мы выехали из Ялты на пароходе в Новороссийск, чтоб отсюда ехать на Минеральные Воды. Ночью в море разразился сильнейший шторм. В Новороссийске мы узнали из газет, что в предыдущую ночь в Крыму было землетрясение.

Мы поселились в гостинице «Гранд-Отель» в Кисловодске. Маяковский выступил в Пятигорске и Ессентуках и заболел гриппом. Больной он становился очень мнительным, и у него сразу делалось плохое настроение. Когда к нему пригласили доктора Абазова, Маяковский стал спрашивать, не туберкулез ли горла это, не рак ли пищевода. Тот разуверял его, успокаивал, но Маяковский лежал очень грустный и писал телеграммы в Москву.

13 сентября, в день нашего отъезда в Москву, он всё же выступил в Кисловодске. В Москву в одном вагоне с нами ехал Николай Ильич Подвойский, бывший в дни Октябрьского восстания председателем Военно-Революционного комитета в Петрограде и дважды упомянутый в 6-й главе поэмы «Хорошо!». Подвойскому поэма очень понравилась, он сделал только несколько замечаний и внёс поправку: председатель не «реввоенсовета», а «реввоенкомитета», что Маяковский и исправил в рукописи. Но в первом издании он не успел это выправить, так как книжка уже печаталась в Госиздате.

В Москву мы вернулись 15 сентября. Маяковский стал читать поэму «Хорошо!», проверяя впечатление на разных аудиториях. Я была на чтении в «Комсомольской правде» и в Политехническом музее, и всюду успех был огромный.

Помню, осенью 27 года я была с Маяковским в кино на «Октябре» Эйзенштейна. Маяковскому картина не понравилась, он сказал, что это — «Октябрь и вазы», потому что половину картины занимают люстры и вазы и прочие красоты Зимнего дворца.

В первую годовщину смерти Маяковского был вечер его памяти в Политехническом музее. В закулисной комнате собралось много его друзей и знакомых, и Лев Кассиль начал нас всех спрашивать, кто что помнит о выступлениях Маяковского в этом зале. Все мы стали рассказывать Кассилю об остроумных репликах Маяковского, о его ответах на записки. Кассиль всё записал и вскоре опубликовал в своих воспоминаниях «На капитанском мостике». С задиравшими его во время выступлений Маяковский расправлялся беспощадно. Не буду повторять некоторых реплик и фактов, подсказанных мною Льву Абрамовичу, приведу вспомнившиеся.

На одном вечере кто-то вышел на эстраду ругать Маяковского. Владимир Владимирович спросил:

— Вы чем думаете?

Тот, растерявшись, ответил:

— Головой.

Тогда Маяковский сказал ему:

— Ну и садитесь на свою голову.

На другом вечере-диспуте в Политехническом какой-то каверзный вопрос задала сидевшая на эстраде молоденькая девушка. Маяковский ответил всем, а под конец, указывая на эту девушку, произнес с пафосом:

— А на седины старика не поднимается рука.

Звал меня Маяковский большей частью очень ласково — Наталочка. Когда представлял кому-нибудь, говорил: «Моя товарищ-девушка». Иногда, хваля меня кому-нибудь из знакомых, добавлял: «Это трудовой щенок». Часто он мне говорил:

— Вы очень симпатичный трудовой щенок, только очень горластый щенок. — И добавлял с укором: — Ну почему вы так орёте? Я больше вас, я знаменитей вас, а хожу по улицам совершенно тихо.

Мне запомнился кусочек разговора «о любви». Зимой 27 года мы шли поздно вечером по Лубянской площади, возвращаясь с вечера, где Маяковский читал «Хорошо!» и говорил о политической поэзии. Он провожал меня домой. Шёл, как всегда, с толстой палкой, волоча её по земле у себя за спиной. Идёт, гоняет папиросу из одного угла рта в другой. В этот день я вернулась из Харькова, куда ездила в гости к одному знакомому. Маяковскому это не нравилось. Он шёл грустный и тихо говорил мне:

— Вот вы ездили в Харьков, а мне это неприятно. Вы никак не можете понять, что я все-таки л и р и к. Дружеские отношения проявляются в неприятностях...

Я оправдывалась, но я его не совсем понимала. Маяковский сказал:

— Я люблю, когда у меня преимущество перед остальными...

Летом 28 года Маяковский лежал больной гриппом в своей маленькой комнате в Гендриковом переулке. Бриков не было в Москве, навещали его немногие. По телефону он позвал меня к себе:

— Хоть посидеть в соседней комнате... в соседней — чтоб не заразиться.

Я пришла его навестить. Он был очень грустный, и разговаривать нам как-то было не о чем. Как в Кисловодске во время болезни, он был мрачный и мнительный и даже от простого гриппа сразу делался таким большим, беспомощным зверем. Когда подали обед, он образно и гиперболично, как всегда, сказал:

— Представьте себе огромного человека, который ест рояль и, как куриные косточки, обсасывает и выплевывает клавиши.

Этой весной мои лирические взаимоотношения с Маяковским порвались.

Окончив университет, я уехала в Среднюю Азию, Маяковский — за границу, мы не виделись с ним несколько месяцев, а после я стала видеть его гораздо реже.

К тому времени я подружилась с Бриками и Катаньянами, со всеми друзьями и знакомыми Маяковского. Вернувшись из Ташкента в Москву в конце декабря, я сразу же позвонила в Гендриков — 2-35-79 — и в тот же вечер была приглашена слушать чтение новой пьесы «Клоп» у них на квартире.

Иногда я бывала у Маяковского на Лубянском проезде, где он по-прежнему угощал меня розмаринами и шампанским, и мы дружески разговаривали...

21 февраля у меня с Маяковским был такой разговор по телефону.

— Когда увидимся? — спрашиваю я.

— Сегодня я занят, — говорит он, — но завтра приду к вам, помахивая билетами, и мы пойдём в кино, потом на концерт, а потом в театр — сначала в Большой, потом — поменьше, потом — в самый маленький.

Я смеюсь:

— Ладно. Жду.

На следующий день, как всегда верный слову и аккуратный, Маяковский заехал ко мне с билетом в театр Корша на спектакль «Проходная комната». Приехал он усталый и расстроенный. Когда я сказала, что мне очень нравятся его стихи о культурной революции «Сердечная просьба», напечатанные тогда в «Комсомольской правде», он сказал:

— Вещь-то хорошая, а из-за неё столько шума теперь. Нарком Луначарский написал официальное письмо с протестом. Я не думал, что про министров нельзя писать. Тем более, предварительно звонил Луначарскому, и мне передали от его имени, что он на стихи не обижается... — И добавил: — Я все время считаю, что я заодно с советской властью. И о культурной революции написал не против, а за неё.

В театре мы сидели где-то в первых рядах, на виду у всех. Когда опускался занавес после первого действия, Маяковский начал громко свистеть. В публике зашипели. Тогда он встал во весь рост и засвистел ещё громче, заглушив аплодисменты зала.

После третьего действия мы ушли, не досмотрев пьесу до конца. Он шёл по Петровке, бормотал, останавливался и писал. Записывал, поднося к свету магазинных витрин альбомчик с розовенькими и жёлтыми листочками, как у гимназисток, для стихов. В начале марта в печати появилось «Даёшь тухлые яйца!» («Проходная комната»).

В июне 1929 года на Тверском бульваре открылся книжный базар. Около одной из палаток толпа: там торгует Маяковский! Все книжки он продаёт со своими автографами. Зачеркивает на книге «Чарльз Диккенс» и надписывает: «Владимир Маяковский».

— Ведь так вам приятней, с автографом автора? — спрашивает он, театральным жестом подавая книгу покупателю.

Все кругом в восторге и раскупают книги нарасхват. На своей фотографии в первом томе собрания сочинений он подрисовывает шевелюру и объясняет, что теперь он «нестриженный» и чтоб был, значит, больше похож.

На книге П.С. Когана «История западной литературы» Маяковский надписывает:

*Тихо и растроганно
всучил безумцу Когана.*

Но читает надпись вслух, смеются все и даже осмеянный «безумец»...

В августе 1929 года я встретила с Маяковским в Евпатории. Я застала его в номере гостиницы и пошла с ним на его выступление в санатории «Таласса».

Эстрада-раковина стояла в саду, и к ней по узеньким рельсам подвезли на кроватях-каталках санаторников. Это были больные костным туберкулёзом, не встававшие месяцами, а иногда и годами. Под конец обычного разговора-доклада Маяковский начал читать «Сергею Есенину». Дойдя до строк

*Это время —
трудновато для пера,*

Маяковский как бы осекся. Дальше идут строки:

*но скажите
вы,
калеки и калекши...*

И хотя здесь подразумеваются не физические, а моральные калеки, он не стал говорить этих строк людям, прикованным к постели. Он пропустил эти строчки и сразу перешёл к следующим, не пожалев рифмы:

*но скажите,
где,
когда,
какой великий
выбирал путь,
чтобы протоптанней
и легче?*

В Евпаторию я приехала из Кутаиси, где Маяковский учился когда-то в гимназии. Он расспрашивал меня, что я там видела, что мне понравилось, но мы никак не могли с ним сговориться, так как он всё называл старые названия улиц и площадей, а я их не знала, а знала только новые. Выступая в этот вечер перед публикой, он сказал:

— Вот никак не могу с одной знакомой девушкой поговорить о Кутаиси, так как «каждый дюйм бытия земного профамилен и разыменован». Сейчас прочту вам про это стих.

И прочел «Ужасающую фамильярность».

Через месяц в Москве на квартире в Гендриковом Маяковский читал в первый раз новую пьесу — «Баня». Это было двадцатого сентября.

Читал он в столовой. Народу было столько, что сидели на стульях, диванчиках, на подоконнике, стояли в дверях. В такой маленькой квартире было человек 40. Читал Маяковский час-полтора, и всё это время мы смеялись, так было похоже и остроумно. Я, например, хохотала до слез.

В конце 29 года Маяковский предложил мне помочь ему в составлении книги рисунков и стихов «Окон сатиры РОСТА». Он достал массу фотоснимков с этих плакатов, но фотографии были такие маленькие, что текст можно было разобрать с трудом, а некоторые только через лупу. Я сидела у него в комнате и расшифровывала эти еле видные строчки. Иногда слов нельзя было совсем разобрать, потому что на некоторых фотоснимках не хватало кусков. Тогда Маяковский присочинял строчки заново.

Этой работой мы занимались несколько дней, приятно вспомнить! Когда мы всё собрали и разобрали, Маяковский написал краткое предисловие, книжка «Грозный смех» была готова к печати. Вышла она в свет в 1932 году, уже после его смерти.

В 1930 году исполнялось 20 лет поэтической работы Маяковского. Когда началась подготовка к выставке, открывшейся затем 1 февраля в Клубе писателей, я, наряду с другими «молодыми рефовцами», много помогала Маяковскому.

Запомнилось, как мы с Владимиром Владимировичем в его комнате на Лубянке выгребали из ящичков письменного стола кучу записочек от слушателей его публичных выступлений, а потом отвезли их в Клуб писателей. Потом мне доверили их разбирать. Было очень интересно читать эти записки. Разбирала я их по темам, и занималась этим не один вечер. Из каких они были городов, установить было нельзя. И, конечно, все записки были анонимные. Были и интересные — о стихах, и наглые, и любовные. Интересно, что некоторые повторялись слово в слово, хотя и были из разных городов. Помнится, Маяковский сказал, что напишет книгу «Универсальный ответ на записки», но, к сожалению, такой книги он не на-

писал. Записки, которые я отобрала по одобрению Маяковского, я наклеивала на большие листы бумаги, а потом на выставочные щиты. Теперь они в экспозиции Музея Маяковского. Вот примеры. «Из каких фондов соввласти вы получаете за агитацию?», «Как вы относитесь к стихам Демьяна Бедного?», «Говорите громче, ничего не слышно в задних рядах, где сидит пролетариат».

Первые издания своих книг для выставки Маяковский привёз из дома. Что-то добавили его мама и сёстры. Многие книги представляли собой библиографическую редкость, одолженные экземпляры были особенно ценны. Каково же было возмущение Маяковского, когда, войдя в одну из комнат, он увидел, что одна из книг пропала. Не берусь повторить слова Маяковского по адресу унёсшего книгу. Но вдруг Маяковский увидел в углу за столиком юношу, читавшего именно эту книгу. Тот так увлёкся, что не заметил вошедшего Маяковского. Владимир Владимирович сразу подобрел, заулыбался, ему стало неловко за свой гнев.

Маяковский сам расставлял книги, организовывал какие-то отделы и разделы, там были и плакаты, и афиши, и фотографии, и документы. Маяковский-поэт и Маяковский-художник за 20 лет работы! Ему помогало много молодёжи, появились добровольные сведущие экскурсоводы.

Празднование этого юбилея в домашней обстановке было решено устроить под Новый год на квартире в Гендриковом переулке. Приглашённых было очень много. Поэт Кирсанов сочинил специальную кантату. После каждого куплета там шёл припев:

*Владимир Маяковский,
тебя воспеть пора.
От всех друзей московских —
Ура, ура, ура!*

Акомпанировал на баяне Василий Каменский. Куплеты пел Кирсанов, а все остальные подхватывали припев.

Потом показывали шарады и инсценировки на тексты стихов Маяковского. Приехал Мейерхольд, и с ним привезли театральные парики, маски, какие-то костюмы и шарфы. Все стали наряжаться, переодеваться, а потом нас всех не то Родченко, не то Третьяков фотографировал. Запомнилась мне Нора Полонская в красном платье, танцевавшая с Маяковским фокстрот. Но Маяковский в тот вечер был не весел.

Совсем нерадостным был он в день открытия выставки в Клубе писателей. Пришла молодёжь — литературные вузовцы, пришли знакомые и друзья. Маяковский и Осип Максимович Брик стояли около лестницы на втором этаже и встречали гостей. Но никого из писателей не было. 20 лет работы поэта Маяковского литературная общественность не отметила своим присутствием.

После осмотра выставки всех пригласили в зал. На сцену вышел мрачный Маяковский. Запомнила я только чтение им поэмы «Во весь голос». В тот вечер я и, видимо, все собравшиеся услышали эти стихи впервые. Обращение к потомкам тягостно поразило многих присутствовавших. Мне хотелось плакать.

В последние месяцы Маяковский был мрачен, неприветлив, он был какой-то совсем другой.

В 1930 году я работала секретарем издания «Клубный репертуар». 24 марта нами был подписан с Маяковским договор на издание его пьесы «Москва горит»,

написанной к двадцатипятилетию революции 1905 года. Вещь эта была им сделана по «социальному заказу» цирка. Он задумал использовать в ней все цирковые возможности, трапеции, воду и прочее. Словом, максимум зрелища, минимум словесного материала. Его очень увлекало в цирке расширение постановочных возможностей по сравнению с театром. Но нельзя было ограничиваться одними эффектами и пантомимой.

— Вошли слова, — сказал он, — и стала меломима.

Редакция «Клубного репертуара» предложила Маяковскому приспособить «Москва горит» и для постановок в клубах.

— Значит, я должен добавить словесный материал и вылить воду? — спрашивал Маяковский.

Но грандиозность темы — революция пятого года — не допускала ограничения клубной сценой, и Маяковский с согласия редакции взялся переработать меломиму для стадиона, для площади, для летней постановки на воздухе. Показательную постановку собрались осуществить в Парке культуры и отдыха в Москве. Действовать должны были драматические и физкультурные кружки клубов. Маяковского это очень увлекало. Он говорил, что делает такую же вещь к съезду партии. Я спросила, примет ли он участие в постановке. Он сказал:

— Обязательно. Если б даже не пустили — через забор бы перелез и вмешался.

Художник и режиссер начали писать постановочные планы и делать эскизы декораций. Наконец редакция поручила мне съездить к Маяковскому, чтобы он сделал необходимые исправления и подписал рукопись к печати. Я приехала к нему в Гендриков переулок. Маяковский рассеянно посмотрел рукопись, перепечатанную на машинке, подправил восклицательные знаки, но делать исправления отказался. Мы сидели в столовой, он был очень мрачен.

— Делайте сами! — сказал он.

Я смутилась.

Впрочем, несколько исправлений в стихотворном тексте Маяковский сделал сам. Он был в квартире один. Даже домработница ушла домой.

Я торопилась по своим делам. Мы попрощались, и я уехала. Он остался один в пустой квартире. Это было 10 апреля 1930 года. Я отвезла рукопись в редакцию, выпускающий сделал на ней пометки синим карандашом, и в тот же вечер мы отправили материал в типографию.

А 14 апреля утром он застрелился.

Впервые я записала всё, что помню, в 1940 году, через 10 лет после 14 апреля. В 1952 году по просьбе музея В. В. Маяковского я всё объединила в одну рукопись и закончила свои воспоминания датой 10 апреля 1930 года. А потом мне захотелось кое-что добавить. Долго, долго мне не хотелось писать о его смерти, о похоронах. Очень трудно писать, не давая событиям своей оценки, индивидуальной окраски. Постараюсь кратко записать факты.

Тогда, 10 апреля, он был мрачен... Конечно, мне и в голову не приходило, что Маяковский накануне катастрофы. 13 апреля я была в Большом театре на балете. Встретила там Кассиля с женой. Все жили своей жизнью... 14 апреля утром я пришла на работу в редакцию, помещавшуюся во Дворце труда. Когда раздался телефонный звонок, я была в комнатах одна. Звонил мой студенческий товарищ Виктор Горохов, работавший в редакции газеты «Вечерняя Москва».

— Только что застрелился Маяковский, — сказал он.

— Стрелялся? — переспросила я.

— Нет, застрелился. Совсем. Умер.

Я не могла этому поверить. Не могла, как говорится, всем своим существом. Стрелялся — это похоже, но что Маяковский умер, этому поверить я не могла. Я сразу позвонила на квартиру Катанянам.

— Это правда! — сказала Галя. — Вася уже туда выехал.

Не соображая толком ничего, я выбежала из редакции.

Приехала на квартиру. Маяковского только что перевезли с Лубянского проезда в Гендриков переулок и положили в комнате на тахту. Телефон разрывался от звонков. Помню, как в течение многих часов кто-то подало брал трубку и отвечал: «Да. Правда».

Я так плакала, что всё у меня за этот день как в тумане. Помню, что посылали Брикам телеграмму в Берлин, кого-то посылали за мамой и сёстрами.

Помню, что Коля Денисовский один вошёл в комнату, чтобы снять с Маяковского рубашку в крови, пробитую пулей у сердца, и выйдя сказал всем:

— Теперь пойдите к нему.

Я вошла в комнату Маяковского всего один раз. Он лежал с повернутой чуть-чуть вбок головой. Спокойное лицо. Как будто спал. Потом приезжал скульптор С.Д. Меркулов снимать маску, потом из Института мозга. Помню, как все были подавлены...

Весь день в квартире была открыта дверь. Бесперывно приходили и уходили люди, а в переулке около дома стояла толпа. Поздно вечером, вернее ночью, Маяковского в гробу увезли на грузовике в Клуб писателей на улице Воровского. Грузовик с гробом сопровождала одна легковая машина. Мне запомнилось, как грузовик и мы следом в машине проехали вдоль ГУМа по Красной площади, мимо Мавзолея Ленина. Эту картину — грузовик с гробом Маяковского на фоне мавзолея — моя память сохранила очень отчетливо. Коля Денисовский и ещё, кажется, художник Джон Левин всю ночь оформляли зал, где с утра началась церемония прощания с Маяковским. Стояла и я в почётном карауле...

На фотографиях и в документальном фильме сняты похороны Маяковского. Я помню только Луначарского, Кирсанова... Я стояла в толпе во дворе клуба. Тысячи людей запрудили всю улицу Воровского.

В районе крематория траурную процессию ожидали толпы народа, с траурными знаменами стояли рабочие завода «Красный Пролетарий». Мы стали пробираться ко входу. Где-то наверху, на каком-то выступе стоял высокий Сергей Третьяков. Из типографии привезли на грузовике только что отпечатанную книжку, брошюрку в красной обложке — последнюю поэму Маяковского «Во весь голос!». На третьей странице был его портрет — уже в траурной рамке. И всем, всем, всем прямо с грузовика раздавали эту книжечку. Это первое издание «Во весь голос!» сейчас, наверное, библиографическая редкость. К сожалению, мой экземпляр у меня не сохранился.

В моей жизни Маяковский появился со словами «Товарищ девушка», а ушел из жизни, написав в предсмертном письме: «Товарищ правительство».

Слово «товарищ» было для него очень значимо, он вкладывал в него что-то доброе и уважительное. Мне хочется подчеркнуть это.

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей и Министерства культуры Эстонской ССР «Таллин», № 4, 1983 г., с. 62-74.

ИРИНА ПРИЩЕПОВА

Байкальские рассветы Галины Новиковой

Галина Евгеньевна Новикова.

Художница Галина Евгеньевна Новикова в семидесятые годы поселилась в Порту Байкал в пади Щёлка. Падь эта, узкая, глубокая, змейкой ускользает от Байкала в гору и полностью скрывает дома, стоящие у подножия крутой лесистой горы. Через всю Щёлку бежит, весело перекачивает хрустальную чистую воду звонкий ручей.

— Как точно местные жители назвали нашу падь! — говорила Галина Евгеньевна. — И вправду щель. Забежишь в нее — и сразу не видно моря.

Падь очень живописна, особенно осенью: полыхают рябины и черемуха, ярко и нежно желтеют осины, по-летнему зеленеют сосны и кедры. Галина Евгеньевна рисовала эти картины из своего двора, а то и прямо из окна.

Художница очень любила падь Щёлку, хотя мечтала жить недалеко от байкальского берега, каждый день любоваться несказанной красотой озера и бережно, благодарно переносить увиденное на холсты.

Жила Галина просто. Ранним утром шла к ручейку, звенящему недалеко от ее дома. Летом он прячется в густых высоких цветущих травах, достигающих порой высоты человеческого роста. Умывшись студеной водой, шла к Байкалу рисовать. Вечерами обычно общалась с друзьями, коллегами. Любила поговорить с местными ребятами. Каждого ребенка считала талантливым и хотела заниматься в местной школе с детьми рисованием.

Природа поселка полюбилась Галине Евгеньевне. Солнечная синева моря, скалистые горы, живописные распадки — все просилось на холст. Много байкальских пейзажей написано художницей в разные времена года. Но когда буйно заявляла о себе веселая майская зелень, художница на некоторое время обращалась к другим темам.

Галина часто гуляла вдоль побережья, рассматривала байкальские камни, любовалась морскими красками, взбиралась на горы, цветущие летом от подножия до вершин. Ей нравилось составлять букеты из цветов, трав, листьев и рисовать их.

У Галины жили кошки, в прошлом бездомные, несчастные, а в ее доме становились красивыми и независимыми. Жил у художницы и красавец пес Тит. Любимые кошки, собачки смотрят с ее картин.

Галина Новикова у ключика в пади Щёлка.

русские сказки. На представления собиралось много детворы. Была участницей этих представлений Римма Бархатова, ставшая главной героиней повести Леонида Бородина «Год чуда и печали». Дети, еще не знавшие телевидения, не избалованные кино, с удовольствием шли смотреть сказки в своем «театральном» дворе. Любовь к постановкам, к импровизации Галина пронесла через всю жизнь. И у себя в Щёлке в небольшом дворике, на возвышении, она соорудила маленькую сцену, где летом устраивались представления для друзей.

Любила художница шутки, розыгрыши. Однажды поставила на огороде, на видном месте, чучело, нарядила его в свою одежду. Галина и ее гости находились за забором и были невидимы со стороны дороги. Местный житель, проходивший мимо, увидев чучело, махнул рукой и крикнул: «Привет, Галина!» В ответ из-за забора раздался веселый смех. Поняв шутку, засмеялся и прохожий.

С соседями у Галины Евгеньевны сразу сложились добрые, доверительные отношения. Она не выносила одиночества, и домик ее никогда не пустовал. На огонек художницы запросто приходили и приезжали все, кто хотел поговорить об искусстве, посмотреть на Байкал и просто с ней пообщаться. Галина Новикова была ярким, эмоциональным, притягательным человеком, интереснейшим собеседником, и поэтому с большим удовольствием собирались под кровом её дома как широко известные люди, так и самые простые. Люди тянулись к Галине, а она — к ним. С удовольствием общалась она с молодежью, и среди ее гостей было много студентов. Любила поговорить и со стариками, живущими в поселке. Искусствовед Тамара Драница, долгие годы дружившая с Новиковой и часто бывавшая у подруги на даче, сказала: «Галину Новикову любили в Порту Байкал, когда ее не стало, все ее вспоминали. Она там портреты всех бабок и мужиков написала».

Есть три портрета кисти Новиковой, на которых изображен лесник Константин Данилович Толстиков. На одной из картин, которая называлась «Семья лесника», а затем получила более теплое название «Вера и Данилыч Толстиковы», на фоне простенького коврика с оленем изображены Константин Данилович с супругой Верой Александровной. Картина эта, одна из самых замечательных в творчестве Новиковой, выставлялась во многих городах России.

Непростая судьба была у Константина Даниловича. Родился в Иркутске в 1927 году. А в 1936 году семья Толстиковых переехала в Порт Байкал. Здесь Константин окончил школу (в то время в поселке была только начальная школа), затем два года учился в школе поселка Маритуй. Больше учиться ему не пришлось: не до

учебы в то тяжелое время. Семья голодала, и подросток стал работать грузчиком в порту. Во время Великой Отечественной войны Константин работал кочегаром на пароходе «Байкальчик». После войны опять пришлось работать грузчиком, теперь в Иркутске. Здесь он женился. В 1949 году с женой переехал жить в Порт Байкал. Долгие годы работал лесником.

В 80-е годы семья Толстиковых подружилась с соседями, Галиной Новиковой и ее мужем, Валерием Яковлевичем Распопиным, который тоже какое-то время был лесником, и Константин Данилович первое время помогал ему в работе.

Один из трех портретов Галина Новикова подарила Константину Даниловичу, человеку доброму и светлому, на день рождения. В семье Толстиковых хранится и другая картина Галины Евгеньевны: «Дожди над Байкалом».

Нелегкой была жизнь еще одной героини картин Новиковой — Петровой Анастасии Григорьевны. Родилась в 1919 году в Горьковской области. На Байкал приехала в 1938 году. Трудилась на железной дороге. Год работала стрелочницей, двадцать лет — сигналистом, затем уборщицей в деревообрабатывающем цехе. Первый ее муж, Алексей Дмитриевич Бродников, погиб в 1942 году. На руках осталась маленькая дочь Галя. После войны Анастасия Григорьевна вышла замуж за Петрова Георгия Михайловича, который вернулся с войны. У них родилось двое детей. Анастасия Григорьевна и ее муж вели большое хозяйство. Вся жизнь этой женщины прошла в нелегком труде. Но она умела радоваться жизни, была отзывчивой, доброй, веселой. И было что-то в ее простой жизни и внешности, что привлекло замечательную художницу. И портреты Анастасии Григорьевны — числе самых интересных работ в творчестве Галины Новиковой.

Есть много фотографий, на которых запечатлены Г.Е. Новикова и герои ее картин, жители Порта Байкал.

Писала Галина Евгеньевна и портреты известных людей: поэтессы Беллы Ахмадулиной, актера Михаила Ульянова, писателя Виктора Астафьева, бывавших в ее домике в Щёлке.

Беллу Ахмадулину познакомила с Галиной Новиковой писательница Нелли Матханова. Выступления поэтессы тогда проходили в Иркутске, и Нелли Матханова привела ее в мастерскую Галины. Большое впечатление на Беллу Ахатовну произвела встреча с художницей и ее необычная мастерская: черный потолок, голубой пол, бордовые стены. Часть интерьера мастерской видна на картине «Я вышла раньше».

После Иркутска Белла гостила в Порту Байкал на даче Нелли Матхановой и Владимира Жемчужникова, расположенной почти на вершине горы, с которой открывается великолепный вид на озеро. Поднимаешься на эту гору, и возникает ощущение полета над Байкалом.

На Байкале Белла была и раньше, она его полюбила давно и посвятила ему стихи. Вот отрывок из ее стихотворения «Ты говоришь — не надо плакать...»:

*Недаром мне вздыхалось сладко
в Сибири, в чистой стороне,
где доверительно и слабо
растенья никнули ко мне.*

*Как привести тебе примеры
того, что делалось со мной?*

*Мерцают в памяти предметы
и отдают голубизной.*

*Байкала потаенный омут,
где среди медленной воды
посверкивая ходит омуль,
и перышки его видны.*

*И те дома, и те сараи,
заметные на берегах,
и цвета яркого саранки,
мгновенно сникшие в руках.*

*И в белую полоску чудо —
внезапные бурундуки,
так испытующе и чутко
в меня вперявшие зрачки.*

*Так завлекала и казнила
меня тех речек глубина.*

*Граненая вода Кизира
была, как пламень, холодна.*

*И опровергнуто лукавство
мое и все слова твои
напоминающей лекарство
целебной горечью травы.*

*Припоминается мне снова,
что там, среди земли и ржи,
мне не пришлось сказать ни слова,
ни маленького слова лжи.*

Побывала Белла Ахмадулина у Галины Новиковой в Щёлке на даче, которая стала одним из самых интересных мест в поселке. Старенький домик изнутри выглядел красавцем, что неудивительно: ведь в нем жила художница.

Пластинка с автографом Беллы Ахмадулиной.

На память о ярких днях, проведенных на Байкале, Белла Ахмадулина подарила Галине и Валерию пластинку со стихами в авторском исполнении. А Галина вскоре после байкальской встречи написала портрет Беллы, читающей стихи.

Актер Михаил Ульянов познакомился с Галиной Новиковой, можно сказать, случайно. Ульянов очень любил живопись и старался посещать художественные музеи во всех городах, где бывал. Увидев однажды картины Новиковой, он затем нашел Галину Евгеньевну в Иркутске в мастерской на улице Российской. И художница

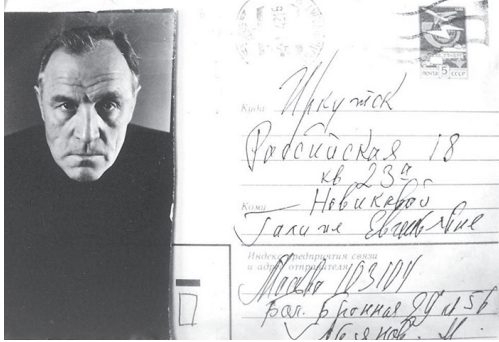
нарисовала его портрет. Когда артист увидел портрет, удивился его необычности и сказал, что он ему напоминает картину «Меньшиков в Березове».

В письмах Михаил Ульянов благодарил Галину Новикову и ее мужа Валерия Распопина за чудесные иркутские вечера. «Почему-то, сам не пойму, протянулась какая-то ниточка от Москвы до Иркутска». «...У нас была Иркутская остановка. Чудная и прекрасная. Если будет желание и время, посмотрите фильм «Последний побег». Там я не пожалел ни красок, ни контрастов. Учусь у Вас».

Михаил Ульянов с женой Аллой Петровной и дочерью Еленой побывал и на даче Новиковой на Байкале. Здесь ему также очень понравилось. «Работаем и помним о чудо-Байкале и о прекрасных людях, населяющих его берега», — писал актер из Москвы.

Читает Белла Ахмадулина. 1979 г.

Письмо Михаила Ульянова с фотографией, присланной в письме.

Запомнилось знакомство с Галиной Новиковой и писателю Виктору Петровичу Астафьеву. 29 июля 1978 года он подарил Галине Евгеньевне книгу своих повестей с автографом: «Гале Новиковой с чувством большой радости от знакомства с нею и ее чудесным миром, в котором так интересно, хотя и нелегко жить. Слава богу, что есть еще женщины в сибирских селеньях такие размашистые, вольные и трудовые!»

Работала Галина очень много. Хочется привести замечательные слова Тамары Драницы из статьи Елены Орловой «Правда жизни Галины Новиковой»: «Ни одной минуты она не сидела без работы: на даче в пади Щёлка на Байкале на рассвете бежала с этюдником и красками на берег, и так до вечера, иногда писала, стоя по пояс в ледяной воде. Но она была не только художником, но и настоящей женщиной, и любила, когда ее окружает красота. Была сама себе дизайнером — летящие одежды, платки — все это, когда она шла по улице, давало понять — идет художник».

Байкал оказал большое влияние на творчество Новиковой и дал ей массу впечатлений. Много интересного в жизни художницы связано с ним. Она знала, что Байкал своенравен, переменчив, необъятен, непознаваем, как Вселенная. И ей хотелось узнать его больше, насколько это было возможно. К тому же, она была женщиной не робкого десятка, крепкая духом и стремящаяся к неизведанному. Она приобрела велосипед, чтобы быстрее и чаще добираться до побережья. Однажды при спуске с крутой узкой извилистой горы отказали тормоза, и Галина упала, когда велосипед летел на большой скорости. К счастью, она отделалась ушибами и царапинами. Затем художница приобрела надувную лодку, на которой путешествовала по озеру вместе с мужем. А однажды в погожий летний денек, когда на море стоял полный штиль, собралась переплыть Байкал. Галина и ее муж Валерий принесли лодку на берег, накачали ее и готовились отплыть в сторону противоположного берега. Но тут к ним подошел Валерий Петрович Зи-

В одном из писем Ульянов назвал Новикову счастливым человеком: «У Вас есть талант, золотые руки и возможность отразить этот мир. Это ли не счастье?»

Михаил Александрович был удивлен, узнав, что у замечательной художницы нет звания. Но Галина вдохновенно писала картины не ради званий, ремесло художника стало любимым делом всей жизни. И звание заслуженного художника в 1983 году ей было присвоено.

Книга, подаренная Галине Новиковой Виктором Астафьевым.

новьев, ученый-фольклорист, который часто бывал в Порту, так как здесь жили его родители. Этот замечательный человек тогда не был знаком с Новиковой и ее мужем. Увидев их за приготовлениями к отплытию, спросил: «Ребята, вы куда собрались?» «На ту сторону», — показала на горы Хамар-Дабана Галина Евгеньевна. Зиновьев стал отговаривать их от этого рискованного предприятия, сказал, что таким тихим озеро бывает перед бурей, и что прогноз неблагоприятен. Но его не захотели слушать. Тогда он спросил, исправен ли их мотор. На его вопрос ответили, что иногда барахлит. На самом деле, мотор отказывал частенько. Валерий Петрович решительно сказал, что не отпустит их, пока не проверит мотор. Галина с мужем терпеливо ждали, когда Зиновьев закончит ремонт. Наконец, он объявил, что теперь мотор исправен. Как впоследствии Галина и Валерий были благодарны этому человеку и считали счастьем, что он встретился им в это утро на берегу!

Сначала ничто не омрачало путешествия, наоборот, чистейшая вода, играющая бликами, такой же чистоты небо, яркое солнце, и кругом такой простор и такая красота, что дух захватывает. Только немножко не по себе от осознания того, что под ними толща воды около километра глубиной!

Первый порыв ветра грянул неожиданно и мощно, как это бывает на Байкале. Мигом все изменилось. В это время и в этом месте сошлись сразу несколько байкальских ветров. Вода стала черной, огромные пенящиеся волны стали швырять легкую лодку, как соломинку. Небо вовсе исчезло. Пришлось повернуть назад, только от шторма уже было некуда деться. Галина Евгеньевна так вспоминала эту картину: «Со всех сторон я видела только волны и ничего, кроме волн. И даже наверху были волны...» Она не помнит, как долго испытывал ее и Валерия на прочность Байкал: время словно остановилось. Для такой стихии даже большие, прочные суда становятся игрушками. Немало их лежит на дне морском. Много человеческих жизней унесли неистовые шторма. Но Байкал сохранил художницу, открылся неизвестной гранью, подарил новые знания и неизгладимые впечатления.

Галине и Валерию удалось добраться до берега. Когда лодку, незаметную среди волн, выбросило на берег, ребяташки, игравшие неподалеку, в испуге отскочили. Галина и Валерий долго не могли поверить, что стоят на земле, да и качало их так, будто они всё ещё находились в лодке среди неистовствующего Байкала. А местная старожилка обругала отважных пловцов, использовав при этом весь запас нелитературной лексики, и заявила, что в такую погоду никто в море не выходит.

Придя в себя, Галина и Валерий вспомнили, что мотор работал, как хорошие часы. А если бы он подвел, то гибель была бы неминуема. И с этого памятного дня жила в их душах благодарность Валерию Петровичу Зиновьеву, замечательному светлору человеку, к сожалению, рано ушедшему из жизни.

Своих деда и бабушку, которые никогда не были на Байкале, Галина изобразила на фоне портового осеннего пейзажа. Они сидят на высокой горе, за их спинами — дорожка, сбегаящая к Байкалу. Внизу плещется озеро, за которым белеют снежные пики Хамар-Дабана.

Всех художников, кто когда-либо жил или бывал на Байкале, интересовала Кругобайкальская железная дорога. Кругобайкалка — это восемьдесят три километра непостижимой красоты, где слились в полнейшей гармонии творения рук человеческих и неповторимая божественная красота байкальской природы. Кругобайкалка — это море чудес, это стальная песня, это гимн красоте и величию. Она щедра на восхитительные пейзажи в любое время года.

Галина Евгеньевна много ходила и ездила по старой дороге. Все здесь: туннели, мосты, опорные стенки, скалы, дома, — жила своей особенной, диковинной жизнью, было очень притягательно и само просилось на холсты.

После того, как построили обходной путь, и дорога стала тупиковой, станции опустели. Галина Евгеньевна часто бывала на восьмидесятом километре дороги. Там находится заброшенный поселок, который был в свое время нужен Кругобайкалке. Галина видела, как теряют былую красоту заброшенные дома, построенные в стиле железнодорожного модерна, как в запустении проходит остаток их дней, и сердце ее наполнялось болью.

В очерке «У нас на Байкале» рассказано о судьбе дома, который привлекал многих, в том числе Галину Новикову и Валентина Распутина. Галина сочувствовала этому дому-красавцу, вынужденному доживать свой век в одиночестве. Она видела, как он пытается выстоять, но силы его слабеют с каждым днем. Стремясь сохранить частичку его души и тепла, она нарисовала его «портрет».

Теперь та же безрадостная участь постигла и ее маленький домик, который она очень любила и много рисовала.

Ушел из жизни и хозяин дома Валерий Распопин. Совсем осиротела дачка (так называла свой домик хозяйка), много значившая для Галины Новиковой. Домик еще крепится, но с каждым годом все труднее стоять на ногах и держать тяжелую крышу. Он почернел, обшарпался, местами разрушился, окна потускнели, забор покосился. А в доме продолжают ждать хозяйку ее вещи: шляпа, журналы, посуда, палитра и краски, неоконченная картина с жарками. Возле домика по-прежнему звенит студеный ручей...

Творчество талантливой художницы Галины Новиковой самобытно, многогранно и велико. Немало успела сделать она в жизни. Было время, когда в мастерской на улице Российской огромными рядами друг на друге стояли картины. Случалось, в них, как в лабиринте, блуждала кошка Галины Евгеньевны, и ее с трудом удавалось оттуда вызволять. Картины Новиковой есть в разных уголках земного шара, и многие из них украшают интерьеры частных домов. А так хочется, чтобы эти неповторимые работы дарили радость всем.

Сумочка к ребру

Пародии

ВЛАДИМИР СКИФ

Игорь Суходронов

*Ну, кто я и зачем? Какой нелепый лес.
Что вынудило нас сойти на этой станции...*

*...Мы так кошёрно развели базар,
Но вышло, что совсем не по понятиям...*

*...Мы так гламурно развели клопов —
Они же населили наши головы...*

*...Между путинных и барби,
При отсутствии мужчин
Вы — нелепы, Грета Гарбо,
Впрочем, я на вас дро...л...*

*...Чтобы походить на лоха —
Нацарапаю угрей.
Мне, на самом деле, пох.й,
Что об этом скажет Рейн!*

Игорь Дронов (альманах «Иркутское время»,
Иркутск, 2009 г., стр.45-48)

И вправду, кто я есть? Скорей всего я — лох
С угрями на лице — грешу дурным занятием.
К тому же я охрип и на ухо оглох...
Нет, жить бы, как бандиты, по понятиям!

Кошёрно пить и жрать, неверных обрезать,
Шарахаться с бабёнками гламурными,
На стрёлки приезжать и свой базар держать
Словами, как у банды, нецензурными.

На самом деле я — не человек, а клоп —
С мыслишками пустыми, нерадивыми.
Пишу бездумно, в лоб. Ах, Грета Гарбо, стоп!
Потешусь-ка я пальцами блудливыми.

Типа чё-ково

*когда бабло в кармане
к точке летишь как на крыльях...*

*... стараемся по-тихому
всё чики-мони...*

*... вся шелупонь повылазит
типа чё-ково
как типа жизнь
давай замутим...*

... соображалка всю пашет...

Александр Журавский

у меня бабла
как г...а за баней
и пока соображалка варит
я типа с утра ползу на точку
 замутить косячок-два
на точке никак
чё вату катать беру косячок
всё чики-пики
ползу обратно в кайфе
есть и покурить и заварить

назло другим корифеям
из нашего союза
российских писателей
а они мне типа давай
колись-делись
я им щас вот я в завязке
пошли вы шелупонь-супонь
антракены вонючие
это вам не синдифирополь
и ничё-ково, а журавский

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

*Над всей Россией серебрится иней.
Она пока из космоса видна.
Как говорил давно фельдмаршал Миних —
Лишь Богом управляется она.*

*Но не слышны божественные речи.
Стал Бог наш стареньким, всю Русь в душе любя.
Пора взвалить судьбу страны на плечи —
Как деды брали. Лично. На себя.*

Алексей Климов

Над всей Россией иней серебрится,
И шум авто, и ругань по стране.
Я слышу с Неба Глас, как говорится,
И странно слышать эдакое мне:

«В Саратов я отправлюсь в этот вечер
И слёзы стариковские пролью...
Там Климов — судьбы все взвалил на плечи,
Быть может он устроит и мою!

Всё врал про нас не раз фельдмаршал Миних:
Как управлять бесчувственной толпой
Из взяточников, и любовниц ихних,
Разбойников с их яростью слепой!?

И сатана их укротить не может,
Недавно мне он жаловаться стал,
Глядишь и заявление положит
На увольнение, мол, совсем устал.

Все царства мира пусть захватят даром,
Не надо мне служить — от их, служак
Мне Ад не мил, с его огнём и паром,
И персонал не подберу никак!

И черти плачут — все приложим силы,
Чтоб в Преисподней быть не при делах,
И не встречать клиентов из России,
И не варить их нам в своих котлах...

...Все разбежались из родного ада,
Идут туда — кто с битой, кто с ружьём...
— Нет, Климова позвать на помощь надо,
Он справится с жестоким мужичьём.

Всю жизнь свою на подвиг сей положит,
Куда б народ опять не понесёт,
И если в Небеса — поднять не сможет,
От рыночной Руси — сам ад спасёт!»